Н 9206/IX

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

СЕНТЯБРЬ, 1892

Пров. 1938

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯВРЬ, 1892 г.

стр.

I. Послѣдній изъ Воротынцевыхъ. Романъ. (Окончаніе). **Н. И. Мердеръ** 489

II. Воспоминанія артиста императорскихъ театровъ **А. А. Алексѣева.** XV—XIX. (Окончаніе) 511

III. Обломки крѣпостнаго времени. Бабушка. **С. П. Воронежскаго** . . 540

IV. Воспоминанія польскаго повстанца 1863 года. I—III. **Ягмина** . . . 561

V. Наши отжившія и отживающія колоніи. **Л. И. Ч—кова** 586

VI. Очерки Бухары. III. (Продолженіе). **П. П. Шубинскаго** 620

Иллюстраціи: 1) Кладбище въ Бухарѣ.—2) Площадь въ Бухарѣ.—3) Мечеть-и-Калянъ.—4) Одна изъ улицъ въ Бухарѣ.—5) Бухарская торговая контора.—6) Медрессе Абдуллахъ-хана.

VII. Ростовскій Троицкій Варницкій монастырь—мѣсто родины преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца. **А. А. Титова** 649

Иллюстраціи: 1) Ростовскій Троицкій Варницкій монастырь.—2) Придѣлъ въ Троицкомъ храмѣ.

VIII. Очерки тамбовскаго быта XVII и XVIII столѣтій. **И. И. Дубасова** 655

IX. Великій адмиралъ океана. **А. Л.** 667

Иллюстраціи: 1) Наиболѣе распространенный портретъ Колумба.—2) Высадка кастильцевъ на берегъ Новаго Свѣта. Картина Д. Пуэбла.—3) Встрѣча Колумба въ Барцелонѣ 15-го апрѣля 1493 года. Картина Р. Балака. — 4) Смерть Колумба.—5) Памятникъ Колумбу въ Генуѣ.

X. «Больной человѣкъ». (Діагнозъ его недуга). **Р. И. Сементковскаго** 684

XI. Великій старикъ. Историко-біографическій очеркъ. I. **В. Т.** 705

Иллюстраціи: 1) Благородный старый левъ.—2) Лордъ Б.—Дровосѣкъ, пощади это милое турецкое дерево.—3) Выборъ между репрессивными мѣрами и ирландскимъ самоуправленіемъ.—4) Выборъ сдѣланъ.

XII. **Критика и библіографія** 721

1) Девятисотлѣтіе православія на Волыни. 992—1892 г. Части I и II. Житомиръ. 1892.—О. И. Левицкій. Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII вѣка кн. Мстиславомъ Изяславичемъ. Кіевъ. 1892. **В. Б.** — 2) Краткій очеркъ Пріамурскаго края. По оффиціальнымъ даннымъ. Спб. 1892. **А. О—ва.**—3) К. Головинъ. Соціализмъ какъ положительное ученіе. Спб. 1892. **Р. И. Сементковскаго.**—4) Историческій очеркъ города Шуи. Составилъ дѣйствительный членъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета Ѳ. Г. Журовъ. Владиміръ. 1892. **С.**—5) К. Плотниковъ. Исторія русскаго раскола. извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества. Выпуски I—III. Спб. 1891—92. **М. С—скаго.**—6) Пермскій край. Томъ первый. Изданіе Пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Пермь. 1892. **В. Б.**—7) А. П. Субботинъ. Чай и торговля имъ. Съ приложеніемъ картъ, діаграммъ, фототипій и гравюръ. Спб. 1892. **А. Фаресова.**—8) М. Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1892. **В. Б.**—9) А. И. Паевская. Годъ въ Америкѣ. Изъ воспоминаній женщины-врача. Спб. 1892. **А. Л—на.**—10) Холмскій народный календарь на 1893 годъ. Изданіе Холмскаго Св. Богородицкаго братства. Годъ девятый. Петроградъ. 1892. **Л.**

См. слѣд. стр.

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1892 года).

стр.

Послѣдній изъ Воротынцевыхъ. Романъ. XXII—XXVIII. (Окончаніе). **Н. И. Мердеръ** 5, 233, 489

До и послѣ... (Изъ бурсацкихъ воспоминаній). XIX—XXIII. (Окончаніе). **И. Н. Потапенко** 33, 262

Записки **А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.** 1823 годъ. 47, 275

Военная гроза. Повѣсть. Главы V—XI. (Окончаніе). **А. И. Леманъ** 75, 306

Воспоминанія артиста императорскихъ театровъ **А. А. Алексѣева.** IX—XIX. (Окончаніе). 94, 338, 511

Очерки Бухары. I—III. **П. П. Шубинскаго** . . . 118, 363, 620

Иллюстраціи: 1) Портретъ эмира бухарскаго Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана.—2) Кладбище въ Бухарѣ.—3) Площадь въ Бухарѣ.—4) Мечеть-и-Калянъ.—5) Одна изъ улицъ въ Бухарѣ.—6) Бухарская торговая контора.—7) Медрессе Абдуллахъ-хана.

Ясновельможный панъ Янъ-Сапѣга. (Опытъ исторической характеристики). **П. Н. Полевого** 143

Императоръ Александръ I въ городѣ Уфѣ въ 1824 году. **П. Л. Юдина** 151

Иллюстрація: Храмъ св. Александра Невскаго въ городѣ Уфѣ.

Эчміадзинскій патріаршій престолъ и армянскіе католикосы . 159

Народная смута на Вяткѣ изъ-за «кормленія» воеводъ. (Очеркъ изъ жизни XVII вѣка). **Н. Н. Оглоблина** 165

Уцѣлѣвшее герцогство. (Одинъ изъ германскихъ дворовъ въ въ 1892 году). **В. З—ва** 185

Гоголь какъ историкъ. **Ф. А. Витберга** 390

Ермакъ въ былинахъ русскаго народа. **А. В. Оксенова** . . 424

Писатель двадцатыхъ годовъ. **С. С. Трубачева** 443

Иллюстрація: Портретъ князя Петра Андреевича Вяземскаго.

стр.

Хутынскій монастырь. (По поводу семисотлѣтія съ его основанія). **И. Привольева** 455

Иллюстраціи: Хутынскій монастырь (1. Общій видъ монастыря съ р. Волхова. — 2. Преображенскій соборъ, освященный въ 1515 году.—3. Рака надъ мощами св. Варлаама.—4. Холмъ за монастырской оградой съ часовней на мѣстѣ бывшей кельи преподобнаго).

Обломки крѣпостнаго времени. Бабушка. **С. П. Воронежскаго** 540

Воспоминанія польскаго повстанца 1863 года. I—III. Ягмина 561

Наши отжившія и отживающія колоніи. **Л. И. Ч—кова** . . 586

Ростовскій Троицкій Варницкій монастырь — мѣсто родины преподобнаго Сергія, радонежскаго чудотворца. **А. А. Титова** 649

Иллюстраціи: 1) Ростовскій Троицкій Варницкій монастырь.—2) Придѣлъ въ Троицкомъ храмѣ.

Очерки тамбовскаго быта XVII и XVIII столѣтій. **И. И. Дубасова** 655

Великій адмиралъ океана. **А. А.** 667

Иллюстраціи: 1) Наиболѣе распространенный портретъ Колумба.—2) Высадка кастильцевъ на берегъ Новаго Свѣта. Картина Д. Пуэбла.—3) Встрѣча Колумба въ Барцелонѣ 15-го апрѣля 1493 года. Картина Р. Балака. — 4) Смерть адмирала.—5) Памятникъ Христофору Колумбу въ Генуѣ.

«Больной человѣкъ». (Діагнозъ его недуга). **Р. И. Сементковскаго** 684

Великій старикъ. Историко-біографическій очеркъ. **І. В. Т.** . 705

Иллюстраціи: 1) Благородный старый левъ.—2) Лордъ.—Дровосѣкъ, пощади это милое турецкое дерево.—3) Выборъ между репрессивными мѣрами и ирландскимъ самоуправленіемъ.—4) Выборъ сдѣланъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

1) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Томъ IV. Бѣлоруссія и Сибирь. Спб. 1892. **С—скаго.**—2) Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммиссіею. Томъ тринадцатый. Спб. 1892. **В. Б.**—3) В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. Спб. 1892. **С.**—4) Исторія англійскаго народа Джона Ричарда Грина. Томъ второй. Монархія 1461—1540. Реформація 1540—1603. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Москва. **А. Л—нъ.**—5) Костромская старина. Сборникъ, издаваемый Костромскою губернскою ученою архивною коммиссіею. Выпускъ второй. Кострома. 1892. **В. Б.**—6) Самоучитель чтенія рукописей XVII столѣтія. Москва. 1892. **В. Б.**—7) Владимірское православное братство святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Отчетъ о дѣятельности братства за 1890—1891 годъ. Владиміръ. 1892. **Л.**—8) О сношеніяхъ Россіи съ Франціею. П. В. Безобразова. Москва. 1892. **А. Л—нъ.**—9) Е. И. Утинъ. Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки. Спб. 1892. **Р. И. Сементковскаго.**—10) Г. Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ. Москва. 1892. **А. Фаресова.**—11) Рулетка въ Монако. Переводъ

съ французскаго. Москва. 1892. **В—ъ.**—12) Историческій очеркъ Романовъ-Борисоглѣбскаго училища (1787—1891 г.). Составилъ А. А. Кузнецовъ. Мышкинъ. 1892. **В. Б.**—13) Девятисотлѣтіе православія на Волыни. 992—1892. Части I и II. Житоміръ. 1892.—О. И. Левицкій. Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII вѣка кн. Мстиславомъ Изяславичемъ. Кіевъ. 1892. **В. Б.**—14) Краткій очеркъ Пріамурскаго края. По оффиціальнымъ даннымъ. Спб. 1892. **А. О—въ.**—15) К. Головинъ. Соціализмъ какъ положительное ученіе. Спб. 1892. **Р. И. Сементковскаго.**—16) Историческій очеркъ города Шуи. Составилъ дѣйствительный членъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета Ѳ. Г. Журовъ. Владиміръ. 1892. **С.**—17) К. Плотниковъ. Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества. Выпуски I—III. Спб. 1891—92. **М. С—скій.**—18) Пермскій край. Томъ первый. Изданіе Пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Пермь. 1892. **В. Б.**—19) А. П. Субботинъ. Чай и торговля имъ. Съ приложеніемъ картъ, діаграммъ, фототипій и гравюръ. Спб. 1892. **А. Фаресова.**—20) М. Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1892. **В. Б.**—21) А. И. Паевская. Годъ въ Америкѣ. Изъ воспоминаній женщины-врача. Спб. 1892. **А. Л—нъ.**—22) Холмскій народный календарь на 1893 годъ. Изданіе Холмскаго св. Богородицкаго братства. Годъ девятый. Петроградъ. 1892. **Л.** . 200, 462, 721

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 210, 473, 741

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

1) Молитвенныя собранія сектантовъ квасниковъ. **А. Ж.**—2) Бой русскихъ съ турками въ г. Бѣлгородѣ. **А. Т.** 218, 749

СМѢСЬ:

1) Девятисотлѣтіе православія на Волыни.—2) Памятникъ Александру II въ Москвѣ.—3) Трехсотлѣтіе города Березова.—4) Археологическія находки въ Кіевѣ.—5) Сороколѣтіе ученолитературной дѣятельности С. И. Пономарева. — 6) Докторскій диспутъ въ Петербургскомъ университетѣ.—7) Историческое общество.—8) Общество любителей древней письменности.—9) Дворецъ царевича Димитрія.—10) Десятилѣтняя годовщина смерти М. Д. Скобелева. — 11) Полувѣковая дѣятельность профессора Павлова.—12) Присужденіе премій Петра Великаго.—13) Могилы Фонвизина и другихъ писателей. — 14) Археологическое общество. — 15) Двадцатипятилѣтіе общества Краснаго Креста.—16) Двадцатипятилѣтіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства.—17) Пятидесятилѣтній юбилей В. А. Дашкова.—18) Памятникъ женщинамъ въ Севастополѣ.—19) Археологическія находки въ Рязани.—20) Открытіе подземелья въ Москвѣ.—21) Могила въ Митавѣ. — 22) Какъ мы хранимъ наши памятники.—23) Русская могила на Сенъ-Готардѣ.—24) Некрологи: А. С. Пензинъ; Е. А. Краснова; Л. К. Ивановскій; Н. Е. Петропавловскій; П. И. Роговъ; С. И Зеленый; К. Ф. Ординъ; В. М. Каченовскій; Д. А. Кобяковъ; Е. Ѳ. Заринъ; Э. А. Ханъ; А. Д. Сатинъ; М. И. Бабиковъ; К. А. Тарновскій 222, 481, 752

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) Письмо въ редакцію. **В. И. Семевскаго.**—2) По поводу отчета г. Павленкова о книжномъ дѣлѣ въ Россіи. **А. Луганов-скаго** 232, 758

СТР.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты Яна-Петра Сапѣги, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и А. А. Алексѣева.—2) Роялистская заговорщица. (Reine). Историческій романъ **Жюля Лермина.** Переводъ съ французскаго. XVI—XXIII. (Окончаніе).—3) Книжное дѣло и періодическія изданія въ Россіи въ 1891 году. (Окончаніе). **Л. Н. Павленкова.** 4) Въ поискахъ правосудія. (Изъ нѣмецкаго быта XVI вѣка). Историческая повѣсть **Клейста** (Michael Kohlhaas). Переводъ съ нѣмецкаго. I. — 5) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ АЛЕКСѢЕВЪ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 22 АВГУСТА 1892 г.

Журнальный
Отдѣлъ
59299

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

НА БАШНѢ маленькой церкви древней архитектуры, среди площади, окруженной домами съ остроконечными, выдающимися впередъ крышами, пробило девять часовъ утра.

Не успѣлъ послѣдній ударъ колокола замереть въ воздухѣ, какъ крайнее окно въ одномъ изъ домиковъ, утопавшихъ въ зелени подъ яркими лучами солнца, растворилось, и въ немъ появилась женщина въ бѣломъ, утреннемъ капотѣ.

Ей было около тридцати пяти лѣтъ, но на видъ ей можно было дать гораздо больше. Ея большіе, сѣрые глаза, казавшіеся совсѣмъ темными отъ черныхъ рѣсницъ, впали, лобъ перерѣзался морщинами, углы поблекшихъ губъ, опускаясь, придавали горькое выраженіе ея улыбкѣ; въ густыхъ волосахъ серебрилась сѣдина, и выраженіе ея лица, когда съ нею не было ея дочерей, было такъ печально, что жители городка, въ которомъ она жила съ семьей третій мѣсяцъ, иначе какъ la pauvre dame russe, ея не называли.

Это была Людмила Николаевна Ратморцева.

— Няня, ты здѣсь?—спросила она, перегибаясь все еще стройнымъ станомъ черезъ чугунную рѣзную балюстраду въ садъ, съ миндальными, лимонными и вишневыми деревьями въ цвѣту.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 233.

Отъ живой изгороди, гдѣ подъ высокимъ, развѣсистымъ каштановымъ деревомъ былъ деревянный столъ, окруженный стульями, отдѣлилась старушка, хлопотавшая у этого стола, и на столько скоро, на сколько позволяли ей старыя ноги, подбѣжала къ своей госпожѣ.

— Здѣсь, сударыня, здѣсь. Столъ для завтрака накрываю. Дѣти скоро проснутся, кушать запросятъ.

— А какъ они провели ночь? Соня не просыпалась, послѣ того какъ я ушла?

— Одинъ только разочекъ, подъ утро. Испить попросила.

— Ты ей того чаю дала, что мы для нея заварили?

— Точно такъ-съ. Выкушали полчашечки, перевернулись на другой бочекъ и непремѣнно бы заснули, кабы Вѣруша не всполошилась. Зачали промежъ себя щебетать, ну, и разгулялись. Насилу я ихъ угомонила. Почиваютъ таперича.

— Въ которомъ часу дилижансъ-то здѣсь ждутъ? — спросила Людмила Николаевна.

— Въ двѣнадцать, сударыня. Раньше двѣнадцати и ждать нечего, говорятъ.

— Успѣемъ, значитъ, до пріѣзда Сергѣя Владиміровича прибраться.

— Какъ не успѣть-съ.

— Онъ съ собой Захара привезетъ. Дѣвочки ему обрадуются.

— А ужъ пуще всего мсьё Вальяна онѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ. И вчера вечеромъ, и позавчера, все про него толковали. Вспоминали, какъ онъ съ ними, бывало, въ Святскомъ на лодкѣ катался, когда еще Григорій Александровичъ у насъ жилъ....

И, замѣтивъ тѣнь, набѣжавшую на лицѣ госпожи, она, не кончивъ рѣчи, смолкла.

— Сейчасъ одѣнусь и сойду въ садъ. Пошли ко мнѣ Акулину,— сказала Людмила Николаевна, тяжело вздохнувъ.

— Той же минутой, сударыня.

И, печально понуривъ голову, старуха побрела въ ту сторону, гдѣ находилось помѣщеніе прислуги, состоявшей изъ трехъ людей, вывезенныхъ изъ Россіи, двухъ женщинъ и молодаго лакея, да кухарки, кучера и садовника, нанятыхъ по пріѣздѣ сюда изъ мѣстныхъ жителей.

Сходя по широкимъ каменнымъ ступенямъ, спускавшимся съ терассы въ душистый, цвѣтущій садъ, подъ вѣчно синимъ, южнымъ небомъ, среди зеленѣющей кругомъ панорамы горъ, перерѣзанныхъ живописными ущельями, съ разбросанными между высокихъ тополей красивыми хижинами, Людмила Николаевна вспоминала то утро, когда она ѣхала встрѣчать мужа изъ села Святскаго въ хуторъ Сосновку, сердце у нея ныло и слезы подступали къ глазамъ.

Двухъ лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, а ужъ сколько печальныхъ перемѣнъ!

Она сегодня не только не радуется пріѣзду Сергѣя Владиміровича, но со страхомъ и тоской ожидаетъ свиданія съ нимъ. Ей всей душой хотѣлось бы отдалить эту минуту. Чтобъ задержать его пріѣздъ, она все время обманывала его въ письмахъ. О, еслибъ онъ только зналъ, для чего переѣзжаетъ она съ дѣтьми изъ города въ городъ, отъ одного доктора къ другому! Если-бъ онъ зналъ, что именно погнало ихъ прошлой осенью изъ Женевы въ Парижъ, а оттуда въ Ниццу, а изъ Ниццы въ Лейпцигъ и, наконецъ, сюда! Если-бъ онъ это зналъ! Давно былъ бы онъ ужъ съ ними и тогда ей было бы такъ трудно сдерживать отчаянье, что она не въ силахъ была бы владѣть собой...

При одной мысли о томъ, что было бы тогда, она холодѣла отъ ужаса.

Всѣ доктора, къ которымъ она обращалась за совѣтами на счетъ Сони, которая чахла отъ какой-то странной, необъяснимой болѣзни, всѣ доктора, расходясь во мнѣніи относительно причины этой болѣзни, приписывая ее—одинъ слабости груди, другой—нервному разстройству, третій—малокровію, четвертый—пороку сердца, всѣ они въ одномъ только были согласны, это—въ томъ, что пока дѣвочкамъ не извѣстно, въ какомъ положеніи одна изъ нихъ, надежда на спасеніе еще не совсѣмъ угасла.

А для этого окружающимъ ихъ надо было постоянно притворяться спокойными и веселыми. Людмила Николаевна даже наединѣ съ самой собой не давала воли нервамъ и сдавливала тоску, грызущую ей сердце. До сихъ поръ ей это удавалось, но когда *онъ* тутъ будетъ, *онъ*, который привыкъ читать ея мысли и чувства въ ея взглядѣ, голосѣ, въ каждомъ ея движеніи, и самъ ничего не можетъ отъ нея скрыть,—тогда задача ея сдѣлается еще мучительнѣе и труднѣе.

Иногда ей кажется, что онъ ужъ и теперь догадывается, что она ему лжетъ. Можетъ быть, предчувствіе подсказываетъ ему то, что она отъ него скрываетъ, но въ послѣднихъ своихъ письмахъ онъ безпрестанно возвращается къ вопросу о здоровьѣ Сони и упрекаетъ жену въ томъ, что она не достаточно подробно пишетъ ему объ ней. Людмила Николаевна давно ужъ готовитъ его къ перемѣнѣ, которую онъ найдетъ въ дѣтяхъ, и не забываетъ въ каждомъ письмѣ упомянуть, что обѣ дѣвочки, особенно Соня, выросли, похудѣли и поблѣднѣли, но онъ, всетаки, испугается, когда ихъ увидитъ. И какъ скрыть отъ него истину? Зачѣмъ онъ ѣдетъ? Зачѣмъ не дастъ онъ имъ спокойно здѣсь пожить и полечиться? Людмилѣ Николаевнѣ такъ хочется вѣрить цѣлебнымъ свойствамъ здѣшняго климата и доктору, пославшему ихъ сюда изъ Лейпцига! Онъ сказалъ, этотъ милый старикъ, что у Сони никакихъ нѣтъ

серьезныхъ поврежденій, ни въ легкихъ, ни въ сердцѣ, и что въ ея лѣта природа дѣлаетъ чудеса.

Можетъ быть, онъ и правъ, этотъ докторъ, кто знаетъ! Дѣвочки стали живѣе съ тѣхъ поръ, какъ онѣ здѣсь. Онѣ не такъ блѣдны и меньше устаютъ, это фактъ. Вчера онѣ прошли съ матерью черезъ весь городъ, вплоть до виноградника m-r Lecuré, и, осмотрѣвъ виноградникъ, захотѣли идти дальше, къ тополевой аллеѣ у ручья. Когда онѣ сѣли на скамейку, у того мѣста, гдѣ ручей образуетъ водопадъ, Людмила Николаевна, отирая потъ, струившійся съ ихъ лицъ, не замѣтила ни у той, ни у другой, ни жару, ни сердцебіенія. А вернувшись домой, онѣ съ аппетитомъ выпили по чашкѣ молока. Правда, что ночью Соня проснулась отъ боли въ боку, была безпокойна и нервна, долго не могла заснуть, но это, можетъ быть, отъ волненія, отъ ожиданія отца и вѣстей изъ Россіи...

И не дойдя до каштановой аллеи, по которой она каждое утро прогуливалась въ ожиданіи пробужденія дочерей, Людмила Николаевна вернулась домой и поспѣшно прошла въ ихъ комнату, торопясь собственными глазами убѣдиться, что никакой перемѣны къ худшему не произошло съ тѣхъ поръ, какъ она ихъ не видѣла.

При первомъ взглядѣ на нихъ она успокоилась: обѣ были веселы и казались здоровыми.

— Надо сегодня нарядиться, дѣти, мы папеньку ждемъ,—объявила Людмила Николаевна, здороваясь съ дочерьми.— Надѣньте голубыя, барежевыя платья, которыя вамъ въ Парижѣ сшили.

— Мы пойдемъ къ нему навстрѣчу, маменька? — спросила Вѣра.

— О, пожалуйста, хоть до ручья!—взмолилась Соня.

Людмила Николаевна вспомнила, какъ она тяжело дышетъ, когда пройдетъ немного пѣшкомъ, и какой зловѣщій хрипъ вырывается у нея изъ груди каждый разъ, когда она пробуетъ вдохнуть въ себя полной грудью воздухъ, и поспѣшно, почти съ испугомъ, объявила, что это невозможно.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы лучше подождемъ здѣсь.

Дочерей ея начали причесывать и одѣвать, а она сѣла на диванъ противъ окна, растворенаго въ садъ, но прелестный пейзажъ, разстилавшійся передъ нею, не могъ приковать къ себѣ ея вниманія; безпрестанно отрывала она отъ него глаза, чтобъ взглянуть то на Соню, то на Вѣру.

И чѣмъ больше смотрѣла она на нихъ, тѣмъ худѣе онѣ ей казались. Личики осунулись. Цвѣтъ лица совсѣмъ прозрачный. Когда онѣ сняли съ себя фланелевые, бѣлые капотики, въ которыхъ горничная ихъ причесывала и подавала имъ умываться, у нея сердце болѣзненно сжалось при видѣ ихъ плечъ. Особенно худа была Соня. Платье, сшитое мѣсяца два тому назадъ, сидѣло на ней, какъ на вѣшалкѣ.

Невозможно было показать ее отцу въ этомъ платьѣ: ему тотчасъ же бросится въ глаза, какъ оно ей широко.

— Знаете что, дѣти, одѣньтесь-ка лучше, въ честь папенькинаго пріѣзда, въ бѣлое; онъ васъ очень любитъ въ бѣломъ,— сказала Людмила Николаевна. — Няня, подай имъ бѣлыя, кашемировыя платья, съ розовыми лентами, тѣ, что онѣ надѣвали прошлое воскресенье.

Дѣвочки переглянулись.

— Бѣлыя платья намъ тоже широки, маменька, — замѣтила Вѣра.

Сестра ея ничего не сказала, она только улыбнулась, и улыбка эта, точно ножемъ, рѣзанула Людмилу Николаевну по сердцу.

Онѣ угадали, для чего ихъ заставляютъ мѣнять платье!

Однако, она и виду не показала, какъ испугало ее это открытіе.

— Не бѣда, не вѣкъ же вы будете такими худыми, пополнѣете, Богъ дастъ, и тогда эти платья вамъ опять будутъ впору, а теперь пока, — весело прибавила она, — мы закутаемся въ кружевныя пелеринки съ густыми рюшами вокругъ шеи и надѣнемъ тюлевые закрытые рукава буффами, чтобъ папеньку не испугать. Вѣдь онъ васъ толстыми и краснощекими помнитъ, такими, какими вы опять сдѣлаетесь, если будете пить больше козьяго молока, ложиться рано спать и не забывать принимать лекарство.

Объ урокахъ и какихъ бы то ни было занятіяхъ музыкой или рисованіемъ давно уже не было рѣчи между Людмилой Николаевной и дочерьми.

Если она имъ теперь читала книги, то для того только, чтобъ онѣ заснули скорѣе и крѣпче послѣ катанія въ экипажѣ или прогулки пѣшкомъ. Всякое умственное напряженіе имъ было строго запрещено, точно также какъ и пѣніе, игра на фортепіанахъ и тому подобное.

. . . . . .

. . . . . .

— Имъ ужъ и теперь отъ этого режима гораздо, гораздо лучше,— говорила въ тотъ день вечеромъ Людмила Николаевна мужу, оставшись съ нимъ на терассѣ, послѣ того, какъ всѣ ушли спать.— Если-бъ ты видѣлъ Соню, когда я повезла ихъ въ Парижъ! Это былъ скелетъ. Никакого аппетита, постоянно возбуждена, спать больше десяти минутъ сряду ничѣмъ мы ее не могли заставить, но теперь, слава Богу, она чувствуетъ себя гораздо, гораздо лучше. Какъ я рада, что увезла ихъ за границу! Ну, что бы мы дѣлали съ ними въ Россіи: холодъ, сырость, и каждый день нервныя потрясенія, отъ которыхъ невозможно уберечься...

Въ волненіи своемъ она не замѣчала, что давно ужъ говоритъ одна, что ей не возражаютъ, и что слушатель ея сидитъ, опустивъ

голову на руки, избѣгая встрѣтиться съ нею взглядомъ, чтобъ она не прочла въ его глазахъ отчаянія, наполнявшаго ему душу.

И, невольно поддаваясь искушенію бередить затаенную въ глубинѣ сердца язву, она вымолвила съ горечью:

— Ужъ одна эта несчастная исторія съ Гришей сколько здоровья у нихъ отняла! Какъ онѣ за него мучились, какъ волновались!

— Кто же могъ предвидѣть, что онѣ къ нему такъ привяжутся и такъ близко будутъ принимать къ сердцу его печали и неудачи,— замѣтилъ Сергѣй Владиміровичъ.

— Надо было это предвидѣть,—вскричала она запальчиво.

И тотчасъ же, опомнившись, перемѣнила тонъ и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, стала разспрашивать, что о немъ слышно.

— Да почти-что ничего. Живетъ въ Воротыновкѣ какимъ-то дикаремъ. Я видѣлъ кое-кого оттуда. Говорятъ, что ни съ кѣмъ не хочетъ знакомиться... Даже и тѣхъ, кто у нихъ съ визитомъ былъ,—не принялъ. Можно себѣ представить, какъ всѣ тамъ на него бѣсятся.

— А жена его?

— Въ руки ее забралъ, говорятъ, представь себѣ! Шагу не смѣетъ ступить безъ его позволенія.

И послѣ довольно продолжительнаго молчанія, во время котораго оба сидѣли, погрузившись каждый въ свои думы, Сергѣй Владиміровичъ снова заговорилъ:

— Домъ въ Воротыновкѣ въ такую, говорятъ, пришелъ ветхость, что они въ немъ и не живутъ. Стекла всѣ выбиты, паркеты сгнили, крыша во многихъ мѣстахъ течетъ. А молодые наши о ремонтировкѣ и не думаютъ. Поселились въ одномъ изъ флигелей...

— А съ Мартой что сталось?—прервала Людмила Николаевна на полусловѣ рѣчь мужа, въ которую она, впрочемъ, и не вслушивалась, занятая другими думами.

— Да я же тебѣ писалъ, она все въ деревнѣ, съ матерью. Мальчики въ Пажескомъ корпусѣ...

— Они оба здоровы... О, счастливые!—вырвалось воплемъ изъ груди Людмилы Николаевны.

— Мнѣ говорили, будто Марта охладѣла къ братьямъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ дали другую фамилію. Впрочемъ, это князь Петръ Андреевичъ разсказываетъ, а онъ, ты знаешь, и приврать не дорого возьметъ. Марта поручила ему пріискать для нея имѣніе въ Крыму, близъ моря. Туда, кажется, думаетъ переселиться съ матерью. Марья Леонтьевна...

Его опять прервали.

— Въ Парижѣ доктора совѣтывали морскія купанья для дѣвочекъ, а нѣмцы говорятъ: Боже сохрани! Не знаешь, кому и вѣрить, — раздумчиво проговорила Людмила Николаевна, преслѣдуя

вслухъ мысль, завертѣвшуюся неотвязно въ ея умѣ, едва только напоминаніе о морѣ коснулось ея слуха.

И вдругъ натянутые сверхъ силу нервы подались, голосъ ея порвался въ рыданіяхъ и, охвативъ руками шею мужа, она простонала:

— Что намъ съ ними дѣлать, Сережа! Что намъ съ ними дѣлать! Онѣ таютъ у меня обѣ на глазахъ, какъ воскъ... и ничѣмъ, ничѣмъ не могу я имъ помочь! Неужели Господь у насъ ихъ отниметъ? Неужели? Но за что же? За что?!

— Его святая воля, Милуша,—глухо вымолвилъ ей въ отвѣтъ мужъ, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.

. . . . . .

. . . . . .

Въ спальнѣ дѣвочекъ тоже шла оживленная бесѣда шепотомъ, чтобъ не разбудить няню, которая спала въ горенкѣ, черезъ коридоръ.

Вѣринька припоминала происшествія, случившіяся передъ ихъ отъѣздомъ изъ Россіи.

— Помнишь, какой Гриша былъ блѣдный, когда онъ вышелъ изъ папенькинаго кабинета? Мы въ первую минуту подумали, что съ нимъ несчастье случилось.

— Мнѣ пришло въ голову, что его ушлютъ въ деревню раньше поста,—замѣтила Соня.

— И мнѣ тоже. Онъ со мной не говорилъ съ тѣхъ поръ.

— А со мной онъ говорилъ,—сказала Соня.

— Наканунѣ нашего отъѣзда?

— Да, вечеромъ. Ты съ маменькой укладывала книги.

— Помню, помню!

Еще бы не помнить. Сколько разъ вспоминали онѣ этотъ вечеръ. О чемъ бы ни завязывался между ними разговоръ, всегда кончалось воспоминаніями про Гришу.

— М-г Vaillant говоритъ, что онъ только два раза ему писалъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ, и оба раза про насъ спрашивалъ,—сказала Вѣра.

— Какъ бы я хотѣла ему написать!—вздохнула Соня.

— Маменька не позволитъ,—замѣтила на это ея сестра.

— Разумѣется, не позволитъ. Ей хочется, чтобъ мы забыли про него. Я и сама этого желаю. Каждый день молю я Бога: «сдѣлай такъ, чтобъ я забыла про Гришу!» Но ничего не помогаетъ. Ничего не могу я съ собой подѣлать,—повторяла она съ отчаяніемъ.

И, помолчавъ немного, она продолжала:

— Мнѣ кажется, что если-бъ я его увидѣла, если-бъ онъ пріѣхалъ сюда, хотя бы на одинъ денекъ, и насъ оставили бы вдвоемъ, чтобъ онъ могъ поцѣловать меня и подержать мою руку въ своихъ, мнѣ кажется, я бы выздоровѣла. Все бы у меня прошло, и

боль въ боку, и слабость, и кашель, и опять я была бы, какъ прежде, веселая, сильная, живая...

— Грѣхъ объ этомъ думать, Соня.

— Я знаю, что грѣхъ, но что-жъ дѣлать! Я совсѣмъ, совсѣмъ сдѣлалась гадкая, Вѣринька.. Я даже боюсь, что Господь не захочетъ меня простить, когда я передъ нимъ предстану. А это будетъ скоро, Вѣринька, скоро.

Сестра кинулась ее обнимать.

— Не говори такъ! Не говори! Что же тогда со мной-то будетъ!—прерывающимся отъ сдержанныхъ слезъ голосомъ шептала Вѣра.

— Да, скоро,—продолжала, не вслушиваясь въ слова сестры и не замѣчая ея ласкъ, Соня.—И мнѣ все равно. Зачѣмъ жить, когда я никогда, никогда его больше не увижу? У меня одна только радость и осталась—думать объ немъ и говорить про него. Я и папеньку, и m-r Vaillant, ждала съ нетерпѣніемъ, чтобъ узнать объ немъ, вотъ я какая безчувственная сдѣлалась.

— Ну, говори, говори,—прошептала Вѣра, прижимая ея голову къ своей груди.—Вѣдь онъ сказалъ, что никогда тебя не забудетъ?

— Да. Онъ сказалъ, что никого не можетъ любить, только меня одну... и еще, что онъ самый несчастный человѣкъ на землѣ и что лучше бы ему ничего не возвращали, ни имени, ни состоянія, а позволили бы только жить съ нами, ничего ему больше не нужно, ничего. А про m-lle Pauline онъ сказалъ: «я ее ненавижу, душу отъ нея воротитъ, такъ она мнѣ противна»... А потомъ, онъ меня обнялъ крѣпко, крѣпко и поцѣловалъ, какъ тогда, въ Святскомъ, когда онъ ночью влѣзъ на дерево у нашего окна. Но тогда... ахъ, какъ было хорошо тогда! Мы были точно въ раю!!..

И въ волненіи она порывисто приподнялась съ подушекъ. Глаза ея сверкали лихорадочнымъ блескомъ, зловѣщія алыя пятна на щекахъ разгорались съ каждой секундой все ярче и ярче, а дыханіе было такъ порывисто и коротко, что слова не договаривались.

По проселочной дорогѣ, спускавшейся между полями, засѣянными пшеницей, къ быстрой рѣкѣ, за которой тянулся на необозримое пространство темный лѣсъ, шла женщина съ суковатой палкой, въ темномъ, суконномъ шушунѣ,подпоясанномъ бичевкой, и повязанная чернымъ, бумажнымъ платкомъ. Къ палкѣ, которую она держала перекинутой черезъ плечо, былъ привязанъ довольно объемистый и туго набитый узелъ, ноги были обуты въ лапти, поверхъ онучей, и, не взирая на усталость (потъ градомъ катился по ея загорѣлому лицу), она шла торопливо, съ безпокойствомъ вглядываясь въ даль, точно измѣряя глазами пространство, отдѣлявшее ее отъ намѣченной цѣли.

Попадавшіеся ей на пути мужики и бабы смотрѣли на нее съ любопытствомъ; нѣкоторые спрашивали, куда она идетъ и откуда, но она на вопросы не отвѣчала и шла все дальше, не оглядываясь по сторонамъ.

День былъ воскресный; еще за версту до села, съ бѣлѣвшейся вдали колокольней, услыхала она гулъ толпы, собравшейся у кабака, а пройдя еще шаговъ двѣсти, стала различать среди этого гула лай собакъ и визгливый смѣхъ парней и дѣвокъ, водившихъ хороводы.

Солнце начинало уже склоняться къ лѣсу. Женщина ускорила шагъ.

При ея появленіи у плетня съ растворенными настежъ воротами, между старухами, щелкавшими подсолнухи на заваленкѣ одной изъ крайнихъ избъ, произошло движеніе.

— Глянь-ка, странница божья!

— И то! Поди чай, изъ Воронежа.

— А можетъ, въ Кіевъ идетъ.

— Умаялась, видать, ночевать здѣсь попросится,—перекидывались замѣчаніями бабы, не спуская глазъ съ незнакомки.

Но странница попросила только позволенія отдохнуть на большомъ камнѣ передъ одной изъ избъ да водицы напиться. А когда ей подали жестяной ковшъ съ холодной, ключевой водой, она вынула изъ холщевой сумки, висѣвшей у нея на спинѣ, кусокъ чернаго хлѣба и принялась закусывать.

— Свѣжинки не хочешь ли, тетенька? У насъ храмовой праздникъ сегодня, пироги пекли. Бражки не попьешь ли? Да ты бы въ избу вошла, на лавкѣ бы полежала. Умаялась, поди чай? Околева идешь-то?—закидывали ее со всѣхъ сторонъ предложеніями и вопросами.

— Спасибо, касатки, спасибо, ничего мнѣ не надо, спаси васъ Христосъ,—повторяла странница, ласково всѣмъ кивая.—Отдохнуть только маленько, да и въ путь.

— Да вѣдь ночь, тетенька, на дворѣ.

По загорѣлому лицу незнакомки проскользнула усмѣшка.

— Ничего, Господь доведетъ,—возразила она.

— Да ты куда путь-то держишь, въ Воротыновку што ли?—спросилъ кто-то изъ толпы.

— Нѣтъ, я дальше. Въ Воротыновкѣ переночевать бы мнѣ только... у кумы, — прибавила она послѣ минутнаго колебанія.— Спаси васъ Христосъ,—повторила она, поспѣшно поднимаясь съ мѣста и низко кланяясь собравшейся вокругъ нея толпѣ.

— На господскую усадьбу зайди да прикажи о себѣ барину доложить,—закричалъ ей вслѣдъ одинъ изъ парней.

— Онъ хошь самъ и не старецъ, а страсть какъ до старухъ падокъ.

Замѣчаніе это было встрѣчено дружнымъ хохотомъ.

— А что, молодки, мнѣ какъ будто лице этой богомолки знакомо,—замѣтила баба среднихъ лѣтъ, хозяйка избы, у которой присѣла отдохнуть странница.

— Да и мнѣ тоже сдается, будто я ужъ видѣла гдѣ-то ейныя буркулы,—подхватила другая женщина, постарше.

— Изъ Воротыновскихъ должна быть,—сказала первая.

— И гдѣ я эти черныя буркулы видѣла? — продолжала припоминать вторая.—А видать видала, разрази меня на семъ мѣстѣ, если вру.

Не мудрено, что жители Осиноваго поселка знали въ лице всѣхъ обитателей Воротыновки; между Осиновымъ и Воротыновкой было всего только три версты разстоянія.

Здѣсь, при старой барынѣ Маріѣ Григорьевнѣ, былъ кирпичный заводъ, который пришелъ въ полнѣйшій упадокъ послѣ ея смерти, какъ и всѣ прочія процвѣтавшія при ней заведенія, суконная фабрика, ковровая, ткацкая.

Одинъ изъ управителей, присланный сюда покойнымъ Александромъ Васильевичемъ, затѣялъ было воспользоваться остатками кирпича для постройки винокуреннаго завода, но его смѣстили раньше, чѣмъ стѣны новаго зданія были выведены, и оно осталось недостроеннымъ.

При Александрѣ Васильевичѣ управляющіе часто смѣнялись въ Воротыновкѣ. Самъ онъ ни разу сюда не пріѣзжалъ, но присылалъ для ревизіи довѣренныхъ людей, по донесеніямъ которыхъ и совершалъ расправу, часто несправедливую и всегда неумолимую.

Но, не взирая на его строгость, а, можетъ быть, именно благодаря ей, его здѣсь и боялись, и уважали. Къ наслѣднику же его никто не питалъ ни страха, ни почтенія. Стоило только прислушаться къ тому, что говорилось о немъ въ околоткѣ, чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Странница, направлявшаяся къ Воротыновкѣ, достаточно наслушалась этихъ толковъ и въ губернскомъ городѣ, и въ уѣздномъ, чтобъ составить себѣ понятіе о положеніи въ прадѣдовскомъ помѣстьѣ наслѣдника Александра Васильевича. Положеніе это было незавидное.

Добрела она до цѣли своего путешествія, когда уже совсѣмъ стемнѣло, но шла твердой стопой, не сбиваясь на пути между тропинками парка. А между тѣмъ паркъ заглохъ и одичалъ; на каждомъ шагу натыкалась она на кусты и молоденькія деревья, которыхъ прежде тутъ не было, но это не мѣшало ей оріентироваться.

Въ господскомъ домѣ, на горѣ, не свѣтилось ни одного огонька. Она этому не удивилась; ей было извѣстно, что господа живутъ во флигелѣ.

Она даже знала—въ которомъ, въ томъ, гдѣ при старой барынѣ помѣщался нѣмецъ, управляющій суконной фабрикой, въ саду.

Да, странница знала, что въ господскомъ домѣ, бѣлѣвшемся на горѣ при свѣтѣ луны, никого, кромѣ крысъ и летучихъ мышей, нѣтъ, но когда домъ этотъ предсталъ передъ нею, она ужъ не въ силахъ была оторвать отъ него глазъ.

Какъ вкопанная остановилась она и долго, долго стояла неподвижно на мѣстѣ, припоминая то время, когда маленькой дѣвчонкой, а потомъ молодой дѣвкой, сбѣгала рано утромъ по дорожкамъ, что спускались между фруктовыми деревьями къ ручью, чтобъ зачерпнуть ключевой воды въ серебряный умывальникъ для барышни.

Воскресали въ ея памяти и другія сцены изъ далекаго прошлаго, при видѣ мрачнаго зданія, съ затѣйливыми выступами и башнями.

Вотъ то окно, въ которомъ Александръ Васильевичъ въ первый разъ увидалъ барышню. Стекла въ немъ почти всѣ выбиты, и страшной пастью чернѣется оно на бѣлесоватомъ фонѣ стѣны.

И странницу такъ неудержимо потянуло къ этому дому, ей такъ захотѣлось побродить по корридорамъ и покоямъ, по которымъ она ходила двадцать лѣтъ тому назадъ, что она не вытерпѣла и, вмѣсто того, чтобъ повернуть къ надворнымъ строеніямъ, гдѣ тамъ и сямъ свѣтились огоньки въ окнахъ, или къ селу, гдѣ можно было расчитывать на убѣжище до слѣдующаго утра, она побрела къ господскому дому.

Ночь была свѣтлая и теплая. Она проведетъ ее въ которой нибудь изъ многочисленныхъ комнатъ покинутаго зданія.

Быть не можетъ, чтобъ все изъ него вынесли, найдется въ какомъ нибудь уголку постилка, забытая перина, или диванъ, на которомъ можно заснуть. Всего этого было здѣсь такъ много въ прежнее время! Сколько, бывало, ни наѣхало бы гостей, на всѣхъ хватало съ избыткомъ и пуховиковъ и подушекъ. Постельнымъ бѣльемъ огромные сундуки биткомъ были набиты.

И машинально, какъ животное, влекомое инстинктомъ по знакомой тропѣ, пробралась она къ маленькой, потайной двери, скрытой за кустами старой сирени.

О, какъ знакома ей была эта дверь!

Было время, когда она по двадцати разъ въ день вбѣгала и выбѣгала изъ нея, спѣша на зовъ барышни.

Но, дойдя до этого мѣста, она въ нерѣшительности остановилась: сиреневые кусты были срублены, а передъ дверью лежалъ большой песъ, который приподнялся и тихо зарычалъ ей на встрѣчу·

Ей, значитъ, сказали неправду: въ домѣ живутъ; кого нибудь да стережетъ здѣсь этотъ песъ.

Отступивъ на нѣсколько шаговъ, она внимательнымъ взглядомъ окинула фасадъ дома и замѣтила, что въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, сквозь щель припертой ставни, пронизывается свѣтъ.

Собака продолжала подозрительно смотрѣть на незнакомку, скаля зубы и принимаясь рычать, когда она подавалась впередъ, и тотчасъ же смолкая при ея отступленіи.

Странница отказалась отъ намѣренія провести ночь въ домѣ и рѣшила искать пріюта на селѣ.

Минутъ черезъ десять она стучалась въ оконце одной изъ избъ, широко раскинувшагося среди огородовъ и садиковъ, села.

Въ избѣ завозились.

— Кто тутъ?—раздался изнутри женскій голосъ.

— Пустите переночевать, Христа ради, добрые люди,—отвѣчала странница.

Рама съ зеленымъ стекломъ приподнялась, и въ образовавшемся отверстіи высунулась женская голова, повязанная холщевымъ, бѣлымъ платкомъ.

— Отколева? Странница, што ли?

— Изъ Кіева, отъ святыхъ угодниковъ. Ночь на пути застигла. Отъ товарокъ отстала, пусти, Христа ради.

— Сейчасъ на крылечко выйду, дай только огонь вздуть.

— Да ночевать у тебя можно, что ли?

— Ночуй, мѣсто найдется.

— Спаси тя Христосъ!

Хозяйка вздула огня и зажгла лучину.

— Вотъ тутъ ложись,—указала она вошедшей въ избу незнакомкѣ на лавку у печи, съ которой она слѣзла, услышавъ стукъ въ окно.

— Чай, поѣсть хочешь?— продолжала она, съ любопытствомъ оглядывая свою гостью, въ то время какъ эта послѣдняя снимала съ себя верхнюю одежду и вмѣстѣ съ узелкомъ и котомкой складывала ее въ видѣ подушки на лавку.

— Спасибо, касатка, умаялась я, не до ѣды мнѣ. Думала было, въ господскомъ домѣ меня пріютятъ, полѣзла туда, а тамъ — ни души.

— Господа во флигелѣ живутъ,—пояснила хозяйка избы.—Не принесть ли сѣнца, чтобъ тебѣ помягче спать-то было?

У нея отъ любопытства и сонъ прошелъ. Не дождавшись отвѣта, она поспѣшно вышла на дворъ и вернулась назадъ съ охапкой сѣна, которую свалила на лавку, а затѣмъ принесла изъ чулана овчинный тулупъ и прикрыла имъ импровизированную постель.

— Спаси тя Христосъ,—повторяла странница, развязывая свой узелъ и роясь въ немъ.

Она достала изъ него финифтяный образокъ и подала его гостепріимной хозяйкѣ.

Та подарку несказанно обрадовалась и сдѣлалась еще привѣтливѣе и разговорчивѣе. Откуда? Все ли пѣшкомъ шла? По обѣщанію или такъ? Назадъ въ Питеръ вернется или дальше, въ Іерусалимъ, пойдетъ? — предлагала она нежданной посѣтительницѣ вопросъ за вопросомъ.

Одну такую богомолку она знала, отпросилась у управителя по обѣщанію мощамъ св. угодника Митрофанія поклониться, да ужъ домой оттуда и не возвращается.

— Такая ей припала охота странствовать, что и мужа, и дѣтей покинула. Посейчасъ они у насъ въ Воротыновкѣ живутъ, а про нее ужъ пятнадцать лѣтъ ничего не извѣстно. Пали было слухи, будто въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, ее видѣли, а куда оттуда пошла, никто не знаетъ. Дѣти повыросли, поженились да замужъ повышли...

— А велико ли семейство у вашего барина?—спросила странница, снимая лапти и развивая съ ногъ онучи.

— Молодые еще, всего только второй годъ поженившись.

— Дѣтокъ нѣту?

— Нѣту.

И, помолчавъ немного, она прибавила:

— Больной онъ у насъ, баринъ-то, припадочный да слабоумный, въ родѣ какъ бы юродивый.

— Барыня, значитъ, всѣмъ орудуетъ? — допытывалась странница.

— Да, барыня. Только воли онъ ей много не даетъ. Рада бы всѣмъ завладать, да руки коротки.

— Злой онъ, значитъ?

— Это баринъ-то?

Баба даже руками всплеснула отъ изумленія: такимъ нелѣпымъ показался ей этотъ вопросъ.

— Какая же можетъ въ немъ быть злость, когда онъ Божій человѣкъ, блаженненькій?

Наступило молчаніе. Странница съ пытливымъ любопытствомъ всматривалась въ свою собесѣдницу.

— Ты, тетка, не изъ дворовыхъ ли?—спросила она, наконецъ.

— Изъ дворовыхъ. А что?

— Такъ. По разговору признала я тебя за дворовую, рѣчь у тебя не мужицкая.

Баба промолчала.

— Давно ли на селѣ живешь?

— Давно.

И, потупившись, опять смолкла.

Странница глядѣла на нее съ возростающимъ любопытствомъ. И вдругъ она у нея спросила:

— Ты барина Александра Васильевича помнишь?

Баба еще ниже опустила голову.

Еще съ минуту вглядывалась въ нее странница молча, а затѣмъ назвала ее по имени:

— Тебя Дарьюшкой звать?

Баба вскинула на нее недоумѣвающій взглядъ.

— Почемъ ты знаешь, какъ меня зовутъ? — прошептала она не безъ испуга.

— А потому и знаю, что двадцать годовъ мы такъ другъ дружку звали: я тебя Дарьюшкой, а ты меня Малашей.

— Маланья Тимоѳеевна! — вскричала хозяйка избы, подаваясь порывистымъ движеніемъ къ своей посѣтительницѣ.

— Она самая и есть,—отвѣчала эта послѣдняя съ усмѣшкой.

До полуночи проболтали пріятельницы.

Дарья разсказала, какъ она, послѣ отъѣзда господъ изъ Воротыновки, съ управителемъ спуталась и барской барыней жила, и какъ змѣя подколодная, Машка Ковровая, подъ нее подкопалась и заставила управителя ее за Сергуна, пьяницу, замужъ выдать, и какъ Сергунъ изъ барской конюшни сбрую укралъ да проѣзжимъ купцамъ продалъ. Его за эту продѣлку въ солдаты забрили, а ей съ сынкомъ (сынокъ-то управителевъ былъ) дозволили на селѣ въ мужниномъ домѣ жить.

— А гдѣ же таперича твой сынокъ, померъ, что ли? — спросила Маланья.

Нѣтъ, Дарьюшкинъ сынокъ не умеръ, онъ былъ взятъ на барскій дворъ при одномъ изъ управителей, присланномъ Александромъ Васильевичемъ лѣтъ шесть тому назадъ. Управительша-то форсунья была, барыню изъ себя представляла и выучила мальчишку заправскимъ лакеемъ у стóла служить. Теперь онъ при господахъ. Служба не тяжелая. Баринъ невзыскателенъ, все самъ дѣлаетъ, одной только барынѣ надо служить. Гостей никогда у нихъ не бываетъ, всѣхъ отвадили. Даже и поповъ по большимъ праздникамъ перестали теперь угощать. Спервоначалу-то завели было такой порядокъ, чтобъ по воскресеньямъ, послѣ обѣдни, на пирогъ причтъ звать, ну, а потомъ зачали помаленьку и отъ этого обычая отставать.

— Неужто-жъ они и въ церковь не ходятъ?—удивилась Маланья

— Какое! Баринъ ни одной службы не пропускаетъ и рѣдкую недѣлю, чтобъ либо молебенъ, либо панихиду не велѣлъ служить. И кажинный разъ попу рубль, а причту полтину отваливаетъ. Духовенству у насъ лафа теперича. Болтаютъ, будто еще церковь хотятъ у насъ въ Воротыновкѣ строить, а ужъ не знаю, вѣрить этому слуху, или нѣтъ.

— А барыня на это согласна?

Дарья махнула рукой.

— Да что-жъ она тутъ можетъ подѣлать, нешто ее спроситъ кто? Никогда съ нею супругъ не разговариваетъ. Чудной вѣдь онъ у насъ, Григорій-то Александровичъ. Лицемъ—вылитый родитель, Александръ Васильевичъ, а нравомъ въ мать, такой же угрюмый, все молчитъ.

— Въ барышняхъ она не угрюмая была,— замѣтила Маланья.

— Да у насъ-то она здѣсь на памяти такой осталась, какой сдѣлалась послѣ того, какъ баринъ на ней женился. Веселой ее въ Воротыновкѣ никто и не помнитъ. А ужъ послѣднее-то время, сама знаешь, какая она стала.

— Въ умѣ начала мѣшаться,—подсказала Маланья.

— Ну, вотъ, а сынокъ-то на первыхъ порахъ тоже себя такимъ проявилъ и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Вздумалъ теперича по ночамъ чудить, по старому дому бродитъ. Митяйка мой намеднись сказывалъ: страхъ боимся, чтобъ пожару не надѣлалъ, долго-ль до грѣха!

Маланья вспомнила про свѣтъ, усмотрѣнный ею сквозь щель заколоченной ставни въ нижнемъ этажѣ стараго дома, и про собаку, сторожившую этотъ домъ.

— Что-жъ онъ тамъ дѣлаетъ одинъ, въ домѣ-то?—спросила она.

— А Богъ его знаетъ! То въ одной комнатѣ посидитъ, то въ другой. Первое время все больше въ нижнемъ кабинетѣ запирался. Бюро тамъ отперъ и всѣ письма изъ него повытаскалъ, что еще покойной старой барыней туда положены были. И вотъ разъ какъ-то припадокъ съ нимъ тамъ сдѣлался. Ужъ такъ онъ насъ тогда всѣхъ напугалъ, страсть! Двое сутокъ безумствовалъ, никого не узнавалъ, бился какъ въ падучей. И стали мы замѣчать, что съ этихъ самыхъ поръ онъ еще чуднѣе сталъ, все молчитъ, хотя ты тутъ что. Попа призывали его отчитывать. Но только нечистой силы въ немъ нѣтъ, это всѣ говорятъ, а напущена на него злыми людьми порча, языка онъ какъ будто рѣшился и, когда нужно что сказать, словъ не можетъ припомнить, потому и молчитъ. Да что! Вѣдь учили его, говорятъ, въ Питерѣ-то, воспитывали, какъ барина тоже, а теперича ни читать ни писать не умѣетъ, всю умственность растерялъ. Пыталась было барыня лечить его, докторовъ выписывала изъ города, ничего изъ того не вышло, всѣ лекарства изъ окошка повыкидалъ, а отъ разговоровъ съ ней въ лѣсъ удираетъ. Какъ увидитъ, что она къ нему идетъ, такъ сейчасъ и шасть за дверь, да въ чемъ есть, безъ шапки, и махнетъ, куда глаза глядятъ. Разъ какъ-то онъ у насъ такимъ манеромъ цѣлыхъ три дня пропадалъ,—прибавила она, таинственно понижая голосъ.

— А любитъ ли его супруга-то? — полюбопытствовала Маланья.

— Любитъ, должно. Страсть какъ убивается, по цѣлымъ ночамъ напролетъ плачетъ и всячески изловчается, чтобъ ему потрафить, но только все это ни къ чему, никогда она отъ него ни ласки, ни добраго слова не слышала, да и не услышитъ, вѣрно, никогда. Ну, а ты, Маланьюшка, какъ поживаешь? Домъ-то у васъ, въ Питерѣ, барскій, говорятъ?

Но Маланья на все отвѣчала уклончиво. Живетъ съ семействомъ, слава Богу, не то, чтобъ богато, а безъ нужды. Вольную имъ Александръ Васильевичъ, покойникъ, царство ему небесное, далъ. Вотъ за упокой его души она и ходила молиться святымъ угодникамъ, въ Кіево-Печерскую лавру. Давно ужъ ею дадено это обѣщаніе, какъ вольную получитъ, такъ въ Кіевъ пѣшкомъ сходитъ. А тамъ пришла охота на родинѣ побывать, по роднымъ покойникамъ панихидку отслужить. И все отъ усердія — пѣшкомъ. Потрудиться захотѣлось для Бога.

— Значитъ, завтра въ церковь пойдешь?—освѣдомилась Дарьюшка.

— Пойду, если Господь сподобитъ. Обѣдня-то будетъ, что ли?

— У насъ райняя кажинный день для барина.

— Ладно. Не проспать бы только.

— Не бойся, разбужу. Какъ поднимусь коровушку въ поле гнать, такъ тебя и разбужу.

Не взирая на усталость, Маланья долго не могла заснуть и только подъ утро забылась, однако, едва только хозяйка избы дотронулась до ея плеча, она, какъ встрепанная, вскочила на ноги и торопливо стала обряжаться.

— Я ужъ къ попу бѣгала, сказала ему, чтобъ панихиду тебѣ послѣ обѣдни на кладбищѣ отслужилъ. Онъ говоритъ: хорошо, что предупредила, я, говоритъ, въ дальнее поле хотѣлъ ѣхать,— объявила Дарьюшка.

Чтобъ идти въ церковь, Маланья принарядилась; она вынула изъ узла черный шерстяной капотъ и платокъ, тоже черный, но изъ шелковой матеріи, съ атласными разводами и бахрамой, надѣла его на голову, аккуратно подколовъ толстой булавкой подъ подбородкомъ. Онучи съ лаптями она замѣнила бѣлевыми чулками и новыми сафьяновыми башмаками.

— Назадъ-то въ Питеръ я ужъ на лошадяхъ, съ попутчикомъ поѣду, — объявила она Дарьюшкѣ, съ любопытствомъ слѣдившей за ея превращеніемъ изъ странницы въ купчиху. — Провожать меня въ церковь не трудись, я и сама дорогу найду. Не совсѣмъ еще память-то отшибло, вчера даже въ саду не заплуталась, а ночь была; все найду, небось.

По селу ужъ разнесся слухъ объ ея появленіи; народъ выбѣгалъ за ворота и высовывался въ окна, чтобъ на нее посмотрѣть,

но никто съ нею не заговаривалъ, ждали, чтобъ она сама себя объявила.

Обѣдню служили въ придѣлѣ. День былъ будничный, и въ церкви, кромѣ толпы ребятишекъ да старухъ у входа, священника съ двумя дьячками, да высокаго, худаго молодаго человѣка въ черномъ и длинномъ кафтанѣ, никого не было.

Въ этомъ человѣкѣ Маланья съ трудомъ узнала красиваго юношу, въ элегантномъ, модномъ костюмѣ, котораго она видѣла три года тому назадъ въ Казанскомъ соборѣ, съ семьей Сергѣя Владиміровича Ратморцева. Онъ какъ будто выросъ съ тѣхъ поръ, видъ у него былъ болѣзненный, грудь ввалилась, спина сгибалась, какъ у старца, а лице обросло густой бородой. Во все время пока длилось богослуженіе, онъ стоялъ съ опущенными глазами, и когда, подходя къ кресту, поднялъ ихъ на Маланью, очутившуюся рядомъ съ нимъ, она чуть не вскрикнула отъ изумленія: такъ живо напомнили ей эти глаза взглядъ, которымъ смотрѣла на нее Марѳинька передъ смертью.

На ея низкій поклонъ Воротыновскій баринъ отвѣтилъ, не проявляя при этомъ ни удивленія, ни любопытства, точно присутствіе здѣсь этой женщины было обычнымъ явленіемъ, а когда она перешла со священникомъ въ ту часть церкви, гдѣ была плита, прикрывающая гробъ старый барыни, онъ послѣдовалъ за ними и всю панихиду простоялъ на колѣняхъ за колонной.

И такъ онъ тутъ замолился, что священникъ не сталъ его ждать съ крестомъ и, давъ къ нему приложиться Маланьѣ, спросилъ у нея вполголоса:

— На кладбищѣ желаете по родственникамъ панихиду отслужить?

— На кладбищѣ, батюшка,—отвѣчала Маланья, искоса глянувъ въ ту сторону, гдѣ чернѣлась колѣнопреклоненная фигура въ черномъ.

Кладбище отстояло на добрую версту отъ села. Когда панихида была и тамъ отслужена, Маланья опять увидала барина: онъ стоялъ на колѣняхъ, подъ березами, насажёнными надъ могилой Ѳедосьи Ивановны, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той насыпи съ деревяннымъ крестомъ, у которой Маланья молилась за упокой души своего отца, матери и другихъ вписанныхъ въ ея поминаніе покойниковъ.

И отсюда, также какъ и изъ церкви, всѣ вышли, не безпокоя барина, не дожидаясь, чтобъ онъ кончилъ молиться.

Священникъ пригласилъ Маланью Тимоѳеевну къ попадьѣ чайку чашечку выкушать и пирожкомъ закусить.

Маланья приняла приглашеніе, и то, что она услышала у попа, послужило для нея подтвержденіемъ того, что разсказывала ей Дарьюшка.

Воротыновскій баринъ совсѣмъ оглупѣлъ, и не то въ юродство не то въ младенчество впадаетъ.

Свѣтскій лоскъ, такъ старательно и любовно наведенный на него у Ратморцевыхъ, вдругъ какъ-то съ него сошелъ, едва только онъ очутился вдали отъ нихъ, и съ каждымъ днемъ становился онъ все больше и больше похожъ на полоумнаго Гришку, котораго ребятишки того села, гдѣ онъ жилъ съ мужиками, дразнили подкидышемъ.

Какъ у растенія, искусственно выгнаннаго парами въ оранжереѣ, жизненная дѣятельность прекращается, едва только оно попадетъ въ другую атмосферу, такъ и въ немъ чахло и глохло умственное развитіе, вызванное искусственнымъ напряженіемъ воли и нервъ, подъ вліяніемъ страстнаго желанія скорѣе наверстать потерянное время, чтобъ занять въ обществѣ подобающее ему по рожденію и состоянію мѣсто и приблизиться къ идеалу, воплощеніемъ котораго служили для него Соня съ Вѣрой.

Онѣ были для него тѣмъ, что солнце для цвѣтка. Ему было и темно и холодно безъ нихъ, ничѣмъ не могъ онъ согрѣться, и все то, для чего его вырвали изъ той среды, гдѣ онъ прозябалъ, богатство, знатность, власть, потеряли для него, въ ихъ отсутствіи, всякій смыслъ. Безъ нихъ, ничѣмъ не находилъ онъ въ себѣ ни силы, ни охоты пользоваться.

— Первое время они очень интересовались всѣмъ, что до ихъ покойной маменьки касалось, — разсказывалъ попъ Маланьѣ.—Розыскивали тѣхъ, кто ее здѣсь помнитъ, и разспрашивали про нее; отыскали ейныя письма въ бюрѣ, тѣ, что она супругу писала, а управитель замѣсто того, чтобъ на почту отправлять, въ бюро складывалъ...

— Съ этой поры, какъ письма эти онъ нашелъ, и зачалъ юродствовать, — вставила попадья, наливая третью чашку чаю своей гостьѣ.

— Да, да, первый припадокъ падучей съ нимъ тогда и приключился,—согласился съ нею мужъ.— Однако, они тогда еще въ умственныхъ занятіяхъ себѣ удовольствіе находили. Книжки читали, и я самъ отвозилъ отъ нихъ письмо въ Петербургъ, на почту. Но это ужъ было послѣднее, съ той поры вотъ ужъ третій мѣсяцъ, какъ не берутъ пера въ руки, отъ всякой бесѣды уклоняются и норовятъ все одни куда нибудь подальше уйдти. Докторъ, что сюда пріѣзжалъ для нихъ, говоритъ, будто имъ эти припадки на мозгъ сильно дѣйствуютъ, и что они такимъ манеромъ могутъ совсѣмъ съ ума сойтить. Пуще всего душевныхъ потрясеній должно остерегаться...

Разговоръ этотъ былъ прерванъ появленіемъ дѣвчонки съ барскаго двора.

— Ихъ барыня къ себѣ зовутъ,—объявила она, дергая попадью за юбку и указывая знаками на Маланью.

— Скажи барынѣ, что сейчасъ приду; вотъ только отдохну маленько, — важно отвѣчала эта послѣдняя, вытирая бѣлымъ платкомъ потъ, выступившій на ея лбу отъ горячаго чая въ совокупности съ сильными душевными ощущеніями.

Дѣвчонка убѣжала исполнять порученіе, а Маланья сказала попу съ попадьей, что она ее давно знаетъ, ихнюю барыню.

Гдѣ именно и при какихъ обстоятельствахъ она съ нею познакомилась, объ этомъ она умолчала, но по тому, какъ она презрительно поджимала губы, произнося ея имя, можно было догадаться, что не большимъ почетомъ пользуется въ ея глазахъ молодая Воротыновская барыня.

Выпивъ еще чашечку чаю съ медомъ и поблагодаривъ гостепріимныхъ хозяевъ за угощеніе, она еще разспросила про кое-кого изъ дворовыхъ, не выражая, впрочемъ, желанія повидаться съ тѣми изъ старыхъ своихъ знакомыхъ, что̀ остались еще въ живыхъ, а ужъ затѣмъ, степенно и не торопясь, поднялась изъ-за стола, поправила платокъ на головѣ и медленно направилась къ усадьбѣ.

Въ маленькомъ домикѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ запущеннымъ садомъ, Маланья Тимоѳеевна застала одну только барыню.

На ея вопросъ: — а баринъ гдѣ? — молодой малый въ нанковомъ сюртукѣ отвѣчалъ:—Баринъ теперича и ночевать домой не приходятъ. Имъ въ старомъ домѣ постель постилаютъ, и они тамъ одни съ Арабкой. А барыня въ спальнѣ, приказали васъ туда провести. Вонъ дверь-то прямо, туда и идите.

Но прежде, чѣмъ послѣдовать этому совѣту, Маланья заглянула черезъ растворенную дверь въ комнату, на которую ей указывали, и увидала большую кровать краснаго дерева съ пуховикомъ, подушками и штофнымъ одѣяломъ, трюмо, швейный столикъ съ кресломъ у окна и еще нѣсколько шкаповъ, креселъ и столовъ, безпорядочно сдвинутыхъ въ кучу и покрытыхъ густымъ слоемъ пыли.

Къ посѣтительницѣ вышла навстрѣчу молодая дѣвушка, по виду горничная, и, замѣтивъ, съ какимъ любопытствомъ она заглядываетъ въ спальню, пояснила, что барыня сюда ужъ недѣлю какъ не входитъ, потому и безпорядокъ.

— Почиваютъ онѣ теперича на диванѣ въ бывшей ковровой, а кушать изволятъ въ бесѣдкѣ, что̀ у ручья.

— Ну, а всегда-то гдѣ-жъ онѣ сидятъ?—спросила Маланья.

— Да разно: одну недѣльку тутъ поживутъ, другую — тамъ. Тоска имъ на одномъ-то мѣстѣ, вотъ и мѣняютъ. И мебель постоянно чтобъ была у нихъ новая передъ глазами. Всю ужъ почти

изъ дому-то перетаскали то въ одинъ флигель, то въ другой, то въ каменную бесѣдку, то въ деревянную. Сама разставитъ, приберется, въ вазы свѣжихъ цвѣтовъ прикажетъ нарѣзать. Постоитъ такъ день, другой, и велитъ убрать, другую принести. А на прошлой недѣлѣ вздумала на мельницѣ ночевать, узнала, что баринъ тамъ по близости у пасѣчника поселился, ну, и она туда за нимъ поѣхала.

«Она, значитъ, всю свою жизнь проводитъ въ поискахъ за мужемъ и въ томъ, чтобъ незамѣтно слѣдить за нимъ, сладкая жизнь, нечего сказать!»—думала Маланья, слушая разсказы горничной.—«Стоило изъ-за этого Воротыновской барыней сдѣлаться!»

Размышленія эти были прерваны появленіемъ самой барыни.

Тоже перемѣнилась, постарѣла лѣтъ на десять и опустилась не менѣе мужа и дочка капитана Ожогина. Маланья не узнала бы ея, если-бъ судьба столкнула ихъ въ другомъ мѣстѣ. Одѣта она была небрежно, волосы безпорядочными кудрями выбивались изъ-подъ ночнаго чепчика, бѣлый, вышитый гладью капотъ, весь перемятый, на ногахъ стоптанныя, бархатныя туфли.

Она тотчасъ же заговорила съ Маланьей про Марѳу Александровну съ большой любовью и участіемъ.

— Богъ знаетъ, что я бы дала, чтобъ знать, что она счастлива! — повторила она нѣсколько разъ съ глубокими вздохами. — Не гнѣвается она на меня за то, что я за Григорія Александровича вышла, нѣтъ?

— Чего же имъ гнѣваться, — сдержанно отвѣчала Маланья. — Судьба ваша, значитъ, такая, отъ Бога такъ было положено.

Но что всего больше удивило ее при этомъ свиданіи, это разспросы Полиньки про Ратморцевыхъ. Оказывалось, что здѣсь одно только было извѣстно, это то, что барышни Ратморцевы заболѣли, и что Сергѣй Владиміровичъ взялъ продолжительный отпускъ, чтобъ пожить съ семьей за границей. Когда Маланья сказала, что Софья Сергѣевна скончалась уже мѣсяца три тому назадъ, и что тѣло ея привезли хоронить въ Святское, и что теперь, поди чай, и Вѣра Сергѣевна умерла: безнадежна она была, когда сестрицу-то хоронили,—Полинька поблѣднѣла отъ испуга.

— Господи!—вскричала она, всплескивая руками.—Да какъ же это? Неужели? Ты это навѣрное знаешь? — безсвязно пролепетала она.

— Вѣрно, сударыня. Отъ Ратморцевскихъ людей мы это знаемъ. Похоронивши одну дочку, Сергѣй Владиміровичъ опять уѣхали за границу, въ то мѣсто, гдѣ супруга ихъ съ другой ихней барышней осталась. Очень, говорятъ, была тогда Вѣра Сергѣевна слаба, поди чай, ужъ и ее тоже въ гробу въ Спасское привезли, чтобъ рядомъ съ сестрицей похоронить...

Она хотѣла еще что-то прибавить, но смолкла на полусловѣ, замѣтивъ исказившееся отъ ужаса лице своей слушательницы, ея пристальный взглядъ, устремленный на дверь, у которой остановилась Маланья.

Эта послѣдняя невольно оглянулась и увидала барина.

Онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея, прислонившись къ стѣнѣ, блѣдный какъ полотно, съ безсмысленно выпученными глазами; тяжелое, прерывистое дыханіе вылетало изъ его груди. И вдругъ, въ ту самую минуту, когда Полинька сорвалась съ мѣста, чтобъ кинуться къ нему, лице его исказилось, и онъ съ дикимъ воплемъ повалился на полъ.

Когда его подняли и положили на кровать, тѣло его сводило судорогами, глаза закатились, на губахъ показалась пѣна.

Чтобъ помогать Полинькѣ ухаживать за мужемъ, Маланья отложила на цѣлую недѣлю свой отъѣздъ.

Но черезъ недѣлю случилось происшествіе, вслѣдствіе котораго ей пришлось еще съ мѣсяцъ прожить въ Воротыновкѣ.

Дня три послѣ припадка, Григорій Александровичъ поднялся съ постели и сталъ бродить сначала по комнатамъ, а потомъ на террассѣ и по саду.

Онъ былъ, какъ всегда, молчаливъ и задумчивъ, но кротокъ и безъ обычнаго раздраженія выносилъ ухаживаніе жены. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, когда вошли въ спальню, его тамъ не оказалось. Кинулись искать его въ садъ, въ лѣсъ, на мельницу, нигдѣ его не было.

Вся деревня поднялась на ноги въ поискахъ за бариномъ. Полинька каждый день увеличивала сумму, обѣщанную тому, кто найдетъ его живымъ или мертвымъ, или дастъ о немъ вѣсть; она обѣщала дать вольную тому человѣку, а также и семьѣ его, но ничего изъ этого не выходило, дни шли за днями, недѣли за недѣлями, а Воротыновскій баринъ не отыскивался.

Маланья совѣтывала Полинькѣ переѣхать на житье въ городъ.

— По безвѣстному отсутствію вашего супруга, вамъ должны дать полномочіе на управленіе его имѣніями и назначить опеку,— говорила она ей. — Вамъ и найдти-то его легче будетъ, когда губернаторъ въ это дѣло вмѣшается, онъ всюду, по всей губерніи, дастъ приказъ его искать. Можетъ, Григорій Александровичъ давно ужъ изъ нашего уѣзда отбылъ.

Полинька послѣдовала этому совѣту; всю зиму провела она въ городѣ, но и хлопоты начальства, принявшаго въ ней горячее участіе, остались также безуспѣшны, какъ и старанія Воротыновскихъ крестьянъ: баринъ не находился.

Долго спустя, лѣтъ шесть или семь, пронесся слухъ, будто видѣли барина Воротынцева въ монастырѣ близъ села Святскаго, и

будто онъ тамъ постригся въ монахи, но не всѣ этому повѣрили тогда, а когда впослѣдствіи слухъ этотъ подтвердился, всѣ имѣнія его, за выдѣломъ законной части, предоставленной его женѣ, поступили въ собственность отдаленныхъ родственниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не носилъ имени Воротынцева. Съ Григоріемъ Александровичемъ, сыномъ Маріиньки, фамилія эта угасла.

Н. Мердеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ А. А. АЛЕКСѢЕВА [1].

XV.

Петербургскіе шутники.—Анекдоты.—Медвѣдь изъ «Волшебной флейты».—Степановъ.—Его слабость.—Моя вторая женитьба.

ВЪ СТАРОЕ время въ Петербургѣ было много милыхъ шутниковъ, которые по страннымъ стеченіямъ обстоятельствъ принадлежали къ кружку заядлыхъ театраловъ. Иногда ихъ шутки ограничивались остротой, иногда же они увѣковѣчивали свое имя въ памяти пріятелей такими школярными продѣлками, что приходилось сомнѣваться въ здравости ихъ мозговъ. О шуткахъ возмутительныхъ я не стану вспоминать, чтобы не вызывать непріятнаго ощущенія, а о безобидныхъ проказахъ упомяну. Онѣ могутъ послужить нѣкоторой иллюстраціей отжитыхъ дней, имѣвшихъ свои характеристическія особенности и рѣзко отличавшихся отъ нашего времени, серьезнаго и бичующаго, подъ личиной просвѣщенной сосредоточенности скрывающаго всѣ мельчайшія оттѣнки стараго шутовства...

Былъ нѣкій Ольдекопъ, очень веселый человѣкъ и шутникъ большой руки. Его многіе знали въ Петербургѣ, въ особенности изъ міра театральнаго и коммерческаго. Онъ имѣлъ какія-то сно-

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 338.

шенія съ биржей, таможней и представителями торговаго купечества.

Однажды Ольдекопъ досталъ, благодаря своему знакомству съ театральными чиновниками, цѣлый четвертый рядъ на какое-то выдающееся балетное представленіе. Многіе изъ биржевыхъ знакомыхъ, знавшіе о его связахъ съ закулисными воротилами, обращались къ нему съ просьбою раздобыть билетъ на этотъ отмѣченный спектакль.

— Да я ужъ запасся малою толикою,—отвѣчалъ каждому Ольдекопъ.—Если хотите я могу вамъ удружить однимъ, но не болѣе, билетомъ въ четвертый рядъ...

— Да вы просто благодѣтель рода человѣческаго...

— И биржеваго,—добавляетъ Ольдекопъ.

— Ну, ужъ хоть одинъ-то давайте...

Ольдекопъ продавалъ билетъ, но по номеру не слѣдующій за проданнымъ уже предыдущему, а черезъ номеръ. Такимъ образомъ, онъ ровно половину билетовъ оставилъ у себя, а половину продалъ сановитымъ купцамъ.

Наступилъ вечеръ спектакля. Театръ былъ переполненъ публикой. Является одинъ за другимъ биржевое купечество и разсаживается по мѣстамъ. Почти одновременно съ ними въ партерѣ появляются какія-то пестро-одѣтыя и безобразно-размалеванныя феи предосудительнаго поведенія и, къ всеобщему ужасу купцовъ, садятся между ними, какъ разъ черезъ человѣка. Многіе изъ публики обратили вниманіе на четвертый рядъ и стали подсмѣиваться. Купцы переглядывались и на своемъ лицѣ изображали полнѣйшую безпомощность. Такъ прошелъ первый актъ, по окончаніи котораго купцы собрались въ фойе, вызвали Ольдекопа, сидѣвшаго съ невиннымъ выраженіемъ въ шестомъ ряду, и сердито ему замѣтили:

— Ну, это свинство!

— Что такое?

— Ты насъ на смѣхъ, что ли, между кокотками посадилъ?

— Какими кокотками?

— Да что около каждаго изъ насъ помѣщаются?

— Ахъ, эти-то?.. А вѣдь я, признаться, подумалъ, что вы ихъ съ собой приволокли, и удивлялся вашей безтактности.

— Ты не финти! Дѣло на чистоту выкладывай...

— Да я-то почемъ ихъ знаю?

— Кто же, кромѣ тебя, могъ имъ билеты дать?

— Не вѣдаю! Я только тѣ билеты и пріобрѣлъ отъ дирекціи, которые вамъ продалъ...

Обиженные и сконфуженные купцы разъѣхались по домамъ, а расфранченныя дѣвицы остались въ четвертомъ ряду одинокими. Впрочемъ, и онѣ должны были вскорѣ покинуть театръ, такъ какъ ихъ положеніе оказалось тоже глупымъ.

Это оказалось, разумѣется, шуткой Ольдекопа: оставшіеся билеты онъ роздалъ первымъ встрѣтившимся на улицѣ.

Въ другой разъ, этотъ же самый Ольдекопъ пріобрѣлъ весь третій рядъ на бенефисъ Мартынова въ Александринскомъ театрѣ. Билеты доставались тоже съ трудомъ, и потому биржевики обратились къ его содѣйствію. Онъ охотно исполнялъ просьбу только тѣхъ, кто обладалъ лысою головою, всѣмъ же остальнымъ наотрѣзъ отказывалъ.

Въ спектакль получилось любопытное зрѣлище: весь третій рядъ, на подборъ, состоялъ изъ плѣшивыхъ зрителей. Посыпались со стороны публики насмѣшки. Купцы недоумѣвали и чувствовали себя крайне неловко подъ нескромно направленными на нихъ биноклями. Въ концѣ концовъ ихъ забавное положеніе выяснилось, и они поспѣшили одинъ за другимъ покинуть театръ.

И много другихъ проказъ извѣстно про Ольдекопа, но онѣ болѣе или менѣе похожи другъ на друга, такъ что можно ограничиться только этими фактами.

Въ pendant къ умышленному шутнику помянемъ шутника неумышленнаго. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, была репертуарною пьесою «Волшебная флейта», въ которой, какъ извѣстно, участвуетъ медвѣдь. Однажды идетъ она въ Каменноостровскомъ театрѣ. Медвѣдя по обыкновенію изображалъ плотникъ Игнатій, уже не разъ выряжавшійся въ шкуру этого благороднаго звѣря. Въ тотъ моментъ, когда медвѣдь былъ на сценѣ и представлялъ изъ себя дѣйствующее лице, разразилась надъ Петербургомъ буря, сопровождаемая страшнымъ громомъ. Вечеръ тотъ былъ вообще пасмурный и дождливый. Громъ былъ на столько силенъ, что казалось, что онъ разразился надъ самымъ театромъ. И публика, и актеры вздрогнули отъ неожиданности, медвѣдь же не только вздрогнулъ, но даже по русскому обычаю перекрестился. Испугъ публики быстро смѣнился долго-неумолкавшимъ смѣхомъ.

Старый сослуживецъ мой, Петръ Степановъ, былъ славнымъ товарищемъ и безобиднымъ человѣкомъ. Большимъ дарованіемъ онъ не обладалъ, ничѣмъ особеннымъ не отличался и ничьего вниманія на себя не обращалъ. Жилъ онъ потихоньку, не слишкомъ замѣтно, но и не безполезно.

Слабостью его считалась манера приврать, но приврать безкорыстно, безъ всякой задней мысли, а просто къ слову. Впрочемъ, эта слабость его была понятна: онъ былъ страстный охотникъ, а страстные охотники, какъ извѣстно, лгуны по призванію. Степановъ вралъ вообще, но когда разговоръ касался его конька — охоты, то онъ являлся въ своемъ родѣ неподражаемымъ. Въ пылу увлеченія его фантазія создавала такіе необычайные факты и онъ обрисовывалъ себя такимъ необыкновеннымъ героемъ, что слушатели безъ церемоніи останавливали его въ самомъ патетическомъ

мѣстѣ и указывали на его несообразности. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда, бывало, крякнетъ и въ оправданіе свое скажетъ:

— Н-да... Я и забылъ, что вамъ ничего разсказывать не стоитъ, — все равно не повѣрите, а между тѣмъ все это истинные факты.

Однажды Степановъ разсказывалъ на репетиціи, во время антракта:

— Лѣтъ восемь тому назадъ у меня была замѣчательно умная собака. Звали ее Тамерланъ. Ахъ, какъ хорошо онъ, подлецъ, птицу выслѣживалъ, т. е. такъ хорошо, что я постоянно былъ подвергнутъ опасности...

— Да вѣдь ты не птица,—сострилъ Каратыгинъ, — какая же опасность тебѣ могла угрожать?

— А такая, что всѣ знакомые и незнакомые охотники на собаку зубы точили и непремѣнно хотѣли ее украсть у меня... А нужно признаться, я ее самъ за смышленность у одного пріятеля стянулъ... Ахъ, какая необыкновенная собака! Бывало разнюхаетъ гдѣ либо гнѣздо,—такъ не набросится на него и не спугнетъ самку, какъ дѣлаютъ это всѣ другія собаки, а тихо, не подалеку отъ находки сядетъ на заднія лапы и передними манитъ меня... Я бывало, подкрадусь, спугну птицу самъ и близехонько ее бью... Вотъ какой удивительный пёсъ былъ! Другаго подобнаго я никогда не видалъ...

Въ другой разъ онъ такъ увлекся, что сталъ было разсказывать о томъ, какъ медвѣдь его придушилъ и началъ имъ закусывать, но онъ будто бы во время нашелся, подалъ своему кровожадному врагу флягу съ водкой, тотъ захмелѣлъ и выпустилъ изъ своихъ могучихъ лапъ бѣдную жертву. Тогда Степановъ вскочилъ на ноги, поспѣшно вынулъ изъ кармана перочинный ножъ и распоролъ брюхо медвѣдю.

— Зачѣмъ же было пороть его, ты бы застрѣлить могъ. Вѣдь ружье-то при тебѣ было.

— При мнѣ, да переломано... Вотъ я и говорю, какъ иногда бываетъ полезно на охотѣ имѣть при себѣ водку и колбасу...

— Зачѣмъ же колбасу-то?—удивились слушатели.

— На закуску.

— Такъ вѣдь она-то въ дѣлѣ съ медвѣдемъ была не причемъ...

— Нѣтъ, очень причемъ.

— Поясни.

— Извольте. Если бы я не взялъ съ собой колбасы на закуску, то не прихватилъ бы и ножа перочиннаго. Ножъ-то у меня спеціально для колбасы былъ взятъ...

Какъ-то въ уборной собралась группа актеровъ и о чемъ-то разговаривали. Между прочимъ, разговоръ коснулся одного общаго знакомаго, который не задолго до этого умеръ.

— Жаль бѣднягу,—сказалъ Самойловъ.—Не ожидалъ онъ такъ рано покинуть міръ...

— Всегда былъ здоровъ и веселъ, — замѣтилъ Яблочкинъ, — и вдругъ...

— Да, да, жаль бѣднаго...

На этотъ разговоръ входитъ въ уборную Степановъ и, услыхавъ фамилію знакомаго, какъ бы кстати замѣчаетъ:

— Ахъ, вы про него? Прелестный человѣкъ, душа-человѣкъ... Такой добрякъ, какихъ свѣтъ не создавалъ еще... Я у него третьяго дня вечеромъ былъ...

— Слышите, господа,—перебиваетъ его Самойловъ,—онъ былъ третьяго дня у него въ гостяхъ?

Всѣ присутствующіе расхохотались.

— Чего-жъ тутъ смѣшнаго?—обидѣлся Степановъ.

— Да какъ же не смѣяться надъ тобой: ты говоришь, былъ у него третьяго дня, а его недѣлю тому назадъ похоронили.

— Ну, такъ что-жъ?—хладнокровно отвѣтилъ Степановъ, быстро оправясь и найдя ловкій способъ оправданія. — Зачѣмъ вы меня перебили и не дали мнѣ договорить...

— Ну, ну?

— Прихожу я къ нему третьяго дня и звоню. Открываетъ мнѣ дверь горничная. Я спрашиваю ее: «баринъ дома?» Она отвѣчаетъ: «никакъ нѣтъ, — ихъ недѣлю тому назадъ похоронили». «Неужели?» воскликнулъ я съ горечью. Она прослезилась и сказала: «Да». Меня это крайне взволновало, и я печально пошелъ домой.

Вообще Степановъ былъ увертливъ и находчиво выходилъ изъ разныхъ неудобныхъ положеній, въ которыя онъ ставилъ себя по собственному желанію. Онъ никогда, бывало, не смутится, какими бы неотразимыми доводами его ни обличали, а наоборотъ, какъ нибудь такъ поведетъ разговоръ, что самъ обличитель смутится и чуть не сознается въ мнимой оплошности. Эта черта его характера придавала ему оригинальность и выдѣляла изъ ряда обыкновенныхъ лжецовъ по призванію.

Въ іюнѣ 1865 года я лишился жены, скончавшейся внезапно, во время моихъ гастролей въ Рыбинскѣ у Смирнова. Оставивъ ее въ Петербургѣ бодрой и совершенно здоровой, я, по полученіи изъ дома телеграммы, извѣщавшей объ ея смерти, былъ такъ ошеломенъ неожиданностью, что сразу даже не хотѣлъ вѣрить совершившемуся факту, приписывая телеграмму неблагородной шуткѣ какого нибудь столичнаго «благопріятеля». Но роковая дѣйствительность обнаружилась тотчасъ же переговоромъ черезъ телеграфъ съ дѣтьми. Разумѣется, я моментально собрался къ отъѣзду въ Петербургъ, но ко мнѣ на квартиру явился Смирновъ и категорически заявилъ, что не отпускаетъ меня.

— Да, потому что да... Вы должны еще три спектакля отыграть...

— Какіе теперь спектакли! Не до нихъ...

— У насъ съ вами условіе...

— При такихъ обстоятельствахъ оно имѣетъ маловажное значеніе...

— Да, потому что да... меня не касается смерть вашей жены. Вотъ если бы вы сами умерли, тогда бы, пожалуй, условіе нарушилось, а теперь нѣтъ... Да, потому что да... Лучше не собирайтесь,—я крикну «караулъ», прибѣжитъ полиція и васъ арестуютъ... Да, потому что да... вѣдь это дневной грабежъ...

— Чего вы волнуетесь? Успокойтесь! Если хотите, послѣ похоронъ я пріѣду къ вамъ на три спектакля?

— Обдуете!

— Да когда же я васъ обманывалъ?

— Да, потому что да... послѣ похоронъ-то, я знаю, некогда будетъ... Играйте-ка теперь...

— Урву недѣлю и пріѣду.

— Не согласенъ!.. Да, потому что да... Отыграйте три спектакля и тогда куда хотите дѣвайтесь...

— Ну, ужъ если на зло пошло, то знайте, что играть не стану, условія не признаю и послѣ похоронъ не пріѣду...

— А я «караулъ» закричу.

— Кричите.

— Исправника приволоку,—плоше будетъ...

— Меня никто задержать не смѣетъ.

— Почему?

— Потому что я человѣкъ вольный, а если вамъ угодно искать съ меня убытки, то это можете въ гражданскомъ порядкѣ черезъ судъ.

— Ага! могу!.. Да, потому что да... Пожалуй, уѣзжайте, только отдайте хоть убытки теперь...

— Э! Такъ вотъ вы куда гнули?! Прощайте!

Этимъ я прикончилъ всякія отношенія со Смирновымъ и уѣхалъ въ Петербургъ.

На моихъ рукахъ осталось восемь человѣкъ дѣтей. Мнѣ было трудно съ ними справляться. Въ томъ же году, въ сентябрѣ я женился на Клавдіи Ивановнѣ Дмитріевой.

XVI.

Ю. Н. Линская. — Ея судьба. — П. И. Зубровъ. — Его сломанныя ноги.

Юлія Николаевна Линская во все время своей службы на императорской сценѣ пользовалась громаднымъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Съ ея смерти прошло уже двадцать лѣтъ, а ея амплуа остается до сихъ поръ не замѣщеннымъ, — вотъ какая была она актриса. Въ бытовыхъ роляхъ Линская осталась безъ подражательницъ; комическія роли ею передавались съ художественною правдою, безъ малѣйшей утрировки; купчихи-самодурки, свахи, въ ея исполненіи выходили законченными типами, прямо выхваченными изъ жизни.

Линская училась у знаменитаго въ свое время князя Шаховскаго, который со свойственнымъ ему увлеченіемъ ошибся въ ея истинномъ призваніи и готовилъ ее на сильно-драматическія роли. Она дебютировала очень молоденькой, осенью 1841 года, въ пьесѣ Полеваго «Параша-Сибирячка» и тогда же обратила на себя вниманіе людей, понимающихъ искусство, но долго не выдвигалась впередъ, пока не удалось ей сыграть комическую роль старой дѣвы въ водевилѣ «Въ людяхъ ангелъ—не жена». Тутъ только выяснилось ея настоящее амплуа, и она стала появляться въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ уже не имѣла соперницъ. Впрочемъ, слава Линской образовалась только въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ сороковыхъ же она только пользовалась успѣхомъ, потому что въ то время не всѣ хорошія роли попадались исключительно ей, а дѣлились на нѣсколько претендентокъ, болѣе заслуженныхъ... разумѣется, по возросту, а не по дарованію.

Въ 1851 году Юлія Николаевна вышла замужъ за извѣстнаго петербургскаго милліонера Громова и покинула сцену. Ея отсутствіе не было не замѣтно, хотя такъ же и не было очень ощутительно, такъ какъ Линская имѣла репертуаръ все еще ограниченный. Черезъ четыре года, то-есть въ 1854 году, она снова поступила въ составъ нашей труппы. Разумѣется, не ради денегъ пошла она снова на сцену, а изъ непреодолимой любви къ искусству. Въ деньгахъ она не могла знать нужды: у нея, какъ говорятъ, ихъ куры не клевали, а скука и однообразіе семейной жизни въ замкнутомъ ветхозавѣтномъ домѣ принудили ее вновь отдаться театру. Конечно, поступленіе на сцену для нея было сопряжено съ большими затрудненіями, но Линская ихъ всѣ благополучно преодолѣла. Вся родня мужа, во главѣ со строгою свекровью, женщиною стараго, какъ выражаются, закала, придерживавшейся старой вѣры, была противъ того, чтобы ихъ родственница, жена именитаго купца,

«играла комедь передъ людьми всякаго сословія», но Юлія Николаевна сумѣла такъ расположить къ себѣ всѣхъ и вся, что ей, «по размышленіи здравомъ», было разрѣшено вновь вступить на скользкіе подмостки сцены.

— Это бѣсовское навожденіе,—сказала свекровь,—ну, да Богъ съ тобой, дѣлай что хочешь, только въ домъ актерщиковъ не води... Ну, ихъ! Я и тебя-то не хотѣла къ намъ принимать, да ты такая хорошая оказалась...

На этотъ разъ Линская попала прямо на свое амплуа и съ перваго же выхода стала пользоваться выдающимся успѣхомъ. Четырехлѣтнее пребываніе въ купеческой средѣ послужило цѣннымъ матеріаломъ для талантливой артистки, подмѣчавшей и изучавшей типы столичныхъ дикарей, которые такъ рельефно олицетворены Островскимъ въ его картинахъ темнаго царства. Для пьесъ этого драматурга она была одною изъ лучшихъ исполнительницъ, усвоивавшихъ и отчетливо понимавшихъ выдающагося автора.

Вскорѣ умеръ ея мужъ. Она оказалась наслѣдницею его богатствъ, которыя, впрочемъ, впродолженіе очень немногихъ лѣтъ изчезли у нея безъ слѣда. Линская была необыкновенно добрая, и ея добротой злоупотребляли всѣ и каждый. Недобросовѣстные люди корыстно ухаживали за ней и выманивали, въ видѣ подарковъ, цѣнности и деньги.

— Ахъ, Юлія Николаевна! Какая у васъ хорошенькая брошка?— стоило, бывало, сказать Линской одной «изъ подругъ», какъ она отвѣчаетъ:

— А вамъ она нравится?

— Еще бы! Это роскошь!

— Ну, такъ возьмите ее себѣ...

— Ахъ, что вы, что вы! — откажется для виду подруга. — Не надо! Съ какой стати! Эта вещь очень дорогая!...

— Возьмите! У меня есть другая, почти такая же...

— Нѣтъ, ни за что не возьму...

— Я на васъ обижусь!

— Ну, ужъ если вы такъ, то... давайте! Но я непремѣнно васъ отдарю...

— Ну, вотъ еще пустяки!

И, разумѣется, тѣмъ дѣло кончалось. Никакихъ отдариваній никогда не было.

— Юлія Николаевна! Я въ страшной крайности...

— Ахъ, неужели?

— Предстоитъ опись имущества... и долженъ-то я гроши въ сущности...

— Вы не допускайте до описи... Какъ же это можно... У васъ, кажется, дѣти...

— И радъ бы не допустить, да выплатить долга нечѣмъ...

— У меня займите... Я васъ выручу... Вамъ сколько надо? Говорите, не стѣсняйтесь.

— Триста рублей.

— Ну, хорошо, завтра на репетицію привезу.

И такихъ просителей у нея было ежедневно по нѣсколько человѣкъ. Она раздавала деньги безъ счету и ни съ кого не получала долговъ. А если, бывало, и найдется человѣкъ съ честными правилами и, поправясь обстоятельствами, вздумаетъ возвратить ей долгъ, она наотрѣзъ получить его отказывалась.

— И охота вамъ помнить!... Потомъ когда нибудь отдадите...

— Зачѣмъ же потомъ? Я теперь располагаю деньгами и считаю своею нравственною обязанностью возвратить вамъ ту сумму, которой вы меня выручили тогда-то...

— Спрячьте ихъ, спрячьте! На черный день пригодятся...

Она всѣмъ напоминала черный день, а сама о существованіи такого не помнила. Юлія Николаевна полагала, что ея богатству не будетъ конца, а между тѣмъ конецъ былъ не за горами. Деньги истощались съ неимовѣрною быстротою. Къ тому же случилось ей увлечься нѣкіимъ красивымъ юношей А. и уже въ почтенномъ возрастѣ выдти за него замужъ. Это была роковая ошибка Линской... Деньги проживались съ удвоенной быстротой, у супруга всплывали долги, которые покрывались послѣдними крохами этой доброй женщины, и, въ концѣ концовъ, она осталась буквально безъ всего... Семейныя огорченія и разстройство матеріальныхъ средствъ подломили ея здоровье, и весною 1871 года она скончалась въ нищетѣ. Но вѣдь она получала жалованье?—возразятъ мнѣ.—Да, получала, но оно все цѣликомъ уходило на выплату долговъ, чужихъ долговъ. Она послѣдніе мѣсяцы доживала до того, что ей нечего было ѣсть. Ея безчисленные должники объ этомъ хорошо знали, и никто не подалъ ей руку помощи. Ей не на что было купить лекарства, старые друзья великодушно подавали ей рубли... Боже! Неужели это только такъ бываетъ за кулисами?!.. Бывшую милліонершу хоронили по подпискѣ... Это ли не плачевная судьба?...

Говоря про неудачи одной, кстати вспоминаю о неудачахъ другаго. Этотъ другой — Петръ Ивановичъ Зубровъ, у котораго подъ конецъ жизни «вышла линія на поломку ногъ». Петръ Ивановичъ былъ очень хорошимъ актеромъ, всѣ мы его любили за умъ, веселость и простоту. Онъ былъ крайне покладистымъ, незлобивымъ и добрымъ. У него было нѣсколько своеобразныхъ, оригинальныхъ чертъ въ характерѣ, но онѣ не всякому бросались въ глаза, ихъ знали только нѣкоторые, ближе знакомые съ Зубровымъ, почему о нихъ никогда не было разговоровъ и въ закулисные анекдоты онѣ не входили...

Петръ Ивановичъ питалъ большую пріязнь къ актеру Семенову. Они были всегда и вездѣ вмѣстѣ, за что ихъ прозвали даже «ая-

ксами». Однажды, въ свободный отъ спектакля вечеръ, Зубровъ съ своимъ другомъ отправились въ нѣмецкій клубъ. Время провели они тамъ очень весело: встрѣтились со знакомыми, учинили попойку и разбрелись по домамъ въ достаточно-нагруженномъ видѣ, то-есть въ такомъ, когда фантазія болѣе всего разыгрывается не въ пользу своего господина и ищетъ себѣ удовлетворенія въ совершенно безполезныхъ предпріятіяхъ, которыя обыкновенно должны служить доказательствомъ (кому—неизвѣстно) вмѣняемости субъекта.

— Извозчикъ!—крикнулъ было Семеновъ, выйдя изъ клуба, но Зубровъ его остановилъ.

— Не нужно,—сказалъ онъ,—погода превосходнѣйшая... Пройдемся пѣшкомъ...

— Тяжело вѣдь...

— Ну, вотъ еще выдумалъ! Да я хоть по половицѣ пройду и не покачнусь... Кромѣ того, эта прогулка насъ освѣжитъ, и мы завтра не почувствуемъ сегодняшней выпивки.

— Ну, пойдемъ, пожалуй...

Мирно бесѣдуя, дошли они до Сѣнной площади, среди которой надъ Петромъ Ивановичемъ разразилась катастрофа. Онъ поскользнулся и такъ неудачно упалъ, что сломалъ себѣ правую ногу. Семеновъ сокрушенно покачалъ головой и произнесъ укоризненнымъ тономъ:

— Вотъ говорилъ я тебѣ: поѣдемъ да поѣдемъ, а ты: нѣтъ да нѣтъ, ну, вотъ и ори теперь...

— Судьба!—простоналъ Зубровъ.—Все судьба...

— Оно точно, а всетаки извозчика-то взять придется...

— Бери, скорѣй только...

Семенова вдругъ обуяли матеріальные расчеты, и онъ не безъ сердца сказалъ:

— И отсюда извозчикъ беретъ четвертакъ и отъ клуба взялъ бы не больше, а пѣшкомъ-то мы сколько продрали?.. Ты вотъ всегда такъ...

Привезли Зуброва домой, моментально послали за докторомъ-операторомъ Барчемъ, который умѣлою рукою вправилъ кости, сдѣлалъ повязки и, кажется, черезъ мѣсяцъ выпустилъ его на сцену. Хотя Петръ Ивановичъ немного и прихрамывалъ, но играть всетаки могъ. Въ концѣ концовъ онъ совершенно поправился и о поломѣ ноги даже забылъ. Въ ту же зиму петербургская драматическая труппа устроила большой ужинъ въ ресторанѣ Донона, на Мойкѣ, въ честь гостившаго тогда въ столицѣ Александра Николаевича Островскаго. Ужинъ этотъ затянулся далеко за полночь и имѣлъ симпатичный товарищескій характеръ. Только что мы встали изъ-за стола, какъ намъ сообщили, что неподалеку отъ ресторана пожаръ. Нѣсколько человѣкъ изъ компаніи, въ томъ числѣ я и Яблочкинъ, отправились на мѣсто печальнаго зрѣлища. Часа черезъ

два мы вернулись обратно къ Донону и наткнулись тоже на невеселую картину. Зубровъ лежалъ на диванѣ, а Барчъ что-то копошился около лѣвой ноги его. Всѣ участники ужина были встревожены и наперерывъ ухаживали за больнымъ.

— Что съ нимъ?—спросилъ я у кого-то изъ присутствующихъ.

— Опять нога треснула...

— Почему? какъ?

— Неловко упалъ.

— Что же ему помогло свалиться?

— Поспорилъ онъ о чемъ-то съ Бурдинымъ. Разговоръ завязался жаркій. Петръ Ивановичъ все шумѣлъ и налѣзалъ на своего опонента, тотъ его слегка оттолкнулъ, а онъ не устоялъ и растянулся во весь ростъ, да такъ нехорошо, что сломалъ ногу...

Пока возились съ Зубровымъ, стало разсвѣтать. Время было подъ утро. Послали въ какую-то больницу за носилками, на которыя положили Петра Ивановича и отправили съ наемными мужиками домой. Другъ его, Семеновъ, взялъ сапогъ, снятый съ больной ноги Зуброва, и торжественно понесъ его передъ носилками. Нужно замѣтить, что Семеновъ былъ нѣсколько навеселѣ и потому свои дѣйствія не подчинялъ разсудку. Многіе изъ насъ, ужинавшихъ, пошли за носилками проводить до дому товарища, во-первыхъ, чтобы смягчить впечатлѣніе его домашнихъ, которые при видѣ необыкновенной ноши вообразили бы что нибудь ужасное, и, во-вторыхъ, для предупрежденія какихъ либо недоразумѣній, возможныхъ въ дорогѣ, въ особенности же съ такимъ ненадежнымъ проводникомъ, какъ Семеновъ.

Встрѣчавшіеся намъ прохожіе съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на нашу процессію, а многіе даже религіозно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, предполагая въ Зубровѣ покойника. На Невскомъ проспектѣ какая-то убогая старуха обратилась къ Семенову съ вопросомъ:

— Кого это, батюшка, хоронятъ?

— Того, бабушка, который на носилкахъ лежитъ...

— Экій ты не суразный! Я про то, кто онъ, примѣрно, будетъ?

— Актеръ Зубровъ, бабушка.

— Ну, царство ему небесное!

Петръ Ивановичъ не выдержалъ. Слегка приподнялся онъ и крикнулъ:

— Вретъ онъ, разбойникъ,—я живъ!

— Ай!—взвизгнула старуха и опрометью бросилась бѣжать въ противоположную сторону.

На этотъ разъ онъ долго вылежалъ въ постели, а когда всталъ, то принужденъ былъ ходить на костыляхъ. Это удручало его страшнѣйшимъ образомъ.

— Конецъ, всему конецъ! — повторялъ онъ, оплакивая свое прошлое. — Что я теперь? Кто? Калѣка, кандидатъ въ богадѣльню... Нѣтъ, не придется ужъ болѣе мнѣ играть! Моя пѣсенка спѣта...

Мы исправно его навѣщали, въ особенности же часто бывалъ у него неизмѣнный Семеновъ, который однажды съ тревожнымъ видомъ вбѣгаетъ въ уборную Каратыгина, передъ самымъ началомъ спектакля, и громогласно сообщаетъ:

— Съ Петромъ Ивановичемъ опять несчастье!

— Что? Что такое?

— Еще ногу сломалъ...

— Третью? — съ непритворнымъ ужасомъ воскликнулъ Петръ Андреевичъ.

— Ахъ, нѣтъ, первую,—живо отвѣтилъ Семеновъ, — только въ новомъ мѣстѣ...

Въ квартирѣ Зуброва было нѣсколько ступенекъ изъ одной комнаты въ другую, при переходѣ по нимъ онъ какъ-то неловко зацѣпилъ костылемъ за косякъ двери и упалъ. Нога переломилась въ новомъ мѣстѣ, и онъ окончательно слегъ въ постель, съ которой уже и не вставалъ до самой смерти, случившейся въ 1873 году.

XVII.

Театральные юбилеи.—Анекдоты про Сосницкаго и Самойлова.—Остроты Каратыгина.

При мнѣ справлялось четыре большихъ юбилея: Ивана Ивановича Сосницкаго за 50 и 60 лѣтъ службы, Петра Андреевича Каратыгина — за 50 лѣтъ и Василія Васильевича Самойлова — за 40 лѣтъ.

Пятидесятилѣтній юбилей Сосницкаго прошелъ безъ особенной торжественности, но за то шестидесятилѣтній, пришедшійся на святой недѣли [1]), отпразднованъ былъ блестящимъ образомъ.

Александринскій театръ былъ переполненъ изысканною публикой. Все высшее общество было на лице. Государь Александръ Николаевичъ, окруженный многими членами императорской фамиліи, присутствовалъ въ большой царской ложѣ. Весь театральный и литературный Петербургъ сосредоточился въ этомъ достопамятномъ вечерѣ въ стѣнахъ Александринки.

Ветерана русской драмы публика встрѣтила съ энтузіазмомъ. Растроганный старикъ плакалъ и долго не могъ начать втораго дѣйствія «Ревизора», въ которомъ онъ игралъ городничаго.

---

[1]) 1-го апрѣля 1871 г. Прим. М. Ш.

Отрывокъ «Ревизора» на юбилейномъ спектаклѣ имѣлъ немаловажное значеніе, такъ какъ ровно за тридцать пять лѣтъ [1]) до того Иванъ Ивановичъ въ Александринскомъ же театрѣ исполнялъ роль Сквозника-Дмухановскаго при первомъ появленіи на сценѣ этой знаменитой комедіи Гоголя. Говорятъ, что по волѣ самого автора ему поручена была эта роль, съ которой онъ не разставался до самой смерти. Программа перваго представленія «Ревизора», какъ дорогая память минувшаго, сохранялась у Сосницкаго. Роли распредѣлены были такъ: городничій—Сосницкій, его жена—Сосницкая, дочь—Асенкова младшая, Хлоповъ—Хотяинцовъ судья—Григорьевъ, Земляника—Толченовъ, почтмейстеръ—Рославскій, Добчинскій—Крамолей, Бобчинскій—Петровъ [2]), Хлестаковъ—Дюръ, Осипъ—Аѳанасьевъ, Держиморда—воспитанникъ Ахалинъ, Мишка—воспитанникъ Марковецкій.

— Хорошо прежде играли «Ревизора», — говаривалъ Сосницкій,—теперь такъ его не разыграть.

— Почему?

— Потому что публика по другому настроена была. Въ тѣ-то времена эта комедія каждаго за живое хватала да на мысли наводила, а теперь-то только ради зубоскальства ее смотрѣть идутъ!

На юбилейномъ спектаклѣ шелъ только одинъ второй актъ, — одряхлѣвшему Сосницкому уже не подъ силу было сыграть всю комедію. Да и въ одномъ-то этомъ актѣ онъ путался и мѣшался, не взирая на то, что Сквозника могъ бы играть безъ суфлера: такъ сильно врѣзалась въ его память эта роль.

Въ сценѣ встрѣчи городничаго съ Хлестаковымъ, Сосницкій послѣ словъ: «извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго»,—ни съ того, ни съ сего, сказалъ, обводя глазами потолокъ:

— Течь?

— Что?—неудомѣвающе обратился къ нему Хлестаковъ.

— Я спрашиваю, почему у васъ течь?

Публика разсмѣялась и живо вообразила себѣ фигуру начальника отдѣленія изъ сценки Щигрова «Помолвка въ Галерной гавани». Иванъ Ивановичъ забылся и началъ подавать реплики изъ этого водевиля, почему-то на пол-фразѣ вообразивъ, что онъ играетъ именно начальника отдѣленія, а не городничаго. Однако, онъ вскорѣ оправился, опять-таки незамѣтно для себя вошелъ въ роль Сквозника и окончилъ актъ благополучно.

Его юбилейный спектакль состоялъ изъ 2-го дѣйствія «Ревизора», одноактной комедіи И. С. Тургенева «Завтракъ у предво-

---

[1]) 22-го апрѣля 1836 г. Прим. М. Ш.

[2]) Оба въ то время воспитанники театральнаго училища.

дителя», 1-го дѣйствія оперы «Жизнь за Царя» и большаго разнохарактернаго дивертисемента, въ которомъ принялъ участіе балетъ. Этотъ сборный спектакль былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ труппы выразили желаніе непремѣнно участвовать въ шестидесятилѣтней годовщинѣ одного изъ талантливѣйшихъ представителей русской сцены.

Передъ началомъ спектакля юбиляръ былъ поздравленъ съ высочайшею милостію, и ему вручены были брилліанты на медаль, пожалованную ему въ день пятидесятилѣтняго его юбилея.

Въ одинъ изъ антрактовъ, императоръ Александръ Николаевичъ, зайдя на сцену, прошелъ въ уборную къ Сосницкому и велъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Польщенный монаршимъ вниманіемъ, старикъ разрыдался и не могъ отвѣчать на вопросы государя.

— Ну, прощай!—сказалъ въ заключеніе императоръ.—Поговоримъ въ другой разъ на свободѣ...

Выйдя изъ уборной, Александръ Николаевичъ подошелъ къ группѣ актеровъ, ожидавшихъ его появленія.

— Старъ онъ у насъ! Нужно его беречь и холить... Да и вы, старики, себя берегите,—обратился онъ къ Каратыгину, Григорьеву и другимъ.—Я васъ, стариковъ, люблю и никогда не забуду.

Милостивыя слова государя произвели впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Императоръ въ то время долго пробылъ за кулисами и многихъ удостоилъ своимъ разговоромъ.

Осенью того же 1871 года Иванъ Ивановичъ выступилъ послѣдній разъ въ комедіи Минаева «Либералъ». Это была его лебединая пѣсня. Вскорѣ онъ слегъ въ постель и, послѣ трехмѣсячнаго постепеннаго угасанія, 24-го декабря вечеромъ скончался. Его кончину можно назвать кончиною праведника: онъ умеръ безъ болѣзни, страданія и агоніи.

Хоронили Сосницкаго скромно. Толпа, шествовавшая за его гробомъ въ Новодѣвичій монастырь, была не велика. Это былъ тѣсный кружокъ друзей и товарищей покойнаго.

На могилѣ его говорили рѣчи Н. А. Потѣхинъ и Ѳ. А. Бурдинъ. Послѣдній сказалъ краткое, но мѣткое слово:

«Дорогіе товарищи! Бросая послѣднюю горсть земли на эти драгоцѣнные останки артиста и человѣка, мы ничѣмъ инымъ не можемъ почтить память Ивана Ивановича Сосницкаго, какъ тѣмъ, если будемъ стараться подражать ему, какъ артисту и какъ человѣку».

Въ послѣдніе годы жизни, на восьмомъ десяткѣ лѣтъ, Иванъ Ивановичъ примѣтно одряхлѣлъ, но ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ считать себя старикомъ. Онъ бодрился и не прочь былъ отъ ролей, требующихъ исполнителя среднихъ лѣтъ. Въ свои почтенные годы онъ смѣло могъ бы играть стариковъ безъ грима,

такъ какъ и по фигурѣ и по лицу, изборожденному многочисленными морщинами, это былъ человѣкъ «древняго вида». Между тѣмъ онъ всегда старательно и долго гримировался, затушевывалъ свои собственныя морщины и выводилъ суриковымъ карандашомъ новыя. Разрисуетъ, бывало, себя самымъ неимовѣрнымъ образомъ, надѣнетъ на свою лысую голову плѣшивый парикъ и любуется собой передъ зеркаломъ вплоть до выхода.

Однажды подошла къ нему покойная артистка Громова и спросила:

— Иванъ Ивановичъ, съ чего это ты лице-то измазалъ? Все оно у тебя въ какихъ-то рубцахъ вышло...

— Дура! — не безъ сердца отвѣтилъ Сосницкій. — Развѣ не знаешь, что я старика играю?

Сосницкій плохо запоминалъ имена, фамиліи и числа. Онъ все, бывало, перепутывалъ и никогда не могъ ничего передать слушателю въ послѣдовательномъ порядкѣ. Въ обыденномъ разговорѣ онъ перепархивалъ съ предмета на предметъ безъ всякой логики и системы. Подойдетъ къ кому нибудь и заговоритъ:

— Вчера я немного гулялъ по Фонтанкѣ утромъ для моціона и встрѣтилъ у моста... у того моста... какъ его...

— Аничкинъ?—помогаетъ собесѣдникъ.

— Нѣтъ... ну, каменный еще...

— Да на Фонтанкѣ всѣ каменные...

— Теперь вотъ каменные, а я помню ихъ деревянными... Вотъ, батенька, времячко-то было: говядина стоила грошъ, хлѣбъ—грошъ, водка—грошъ, вся жизнь—грошъ... Бывало, извозчику-то дашь гривну, такъ онъ тебя везетъ—везетъ... Пріѣдешь къ Ивану, кажется, Петровичу... ахъ, фамилію забылъ... ну, какъ его... Ну, у него еще зять въ коллегіи служилъ... а у зятя отецъ сенатскимъ столоначальникомъ былъ... ну, какъ его... ахъ, Боже мой, неужели не знаете?

— Нѣтъ, не знаю...

— Жена у него такая полная дама, съ просѣдью... и у ней восемь человѣкъ дѣтей было разнаго возроста... Ну, какъ его... ахъ, Господи! Опять забылъ, надняхъ еще какъ-то припоминалъ его... Ну, тотъ самый, у котораго свояченица съ офицеромъ сбѣжала... ну, какъ его... она была хорошенькая, черненькая, съ большими глазами... Еще жилъ онъ на Петербургской сторонѣ, въ Гулярной улицѣ... да, ну, какъ же...

— Да, Богъ съ нимъ, Иванъ Ивановичъ, — не въ имени дѣло...

— Вотъ хорошій-то человѣкъ былъ! Прелесть! Хлѣбосолъ страшный...

Кто нибудь отвлечетъ Сосницкаго отъ этой бесѣды, и онъ преспокойно ее прекратитъ. Потомъ черезъ часъ или полтора подбѣжитъ онъ къ бывшему собесѣднику и торжественно объявляетъ:

— Уржумовъ!

— Что такое?—недоумѣвая, переспрашиваетъ тотъ.

— Припомнилъ, припомнилъ...

— О чемъ, про что?

— Ивана-то Петровича фамилія Уржумовъ.

— Какого Ивана Петровича?

— Да вотъ про котораго я вамъ давеча-то говорилъ...

Такія неожиданности у Сосницкаго случались довольно часто. Иногда онъ подлеталъ съ какимъ нибудь односложнымъ словомъ, что либо разъясняющимъ, черезъ недѣлю послѣ того, какъ велъ разговоръ, и весьма удивлялся, если знакомый успѣлъ уже забыть какой нибудь его совсѣмъ неинтересный разсказъ.

При упоминаніи о медали, данной Сосницкому, кстати припоминается В. В. Самойловъ, которому въ 40-лѣтній юбилей была тоже пожалована медаль. Припоминается онъ потому, что на него монаршая милость произвела впечатлѣніе далеко не такое, какъ на Сосницкаго. Иванъ Ивановичъ принялъ подарокъ государя съ благоговѣніемъ, онъ былъ въ восторгѣ отъ него и часто съ гордостью упоминалъ о «заслуженной имъ регаліи». Самойловъ же, наоборотъ, равнодушно ее принялъ и, кажется, никогда не надѣвалъ ее. Я помню, какъ подали медаль Сосницкому: онъ заплакалъ и поцѣловалъ ее.

— Не даромъ трудился я, не даромъ,—радостно сказалъ онъ,—самимъ императоромъ почтенъ и отмѣченъ.

Присутствующій при этомъ Каратыгинъ замѣтилъ:

— За Богомъ—молитва, а за царемъ—служба не пропадаетъ...

— Да, да... это ты вѣрно...

Самойлову медаль поднесена была управлявшимъ тогда театрами барономъ Кюстеромъ передъ началомъ юбилейнаго спектакля.

— Поздравляю съ монаршею милостью!—сказалъ Кюстеръ.

Василій Васильевичъ молча взялъ футляръ изъ рукъ директора и положилъ на столъ.

Такое равнодушіе артиста смутило барона, и онъ замѣтилъ Самойлову:

— Вы бы надѣли ее!

— Я знаю, что мнѣ съ ней дѣлать!

Видя, что юбиляръ не въ духѣ, баронъ поспѣшилъ ретироваться, а Самойловъ такъ и не дотронулся до царскаго подарка. Брилліантовый значекъ отъ публики онъ носилъ постоянно, этой же медали я никогда на немъ не видывалъ...

Василій Васильевичъ вообще былъ грубъ и заносчивъ. Даже шутки и остроты его всегда отзывались дерзостью, глубоко оскорблявшей того, на кого онѣ направлялись. Его манера обращенія со всѣми была важная и гордая, онъ постоянно держалъ себя неприступнымъ и ни къ кому изъ закулисныхъ товарищей не пи-

талъ особенной пріязни: для него всѣ одинаково были ничтожны и недостойны его вниманія. Такое страшное самолюбіе и такое громадное почтеніе къ самому себѣ развила въ немъ чрезмѣрная похвала публики. Разумѣется, не на всѣхъ такъ дѣйствуютъ успѣхи, но для такихъ, какъ Самойловъ, эгоистичныхъ и до болѣзненности самомнящихъ, они являются положительнымъ зломъ, коверкающимъ нравы окружающей среды и разрушающимъ добрыя товарищескія отношенія цѣлой корпораціи...

Вотъ образцы остротъ Василія Васильевича.

Капельмейстеръ Александринскаго театра Викторъ Матвѣевичъ Кажинскій въ какомъ-то жаркомъ разговорѣ съ Самойловымъ сказалъ:

— Клянусь тебѣ честью!

— Чѣмъ ты мнѣ клянешься? — насмѣшливо переспросилъ Василій Васильевичъ.

— Честью.

— Да развѣ у васъ, поляковъ, есть честь?

Кажинскій вспыхнулъ:

— Даже больше, больше чѣмъ слѣдуетъ есть: порасчесть, такъ на васъ, русскихъ, хватитъ...

— Какъ же честь у васъ, попольски, зовется?

— Гоноръ.

— Ну, вотъ тебѣ и доказательство. Гоноръ—слово латинское, самобытнаго же польскаго слова вы не имѣете... «Честь» у васъ чужая, а своей собственной нѣтъ...

Режиссеръ Куликовъ, выходя какъ-то съ репетиціи вмѣстѣ съ Самойловымъ, съ которымъ одно время онъ былъ въ сильно натянутыхъ отношеніяхъ, обратилъ вниманіе на «собственный» экипажъ, стоявшій вмѣстѣ съ казенными каретами.

— Чей это?—обратился Николай Ивановичъ къ капельдинеру.

— Господина Самойлова,— отвѣтилъ тотъ.

— Вотъ какъ! Лошадокъ завели!—иронически сквозь зубы процѣдилъ Куликовъ.

— Да-съ, мой! — задорно отозвался Василій Васильевичъ, до слуха котораго долетѣли слова режиссера. — А вамъ что за дѣло?

— Такъ, кстати... Какъ будто вамъ не къ лицу въ собственныхъ экипажахъ разъѣзжать.

— Значитъ, такъ же какъ и вамъ не къ лицу свободно разгуливать.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, что вамъ не къ лицу ходить безъ кандаловъ.

Вскорѣ послѣ своей отставки, Василій Васильевичъ встрѣтился въ клубѣ художниковъ съ актеромъ N., который въ нѣкоторыхъ роляхъ пытался замѣнить его, но, разумѣется, безуспѣшно.

— Какъ живете?— спросилъ Самойловъ.

— Грустимъ,—отвѣтилъ N.

— Что такъ?

— Ваша отставка произвела на всѣхъ насъ удручающее впечатлѣніе.

— Ну? Будто бы?

— Честное слово! Вся сцена по васъ груститъ...

— Ахъ, передайте сценѣ, что я тоже грущу за нее, потому что на ней остались вы!

Самойловъ почему-то терпѣть не могъ литераторовъ. Одинъ только недавно умершій Дм. Дм. Минаевъ пользовался его симпатіей.

— Ну, этотъ еще ничего!—говорилъ про него Василій Васильевичъ. — Это человѣкъ большаго ума и дарованія, кромѣ того, я люблю его за хорошій нравъ, а остальные всѣ ничтожные люди...

Когда его просили принять участіе въ вечерѣ, устроиваемомъ въ пользу «литературнаго фонда», онъ раскричался:

— Ни за что! Чтобы я сталъ участвовать для этихъ разбойниковъ,—никогда!... Лучше и не просите, пальцемъ не пошевельну для литературныхъ людишекъ... Видѣть не могу я этихъ писакъ противныхъ...

Въ силу чего Самойловъ питалъ такую ненависть къ представителямъ литературы,—рѣшить довольно трудно. Во все время его сценической дѣятельности писатели были самыми искренними его поклонниками, газеты и журналы постоянно отзывались о немъ съ энтузіазмомъ, драматурги подлаживались подъ его тонъ и дѣлали въ своихъ пьесахъ угодныя ему роли,—все это, повидимому, должно было бы служить прочнымъ фундаментомъ дружбы его съ литераторами, между тѣмъ, онъ ненавидѣлъ ихъ всей душой. Что бы это значило, для меня осталось тайной...

Часто упоминая въ своихъ воспоминаніяхъ имя своего учителя и товарища Петра Андреевича Каратыгина, я ничего не сказалъ о немъ, какъ о человѣкѣ. Это былъ замѣчательный добрякъ, всѣми любимый и уважаемый товарищъ. Его всѣ безконечно любили и, вмѣстѣ съ тѣмъ, побаивались попасть ему «на зубъ». Онъ стяжалъ себѣ славу незауряднаго остряка и каламбуриста. Петръ Андреевичъ былъ необычайно веселый и интересный собесѣдникъ; какъ бы ни было велико общество, но онъ всегда завладѣвалъ всеобщимъ вниманіемъ и составлялъ центръ. Въ немъ заключалось нѣсколько дарованій: онъ былъ хорошій актеръ, прекрасный водевилистъ (оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ у него около сотни), не дурной стихотворецъ, искусный художникъ и превосходный преподаватель драматическаго искусства. Его бойкіе экспромты и мѣткія эпиграммы памятны многимъ до сихъ поръ.

Однажды на завтракѣ у генерала Челищева, когда подали заливнаго поросенка, Петръ Андреевичъ сказалъ:

«Ты славно сдѣлалъ милый мой,
«Что въ ранней юности скончался,
«А то бы выросъ ты большой
«И той же-бъ участи дождался».

Молоденькая Асенкова, исполняя роль мальчика-полковника въ водевилѣ «Полковникъ старыхъ временъ», на репетиціи по ходу пьесы вынула изъ ноженъ саблю и сдѣлала ею честь.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ ее Каратыгинъ.

— Честь отдаю.

— А что же у васъ останется?

Какъ-то назначены были въ одинъ спектакль двѣ пьесы. Одна Полеваго драма «Купецъ Иголкинъ», другая Каратыгина—водевиль «Архиваріусъ». По объявленному порядку спектакля сначала долженъ былъ идти «Иголкинъ», въ которомъ одну изъ большихъ ролей игралъ актеръ Борецкій, опоздавшій къ семи часамъ, то-есть къ началу представленія. Нужно было поднимать занавѣсъ, а дѣйствующаго лица нѣтъ. Режиссеръ Куликовъ метался въ отчаяніи по сценѣ и не зналъ, кѣмъ замѣнить неисполнительнаго актера.

— Чего ты сокрушаешься? — спросилъ его Петръ Андреевичъ.

— Да какъ же, пять минутъ восьмаго, а спектакля нельзя начинать.

— Будемъ раньше играть «Архиваріуса»?

— Никакъ невозможно, по афишѣ сначала «Иголкинъ».

— Пустяки! Публика не пойметъ...

— Какъ не пойметъ?

— Да такъ: при открытіи занавѣса я сшиваю бумаги иголкой, — зрители и подумаютъ, что это и есть иносказательный Иголкинъ.

Трагедія графа А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго» долгое время держалась въ репертуарѣ Александринскаго театра и давала хорошіе сборы. Разумѣется, успѣхъ ея слѣдуетъ приписать не артистическому исполненію, а литературности произведенія, вѣрной обрисовкѣ жизни отдаленнаго отъ насъ времени и даже аксессуарамъ, которые дѣйствительно были художественны и выдерживали строгій стиль эпохи Грознаго.

Когда пріѣзжалъ гастролировать въ Петербургъ московскій премьеръ Шумскій и когда онъ сыгралъ Іоанна Грознаго въ трагедіи графа Толстого, Петръ Андреевичъ сказалъ:

— Не счастливится графу Алексѣю Константиновичу...

— А что?—кто-то спросилъ его.

— Да какъ же: въ его произведеніи мы видѣли Павла Васильевича, Василія Васильевича и Сергѣя Васильевича,—намекнулъ онъ на Васильева, Самойлова и Шумскаго, исполнявшихъ главную роль въ трагедіи,—а Ивана Васильевича (Грознаго) не видали.

Репетировали какую-то отчаянно-скучную пьесу. Къ третьему дѣйствію долженъ былъ пріѣхать Монаховъ, въ ней участвующій, но подошло время репетиціи третьяго акта, а его нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Не пріѣхалъ?—спрашиваетъ режиссеръ Вороновъ у капельдинера, завѣдующаго «отвозомъ» и «привозомъ» артистовъ.

— Карета за ними послана.

— А возвратилась ли она?

— Должна давно здѣсь быть.

— Поди, узнай.

Возвращается капельдинеръ обратно и заявляетъ:

— Г. Монаховъ пріѣхали.

— Да гдѣ же онъ?

— Не могу знать, но кучеръ говоритъ, что привезъ.

— Иди и ищи.

Обѣжалъ капельдинеръ всѣ уборныя — нѣтъ, заглянулъ въ режиссерскую—тоже, ни въ бутафорской, ни въ костюмерной тоже его не было.

— Нигдѣ не нашелъ.

— Дѣлать нечего, господа, будемъ репетировать безъ него,—сказалъ режиссеръ,—а Ипполита Ивановича подвергнуть штрафу.

По окончаніи репетиціи, всѣ участвующіе вышли къ подъѣзду и стали разсаживаться по каретамъ. Вдругъ кто-то испуганно вскрикиваетъ.

— Что такое?

— Кто-то въ каретѣ спитъ.

Подошли, взглянули—Монаховъ. Разбудили [1]).

— Что это вы, Ипполитъ Ивановичъ?

— А ужъ развѣ пріѣхали?

— Давно.

Петръ Андреевичъ подошелъ къ Монахову и сказалъ:

— Я не дивлюсь твоему безмятежному сну. Вѣроятно, ты въ каретѣ роль изъ новой пьесы училъ?!

Какъ-то представляютъ Каратыгину провинціальнаго актера, служившаго когда-то, но не долго, на казенной сценѣ:

— Вы, вѣроятно, его помните, какъ актера.

— О, да, я злопамятенъ,—отвѣтилъ Петръ Андреевичъ, сконфузивъ бѣднаго актера, имѣвшаго было намѣреніе просить его содѣйствія къ поступленію вторично на сцену императорскаго театра.

Когда праздновали пятидесятилѣтній юбилей Каратыгина, явилась въ его уборную депутація артистовъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ прескучную рѣчь, преисполненную чрезмѣрной лестью, которой не терпѣлъ Петръ Андреевичъ никогда.

---

[1]) Монаховъ въ послѣдніе годы жизни предавался разгулу и на этотъ разъ онъ не былъ вмѣняемъ послѣ кутежа, совершеннаго наканунѣ.

Въ самомъ концѣ рѣчи Каратыгинъ прерываетъ оратора.

— Погодите, ради Бога погодите.

Всѣ на него удивленно глядятъ. Юбиляръ взбирается на стулъ и поспѣшно захлопываетъ отворенную форточку.

— Теперь продолжайте! Я и не замѣтилъ сначала, что вы говорили на вѣтеръ.

Въ уборной Каратыгина нѣкій актеръ С. расхвастался вновь пріобрѣтенными золотыми часами.

— Часики хорошенькіе,—замѣтилъ кто-то и спросилъ:— а цѣпочка мѣдная?

— Нѣтъ, тоже золотая. У меня ничего нѣтъ мѣднаго...

— А лобъ-то?—перебилъ его Петръ Андреевичъ.

Это только тысячная доля тѣхъ анекдотовъ про Каратыгина, которыя извѣстны были его друзьямъ, знакомымъ и публикѣ.

XVIII.

Нижній Новгородъ. — Знакомство съ М. Г. Савиной. — Савина въ Петербургѣ.

Въ то лѣто, когда въ Москвѣ устроена была политехническая выставка, Н. Ф. Сазоновъ и я были приглашены нижегородскимъ антрепренеромъ Смольковымъ на гастроли. Мы пробыли почти все время ярмарки въ Нижнемъ, играя ежедневно. Репертуаръ состоялъ преимущественно изъ легкихъ комедій и оперетокъ, которыми по просьбѣ Смолькова я и режиссировалъ.

Эти гастроли для меня памятны тѣмъ, что я познакомился съ юной тогда Маріей Гавриловной Савиной, нынѣшней премьершей Александринской сцены.

Я занятъ былъ постановкой «Орфея въ аду». Всѣ роли разошлись какъ нельзя лучше, не было только Амура.

— Кому же поручить эту роль?—спросилъ я Смолькова.

— К-к-к-кому н-н-нибудь, — не долго задумываясь и возмутительно заикаясь, отвѣтилъ Смольковъ.

— Однако...

— Х-х-о-о-оть С-с-с-са-а-авиной.

— Какой Савиной?

— А-а-актри-и-искѣ мо-о-о-ей...

— Сыграетъ ли?

— Не-е-е знаю...

Передали Амура Савиной, занимавшей у Смолькова амплуа незначительныхъ ролей. Сыграла она его очень мило, но никакъ нельзя было предполагать по исполненію этой роли, что изъ нея выработается такая большая артистка. Я тамъ же видѣлъ ее и въ нѣсколькихъ водевильныхъ роляхъ, но и въ нихъ она не про-

являла своего выдающагося дарованія, только впослѣдствіи на казенной сценѣ развернувшагося во всю.

Не задолго передъ моимъ съ ней знакомствомъ, она была повѣнчана съ провинціальнымъ актеромъ Савинымъ, подъ фамиліею котораго и стала фигурировать на сценѣ, а до этого она называлась Стремляновою. Тогда же я узналъ, что происхожденіемъ своимъ она вполнѣ театральная особа. Ея родители, что называется, «коренные» провинціальные актеры; отъ самаго рожденія она была около сцены и очень юной начала подвизаться на театральныхъ подмосткахъ.

Вторая моя встрѣча съ Маріей Гавриловной была въ Петербургѣ, въ Благородномъ собраніи. Весною 1875 года она появилась въ Сѣверной Пальмирѣ уже извѣстною провинціальною артисткою и была приглашена антрепренеромъ этого клуба С. М. Сосновскимъ дебютировать у него. Впервые выступила она въ неизвѣстной тогда столицѣ комедіи Антропова «Блуждающіе огни».

Дебютомъ этимъ заинтересованы были многіе. Всѣмъ завзятымъ театраламъ было извѣстно, что дебютантка не заурядная актриса, а талантливая артистка, и что это не та школьная знаменитость, которыя размножаются въ безсчетномъ количествѣ въ послѣдніе годы, благодаря различнымъ «драматическимъ училищамъ», представляющимъ изъ себя что-то весьма тяжелое для искусства, что-то удивительно обидное для театра, а настоящая вдохновенная артистка, самобытная и самостоятельная, систематически ничему не учившаяся, но производящая на зрителя цѣльное, неотразимое впечатлѣніе.

Все это вмѣстѣ взятое обратило вниманіе даже самой дирекціи, командирововшей нѣкоторыхъ изъ артистовъ на дебютъ Савиной. Въ числѣ прочихъ на этомъ пробномъ спектаклѣ былъ и Александръ Александровичъ Нильскій, въ свое время имѣвшій большой авторитетный голосъ за кулисами Александринскаго театра. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ дебютантки и, разбирая ея недюжинное дарованіе, выказалъ тонкое пониманіе искусства. На другой же день онъ доложилъ начальству, что Савина представляетъ изъ себя крупный талантъ, правда не разработанный, но при извѣстныхъ благопріятныхъ для развитія условіяхъ способный занять выдающееся мѣсто на казенной сценѣ. Ей тотчасъ же было предложено попробовать свои силы въ Александринскомъ театрѣ, въ каковомъ она и выступила въ первой половинѣ апрѣля.

Для перваго выхода Марія Гавриловна не струсила взять двѣ отвѣтственныя роли: Катю изъ комедіи «По духовному завѣщанію» и Невскую изъ сцены «Она его ждетъ». Успѣхъ былъ большой, вызовамъ не было конца, однако осторожное начальство къ энтузіазму публики отнеслось недовѣрчиво и дебютанткѣ предложили еще двѣ пробы, на которыя она опять-таки охотно согла-

силась, съ полной надеждой овладѣть вниманіемъ зрителей и расположить къ себѣ всѣхъ знатоковъ театра. Наконецъ, послѣ третьяго дебюта состоялся ея ангажементъ. Она была принята на три года съ 900-рублевымъ годичнымъ жалованьемъ и десятирублевыми разовыми, однако эти условія не были долговременными: вскорѣ, въ виду блестящихъ успѣховъ, ей было увеличено содержаніе, и черезъ какія нибудь шесть-семь лѣтъ она дошла до пятнадцати-тысячнаго (въ общей сложности) оклада.

XIX.

Моя «частная» антреприза.—Начальство.—Недовольство мной.—Притѣсненія.—Отставка.—Служба въ провинціи.—Неудачи.—М. В. Лентовскій.—Мой пятидесятилѣтній юбилей.—Заключеніе.

Когда намъ, актерамъ императорской сцены, не было еще запрещено выступать въ частныхъ театрахъ, а такъ же заниматься различными театральными предпріятіями, я взялся за постановку спектаклей въ Нѣмецкомъ клубѣ, гдѣ до меня антрепренерствовалъ Стрекаловъ, тоже служившій въ нашей драматической труппѣ.

Эта антреприза для меня имѣла большое значеніе, такъ какъ, благодаря ей, я вынужденъ былъ разстаться съ казенной сценой и въ концѣ-концовъ совсѣмъ покинуть Петербургъ. Обстоятельства сложились такъ неблагопріятно.

Приглашаетъ меня къ себѣ на чашку чая литераторъ П. и проситъ взять его дочь, страстную театралку, въ составъ моей клубной труппы, въ которой принимали участіе товарищи по Александринскому театру и лучшія частныя силы.

— Съ удовольствіемъ,—сказалъ я,—для начинающей артистки на моей сценѣ откроется широкое поле дѣятельности...

— Значитъ, навѣрное она у васъ будетъ играть?

— Навѣрное, если только у нея есть хоть малѣйшіе задатки сценическаго дарованія...

— Не безпокойтесь, окажется очень полезной.

— Душевно радъ буду.

— А когда вы ей назначите дебютъ?

— Хоть въ слѣдующій спектакль... А сегодня пусть пріѣзжаетъ въ клубъ на репетицію познакомиться съ будущими сослуживцами, да кстати вѣдь и я не имѣю удовольствія ее знать.

— Сегодня ей нельзя. Вы пришлите ей роль, назначьте репетиціи и на первой же изъ нихъ съ нею познакомитесь...

— Превосходно.

Я такъ и сдѣлалъ: прислалъ ей роль (одну изъ тѣхъ, списокъ которыхъ вручилъ мнѣ при свиданіи П.) и назначилъ репетицію,

на которой она привела меня въ неописанное смущеніе. Дебютантка ни одной русской буквы не выговаривала порядкомъ; разговорную рѣчь коверкала до неузнаваемости.

Предчувствуя неудовольствіе публики, я хотѣлъ было отнять отъ нея роль и передать другой, но кто-то уговорилъ меня не конфузить «молодую дебютантку» и дать ей самой лично убѣдиться въ неспособности къ закулисной дѣятельности. Кромѣ того, ея имя стояло уже на афишѣ...

Нечего и говорить, что ея участіе въ спектаклѣ ознаменовалось полнымъ равнодушіемъ публики и протестомъ клубныхъ старшинъ, обязавшихъ меня не допускать на подмостки такихъ неудачныхъ исполнителей.

Разумѣется, этой дебютанткѣ я болѣе ролей не давалъ, что вызвало неудовольствіе чадолюбиваго П., до этого относившагося ко мнѣ благосклонно, а послѣ этого событія старавшагося мнѣ досадить елико возможно. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ клубъ и прямо спрашивалъ, почему я не занимаю его дочь. Я отвѣтилъ ему откровенно, сопоставляя мнѣніе публики, рѣшеніе старшинъ и, наконецъ, очевидную нелѣпость ея артистическихъ надеждъ, которымъ никогда бы не выбраться изъ области неосуществимыхъ фантазій.

П. уѣхалъ отъ меня разсерженнымъ.

Антрепренерствовалъ я только одинъ сезонъ. Не смотря на прекрасныя дѣла, я долженъ былъ прикончить попытку давать на частной сценѣ порядочные спектакли, постановка которыхъ обходилась чрезвычайно дорого, такъ что сборы еле-еле могли покрыть расходы, а собственный трудъ не считался ни во что.

Вслѣдъ за этимъ въ императорскихъ театрахъ произошла всѣмъ памятная реформа. Явилось новое начальство, пошли новые порядки, народились новыя требованія, подробный разборъ которыхъ я считаю преждевременнымъ и обхожу молчаніемъ. Замѣчу только о той безцеремонности, какую проявило новое начальство къ нѣкоторымъ изъ насъ, на первыхъ порахъ не приглянувшимся ихъ отческому взгляду.

Первымъ своимъ долгомъ новое начальство почло укоротить содержаніе актерамъ. Были уничтожены разовыя и бенефисы, которые поступили въ общій счетъ и вошли въ составъ жалованья. Противъ этого почти никто ничего не имѣлъ, каждый благоразумо расчитывалъ, что опредѣленная цыфра получаемаго значительно выгоднѣе поденнаго (разоваго) гонорара, всегда колеблющагося и зависящаго отъ многихъ сторонніхъ причинъ, на первомъ планѣ которыхъ стоятъ «лады» съ режиссеромъ, «дружба» съ могущественными товарищами, «угожденья» прямому и косвенному начальству и т. д.

Однако, нѣкоторымъ вскорѣ пришлось разочароваться въ новой системѣ, такъ какъ не всѣмъ суждено было въ новомъ на-

чальствѣ обрѣсти покровителей. Въ нашемъ театрѣ пертурбація произошла удивительная, сортировали насъ, какъ рекрутовъ: «годенъ», «не годенъ», «повышеніе», въ «отставку»... Нѣкоторые поспѣшили сами убраться по добру по здорову, нѣкоторымъ очень тонко было предложено убираться, а нѣкоторыхъ безъ всякихъ разсужденій увольняли.

Я попалъ въ категорію вторыхъ: мнѣ было предложено убираться, т. е. меня не увольняли, но поступили со мной такъ просто, что я вынужденъ былъ самъ подать въ отставку. Это обстоятельство (кто бы могъ думать) было послѣдствіемъ того неудачнаго дебюта въ нѣмецкомъ клубѣ картавой и шепелявой барышни, о которой я подробно разсказалъ въ началѣ этой главы. Тутъ пошли личные счеты и ни о какомъ поправленіи дѣла не могло быть рѣчи. На меня глядѣли косо, и я долженъ былъ повиноваться судьбѣ.

Однажды меня оффиціально вызываютъ въ контору императорскихъ театровъ.

Пріѣзжаю.

Мнѣ протягиваютъ новый контрактъ и лаконически говорятъ:

— Подпишите!

— Сперва долженъ прочитать...

— Чего читать? не торговаться же будемъ...

— Не знаю... можетъ быть...

По новому контракту мнѣ было назначено годовое содержаніе въ 1200 рублей.

— Позвольте-съ,—говорю я,—это ошибка.

— Въ чемъ?

— Я заработывалъ, какъ вамъ не безъизвѣстно, до 6000 рублей въ годъ и, думаю, приблизительно такая же цыфра должна быть мнѣ назначена жалованьемъ.

— Почему же вы такъ думаете?

— А потому, что я знаю контракты другихъ. Всѣмъ назначено жалованье, соразмѣрное съ заработкомъ каждаго въ послѣдній годъ.

— Это не наше дѣло, идите къ старшему...

Являюсь къ старшему. Принимаетъ онъ меня, какъ и слѣдовало ожидать, сухо. Впрочемъ, послѣ прошлогодняго инцидента я на другой пріемъ и не расчитывалъ.

— Вамъ что?

Излагаю свое сомнѣніе и выкладываю доводы, которые онъ резюмировалъ такъ:

— Если вамъ не угодно оставаться на назначенномъ жалованьѣ, то можете подавать въ отставку.

— Но вѣдь это не справедливо.

— Не совсѣмъ... Нужно очищать дорогу другимъ. Вы вѣдь пенсію получаете [1])...

— Да, но вѣдь и другіе получаютъ пенсію, однако имъ содержаніе не убавлено!..

— Такъ пришлось по раскладкѣ... Дирекція въ настоящее время не располагаетъ лишними деньгами...

— Въ такомъ случаѣ вамъ не слѣдовало торопиться составленіемъ моего контракта...

И въ тотъ же день я подалъ въ отставку.

Вотъ какимъ образомъ я лишился казенной службы. Ничтожное, повидимому, обстоятельство причинило слишкомъ серьезный ущербъ мнѣ...

Тотчасъ же послѣ отставки я получилъ приглашеніе изъ Гельсингфорса вступить въ мѣстную труппу на правахъ режиссера. Съ этого времени для меня начинается снова скитальческая жизнь провинціальнаго актера.

Въ Гельсингфорсѣ я провелъ всю зиму, не ознаменовавшуюся ничѣмъ особеннымъ, достойнымъ упоминанія.

На слѣдующій сезонъ я сталъ самъ во главѣ антрепризы и снялъ Рыбинскій театръ, о доходности котораго ходили легендарные слухи. Но, увы! я потерпѣлъ полнѣйшее фіаско. Дѣла шли отвратительно, мой пятисотрублевый залогъ пропалъ, всѣ бывшія у меня сбереженія пошли на покрытіе убытковъ, даже пенсія не уцѣлѣла отъ краха... Эта неудача такъ сразила меня, что я поклялся себѣ никогда болѣе не соваться ни въ какія театральныя предпріятія, въ наше время не выдерживающія порядочнаго отношенія къ нимъ, а требующія отъ иниціатора только маклаческаго задора, кулачества и какъ можно меньше совѣсти. Да, провинціальный театръ палъ и долго ему не подняться...

Слухи о моемъ крахѣ достигли Москвы и Лентовскаго, отъ котораго я получилъ приглашеніе по телеграфу вступить въ составъ его труппы. Я съ удовольствіемъ согласился и, полный разочарованія, изъ Рыбинска двинулся въ Бѣлокаменную. Съ Лентовскимъ я сошелся на 300 р. мѣсячнаго содержанія и бенефисѣ.

Первый мой выходъ у него былъ въ театрѣ Шелапутина. Я сыгралъ водевиль «Въ чужомъ глазу сучекъ мы видимъ». Послѣ спектакля подошелъ ко мнѣ Михаилъ Валентиновичъ и сказалъ:

— А меня было напугали.

— Что такое?

— Наговорили про васъ, будто бы вы совсѣмъ одряхлѣли, и частые спектакли вамъ не подъ силу...

---

[1]) Пенсія мнѣ назначена въ 1874 году, въ размѣрѣ 900 р. въ годъ. Кромѣ того, въ 1872 г. мнѣ пожалована грамота на потомственное почетное гражданство, какъ артисту перваго разряда.

— Это не правда...

— Я и самъ вижу, что клевета. Вы еще такой молодецъ, что всѣхъ насъ запоясъ заткнете и любаго изъ молодыхъ переиграете...

— Кто же вамъ про меня наговорилъ нелѣпостей?

— Нашлись добрые люди... Одинъ изъ вашихъ старыхъ товарищей увѣрялъ меня въ вашей непригодности...

Вотъ они друзья!

Съ М. В. Лентовскимъ я оказался старымъ знакомымъ. Я вспомнилъ его по дебюту въ Александринскомъ театрѣ. Онъ когда-то давно выступалъ въ «Птичкахъ пѣвчихъ», въ партіи Пикилло. Его дебютъ врѣзался въ моей памяти по слѣдующему происшествію, имѣвшему послѣдствіемъ безконечные толки, пересуды и повліявшему, кажется, на его поступленіе въ казенную труппу.

Портной подалъ ему костюмъ, который оказался очень пригоднымъ для Михаила Валентиновича,—одна только шляпа не пришлась по вкусу дебютанта.

— Нельзя ли достать съ маленкими полями? — сказалъ онъ портному.

— Это самая форменная...

— Та еще форменнѣе будетъ...

— Другихъ нѣтъ!

— Не можетъ быть, поищите...

— И искать нечего, я хорошо весь гардеробъ знаю...

— Ну, такъ подайте мнѣ ножницы...

— Извольте!

Лентовскій мигомъ укоротилъ поля. Портной остолбенѣлъ отъ ужаса и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Казенная!

— Ничего,—спокойно отвѣтилъ Михаилъ Валентиновичъ,—казенной и останется!

— Что скажетъ начальство?—съ отчаяньемъ возопилъ вѣрный служака.

— А ты прикажи своему начальству завтра мнѣ счетъ подать: я уплачу, чего эта шляпа стоитъ...

Это обстоятельство облетѣло всѣ уборныя и неблагопріятно отразилось на мнѣніи власть имущихъ о дебютантѣ, ни на что не глядя проявившемъ такія буйныя наклонности.

— Возьми такого,—разсудилъ Ѳедоровъ:—онъ всю казенную аммуницію переуродуетъ. Нѣтъ, дальше отъ либераловъ...

Послѣ службы у Лентовскаго я поѣхалъ въ Астрахань, но тамъ много не дополучилъ; изъ Астрахани переправился въ Кишиневъ, къ покойному Никифору Ивановичу Новикову, но и у него дѣла были не лучше астраханскихъ: послѣ полуторамѣсячнаго пребыванія въ Кишиневѣ принужденъ былъ уѣхать въ Одессу, но и Одесса не оправдала надеждъ. Нашъ антрепренеръ К—евъ,

не заплативъ никому изъ труппы, скрылся самымъ ехиднымъ образомъ, оставивъ всѣхъ насъ безъ гроша.

Вотъ положеніе театральнаго дѣла въ провинціи: крахъ за крахомъ, провалъ за проваломъ. Актерская семья съ каждымъ годомъ умножается и ширится, а дѣло съ каждымъ днемъ падаетъ и, кажется, близокъ его окончательный кризисъ. Этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ и требуетъ серьезнаго разрѣшенія.

Изъ Одессы я перебрался въ Кіевъ. Меня пригласили занять должность преподавателя сценическаго искусства въ мѣстномъ русскомъ драматическомъ обществѣ.

Пробывъ въ Кіевѣ годъ съ лишкомъ, я соблазнился выгоднымъ ангажементомъ Лентовскаго и опять поѣхалъ въ Москву, въ которой пока и живу безвыѣздно шесть лѣтъ...

Заканчивая свои воспоминанія, не могу обойти молчаніемъ лестнаго для меня празднованія пятидесятилѣтія моей актерской дѣятельности. Оно состоялось въ пятницу, 3-го февраля 1889 года, въ театрѣ «Шелапутина». Я сыгралъ свой старый водевиль «Въ тихомъ омутѣ черти водятся». Пріемъ былъ большой. Въ день юбилея я получилъ массу поздравительныхъ телеграммъ и писемъ изъ разныхъ концовъ Россіи. Двѣ телеграммы, особенно для меня цѣнныя, позволю себѣ привести здѣсь полностью. Первая отъ покойнаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго: «Поздравляю васъ съ юбилеемъ пятидесятилѣтней вашей артистической дѣятельности. Вспоминаю съ радостью то время, когда вы насъ тѣшили въ моемъ Красносельскомъ театрѣ. Теперь еще благодарю за тѣ веселые часы. Желаю вамъ всего лучшаго и здоровья. Николай». Вторая отъ Петербургской драматической труппы, адресованная чрезъ Владиміра Ивановича Немировича-Данченко: «Привѣтствуемъ сегодня въ васъ не только заслуженнаго юбиляра, но и дорогаго стараго друга. Пятьдесятъ лѣтъ служенія драматическому искусству—фактъ замѣчательный въ лѣтописяхъ театра, но едва ли не замѣчательнѣе то, что эти долгіе годы не помѣшали вамъ остаться такимъ же честнымъ и такимъ же правдивымъ человѣкомъ, какимъ васъ всегда знали ваши товарищи». Кромѣ этого, какой-то неизвѣстный авторъ почтилъ меня такимъ четверостишіемъ:

«Я въ васъ не вижу перемѣны:
«Все тотъ же вы на склонѣ дней.
«О, дай вамъ Богъ справлять со сцены
«И свой столѣтній юбилей».

Этимъ юбилеемъ итогъ моей дѣятельности былъ подведенъ окончательно...

Теперь въ концѣ концовъ немножко своеобразной статистики. Службу свою я началъ въ 1839 году, въ царствованіе императора Николая Павловича, служилъ при Александрѣ Николаевичѣ и

Александрѣ Александровичѣ. При мнѣ было четыре министра императорскаго двора: князь Петръ Михайловичъ Волконскій, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ и графъ Илларіонъ Ивановичъ Воронцовъ-Дашковъ. Во время пребыванія моего на казенной сценѣ было шесть директоровъ: Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, графъ Борхъ, А. И. Сабуровъ, С. А. Гедеоновъ, баронъ Кистеръ и, наконецъ, нынѣшній директоръ Иванъ Александровичъ Всеволожскій. Начальниками репертуарной части при мнѣ были: знаменитый Александръ Ивановичъ Храповицкій, Евгеній Макаровичъ Семеновъ, Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ, Лукашевичъ и А. А. Потѣхинъ. Управляющихъ театральною конторою я зналъ: Александра Дмитріевича Кирѣева, П. М. Борщова, А. Ф. Юркевича и Погожева. Режиссеровъ при мнѣ смѣнилось шесть: Н. И. Куликовъ, Краюшкинъ, Яблочкинъ, Е. И. Вороновъ, Лепинъ и, наконецъ, Ф. А. Ѳедоровъ. Вотъ при какомъ многочисленномъ начальствѣ я провелъ свою закулисную жизнь...

А. Алексѣевъ.

ОБЛОМКИ КРѢПОСТНАГО ВРЕМЕНИ.

Бабушка.

I.

ВО ВТОРОЙ половинѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ случилось попасть въ одну изъ примосковныхъ губерній. Сойдя со станціи Николаевской желѣзной дороги, я долженъ былъ проститься и со всѣми удобствами цивилизованнаго передвиженія. Пришлось пересѣсть въ тряскій тарантасишко «вольнаго» ямщика, котораго я нанялъ до ближайшаго уѣзднаго города. Бойкія малорослыя лошаденки бодро побѣжали по укатанной дорогѣ. Лѣто было знойное, сухое. Воздухъ казался наполненнымъ какой-то мглой, солнце иногда являлось простымъ краснымъ пятномъ безъ лучей. Говорили, что гдѣ-то, въ Новгородской и Тверской губерніяхъ, горѣли лѣса. Дышать и безъ того было трудно, а тутъ еще слабый попутный вѣтерокъ гналъ намъ въ слѣдъ пыль, и скоро мы всѣ: я, ямщикъ, лошади, всѣ мои вещи, покрылись сѣрымъ слоемъ. Пыль заставляла плакать глаза, хрустѣла на зубахъ, принуждала чихать и кашлять. Словомъ, пока мы добрались до первой станціи, я едва не задохнулся.

Доѣхавъ до большой деревни, мой возница «продалъ» меня другому для дальнѣйшей доставки. Пока я сидѣлъ на завалинкѣ у избы и съ наслажденіемъ пилъ холодное молоко, кругомъ насъ собралась толпа мужиковъ и ожесточенно торговалась съ ямщи-

комъ о цѣнѣ, которую онъ даетъ за остальную дорогу. Дѣло въ томъ, что, взявъ съ меня извѣстную плату за доставку до города, возница уже самъ изъ нея уплачивалъ опредѣленную сумму тому, кто долженъ былъ смѣнить его, кому онъ меня «продалъ»; тотъ въ свою очередь передавалъ свой живой грузъ еще гдѣ нибудь на дорогѣ и т. д. Первый получалъ за свой трудъ всего больше, слѣдующій бралъ уже много дешевле, а послѣднему приходились самые пустяки—какія нибудь копѣйки за десятокъ верстъ. При такомъ способѣ ѣзды на самого ѣдущаго обращалось очень мало вниманія: если его повезли со станціи въ тарантасѣ, то въ конечную точку пути онъ пріѣзжалъ уже на простой телегѣ, часто въ одну лошадь. И спорить противъ такого порядка было безполезно, но онъ освящался обычаемъ и давностью.

Послѣ долгаго спора, криковъ и крѣпкой ругани, мужики, наконецъ, сторговались съ ямщикомъ и бросили затѣмъ между собою жребій, кому я достанусь. Когда всѣ эти предварительныя операціи кончились, мой новый возница быстро подкатилъ въ маленькой тележкѣ, и я опять пустился въ дорогу.

Смѣнивъ еще разъ возницу, я, наконецъ, въѣхалъ въ улицу уѣзднаго города. Городъ широко и привольно раскинулся на берегу большой рѣки, всползая своими деревянными домишками по мѣловымъ откосамъ берега, сбѣгая въ поперечные рѣкѣ овраги и разсыпаясь кругомъ главной площади. На крутомъ берегу тянулся «бульваръ»: аллея изъ молодыхъ березокъ, въ срединѣ которой было оставлено круглое пространство, уставленное скамейками. Это было сборное мѣсто всей уѣздной аристократіи, сюда сходились вечеромъ посудачить ближнихъ и полюбоваться на песчаную косу, вытянувшуюся поперекъ рѣки и загораживавшую путь спрудившимся около нея безчисленнымъ плотамъ.

Получивъ отъ меня приказаніе везти въ гостинницу, мой возница, не колеблясь, отвѣчалъ, что гостинницы не имѣется, а есть «въѣзжая квартира», гдѣ всѣ и останавливаются. Оказалось, что квартира занимаетъ двѣ довольно большихъ комнаты въ маленькомъ домикѣ, чистыхъ и съ весьма порядочною старомодной мебелью. Я расположился въ одной изъ комнатъ и усердно занялся отмываніемъ пыли и утоленіемъ жажды чаемъ. Разспросивъ прислуживавшую бабу о тѣхъ лицахъ, которыхъ мнѣ было нужно видѣть, я собирался уже выйти, какъ къ домику подъѣхали дрожки, и въ комнату вошелъ невысокій человѣкъ и сбросилъ съ себя запыленное пальто. Входя, онъ обернулся къ бабѣ и велѣлъ ей подавать самоваръ. Увидавъ меня, онъ вѣжливо поклонился.

— Вамъ, вѣроятно, не сказали, что я уже занялъ эту комнату?— спросилъ я его, удивленный спокойствіемъ, съ которымъ онъ сталъ располагаться въ моемъ номерѣ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣчалъ онъ:—располагайтесь, какъ

вамъ угодно. Надѣюсь, что мы не стѣснимъ другъ друга. Да мнѣ завтра и ѣхать надо, я и то уже здѣсь цѣлую недѣлю проболтался.

Такимъ образомъ оказалось, что не онъ ворвался въ мой номеръ, а я занялъ чужую квартиру.

— Извините, пожалуйста,—сказалъ я съ смущеніемъ,—что я занялъ вашу комнату, но мнѣ никто не заявилъ, что она занята. Иначе я бы помѣстился гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, не безпокойтесь!—добродушно разсмѣялся незнакомецъ:—поживемъ и вмѣстѣ. Вы видно не знакомы съ здѣшними обычаями? Вы пріѣзжій?

— Да, я здѣсь по дѣлу...

— Вотъ оно и видно... А у насъ тутъ только эта въѣзжая квартира и есть, и приходится жить вмѣстѣ, съ кѣмъ Богъ приведетъ. Не мудрено, что вамъ ничего не сказано обо мнѣ: считается, что наши обычаи всѣмъ извѣстны.

Слово за слово, мы разговорились. Мой собесѣдникъ былъ страховой агентъ и прекрасно зналъ всю округу. Онъ не только указалъ мнѣ: какъ, гдѣ и когда я могу найти тѣхъ, кого мнѣ нужно, но отъ него я еще узналъ, что въ уѣздѣ живетъ мой университетскій товарищъ и хорошій пріятель—Васильевъ. Я рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и посѣтить пріятеля.

II.

Черезъ нѣсколько дней я уже былъ у Васильева. Сергѣй Ивановичъ былъ давно женатъ, потолстѣлъ, облысѣлъ и прекрасно велъ большое хозяйство. Онъ очень обрадовался моему пріѣзду и заставилъ меня дать слово погостить у него. Его удивило только, зачѣмъ я забрался въ здѣшнюю глушь. Я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло.

Въ то время въ Петербургѣ умеръ А*, богатый старикъ, у котораго были огромные денежные капиталы и множество имѣній въ самыхъ различныхъ углахъ Россіи. Прямыхъ наслѣдниковъ у него не оказалось, претендентами же явились двоюродные племянники, племянницы, дяди, тетки, кузины, внуки, словомъ, жаждущихъ неожиданнаго богатства набралось не мало. Въ интересахъ одного изъ отдаленныхъ родственниковъ я и заѣхалъ въ К. уѣздъ. Нужно было прослѣдить генеалогію одного изъ претендентовъ, который былъ отсюда родомъ. Когда я разсказалъ Васильеву цѣль моей поѣздки и спросилъ его, не знаетъ ли онъ здѣсь какихъ нибудь Оводовыхъ, то онъ радостно вскричалъ:

— Какіе-то Оводовы были, слыхалъ я... Да, постой, надо послать за бабушкой; она всѣхъ знаетъ и навѣрно всю родословную разскажетъ...

— За какой бабушкой?—удивился я.

— Тутъ у насъ есть такая старушка... Наша мѣстная газета и архивъ. Ужъ, конечно, ей всѣ здѣшніе Оводовы извѣстны. Александра Львовна,—обратился онъ къ женѣ:—пошли дрожки за бабушкой.

— Да развѣ она близко здѣсь живетъ?

— Верстъ 5, не больше... Усадьба тутъ у ней, въ Болотновѣ... Скорехонько здѣсь будетъ. Ужъ она, чай, и сама томится—язычекъ почесать.

Мы пили чай, когда къ крыльцу подкатили дрожки, на которыхъ сидѣла, подпрыгивая на толчкахъ и махая руками, маленькая старушка.

Выскочивъ изъ экипажа и войдя въ прихожую, старушка, еще не раздѣваясь, замахала руками и закричала нѣсколько гнусавымъ голосомъ:

— Матушка, Лександра Львовна, новостей сколько я вамъ привезла, новостей-то!

— Ну, вотъ слышишь?—обратился ко мнѣ со смѣхомъ Васильевъ:—еще войти не успѣла, ужъ о новостяхъ заявляетъ!

Черезъ минуту въ комнату вошла маленькая старушка, лѣтъ 60-ти, на коротенькихъ ножкахъ, съ коротенькими ручками, пухлые коротенькіе пальчики которыхъ растопыривались во всѣ стороны. У нея было довольно широкое лицо, заостренное книзу, съ выдающимся впередъ подбородкомъ и длиннымъ носомъ, надъ которымъ почти прямо къ верху топорщились маловолосыя брови, осѣнявшія маленькіе быстрые, почти заплывшіе жиромъ каріе глазки. Ея впалыя губы были поджаты съ комичнымъ выраженіемъ недовѣрчивости и самодовольства. Изъ-подъ надѣтаго на головѣ необыкновенной величины старомоднаго чепца виднѣлись совершенно черные волосы. Впрочемъ, вскорѣ оказалось, что это не болѣе, какъ парикъ, да бабушка и сама этого не отрицала.

Подойдя къ хозяйкѣ, бабушка чмокнула ее въ плечико.

— Здравствуйте, благодѣтельница! Ужъ какъ я вамъ благодарна, что прислали лошадку... А новостей-то, новостей-то! Здравствуйте, Сергѣй Иванычъ!

— Здравствуйте, бабушка. Какъ поживаете?

— Слава Богу, батюшка, слава Богу! Ужъ и новостей я вамъ разскажу, Лександра Львовна,—куча!

— Да что же такое, бабушка?

— А вотъ погодите, все разскажу... А это кто же у васъ?—обратилась она, прерывая себя, къ хозяйкѣ, понизивъ голосъ и указывая на меня глазами.

Хозяинъ познакомилъ насъ.

— Очень пріятно, очень пріятно!—затараторила бабушка:—а позвольте узнать: вы дальніе?

— Теперь пріѣхалъ изъ Петербурга...

— Такъ-съ... Тамъ и живете?

— Тамъ и живу.

— И родились,—позвольте полюбопытствовать,—въ Петербургѣ?

Старушка выговаривала всѣ эти вопросы скороговоркой, вскидывая свои быстрые глазки, въ которыхъ свѣтилось самое яркое любопытство.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—родомъ изъ С. губерніи...

— Ахъ, знаю, батюшка, знаю!—вдругъ оживленно замахала бабушка ручками.—Я въ С—кой губерніи сколько времени выжила!

— Вы въ самомъ городѣ жили?

— Нѣтъ. Вотъ, видите ли... я вамъ все по порядку разскажу.

Бабушка усѣлась удобнѣе, закинула нога на ногу и стала разсказывать:

— Я только что, воображайте, вышла тогда изъ института... Я вѣдь въ Екатерининскомъ была и первый шифръ получила... При этихъ словахъ старушка приподняла и опустила плечики, закинула назадъ голову, и ея быстрые глазки обѣжали всѣхъ собесѣдниковъ.

— Все вретъ!—шепнулъ мнѣ Васильевъ:—ужъ если повела плечами, такъ и знай, что соврала. Вѣрная примѣта!

— Вышла я изъ института, — продолжала, между тѣмъ, бабушка, — дядя меня и пригласилъ жить къ себѣ. У него была дочь, мнѣ ровесница... И надо вамъ сказать, мой дядя страшный былъ богачъ: со всей знатью мы были знакомы,—бабушка съ гордымъ видомъ прищурила глазки и поджала губы.—Только у кузины здоровье разстроилось: ей и велѣли кумысъ пить. Вотъ мы и собрались въ С—кую губернію. Сколько тамъ съ нами случаевъ было!

Бабушка все это выговорила однимъ духомъ, вертя своими пухленькими пальчиками на животикѣ и пощипывая бахрому шерстянаго шейнаго платка. И также быстро, безъ перехода, она прервала сама себя и обратилась неожиданно къ хозяйкѣ:

— Ахъ, матушка, Лександра Львовна! Заболталась я, да и позабыла: вѣдь у Ольги Петровны дочь, Надю-то, просватали! Какъ же-съ, вчера, матушка, поздравлять ѣздила. Ужъ хорошо, что вы за мной прислали, а то сама бы—не утерпѣла—къ вамъ нынче какъ нибудь добралась.. Невѣста, матушка, невѣста! И женихъ какой славный! Не успѣла еще хорошенько разузнать, откудова эвто она его достала. Изъ Москвы, говоритъ!

Бабушка замахала ручками и повернулась на стулѣ.

— Да что же вы, бабушка, чаю-то не пьете?

— Покорно благодарю, матушка... Ахъ, матушка! совсѣмъ было забыла поблагодарить васъ: какого вы мнѣ славнаго чаю прислали, спасибо вамъ, благодѣтельница! А ужъ женихъ славный, видный

такой изъ себя и обходительный мужчина: видно, что образованный!

Бабушка взяла въ руки блюдечко, какъ-то оттопыривъ и выгнувъ въ сторону мизинецъ правой руки, и подула на чай. Выпивъ чай и поставивъ блюдечко на столъ, она утерлась концемъ своего шейнаго платка и обратилась опять къ хозяйкѣ:

— А что эвто, матушка, я слышала: вы гувернантку отправили?

— Да молода еще очень. За ней самой-то нужно бы еще няньку. Люба вѣрно не меньше ея знаетъ...

— Гм!..—усмѣхнулась бабушка:—и что эвто нынче такое? Чему онѣ тамъ учатся!—Старушка глубокомысленно поджала губы:—учителя у насъ, я вамъ скажу, преотличные; я сама училась,—знаю.

— Вотъ вамъ и учителя!—поддразнила ее хозяйка:—нѣтъ, я свою Любу ни за что въ институтъ не отдамъ, пусть дома учится!

— Помилуйте, матушка, какъ можно дома! Вѣдь въ институтѣ-то, воображайте, шесть лѣтъ мы сидѣли. Только, конечно, коли своего старанія нѣтъ, такъ нигдѣ не выучишься. Вотъ, я вамъ скажу, у насъ одна грузинская княжна была... Привезли ее, а она, воображайте, легла на лавку, да и говоритъ: «вотъ буду лежать, а учиться не стану!» И что-жъ вы думаете? Что съ ней ни дѣлали, и пороли-то... Тогда вѣдь еще розги были!—съ ужимкой вставила бабушка:—и безъ обѣда оставляли... Нѣтъ, ничего не сдѣлали! Такъ и бросили, велѣли изъ института взять... А учителя у насъ отличные! Покорно благодарю, матушка!

Бабушка допила чай, опрокинула чашку и, вынувъ изъ рта обсосанный кусочекъ сахару, положила его на донышко и утерлась шейнымъ платкомъ.

— А, что, позвольте васъ спросить,—обратилась она ко мнѣ:—у васъ и имѣньице есть?

— Нѣтъ, такъ домишко въ С. маленькій...

— Такъ-съ... Ахъ, матушка, Лександра Львовна!—всполошилась вдругъ бабушка, вспомнивъ что-то:—вотъ ужъ я вамъ новость ужо скажу! Чудо!

— Что такое, бабушка?

— Нѣтъ, эвто я вамъ однимъ... а то тутъ посторонніе, да еще и мужчины!—бабушка выразительно повела на насъ съ Васильевымъ глазами:—вотъ дозвольте ужъ, выйдемъ къ вамъ.

Александра Львовна, улыбаясь, встала и пригласила бабушку въ свою комнату.

— Сейчасъ, матушка, сейчасъ!

Бабушка приподнялась со стула.

— А, что, позвольте полюбопытствовать...—вдругъ повернулась она ко мнѣ:—какъ ваше имя, отчество?

— Иванъ Петровичъ.

— Очень пріятно-съ... Извините, что побезпокоила...

— Какое же безпокойство...

— Какъ-же-съ! А у васъ, Иванъ Петровичъ, сродственники есть?

— Сестра одна...—отвѣчалъ я.

— А замужняя?.. Сейчасъ, матушка, сейчасъ!—и старушка на ходу, оборачиваясь ко мнѣ, побѣжала къ звавшей ее хозяйкѣ.

— Ну, что, какъ понравилась тебѣ наша бабушка?—спросилъ меня Васильевъ, когда мы остались одни.—Вотъ ужо разспроси ее: она навѣрно знаетъ все, что тебѣ нужно. Только надо непремѣнно провѣрять ее. Она большая сплетница и соврать таки любитъ. Видѣлъ, у нея уже зудъ былъ самой ѣхать къ намъ: у сосѣдей дочь просватали... И вѣдь какъ тайно все дѣлали: никто бы въ округѣ не зналъ, а она и «проздравлять» уже ѣздила... Ха, ха, ха! Тото, я думаю, одолжила!

— Да кто она такая?

— Такъ, мелкопомѣстная дворянка. Лѣтъ 30 назадъ она поселилась съ дочерью здѣсь, въ имѣніи своей тетки, да съ тѣхъ поръ и живетъ тамъ. Тетка по смерти оставила ей 5 душъ съ половиною да нѣсколько десятковъ десятинъ. Вотъ она и живетъ помѣщицей. Мужъ у нея давно умеръ, еще до переѣзда сюда, дочь выдала здѣсь за какого-то отставнаго каптенармуса—пьяницу горчайшаго. Да и дочка тоже не прочь хлебнуть. Не легко ей, въ сущности, живется... Хорошо, что характеръ у нея еще такой, что все, какъ съ гуся вода, лишь бы поболтать да посплетничать. А болтать она готова хоть круглыя сутки... Видно, впрочемъ, что она видала и лучшія времена. Жену она особенно любитъ: та ей постоянно помогаетъ, да и относится къ ней сердечнѣе, чѣмъ другіе...

— Но какъ же ее зовутъ? Ты мнѣ даже не сказалъ ея имени...

— Да едва ли когда ее и зовутъ по имени. Все—бабушка, да бабушка. Не знаю, кто ее такъ окрестилъ, но кличка къ ней крѣпко пристала. А настоящее имя ея: Олимпіада Павловна Руднева. Она и сама-то, я думаю, ужъ его забыла.

III.

Пока мы оставались въ столовой, въ «дѣвичьей» послышался оживленный говоръ.

— Хочешь посмотрѣть, какъ бабушка зубы чиститъ? — спросилъ, смѣясь, Васильевъ.

— Какъ зубы чиститъ?

— А такъ, табакомъ... Она на дню-то разъ 20 себѣ непремѣнно

зубы вычистить... Я думаю, эта процедура замѣняетъ ей и куренье и нюханье табаку.

Мы подошли къ двери, не показываясь.

Въ «дѣвичьей» у окна сидѣли за работой двѣ горничныя, а напротивъ передъ лежанкой стояла, наклонившись надъ тазомъ, бабушка. Лѣвой рукой она придерживала платье, а пальцы правой растопырила во всѣ стороны, такъ что одинъ ѣздилъ по носу, другой по подбородку, третій былъ засунутъ въ ротъ, и всѣ вмѣстѣ усердно исполняли свое дѣло.

Черезъ минуту, вытащивъ замазанный табакомъ палецъ изо рта и оставивъ его въ воздухѣ на уровнѣ лица, бабушка обратилась къ горничнымъ:

— А что, пріѣзжій-то эвтотъ хорошій человѣкъ?

— Да кто-жъ его знаетъ!—отвѣчала одна изъ дѣвушекъ.

— Кажется, хорошій, съ состояніемъ: домъ, говоритъ, въ С. имѣетъ... И такой декательный — видно, что образованіе получилъ...

Бабушка говорила «декательный» вмѣсто «деликатный».

— Вотъ вы какъ скоро... А мы путемъ еще не узнали, какъ звать-то его,—замѣтила дѣвушка, откусывая нитку.

— Ну, вамъ гдѣ же...—сказала небрежнымъ тономъ бабушка:— а я такъ, въ разговорѣ разузнала...

И она опять принялась за прерванную операцію. Долго и тщательно возила она пальцами во рту: очевидно, это доставляло ей большое удовольствіе. Наконецъ, выполоскавъ ротъ и отерши руки, она подошла къ окну.

— Что эвто ты, Луша, шьешь?

— Платье барышнѣ подшиваю.

— А-а! Славная матерія! Поди, копѣекъ по 40 аршинъ дадена...—и бабушка нагнулась и внимательно осмотрѣла и ощупала матерію, даже для чего-то поднесла ее къ губамъ.—А вѣрно завтра дождь будетъ...

— Что такъ вы думаете?

— Да желудокъ что-то ноетъ...

Бабушка потерла себѣ животикъ и направилась къ двери. Васильевъ пропустилъ ее и пошелъ вслѣдъ за ней, а я вошелъ въ дѣвичью.

— Никакъ вы тутъ были?—вскрикнули обѣ дѣвушки разомъ.

— Да, подслушивалъ бабушкины разговоры...

— Охъ, а намъ она ужъ, признаться, надоѣла: пріѣдетъ, тараторитъ, тараторитъ, просто, другой разъ, не отвяжешься!

— Да это еще ничего бы,—вступилась другая дѣвушка,—если бы у нея руки не чесались...

— Какъ руки не чесались?—удивился я.

— А такъ... Каждый разъ узелъ надо осматривать, какъ уѣзжаетъ... А позабудешь и не досчитаешься чего нибудь.

— Развѣ она таскаетъ?

— А вотъ, будетъ уѣзжать, такъ приходите посмотрѣть сами; мы при васъ ея узелъ разберемъ...

И дѣвушка хладнокровно, прищуривъ глазъ, надѣла иголку на нитку.

Когда я вошелъ въ гостиную, бабушка съ жаромъ что-то разсказывала хозяйкѣ сильно жестикулируя, но, увидавъ меня, замолчала.

За обѣдомъ мнѣ удалось навести бабушку на интересовавшій меня предметъ. Услыхавъ, что я желаю знать, нѣтъ ли въ уѣздѣ какихъ нибудь Оводовыхъ, бабушка обрадованно воскликнула:

— Какъ, батюшка, не быть! Да вотъ Иванъ Васильевичъ сосѣдъ у насъ здѣсь былъ... Ужъ и разбойникъ же былъ, прости Господи! Жена отъ него сбѣжала и сынка маленькаго съ собой увела...

— Отчего же она сбѣжала?

— Видно, отъ хорошей жизни!—бабушка смѣшно сжала губы.— Помните, матушка Лександра Львовна, — обратилась она къ хозяйкѣ: — Катерину Петровну? Какая женщина была: красивая, видная, а затиранилъ вѣдь подлецъ: убѣжала.

— Такъ Иванъ Васильевичъ изъ Оводовыхъ былъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, батюшка, Иванъ Васильевичъ Гречковскій! Они всѣ безумные... вотъ братъ у него прекраснѣйшій человѣкъ, образованнѣйшій, а совсѣмъ съ ума спятилъ: стихи сталъ писать, письма къ государю посылалъ... да вотъ пріѣзжайте ко мнѣ, я вамъ его бумаги покажу... Очень антиресно!

Бабушка оживилась и подпрыгивала и вертѣлась на стулѣ.

— Да вѣдь я не про Гречковскихъ, а про Оводовыхъ хочу узнать...—замѣтилъ я.

— А за Оводовымъ сестра Ивана Василича, Павла Васильевна, была выдана! Какъ же, батюшка, въ родствѣ они... Хорошо тоже жили сперва-то, только скоро померла она! Ну-да Алексѣй-то Панкратьичъ немного тужилъ: недолго спустя и опять женился на сестрѣ Авдотьи Петровны.

— Это какой Авдотьи Петровны?—вставилъ Васильевъ:—Сторожевой? Это, что юнкера-то увезла?

— Эвта самая!

— Ну-ка, разскажите, бабушка, Ивану Петровичу эту исторію. Вѣдь, кажется, и Хваткинъ тоже Гречковскому сродни?

— Троюродный... Анна-то Власьевна, бабушка его, изъ Гречковскихъ, была выдана за Протопопова... Коницыно-то ихъ было. Только Ѳедоръ Ѳедорычъ больно заливалъ за галстухъ, вотъ имѣньице-то и—фью!

Бабушка дунула на подставленную ладонь и отмахнула ее въ сторону.

— Причемъ же юнкеръ тутъ? — съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Охъ, и смѣхъ же, я вамъ вотъ разскажу...

Бабушка откинулась къ стѣнкѣ кресла, но тотчасъ приподнялась опять, такъ какъ ея коротенькія ножки не хватали до пола...

— Вотъ видите, Хваткинъ то... онъ по Гречковскимъ и Овододову сродственникъ приходится... Юнкеромъ онъ тогда былъ. Дрянной такой мальчишка, по правдѣ сказать... Я его терпѣть не могла: хвастунъ и сплетникъ... а ужъ эвто самое помоему скверное въ человѣкѣ...

Мы переглянулись съ Васильевыми. Сергѣй Ивановичъ едва удерживался отъ смѣха. Бабушка между тѣмъ передернула плечиками и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала:

— Ну, да Богъ съ нимъ... Вотъ онъ и расхвастался разъ, что онъ, такой-сякой Донъ-Жуанъ, любую де барышню увезетъ... Ну-съ, прошло съ этого разговора недѣли полторы, началъ Хваткинъ въ Москву собираться. Спросилъ позволенія у маіора, а тотъ его и не пусти! Въ эвто самое время и Авдотья Петровна, слышимъ мы, тоже сбирается ѣхать. Ну, а о Хваткинѣ ужъ и знаемъ, что не поѣдетъ. Только сидимъ мы съ Лександрой Львовной дня три послѣ эстого, вдругъ является Хваткинъ: такъ и такъ, говоритъ, пришелъ проститься... Какъ такъ? — спрашиваемъ. — Съ Авдотьей Петровной, говоритъ, ѣду... Распростился и уѣхалъ. Подивились мы, какъ эвто онъ безъ позволенія уѣдетъ. И вдругъ, воображайте, пришла мнѣ въ голову удивительная мысль. «Погодите, говорю, Лександра Львовна, дайте мнѣ только лошадку до Петра Петровича добраться, а я ужъ съ ними устрою штучку!» А надо вамъ сказать, у Петра Петровича въ Елкинѣ оба брата Михѣевы: и майоръ, и эскадронный командиръ тогда и дневали, и ночевали. А Авдотьѣ-то Петровнѣ какъ разъ ѣхать мимо Елкина, не миновать. Лександра Львовна дала мнѣ лошадку, вотъ я пріѣхала, да въ разговорѣ и говорю: «Не нужно ли вамъ, батюшка Петръ Петровичъ, въ Москву порученьице какое дать: нынче въ ночь Авдотья Петровна ѣдетъ, такъ я бы передала».—«Ахъ, говоритъ, пожалуйста, бабушка, очень даже нужно»! — «Давайте, говорю, записку»... Далъ онъ мнѣ записку, я пошла и велѣла старостѣ караульнаго поставить, чтобы, какъ поѣдетъ, остановить ее: молъ, Петръ Петровичъ имѣетъ къ вамъ дѣло черезъ Лимпіаду Павловну. Вотъ жду я часъ—нѣтъ! два—нѣтъ! а я все не сплю... только стало бить три часа, слышу: колокольчикъ... Я выбѣжала на крыльцо: ѣдетъ Авдотья Петровна. Караульный остановилъ ее, а я сейчасъ подхожу, да и говорю: вотъ вамъ, матушка Авдотья Петровна, Петръ Петровичъ велѣлъ записочку передать!—говорю

это, а сама въ тарантасъ заглядываю: сидитъ Авдотья Петровна одна, а Хваткина нѣтъ. Только вижу: сбоку что-то платкомъ накрыто... Стала эвто я записку подавать, а сама рукой-то и шарю внизу... Вдругъ что-то въ руку мнѣ попалось: глядь, а эвто нога его. Ну, стой, думаю, поймала! Стала я съ Авдотьей Петровной говорить, а ногу-то все держу, все держу, да,—нѣтъ, нѣтъ,—на платокъ-то эвдакъ взгляну... Вижу, сталъ мой Хваткинъ пошевеливаться: душно, знать, стало. Ну, думаю, отпущу душу на покаяніе. Простилась съ Авдотьей Петровной: прощайте, говорю, матушка, счастливой дороги! А намъ Хваткинъ нахвасталъ, будто съ вами ѣдетъ... — Нѣтъ, говоритъ, я одна! — Я и говорю: нахвасталъ, видно, врунишка! Мнѣ самъ Лексѣй Лександрычъ сказывалъ, что не пустилъ его. И слышу, за платкомъ-то словно урчитъ что. «А это, говорю, матушка, что у васъ платочкомъ-то прикрыто?» А сама ногу-то и прижала. — Это, говоритъ, узелъ у меня съ платьями... — Ну, прощайте, матушка Авдотья Петровна, говорю. Отошла за тарантасъ, остановилась и слушаю. Хваткинъ зашевелился.—«Слава Богу, говоритъ, кажется, не видала проклятая старуха!»—Это меня-то онъ.—«Поѣзжай, говоритъ, скорѣй, а то еще воротится!» А я-то имъ вослѣдъ: «Слава Богу, видѣла!».

И бабушка съ такимъ хитрымъ и торжествующимъ видомъ окинула насъ взглядомъ своихъ маленькихъ глазъ и такъ комично развела руками, что мы всѣ невольно расхохотались.

— Легла я спать, — продолжала она: — а надо вамъ сказать, сонъ у меня пречуткій. Слышу, бьетъ 5 часовъ, я сейчасъ вскочила и прямо къ маіору. Стучу къ нему въ дверь:—«Лексѣй Лександрычъ, Лексѣй Лександрычъ! у васъ несчастіе въ эскадронѣ случилось!»—Онъ вскочилъ, съ просонья-то не разберетъ: что такое, бабушка?—Несчастіе въ эскадронѣ, батюшка!—кричу:—покража! Онъ, какъ спалъ, такъ и выскочилъ въ неглиже.—Что такое, бабушка? Какое несчастіе?—Покража, батюшка! Авдотья Петровна юнкера увезла!—Какого юнкера?—Хваткина, батюшка, Хваткина!—Да, не давъ ему опомниться, давай другихъ будить. Вотъ смѣху-то было! Однако Лексѣй Лександрычъ какъ разсердился, хотѣлъ Хваткина на абвахту посадить, да ужъ Петръ Петровичъ упросилъ. Ну, и смѣху же было надъ эвтимъ Хваткинымъ. Куда ни покажется, всѣ: «какъ же это, г. Хваткинъ! Хвастали, что всякую барышню увезете, а замѣсто того васъ барыня увезла! А еще военный!» Да, пропекли таки его эвтими надсмѣшками.

Бабушка такъ увлеклась воспоминаніями своихъ подвиговъ, что не могла усидѣть спокойно на мѣстѣ. Чепецъ у нея съѣхалъ на бокъ, а за нимъ и парикъ, обнаживъ сѣдые волосы. Вся ея маленькая фигурка имѣла необыкновенно забавный видъ.

— Не любитъ она этого Хваткина,—замѣтилъ мнѣ вполголоса Сергѣй Ивановичъ: — враги они между собой жестокіе. Разъ мы

сидѣли за картами, бабушка тутъ же была. Хваткинъ ее въ разговорѣ и назвалъ какъ-то пиковой дамой. А потомъ къ нему пришли плохія карты, онъ и скажи: «опять ко мнѣ эта собака пиковая дама пришла!» Надо было видѣть, что стало съ бабушкой! «Вы, говоритъ, не думайте: я въ шестой книгѣ записана, я столбовая дворянка, получше васъ!» И пошла, и пошла!

Бабушка, отвлеченная какимъ-то вопросомъ Александры Львовны, прислушалась и вдругъ обернулась въ нашу сторону.

— Да какъ же, помилуйте, батюшка! Юнкеришка какой нибудь смѣетъ такъ отзываться о столбовой дворянкѣ. Пустой онъ мальчишка, больше ничего! Я всегда имѣла къ нему оттолкновеніе.

Я перевелъ разговоръ опять на семейныя отношенія Оводовыхъ.

— Вы говорили, бабушка, что за Оводовымъ, Алексѣемъ Панкратьичемъ, сестра Гречковскаго была? А были у нихъ дѣти?

— Какъ же, батюшка, дочка была, да сынокъ: красныя дѣтки. Дочка-то замужемъ была за Бербахомъ: нѣмецъ у насъ здѣсь такой былъ. Тоже, воображайте, стихи писалъ.

— Что же, этотъ тоже не въ своемъ умѣ былъ?

— Помилуйте, батюшка, совсѣмъ сумасшедшій. Ну, да у нихъ эвто въ роду вѣдь...

Бабушка передернула плечиками, закинула назадъ головку и обвела насъ хитрымъ взглядомъ.

— А сынокъ-то Павлы Васильевны, воображайте, себя великимъ ученымъ почиталъ: все машины выдумывалъ, кокелюшки эвтакія сдѣлалъ... у меня и кокелюшки-то эвти хранятся. Да ничего не достигъ. Только попалъ подъ подозрѣніе въ ниверситетѣ: его, голубчика, и засадили въ крѣпость.

Насчетъ сына Павлы Васильевны я имѣлъ основанія думать, что бабушка сочиняетъ, но она высказывала всѣ свои выдумки такъ свободно, что только предательская привычка передергивать плечиками и поводить хитро глазками изобличала ее.

Вечеромъ мы всѣ пошли гулять. Бабушка сначала отказывалась, но наконецъ рѣшилась выйдти. При этомъ она закуталась всевозможными платками до самаго носа и все боялась простудиться.

На слѣдующее утро бабушка обратилась къ Васильевой съ просьбой отвезти ее домой.

— Куда вамъ торопиться? — уговаривала ее Александра Львовна:—что вамъ дома-то дѣлать? А завтра вечеромъ мы и отвеземъ васъ.

— Нѣтъ, матушка, покорно благодарю, никакъ не могу: у меня обстоятельства такія...—съ видомъ сожалѣнія и полушепотомъ сказала бабушка и покачала головой.

— Какія тамъ у васъ обстоятельства? До вечера-то можно отложить.

— Никакъ не могу, матушка. Ужъ ежели бы можно было, я бы осталась...

— Да что у васъ такое?

— Желудокъ, матушка, очень безпокоитъ... — съ нерѣшительностью выговорила бабушка.

— Вотъ что... Съ чего же онъ васъ сталъ безпокоить?

— И сама не знаю, простудилась, видно. Вотъ вы меня вчера гулять-то потащили... Я говорила вѣдь вамъ!

— Однако, — замѣтилъ я, — вы вчера такъ закутались, что, если бы хотѣли, такъ нельзя было простудиться...

— Хорошо вамъ, батюшка, говорить, а я человѣкъ старый... У меня нервы разстроены: чуть что, желудокъ сейчасъ и заноетъ...

— Охъ, ужъ этотъ желудокъ! — засмѣялась Васильева.—Онъ у нея отъ всего болитъ: и отъ радости, и отъ горя, и отъ испуга, и отъ простуды... Что бы ни случилось, у нея прежде всего желудокъ отзовется.

— Хорошо вамъ смѣяться, а каково мое-то положеніе, воображайте!— обидѣлась бабушка. — Нѣтъ, ужъ вы, матушка Лександра Львовна, отпустите меня!

Васильева велѣла подать экипажъ, и бабушка, крехтя и охая, усѣлась въ него.

Передъ отъѣздомъ меня позвали посмотрѣть бабушкинъ узелъ. Въ немъ, среди ея принадлежностей, оказались, между прочимъ, лоскутки ситцу, полотенце, сломанная дѣтская игрушка, серебряная ложечка, шерстяной платокъ, нѣсколько пуговицъ разныхъ сортовъ, еще нѣсколько лоскутковъ какой-то матеріи и головка куклы. Все это было выбрано, а узелокъ былъ завязанъ попрежнему.

— Вотъ не погляди, и увезла бы все съ собою,—ворчала горничная Луша:—а потомъ барыня и подумаетъ на насъ. Хошь дрянь-то эта и никому не нужна, а всетаки ложечка да полотенце вещи стоющія. И вѣдь видитъ, что каждый разъ обглядываютъ, нѣтъ, такъ руки и чешутся. Тьфу ты, прости Господи!

IV.

Вспомнивъ, что бабушка обѣщала мнѣ показать какія-то бумаги Гречковскаго, я чрезъ нѣсколько дней собрался навѣстить ее. Въѣхавъ въ улицу деревни Болотнова, я затруднился, куда ѣхать далѣе, и обратился къ растрепанной бабѣ, поднимавшей бадью изъ колодца, съ вопросомъ: гдѣ мнѣ найти Олимпіаду Павловну Рудневу?

Баба медленно довертѣла колесо колодца, выставила бадью на край сруба и, придерживая ее рукой, обратилась ко мнѣ:

— Это трепалку-то?

Подумавъ, что она не поняла меня, я повторилъ свой вопросъ.

— Ну, да, я про нее тебѣ и говорю, кормилецъ, про трепалку... Ее у насъ и все такъ-то зовутъ.

— Почему же ее такъ зовутъ?

— А хто е знатъ! Зовутъ, да зовутъ! — философски разсудила баба.

— Такъ, какъ же проѣхать къ ней?

— А вотъ ступай улицей все прямо. Проѣдешь деревню, поверни направо: тутъ тѣ прямо и домъ ихъ будетъ.

Я поблагодарилъ бабу и тронулъ своего коня. Повернувъ по указанному направленію, я увидалъ старенькій домишко, крытый соломой, надъ которымъ возвышалось обвалившаяся труба. Окна покривились, въ нѣкоторыхъ рамахъ стекла состояли изъ нѣсколькихъ склеенныхъ замазкой кусочковъ, ставни еле держались то верхней, то нижней петлей, и каждую минуту, казалось, грозили свалиться; крыльцо тоже какъ-то осѣло и посунулось на бокъ. На лѣвой сторонѣ двора стояли двѣ плохенькія избы, за которыми виднѣлось еще какое-то дрянное строеніе съ подставленными съ боковъ подпорками; направо два сарая широко распахнули свои покривившіяся ворота. Какою-то грустью вѣяло отъ этого умирающаго жилища. Во всемъ проглядывала неряшливость, запущенность.

На дворѣ никого не было. Я привязалъ лошадь къ столбу крыльца и вошелъ въ домъ. Тамъ было все также ветхо, но чисто и опрятно.

— Кто тамъ?—послышался крикливый голосъ бабушки.

— Это я, бабушка, пріѣхалъ провѣдать васъ.

— Ахъ, батюшка, Иванъ Петровичъ, благодарю, что навѣстили старуху... Вотъ я къ вамъ сейчасъ выйду!—продолжалъ ея голосъ откуда-то изъ-за двери:—извините старуху, батюшка! Да гдѣ-жъ это дѣвка-то? Наташка! Наташка!

— Сейчасъ!—послышался откуда-то сонный голосъ.

— Поди, дура, ставь скорѣй самоваръ: гости пріѣхали! Вотъ я васъ, батюшка, огурчиками съ медомъ угощу! — обратилась она ко мнѣ опять изъ-за двери.

За дверями послышалось ворчаніе, и мимо меня шмыгнуло какое-то заспанное существо.

Наконецъ показалась и бабушка, завязывая на ходу тесемки чепца.

— Здравствуйте, родной... Спасибо, что не забыли старуху. Какъ здоровье Сергѣя Иваныча, Лександры Львовны?

— Благодарю васъ: всѣ здоровы, вамъ кланяются.

— Ну, и слава Богу!... Ахъ, батюшка, вотъ вы и кстати заѣхали. А я вамъ новость скажу: къ вамъ въ сосѣдство красавицы ѣдутъ.

— Какія красавицы?

— Авдотья Петровна, батюшка, съ дочками... Вчера староста Лотохинскій ѣхалъ въ городъ, сказывалъ, что домъ приготовляютъ, ждутъ.. Вотъ познакомьтесь... Вы человѣкъ холостой... Воображайте!—вдругъ перебила она себя:—къ вамъ скоро гости будутъ. Побѣдимовъ, Иванъ Петровичъ, тезка вашъ, присылаетъ за мной третьяго дня. Ужъ вѣрно, говоритъ, Липіяда Павловна, вамъ извѣстно: кто такой гоститъ у Сергѣя Иваныча?—Какъ же, батюшка, не знать, говорю: имѣла честь познакомиться... И давай ему васъ расписывать! А у него три дочери, знаете: и дѣвицы хорошія, скромницы и рукодѣльницы, а вотъ подите же — не даетъ Богъ жениховъ!

Бабушка хитро подмигнула однимъ глазомъ.

— Вотъ Иванъ-то Петровичъ какъ прослышитъ про холостаго мужчину, сейчасъ и знакомиться! Ну, только Сторожевы-то не чета его дочерямъ! Особливо средняя—Катенька. Просто писанная красавица!—бабушка съ восторгомъ чмокнула губами.

— Вѣдь это та Сторожева, про которую вы тогда разсказывали?

— Она самая, батюшка, она самая... Только теперь она уже, конечно, въ лѣтахъ. А молода была, что твоя королева! Теперь, конечно, дочки невѣсты, а пожалуй и сама она еще молодому не уступитъ. Вотъ, батюшка, я вамъ разскажу, какъ она старшую выдавала замужъ. Женихъ-то былъ не здѣшній, откуда-то перевелся въ намъ въ полкъ. И такъ эвто скоро: познакомился—и руку, молъ, и сердце предлагаю... Бабушка сдѣлала смѣшную гримасу и показала, какъ женихъ предлагалъ руку и сердце.

— И что же вы думали? Авдотья-то Петровна... Я, говоритъ, васъ мало знаю... Какъ еще вы способны къ брачной жизни... Я сперва сама васъ испытаю.

Бабушка закинула назадъ головку и, хитро прищуривъ глазки, посмотрѣла на меня.

— И вѣдь испытала!

— И что же, годенъ оказался?—спросилъ я, расхохотавшись.

— Чего ужъ! Видно, очень пригодился! Только не долго пришлось съ нимъ женѣ жить. Ужъ тамъ не знаю отчего,— бабушка прищурила лѣвый глазъ:—а только черезъ годикъ уѣхалъ онъ, да и пропалъ съ эвтихъ поръ. Письмо онъ имъ написалъ тогда... У меня и письмо-то было, да зачиталъ Хваткинъ.

— А вы, бабушка, говорили, что у васъ Гречковскаго бумаги есть?—сказалъ я къ слову.

— Есть, есть, батюшка, вотъ я вамъ сейчасъ принесу...

Бабушка оперлась своими короткими ручками о колѣни, нагнулась впередъ и наконецъ приподнялась съ кресла. Пошаривъ въ сосѣдней комнатѣ, она вытащила мнѣ связку бумагъ. Это былъ пестрый сборъ выписокъ изъ книгъ, начатыхъ трактатовъ о «важ-

ныхъ матеріяхъ», между прочимъ, была фантастическая сказка о Русскомъ государствѣ. На листѣ, озаглавленномъ «Мои замѣтки», было, напримѣръ, слѣдующее. Начинался онъ стихотвореніемъ Беранже «Hatons-nous», воспѣвающимъ Польшу. Далѣе слѣдовало: «Величитъ душа моя Господи, и возрадовася духъ мой о Бозѣ, Спасѣ моемъ». «Честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ, безъ истлѣнія Бога слово родшую, сущую Богородицу, тя величаемъ».

«Господи! воздвигни силу твою и пріиди во еже спасти ны!»

«Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его, и да бѣгутъ отъ лица его ненавидящіе его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ».

«Ребята! Слава впереди! Въ душахъ кипятъ восторги. Ура! Пусть будетъ на груди у каждаго Георгій!»

«Наведи! до груди! Попади! Конечно, не пулей, не штыкомъ или кулакомъ, а словомъ, словомъ любви, прямо въ сердце».

«En avant! partez, camarades,
«L'arme au bras, le fusil chargé» и т. д.
(«Le vieux caporal», Беранже).

«Господи! дай намъ миръ, дружбу, согласіе и любовь».

«Научи, вразуми, просвѣти и сподоби насъ познать Тебя, милаго Отца, покажи намъ красоту Твою; дай намъ всѣмъ сердцемъ любить Тебя; чтобы мы, любя Тебя, исполняли волю Твою и любили бы другъ друга, какъ себя, какъ образъ и подобіе Твое».

«Vite en carosse,
«Vite à la noce;
«Juif ou chrétien, tout le monde est prié.
«Vite en carosse,
«Vite à la noce.
«Alliluia! le pape est marié» и т. д.
(«Le Mariage du pape», Беранже).

«Вкусите и видите, яко благъ Господь. Аллилуія, аллилуія, аллилуія!

«Сѣйте слово истины и правды, кто можетъ на большомъ, а другіе на маломъ полѣ, поощряйте къ сему другъ друга; посѣвъ можетъ сдѣлаться обширнымъ, общественнымъ. Отъ ревностнаго распространенія истины и правды долженъ произойти плодъ общественнаго мира и благоустройства». (Митр. Филаретъ, 17-го апрѣля 1858 года).

Въ томъ же родѣ «Мои замѣтки» продолжались на нѣсколькихъ страницахъ.

По разсказамъ бабушки, Гречковскій всегда былъ какой-то восторженный, держался особнякомъ и кончилъ тѣмъ, что застрѣлился, причемъ не убилъ себя сразу, а промучился еще цѣлыя сутки. Умирая, онъ повторялъ: «душно! воздуху! свѣту!». Очевидно что этотъ «сумасшедшій» былъ жертвой окружавшей среды.

Между тѣмъ, заспанная Наташка, неуклюжая, растрепанная, кривая на одинъ глазъ женщина, постоянно что-то ворчавшая себѣ подъ носъ, накрыла на столъ и подала самоваръ. Принесла она и чашку со свѣжимъ сотовымъ медомъ.

— Откуда это у васъ, бабушка, медъ такой славный?

— Собственный, батюшка. У меня вѣдь нѣсколько колодокъ есть. Ерастъ Ѳедорычъ, зятекъ-то мой, хоть и пьяница,—бабушка усмѣхнулась:—а за пчелами ходить умѣетъ. Онъ на работу всякую мастеръ, кабы только не водочка. Вотъ вчера уѣхалъ съ Лизанькой къ Роговскому батюшкѣ: именины онъ справляетъ женины, приглашалъ, теперь дня три прохороводятся...

— А вы что же, бабушка?

— Не могу, батюшка, желудокъ безпокоитъ. Вотъ ужъ какъ безпокоитъ! Хотѣлось бы, да не могу. Вотъ сижу съ вами, говорю, ничего. А если теперь сѣсть на тележку — смерть моя! версты не проѣду!

— А вы давно здѣсь живете, бабушка?

— Давно, лѣтъ тридцать, а то и больше. Къ теткѣ я сюда пріѣхала, да такъ тутъ и осталась...

— Вы, кажется, говорили, что въ С—ской губерніи жили?

— Эвто, какъ изъ института я только вышла. Я у дяди тогда жила. Весело тогда мы лѣто провели. Наняли въ степи нѣсколько палатокъ у татаръ; много было насъ: и дяди семья, и знакомыхъ понаѣхало. Богатые тамъ татары. Женъ какъ своихъ одѣваютъ—просто удивленіе! У иного женъ-то штукъ 25, а то и больше. Воображайте, какой у нихъ обычай: если сразу дичь не убьютъ на смерть, то ни за что ѣсть не станутъ. А дичи тамъ сколько! Зайцы вотъ этакіе, вдвое больше здѣшнихъ, эвтихъ козъ, куропатокъ, тетерекъ—не оберешься! — и бабушка махнула рукой. — И всѣ они князья, да князья. А я, бывало, все за князя желала выйдти, вотъ дядя и подшутилъ надо мной. «Надоѣла ты мнѣ, говоритъ, со своими князьями; нечего дѣлать, представлю я тебѣ нѣсколько—выбирай любаго!» Мы, дѣвицы, обрадовались. Дядя устроилъ у себя вечеръ. Нарядились мы, выходимъ—и что же? Полонъ домъ татаръ! Дядя ко мнѣ, взялъ за руку, вывелъ на средину: «вотъ, говоритъ, Липіяда Павловна, вамъ, князья, выбирайте!» Это при всѣхъ-то! Воображайте! Ну, зато уже сразу отъ князей отучилъ.

Бабушка весело разсмѣялась.

— А ужъ какъ мы эвтихъ татарскихъ бабъ злили! Бывало, такъ ихъ раздразнимъ, что они ругаться, а то и швырять, чѣмъ ни попадя, начнутъ. А мы-то радуемся!... Молодость...—бабушка меланхолически вздохнула и покачала головой:—а какъ вернулись въ Москву — никто не узнаетъ: вотъ какія сдѣлались.

Старушка широко разставила свои коротенькія ручки.

— Что же, долго вы жили у дяди?

— До самаго замужества. Весело у него жилось. Я дамскаго общества не любила, у насъ все больше мужчины бывали... И какъ меня мужчины любили! Бывало, разговариваемъ, хохочемъ... а ужъ съ визитомъ къ барынѣ какой нибудь ѣхать—эвто смерть моя!

Бабушка замолчала, какъ будто перебирая мысленно свою молодую жизнь. Ручки ея усиленно вертѣлись на животѣ, теребя бахрому платка. Устремивъ прямо впередъ свои живые глазки, она продолжала медленно:

— Ну, и общество у насъ хорошее собиралось. Вотъ эвтотъ Пушкинъ писатель часто у насъ бывалъ. Сидитъ букой въ углу, да ногти кусаетъ. Мы его всѣ очень боялись: молчитъ, молчитъ, да и осмѣетъ. Воображайте, мы его обходили на нѣсколько шаговъ...

— А какъ же вы замужъ вышли?

Бабушка какъ будто вдругъ очнулась отъ сна.

— Да какъ и всѣ, батюшка! Сдѣлалъ офицеръ предложеніе, я дала слово, вотъ и все тутъ!

V.

Мнѣ пришлось ѣхать въ городъ недѣли на двѣ. Бабушка все это время не показывалась Васильевымъ, такъ что Александра Львовна думала, ужъ не заболѣла ли она. Но какъ разъ въ день моего пріѣзда явилась и она.

Еще не успѣвъ раздѣться, бабушка замахала ручками.

— Съ прибылью, матушка, Лександра Львовна, съ прибылью поздравьте меня!

— Съ какой прибылью, бабушка?

— Съ сыномъ Михайломъ и дочерью Марьей! — со смѣхомъ отозвалась бабушка.

— Какъ съ сыномъ Михаиломъ? Откуда это?—спрашивала съ недоумѣніемъ Васильева.

— Мой благовѣрный, матушка, мнѣ презентовалъ. Что же дѣлать: съ кѣмъ грѣхъ не бываетъ! — шутила бабушка.

— Да что же, бабушка, вы не раздѣваетесь? Пойдемте въ комнаты.

Бабушка такъ увлеклась, что стояла въ передней и только вертѣла узелъ головнаго платка, не развязывая его.

— Что такое у васъ случилось? Вы больны были, должно быть, бабушка? Какая вы блѣдная.

Въ самомъ дѣлѣ бабушка поблѣднѣла и похудѣла.

— Ахъ, матушка, такое дѣло, что я чуть не умерла!—сказала бабушка, вдругъ переходя въ грустный тонъ:—вы только воображайте, что я вамъ разскажу... Изволите видѣть: у мужа моего была... какъ бы вамъ сказать... привиллегія, и отъ эвтой привиллегіи было у него двое дѣтей. Вотъ онъ и сдѣлалъ духовную эвтимъ

ѣтямъ, а привиллегію-то моимъ именемъ назвалъ и поставилъ законной женой... да про законную-то дочь мою-то даже и не помянулъ, ровно ея и нѣтъ... Воображайте, каковъ подлецъ! Хошь онъ мнѣ и мужъ былъ, а всетаки скажу: подлецъ!

— А мы, бабушка, считали васъ вдовой вѣдь, — сказалъ Васильевъ.

— Была, батюшка, и такъ вдова—соломенная, а теперь настоящая стала!—грустно усмѣхнулась бабушка.—Хорошо еще, что росписка-то эта у меня сохранилась, а то какъ бы мнѣ доказать, что у меня съ 1835 года дѣтей не было? Спасибо, что припрятала, хоть и смѣялись мнѣ, что она никуда не годится.

— Какая росписка?

— А мужъ мнѣ выдалъ. Вотъ я вамъ покажу... Я ужъ берегу ее теперь.

Бабушка вытащила изъ своего узла листъ сѣрой бумаги, на которомъ широкимъ, размашистымъ почеркомъ было написано:

«Я, нижеподписавшійся, по несостоятельности своей, не могу содержать жену свою Олимпіаду Павловну, почему и отпускаю ее, жену мою, на всѣ четыре стороны, съ тѣмъ, что она, вышерѣченная жена моя, имѣетъ право снискивать себѣ пропитаніе, гдѣ и какъ ей будетъ угодно. Отставной корнетъ Андрей Евлампіевъ Рудневъ. 26-го мая 1835 года».

Бумага была скрѣплена сургучной печатью съ изображеніемъ амура, цѣлящагося изъ лука, и надписью: «не промахнусь!»

— Ну, и у Лизаньки тоже вѣдь въ институтѣ бумага есть. А каково мнѣ, на старости лѣтъ, такое безчестіе! Пріѣзжаю я въ городъ, сродственники всѣ ко мнѣ: «Помилуйте, говорятъ, Лимпіяда Павловна, вѣдь эвто позоръ всѣмъ намъ, безчестіе нашей фамиліи»... да такъ напугали меня, что я въ постель слегла, думала—умру: цѣлую недѣлю въ ротъ ничего не брала. Головокруженіе и разстройство въ желудкѣ эвто, знаете... такъ ужъ и думала, что не встану. Только полегче стало, я къ князю: заступитесь! говорю. Онъ говоритъ: «вамъ надо доказать, что дѣти эвти не ваши, а ее, говоритъ, за это упекутъ. Если бы вашъ мужъ живъ былъ, говоритъ, его бы за эвто въ каторжную работу». Воображайте, какія дѣла!

— Чѣмъ же ваше дѣло кончилось?

— Да пока еще ничѣмъ. Только ей за эвто достанется! Я ужъ эвтаго дѣла такъ не оставлю, я ее, подлячку, въ Сибирь упеку! Вѣдь это оскорбленіе моей чести!

Бабушка разгорячилась, завязки чепца съѣхали у нея на ухо, и изъ-подъ парика высунулся клокъ волосъ.

— За что же вы на «привиллегію»-то мужнину такъ сердитесь: вѣдь мужъ вашъ виноватъ, а не она?

— Помилуйте, батюшка,—убѣдительно отвѣчала старуха:—вѣдь

я должна эвто сдѣлать, а то мнѣ и самой достанется! Вѣдь эвта дѣвка моимъ именемъ назвалась, а я за всякую шлюху отвѣчать не согласна!

— Да за что же вамъ-то отвѣчать?

— А какъ же? Эвтакая наглость! Воображайте, она моимъ именемъ вездѣ называлась, а эвто позоръ моей фамиліи. Она не смѣетъ моего имени порочить! Мнѣ и князь сказалъ, что я могу отвѣтить.

Видимо, ей крѣпко засѣло въ голову, что кто нибудь изъ нихъ двухъ долженъ «отвѣтить».

Бабушка помолчала и прибавила съ значительнымъ видомъ:

— Эвто дѣло важное и въ газетахъ будетъ публиковано. А ужъ какъ оно меня разстроило! такъ разстроило!

Бѣдная старуха дѣйствительно была видимо взволнована и почти больна. Мы, какъ могли, старались успокоить ея тревоги. Она не осталась даже ночевать, а поспѣшила домой, жалуясь на «желудокъ».

Черезъ нѣсколько дней бабушка опять завернула къ Васильевымъ. Она пріѣхала на какой-то таратайкѣ, везомой маленькой, толстой, лѣниво двигавшейся, лошаденкой. На козлахъ сидѣлъ босоногій мальчишка съ длиннымъ кнутомъ и необыкновенно тонкимъ и звонкимъ голосомъ.

Бабушка имѣла на этотъ разъ гораздо лучшій и болѣе веселый видъ.

— Здравствуйте, благодѣтельница! я къ вамъ на минуточку...

— Что такъ, бабушка?

— Никакъ не могу, матушка. Въ городъ ѣду. Все по дѣлу по своему. Не утерпѣла только завернуть къ вамъ новость сказать. Княгиня надняхъ у меня сама была, въ Корытово къ себѣ ѣхала, да и остановилась по дорогѣ чайку выпить. Говоритъ, дѣло скоро кончится. Мнѣ и хлопотать много не надо: подлячку тихимъ матомъ, да и въ полицію.

— Ну, вотъ видите, бабушка. А вы все за себя опасались.

— Да кто же зналъ, матушка? А всетаки ей достанется. Княгиня говоритъ, что дѣло мое очень важное и безпременно въ газетахъ будетъ публиковано... вотъ увидите.

И бабушка съ гордымъ и радостнымъ видомъ подняла плечи.

— А какая, матушка, дочка у княгини красавица! Вотъ ужъ красавица! И ужъ какъ одѣваются! Очень мнѣ понравилось: эвто у нихъ платья спереду не охлюснувши, а все складочки, все складочки. Такъ прекрасно: все складочки, все складочки...—повторяла бабушка, перебирая пальчиками на животикѣ.

VI.

Однако, какъ ни бодрилась бабушка, что ея «дѣло» кончилось хорошо и «будетъ въ газетахъ публиковано», «оскорбленіе ея фамиліи» сильно повліяло на старуху. Какъ бываетъ обыкновенно съ крѣпкими стариками, она вдругъ сразу опустилась и расклеилась. «Желудокъ» у нея не на шутку разстроился, и къ этому она еще сильно простудилась съ своими поѣздками въ городъ. Бабушка поскрипѣла, поскрипѣла, да и слегла въ постель, съ которой ей ужъ не суждено было встать. Мнѣ пришлось увидать ее незадолго до смерти. Видъ ея совершенно измѣнился. Исхудавшая, маленькая съ сморщеннымъ личикомъ лежала она въ своей маленькой, все также чисто прибранной комнатѣ. Ни чепца, ни парика на головѣ не было, и рѣденькіе сѣдые волосы придавали ея лицу совсѣмъ новое выраженіе. Глаза хотя и ввалились, но казались больше, и все еще временами вспыхивалъ въ нихъ огонекъ.

Подлѣ постели стояла пригорюнившись кривая Наташка и все также ворчала что-то себѣ подъ носъ. Она была такая же растрепанная и только чаще прежняго сморкалась, да единственный глазъ ея блестѣлъ больше обыкновеннаго отъ застилавшихъ его слезъ.

— Спасибо, родной,—привѣтствовала меня бабушка упавшимъ голосомъ:—старуху провѣдали. Плохо, батюшка... Ужъ я св. Таинъ пріобщалась...

— Надѣюсь, бабушка, вы еще поправитесь... Богъ дастъ, мы съ вами еще не разъ побесѣдуемъ.

Мнѣ было жаль старуху. Она, видимо, замѣтила это и сказала увѣреннымъ тономъ.

— Нѣтъ, батюшка, видно моя пѣсенка спѣта... Да я и не ропщу: довольно пожила. Всего приняла, и горя, и радости, а горя-то, пожалуй, больше... Ну, что, батюшка, какъ вамъ сосѣдки понравились?— вдругъ сдѣлала она попытку вернуться къ своей обычной манерѣ.

— Богъ съ ними, бабушка... Вотъ васъ-то жаль, что уложила васъ въ постель эта исторія...

— Богъ съ ними и взаправду!—отвѣчала она спокойно.—Спасибо вамъ, батюшка, что меня не забыли...

С. Воронежскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ПОЛЬСКАГО ПОВСТАНЦА 1863 ГОДА.

ВДОВА Н. В. Гогеля, бывшаго съ 1863 по 1867 годъ членомъ особой Виленской коммиссіи по политическимъ дѣламъ и автора извѣстнаго сочиненіе «Іосафатъ Огрызко и Петербургскій революціонный жондъ», предоставила въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника» сохранившіяся въ бумагахъ ея мужа воспоминанія одного изъ повстанцевъ польскаго мятежа 1863 года, г. Ягмина.

Воспоминанія эти любопытны уже потому, что авторъ ихъ былъ не только современникомъ описываемыхъ имъ событій, но и принималъ въ нихъ горячее участіе. Воспитанный, какъ и большинство поляковъ того времени, ксендзами, старавшимися, на сколько было возможно, привить своимъ питомцамъ ненависть ко всему русскому, Ягминъ въ самомъ началѣ мятежа сталъ на сторону поляковъ и поступилъ въ ряды одной изъ польскихъ шаекъ, гдѣ и оставался до своего ареста. Авторъ, быть можетъ, помимо своей воли ярко рисуетъ то настроеніе, въ которомъ находился онъ самъ и все польское общество, начиная съ крестьянъ и кончая панами, всю неподготовленность мятежа, весь недостатокъ силъ матеріальныхъ и духовныхъ не только для осуществленія стремленій вожаковъ, но даже для сколько нибудь продолжительной борьбы. Всѣ эти «довудцы» съ ихъ спорами за первенство, постоянные переходы изъ одного лѣса въ другой, кутежи и тому подобное—производятъ впечатлѣніе дѣтской забавы, но забавы жестокой, потому что нельзя безъ содроганія читать о дѣйствіяхъ жан-

дармовъ-вѣшателей и жандармовъ-кинжальщиковъ, бывшихъ одной изъ главныхъ силъ мятежа.

Любопытно также прослѣдить, какъ постепенно, незамѣтно для самого себя, авторъ началъ приходить къ убѣжденію, что онъ служитъ ложной идеѣ, что онъ обманутъ; какъ, въ концѣ концовъ, онъ изъ поляка-фанатика сдѣлался русскимъ патріотомъ и принялъ православіе. Впрочемъ, на сколько можно судить по воспоминаніямъ, авторъ никогда не отличался особеннымъ фанатизмомъ и даже увѣренностью въ томъ дѣлѣ, которому служилъ. Его колебанія, сомнѣнія, боязнь, помимо его желанія и воли, проходятъ красной нитью черезъ всѣ воспоминанія, представляющія такимъ образомъ не одинъ лишь фактическій интересъ, но и психологическій.

I.

Родъ Ягминыхъ герба «пеликана».—Наслѣдство послѣ дѣда.—Похищеніе бабки Оржешко.—Послѣдній «паѣздъ» на сосѣда.—Мужъ бабушки и его помѣстье.—Крестникъ императора Александра I.—Поѣздка за границу.—Женитьба отца и волненія въ 1831 году.—Жизнь въ Ковердзянахъ.—Посѣщенія императора Николая I.—Ксендзъ Шимковичъ.—Наши преподаватели.—Поступленіе въ корпусъ.—Русскій языкъ и польская исторія.—Переводъ въ Москву.—Борьба партій въ корпусѣ.—Возвращеніе домой.—Поѣздка въ Варшаву.—Пансіонъ Лещинскаго.—Ненависть ко всему русскому.—Погребеніе г-жи Совинской.—Демонстраціи.—Графъ Красинскій и его похороны.—Мощи св. Виктора.—Шествіе по Варшавѣ и въ Яновъ.—Окончаніе ученія.

Отецъ мой перечислялъ своихъ предковъ съ XVI столѣтія, а по герольдіи Нѣсѣцкаго родоначальникомъ нашего шляхетскаго рода былъ Ягминъ, который спасъ польскаго короля Сигизмунда III отъ смерти во время одной стычки при осадѣ Смоленска. За этотъ подвигъ Ягмины причислены къ гербу «пеликана». Но какъ возросталъ нашъ родъ и какая была судьба моихъ предковъ, мнѣ совершенно неизвѣстно. Относительно дѣда, который умеръ вскорѣ послѣ 1812 года, я знаю только, что онъ укрывалъ въ своемъ домѣ какого-то знатнаго офицера Наполеоновской арміи отъ русскихъ войскъ; впослѣдствіи этотъ офицеръ успѣлъ спастись бѣгствомъ за границу.

Мой отецъ остался сиротою въ очень молодыхъ годахъ, первоначальное образованіе получилъ въ виленской гимназіи, а по окончаніи ея поступилъ на юридическій факультетъ Виленскаго университета. Будучи еще студентомъ, онъ получилъ огромное наслѣдство отъ своего дѣда Феликса Ягмина, стражника литовскаго; наслѣдство это отецъ раздѣлилъ, по своему великодушію, съ двумя обѣднѣвшими братьями, но при всемъ томъ, съ прежде полученнымъ отъ своего отца, онъ сдѣлался богатѣйшимъ помѣщикомъ

Брестскаго уѣзда. Высокаго роста, красивый собою, мой отецъ вскорѣ женился и отъ этого брака имѣлъ дѣтей: старшаго Каликста, меня, Августа, Феликса, Генриха, Адама и дочь Еву, младшую въ семьѣ.

Мой прадѣдъ по матери былъ староста волынскій Оржешко (полонизированная фамилія Орѣшко) и считался богатымъ вельможею; у него была единственная дочь 15-ти лѣтъ Юлія, хорошо образованная дѣвушка и наслѣдница всѣхъ его богатствъ. За нею ухаживалъ съ корыстною цѣлью одинъ изъ богатыхъ сосѣдей-помѣщиковъ, Незабитовскій, который, вкравшись въ довѣріе старосты, задумалъ похитить его единственную наслѣдницу и жениться на ней. Зная, что Юлія принимаетъ охотно отъ него конфекты, Незабитовскій явился въ одинъ прекрасный день въ каретѣ и, зная, что дѣвушка гуляетъ по обыкновенію въ саду, обнесенномъ каменною стѣною, направился прямо къ ней. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ заявилъ, что привезъ конфекты, но забылъ ихъ въ каретѣ, а потому проситъ ее сходить за ними. Наивное дитя, она побѣжала къ садовой калиткѣ, но не успѣла подойти къ каретѣ, какъ Незабитовскій схватилъ ее на руки, сѣлъ съ нею въ экипажъ, и лошади помчались во весь опоръ. Моментъ былъ выбранъ такъ удачно и похищеніе совершено такъ быстро, что перепуганная Юлія не успѣла даже крикнуть, а домашніе и не замѣтили исчезновенія молодой барышни. Карета остановилась въ помѣстьѣ Незабитовскаго у приходскаго костела, гдѣ ксендзъ съ заранѣе приглашенными свидѣтелями ожидали прибытія жениха и невѣсты. По совершеніи обряда вѣнчанія, всѣ отправились въ замокъ новобрачнаго, который устроилъ свадебное пиршество, продолжавшееся двѣ недѣли безъ перерыва.

Легко представить себѣ, какъ потрясло старосту Оржешко извѣстіе о пропажѣ его дочери. Гонцы были разосланы во всѣ стороны, и истина не замедлила обнаружиться. Тогда староста рѣшился отомстить бывшему другу и съ этою цѣлью вооружилъ немедленно всю свою многочисленную дворню, извѣстивъ о совершившемся родственниковъ и друзей, которые не замедлили присоединиться къ оскорбленному отцу, чтобы разомъ напасть на замокъ Незабитовскаго. Этотъ «наѣздъ» въ исторіи западной Россіи считается послѣднимъ и состоялся въ 1802 году. Пока въ залахъ замка раздавалась музыка, происходили танцы и пѣнилось вино въ бокалахъ, родня Юліи нагрянула неожиданно, ворвалась въ залы и разогнала пирующихъ шляхтичей, которые не рѣшились сопротивляться. Пользуясь темнотою ночи, Незабитовскій скрылся, а староста, отыскавъ свою дочь, удовольствовался одержаннымъ успѣхомъ и болѣе не преслѣдовалъ похитителя. Юлію помѣстили для безопасности въ монастырь, гдѣ она и пробыла до смерти отца. Сдѣлавшись самостоятельною, богатая наслѣдница вскорѣ познако-

милась съ Каликстомъ Мержеевскимъ, за котораго и вышла замужъ.

Каликстъ Мержеевскій, мой дѣдъ по матери, былъ также очень зажиточный помѣщикъ; изъ его прошлаго я знаю по разсказамъ въ дѣтствѣ, что онъ принималъ горячее участіе въ возстаніи Тадеуша Костюшко, и за это его помѣстья были секвестрованы русскимъ правительствомъ. Мать его, вдова великаго стражника литовскаго, 90-лѣтняя старуха, воспользовалась проѣздомъ черезъ Брестъ императора Павла I и лично исходатайствовала у него прощеніе своему сыну въ 1797 году. Имѣніе «Непле», въ которомъ жилъ мой дѣдъ, расположено въ Польшѣ на самой границѣ съ Россіею, въ 10-ти верстахъ отъ Бреста (нынѣ въ Сѣдлецкой губерніи, Бялскаго уѣзда), и замѣчательно по своему живописному мѣстоположенію. Рѣчка Лѣсная, впадая въ Западный Бугъ, образуетъ полуостровъ, густо заросшій лѣсомъ и распадающійся на двѣ половины: гористую и низменную. Въ первой находился господскій домъ старинной архитектуры съ множествомъ позднѣйшихъ пристроекъ и огромная каменная оранжерея, гдѣ находилась единственная въ Европѣ драгоцѣнная коллекція камелій. На краю долины стоялъ небольшой, но изящный домикъ, состоящій изъ трехъ зеркальныхъ комнатъ, выстроенный для императора Александра I, который посѣщалъ «Непле», и любилъ отдыхать отъ царственныхъ трудовъ, любуясь живописною долиною съ паркомъ, переполненнымъ дикими козами и другими лѣсными звѣрями. Нельзя не упомянуть о каплицѣ (часовнѣ), выстроенной дѣдомъ въ готическомъ стилѣ и гдѣ погребены члены семейства Мержеевскихъ. Когда овдовѣвшая бабка продала «Непле» генералу Корниловичу, то каплица, согласно контракту, осталась въ семьѣ Ягминыхъ.

Горячимъ желаніемъ дѣда было имѣть сына, такъ какъ пять дочерей не могли продолжать рода Мержеевскихъ. Наконецъ, долгое ожиданіе осуществилось: у дѣда родился сынъ, и радость его была безпредѣльна. Императоръ Александръ I, проѣзжавшій въ Варшаву и Вѣну, прибылъ въ «Непле» и удостоилъ быть воспріемникомъ новорожденнаго; за парадным обѣдомъ, бывшимъ по этому случаю, прислуживали окрестные помѣщики, желавшіе поближе посмотрѣть на государя. Одинъ изъ этихъ помѣщиковъ, засмотрѣвшись на императора, облилъ его соусомъ съ подаваемаго блюда. Не смотря на всѣ заботы и попеченія родителей, крестникъ государя умеръ, достигнувъ двѣнадцати лѣтъ. Легко представить себѣ печаль и огорченіе моего дѣда. Чтобы отвлечь его отъ мрачныхъ мыслей, послѣ погребенія сына, рѣшено было всею семьей ѣхать за границу.

Въ тѣ времена путешествія пановъ совершались по стариннымъ обычаямъ. По заранѣе составленному маршруту, на указанные по пути постоялые дворы отправляли лошадей, затѣмъ слѣдо-

вала кухня съ съѣстными припасами и поварами, послѣ нихъ лакеи и горничныя съ коврами, чтобы убрать ими предназначенныя для господъ комнаты. Только на слѣдующій день послѣ послѣдняго транспорта, по выслушаніи напутственнаго молебствія, дѣдушка отправился въ путь съ женою и пятью дочерями въ двухъ огромныхъ каретахъ съ желтымъ кузовомъ, а сзади ѣхалъ экипажъ съ камердинеромъ и старшею горничною. «Непле» опустѣлъ!

Во время пребыванія за границею моя старшая тетка вышла замужъ за Густава Фавіуса, офицера польской арміи во времена цесаревича Константина Павловича. Послѣ дуэли со своимъ полковымъ командиромъ Фавіусъ бѣжалъ за границу, гдѣ и нашелъ себѣ жену; вскорѣ затѣмъ состоялось его назначеніе посланникомъ отъ испанскаго двора въ Америку, такъ что въ Россію онъ возвратился на жительство только въ царствованіе императора Александра II.

Возвращаясь въ 1831 году на родину, Мержеевскіе попали въ самый разгаръ революціи, и я помню разсказы моей матери, что у дѣдушки въ то время часто танцовали, такъ какъ въ домѣ были дѣвушки-невѣсты, а изъ польскихъ отрядовъ, квартировавшихъ вблизи, часто пріѣзжали офицеры. Въ числѣ гостей вскорѣ появился богачъ Ягминъ, который и женился на самой младшей Мержеевской. Отъ этого брака родился я въ 1840 году въ имѣніи «Ковердзянахъ», въ 10-ти верстахъ отъ Брестъ-Литовска. Отецъ мой принадлежалъ, по своему богатству, къ первымъ богачамъ Брестскаго уѣзда и еще въ 1830 году былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Пользуясь своимъ вліяніемъ, отецъ много способствовалъ успокоенію умовъ въ памятный 1831 годъ, когда вспыхнуло польское возстаніе; изъ Брестскаго уѣзда очень немногіе дали себя увлечь и отправились въ Бѣловѣжскую пущу собирать банды повстанцевъ, какъ, напримѣръ, Нѣмцевичъ. Въ то время въ предѣлы уѣзда вступилъ польскій генералъ Ромарино и расположился въ 8-ми верстахъ отъ Бреста; по этому случаю у отца въ Ковердзянахъ собралось многочисленное общество сосѣднихъ помѣщиковъ, а экзальтированная тетка моя громогласно провозгласила за обѣдомъ тостъ за поляковъ и ихъ побѣду. Однако, отецъ сильно воспротивился этой выходкѣ и достигъ того, что тостъ не былъ принятъ. Когда вскорѣ за этимъ гродненскій губернаторъ М. Н. Муравьевъ пріѣхалъ въ Брестъ, моего отца арестовали, но послѣ короткаго слѣдствія немедленно освободили.

Миновалъ печальный 1831 годъ, порядокъ и спокойствіе возстановились въ уѣздѣ, и понемногу польское общество начало сближаться съ русскимъ; нашъ домъ неоднократно былъ посѣщаемъ губернаторами и другими должностными лицами. У насъ часто бывали Я. И. Ростовцевъ, начальникъ Брестскаго кадетскаго корпуса Гельмерсенъ, генералъ Денъ, строившій тогда Брестскую

крѣпость, и многіе другіе. Двухэтажный каменный домъ нашъ въ Ковердзянахъ, выстроенный въ современномъ архитектурномъ стилѣ, былъ полонъ народу; верхній этажъ занимали родители, а въ нижнемъ были расположены четыре большихъ зала, богато убранныхъ, которые открывались только во время пріѣзда знатнѣйшихъ посѣтителей. Издали красовался нашъ домъ, окруженный англійскимъ паркомъ съ его извилистыми дорожками, разбѣгавшимися во всѣ стороны; затѣмъ большой фруктовый садъ, конюшни съ дорогими и красивыми лошадями, переполненные экипажами и разнообразною упряжью сараи, псарня съ разнаго рода охотничьими собаками и, наконецъ, огромная ливрейная дворня и кухня со штатомъ поваровъ и ихъ помощниковъ, — все это представляло шумный улей, гдѣ все кипѣло жизнью и изобиліемъ. Когда приходилось православному приходскому священнику или становому пріѣзжать къ намъ по дѣламъ, то они подъѣзжали съ задняго двора къ управляющему или же къ ксендзу Шимковичу развѣдавъ тамъ, въ какомъ настроеніи находится мой отецъ, рѣшались явиться въ пріемную.

Брестъ-Литовскъ расположенъ, какъ извѣстно, на трактѣ изъ Петербурга въ Варшаву, только въ 3-хъ верстахъ отъ границы собственной Польши; поэтому императоръ, по пути въ Варшаву или за границу, всегда проѣзжалъ чрезъ Брестъ, а такъ какъ тамъ была крѣпость, помѣщались войска и кадетскій корпусъ, то императоръ Николай Павловичъ останавливался обыкновенно для осмотра. По недостатку почтовыхъ лошадей въ городѣ, вошло въ обыкновеніе, чтобы помѣщики высылали на станцію свои лучшіе экипажи для надобностей государя; высылаемые моимъ отцомъ превосходили всѣ великолѣпіемъ и достоинствомъ лошадей. Однажды родители мои, отправивъ для государя экипажъ съ русскою упряжью, сами поѣхали на смотръ войскамъ съ краковскою упряжью и кучера нарядили въ краковскій костюмъ; императоръ замѣтилъ этотъ маскарадъ и велѣлъ удалить моихъ родителей съ плаца.

Изъ воспоминаній моего ранняго дѣтства у меня уцѣлѣли въ памяти только празднества и одинъ большой съѣздъ гостей по случаю именинъ моихъ родителей. Въ числѣ гостей былъ, между прочимъ, и князь Сапѣга. Къ этому торжеству ксендзъ Шимковичъ обучалъ меня и братьевъ пѣнію оды, а затѣмъ мы приготовляли сообща транспарантъ съ вензелемъ. Когда въ большихъ залахъ нашего дома собирались гости, то мы выступали впередъ, пѣли разученную оду, причемъ ксендзъ Шимковичъ игралъ на скрипкѣ и подтягивалъ намъ довольно пріятнымъ голосомъ, и, получивъ массу конфектъ, отправлялись спать, а гости продолжали веселиться.

Упоминаемый мною ксендзъ Шимковичъ былъ уроженцемъ западныхъ губерній, получилъ воспитаніе въ виленской гимназіи и въ 1812 году поступилъ въ банду Малиновскаго, образовавшуюся

одновременно съ другими, чтобы дѣйствовать за одно съ французами противъ русскихъ. Когда Наполеонъ I принужденъ былъ покинуть неласковую для него Россію, то банды, а въ томъ числѣ и Малиновскаго, уничтожились, и Шимковичъ, не переставшій мечтать о возстановленіи тѣмъ или другимъ способомъ всецѣлой «Рѣчи Посполитой», поступилъ въ виленскую духовную семинарію, чтобы подъ прикрытіемъ сутаны (верхняя одежда католическаго духовенства) вѣрнѣе содѣйствовать намѣченной имъ цѣли. Окончивъ съ успѣхомъ курсъ, онъ былъ посвященъ въ ксендзы и, обративъ своимъ усердіемъ вниманіе своего начальства, на 27-мъ году былъ назначенъ префектомъ (или директоромъ) вилькомірскаго училища, состоявшаго въ вѣдѣніи монашескаго ордена піаровъ. Въ должности префекта, среди неутомимой дѣятельности, съ единственною задачею въ жизни, Шимковичъ дождался возстанія 1831 года, событіямъ котораго онъ никогда не могъ достаточно нарадоваться, а будучи уже нашимъ руководителемъ, не могъ достаточно наговориться о нихъ. Послѣ возстанія былъ обнародованъ указъ императора Николая I, уничтожающій монастыри піаровъ и іезуитовъ съ ихъ школами; такимъ образомъ, вилькомірское училище было закрыто, и Шимковичъ, по особой рекомендаціи моему отцу, попалъ къ намъ въ воспитатели и руководители.

Живя у насъ, нашъ законоучитель по большимъ праздникамъ отправлялся въ одинъ изъ ближайшихъ приходскихъ костеловъ, по приглашенію мѣстнаго духовенства, чтобы прочесть проповѣдь, которыя онъ умѣлъ мастерски говорить; чаще всего онъ ѣздилъ въ Збирово, гдѣ славилась статуя Спасителя съ ростущими волосами на головѣ. Ксендзъ Шимковичъ почти всегда бывалъ доволенъ подобными поѣздками, такъ какъ набожные прихожане всегда щедро награждали ксендзовъ за ихъ молитвы и мши (обѣдни), принося въ жертву то деньги, то съѣстные припасы, то произведенія своихъ рукъ. Возвратясь съ такой поѣздки, ксендзъ Шимковичъ старательно запирался въ своей комнатѣ и наединѣ пересчитывалъ полученныя деньги, которыхъ собиралось иногда до ста рублей. Слабостью ксендза были эти деньги, хотя онъ вполнѣ былъ обезпеченъ, получая отъ моихъ родителей квартиру, отопленіе, столъ и 150 рублей жалованья.

Мнѣ было шесть лѣтъ, когда ксендзъ Шимковичъ поселился у насъ, чтобы преподавать намъ законъ Божій, мораль, польскій языкъ, исторію Польши и ариѳметику. Французъ Біере, унтеръ-офицеръ Наполеоновской арміи, выдававшій себя за гвардейскаго офицера, былъ приглашенъ для французскаго языка. Послѣ Біере былъ швейцарецъ Бонгардъ для нѣмецкаго и французскаго языковъ и парижанка Шери для повседневныхъ разговоровъ. День нашъ въ то время начинался обыкновенно обѣднею въ домашней часовнѣ, которую совершалъ ксендзъ Шимковичъ и на которой

присутствовали мои родители, вся дворня и крестьяне, присылаемые на барскій дворъ для обязательныхъ работъ. Послѣ обѣдни крестьяне шли на работу, а мы принимались за уроки, которые продолжались до полудня, а въ первомъ часу садились обѣдать за общій столъ; по окончаніи обѣда мы были свободны до трехъ часовъ, а затѣмъ снова принимались за уроки. Вечеромъ же обыкновенно ксендзъ Шимковичъ разсказывалъ намъ эпизоды изъ польской исторіи, которыми мы нерѣдко заслушивались до поздней ночи. Бонгардъ и Шери только тѣмъ и памятны мнѣ, что они, не заботясь нисколько внушать намъ пользу наукъ, любезничали между собою, а намъ внушали, что дѣтямъ богатыхъ помѣщиковъ не слѣдуетъ вовсе учиться, такъ какъ имъ никогда не придется заработывать себѣ кусокъ хлѣба. Наконецъ мы достигли такого возроста, когда родители вообще начинаютъ заботиться о помѣщеніи своихъ дѣтей въ какое нибудь учебное заведеніе. Наши родители долго не могли рѣшиться, куда именно опредѣлить насъ. Но указъ императора Николая объ обязательной службѣ для помѣщиковъ рѣшилъ нашу участь, и отецъ постановилъ довольно быстро, что я и два моихъ брата, Августъ и Феликсъ, поступятъ въ брестскій кадетскій корпусъ, что̀ и состоялось въ 1851 году. Для объясненія этого поступка со стороны отца необходимо замѣтить, что незадолго до этого мои родители познакомились у начальника кадетскаго корпуса, Гельмерсена, съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцовымъ, который и способствовалъ нашему поступленію въ корпусъ, къ общему удивленію поляковъ-помѣщиковъ и ксендза Шимковича. Однако, послѣдній, какъ владѣвшій немного русскимъ языкомъ, взялся подготовить насъ, по мѣрѣ возможности, къ экзамену, такъ какъ мы совсѣмъ не знали этого языка.

Передъ самымъ поступленіемъ нашимъ въ корпусъ оказалось препятствіе, такъ какъ по уставу въ приготовительный классъ принимались дѣти не старше десяти лѣтъ, а намъ съ Августомъ было по двѣнадцати (мы были съ нимъ близнецами), а въ высшій классъ мы не могли поступить по причинѣ слабой подготовки. Благодаря связямъ, это препятствіе, впрочемъ, было устранено, и мы, сдавъ экзаменъ, 1-го февраля 1851 года очутились въ нестроевой ротѣ приготовительнаго класса. Эта внезапная перемѣна въ моей жизни отразилась на мнѣ самымъ благопріятнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что строгость отца и его явное предпочтеніе, оказываемое нашему старшему брату, какъ-то принижали насъ, а во мнѣ охлаждали дѣтскую любовь и къ родителямъ, и къ Каликсту; я чувствовалъ какую-то пустоту, чего-то мнѣ не доставало, а потому извѣстіе о поступленіи въ корпусъ обрадовало меня, такъ какъ я расчитывалъ, что если и не верну потеряннаго, то отчасти замѣню его расположеніемъ въ кругу будущихъ товарищей и избавлюсь отъ оскорбляющей приниженности. Въ корпусѣ я быстро

освоился съ русскимъ языкомъ, сталъ свободно объясняться на немъ и накинулся съ жадностью на ученье. Новая жизнь закружила меня, образы прошлаго быстро поблѣднѣли, и я снова сталъ рваться домой къ родителямъ, которыхъ полюбилъ въ разлукѣ. Поэтому я заботился удостоиться воскреснаго отпуска и учился старательно. Но родители не измѣнили своей холодности ко мнѣ и продолжали оказывать предпочтеніе Каликсту; это меня оттолкнуло отъ дома вторично, и я пересталъ усердно учиться, не интересуясь воскресными отпусками. Въ корпусѣ насъ навѣщалъ нерѣдко ксендзъ Шимковичъ. Какъ-то разъ я спросилъ его, почему, кромѣ исторіи Польши, онъ не разсказывалъ намъ ничего о другихъ народахъ, тогда онъ отвѣтилъ мнѣ: «Дитя мое, Польша—это твое отечество, и ты раньше всего и лучше всего долженъ знать событія въ жизни своего народа, чтобы быть достойнымъ имени поляка». Зарождавшіяся во мнѣ мысли, удовлетворяемыя такими положительными отвѣтами, твердо вкоренялись въ моемъ умѣ, и когда преподаватель исторіи разсказывалъ о древней Элладѣ и Римѣ съ ихъ героями, самоотверженіе и любовь которыхъ къ своему отечеству волновали и плѣняли мое воображеніе, то я сравнивалъ ихъ обыкновенно съ Жолкевскими, Ходкевичами, Баторіями, Собѣсскими и другими представителями польской исторіи; благодаря этому, моя ненависть къ Россіи, Австріи и Пруссіи развивалась все сильнѣе. Я старался всегда принадлежать въ корпусѣ къ кружку единовѣрцевъ, потому что католическая религія отличала поляка отъ русскаго, и мы всегда почитали корпуснаго ксендза Козмяна, выражая это тѣмъ, что на перебой бросались цѣловать его руку если онъ приходилъ къ намъ.

Въ 1853 году умеръ любимый нами директоръ корпуса, генералъ-лейтенантъ Гельмерсенъ. Его заботливость, доброта и любовь къ воспитанникамъ оставили въ насъ неизгладимые слѣды благодарности. Вскорѣ послѣ его смерти нашъ корпусъ былъ переведенъ изъ Бреста въ Москву; узнавъ объ этомъ, многіе помѣщики (напримѣръ, Вислоцкій) взяли своихъ дѣтей домой, остальные же отправились въ Москву. Веселая была эта дорога для насъ! Сколько разнообразія, сколько новостей, и все это вдругъ, неожиданно! Помѣщики Минской, Могилевской и Московской губерній встрѣчали насъ то обѣдами, то завтраками. Насъ везли поротно, каждую роту отдѣльно въ шести жидовскихъ огромныхъ фурахъ, крытыхъ парусиною; внутри фуры были постланы матрацы и помѣщалось по шестнадцати кадетовъ, кромѣ прислуги. Подъ конецъ путешествія мы уже съ нетерпѣніемъ выглядывали изъ повозокъ, ожидая увидѣть бѣлокаменную, и дѣйствительно, по истеченіи мѣсяца со дня выѣзда изъ Бреста, мы поднялись на Воробьевы горы, и передъ нами развернулась древняя столица Россіи. Безчисленное множество куполовъ, сверкающихъ на яркомъ солнцѣ, заставили

насъ вскрикнуть отъ восторга; любуясь всѣми подробностями города, проѣхали мы всю Москву и достигли зданій перваго и втораго корпусовъ, гдѣ насъ ожидалъ великолѣпный обѣдъ, заготовленный нашимъ предусмотрительнымъ «отцомъ», Яковомъ Ивановичемъ Ростовцовымъ. Такъ какъ московскіе кадеты были въ лагерѣ, то, пока для насъ приготовляли Красныя казармы, мы оставались въ зданіи корпусовъ.

Въ нашемъ корпусѣ, какъ и во всякомъ собраніи, были болѣе или менѣе вліятельные кадеты, коноводы, которые всегда являлись во главѣ каждой кадетской затѣи и шалости. Во главѣ нашего кружка, такъ называемаго польскаго, стояли Домбровскій и Павловичъ; первый во время возстанія 1863 года былъ членомъ подземнаго ржонда, состоя въ то же время офицеромъ русской арміи, а второй, будучи офицеромъ, дезертировалъ въ шайку Косинскаго, волновавшую въ то время Брестскій уѣздъ. Домбровскій былъ сосланъ въ каторжныя работы, но по дорогѣ успѣлъ бѣжать за границу, а Павловичъ былъ растрѣлянъ въ Брестъ-Литовскѣ. Кромѣ этихъ, было много питомцевъ нашего корпуса, которые въ званіи офицеровъ оставляли свои ряды и переходили въ шайки. Упомянутый мною раньше ксендзъ Козмянъ, въ качествѣ законоучителя и корпуснаго капеллана, былъ душею нашей польской партіи въ корпусѣ. Когда вышло распоряженіе преподавать законъ Божій для католиковъ на русскомъ языкѣ и съ этою цѣлью изъ Петербурга были присланы литографированныя лекціи, то Козмянъ преспокойно переводилъ эти лекціи на польскій языкъ, говоря, что такъ мы легче поймемъ преподаваемое. И польскій языкъ процвѣталъ у насъ.

Наши корпусныя партіи, возникшія еще въ Брестѣ-Литовскомъ, продолжали процвѣтать и въ Москвѣ. Онѣ продолжали оспоривать между собою вліяніе и значеніе среди кадетъ, но, наконецъ, польская партія взяла перевѣсъ надъ русскою. Какъ разъ въ это время мои родители рѣшили взять меня и моихъ 3-хъ братьевъ изъ корпуса, и мы уѣхали домой, не дождавшись результата партійной борьбы, и только впослѣдствіи до меня дошли слухи, будто воспитанники гренадерской роты взбунтовались противъ своего ротнаго командира въ бытность государя въ Москвѣ, за что болѣе виновные были разжалованы въ солдаты, а менѣе виновные въ юнкера на опредѣленный срокъ. Вспоминая объ этомъ, я радуюсь, что меня въ то время уже не было въ корпусѣ, иначе пришлось бы стоять за одно со всѣми, а слѣдовательно и нести отвѣтственность наравнѣ съ остальными.

Въ августѣ 1857 года, по требованію родителей, я возвратился домой, гдѣ все было постарому, безъ измѣненій. Оказалось, что я забылъ говорить попольски до такой степени, что въ обществѣ смѣялись надъ моимъ произношеніемъ и въ глаза называли «мо-

скалемъ». Это страшно обижало меня, и я ревностно принялся возстановлять забытыя познанія въ польскомъ языкѣ. Тѣмъ временемъ наши родители на семейныхъ совѣтахъ создавали проекты насчетъ того, гдѣ кончать намъ прерванный курсъ наукъ. Предположеній было много: говорили про іезуитскую академію во Фрейбургѣ, про бельгійскій городъ Люттихъ, про гордую Геную, но, наконецъ, остановились на мысли опредѣлить насъ въ пансіонъ Лещинскаго въ Варшавѣ. Едва вѣсть о такомъ рѣшеніи достигла до меня, то я страшно заволновался и не могъ найти себѣ мѣста. Подумайте! Быть въ Варшавѣ, столицѣ царства Польскаго, Рѣчи Посполитой, видѣть ее собственными глазами, видѣть всѣ памятники историческаго прошлаго Польши, научиться правильно говорить попольски, — все это цѣлую ночь не давало мнѣ спать и лишало меня аппетита.

Мы выѣхали въ послѣднихъ числахъ августа 1857 года, подъ надзоромъ повѣреннаго по дѣламъ родителей, Шпинка, въ бричкѣ, запряженной четверкою крестьянскихъ лошадей, по Брестскому шоссе. Только на другой день къ вечеру доѣхали мы до знаменитаго Грохова; видъ его напомнилъ намъ недавнее прошлое, битву въ 1831 году, а стоящій тамъ памятникъ настроилъ насъ враждебно противъ русскихъ. Съ этими мыслями въѣхали мы въ предмѣстье Прагу чрезъ находящуюся тамъ рогатку или заставу.

Пока мы представляли наши паспорты на заставѣ, таможенные обыскали нашу бричку. Послѣ этихъ формальностей мы перебрались по мосту, похожему на стоящій въ Бобруйскѣ чрезъ Березину, и такимъ образомъ въѣхали въ Варшаву. Первое, что бросилось намъ въ глаза, это памятникъ королю Сигизмунду III, который изъ ничтожнаго городишки, какимъ Варшава была въ его время, создалъ свою столицу. Наконецъ, мы остановились у пана Флицы, содержавшаго небольшую гостинницу на Подвальной улицѣ. Въ тотъ же вечеръ панъ Шпинка повелъ насъ въ театръ и, странное дѣло! приходилось мнѣ бывать въ московскомъ Большомъ театрѣ, тамъ понималъ я рѣшительно все, а здѣсь, или оттого, что я разучился говорить попольски, или отъ радостнаго волненія, что я наконецъ въ Варшавѣ, но я ровно ничего не понялъ изъ того, что играли на сценѣ. Я понялъ только, что шла какая-то драма. Самый театръ показался мнѣ незначительнымъ по размѣрамъ и убогимъ послѣ московскаго, и я подумалъ, что это временный. Въ этомъ смыслѣ я предложилъ вопросъ пану Шпинкѣ, и надо было видѣть его удивленіе и изумленіе, что молокососъ смѣетъ такъ профанировать варшавскій народный театръ.

На слѣдующій день панъ Шпинка повелъ насъ всѣхъ въ пансіонъ Лещинскаго, гдѣ безъ всякаго экзамена, основываясь лишь на нашемъ незнаніи польскаго языка, насъ приняли только въ третій классъ. Тамъ, среди товарищей-поляковъ, мы сдѣлались

скоро посмѣшищемъ всего пансіона и насъ называли не иначе, какъ «москалями». Вслѣдствіе этого я неоднократно пожалѣлъ въ душѣ, зачѣмъ родители не оставили насъ въ корпусѣ. Но вотъ повѣренный Шпинка уѣхалъ домой, и мы остались одни, начавъ посѣщать регулярно классы.

Подстрекаемый насмѣшками товарищей, я началъ стараться, чтобы по возможности скорѣе забыть русскій языкъ и выучиться попольски. Мои усилія мѣсяца черезъ четыре увѣнчались такимъ успѣхомъ, что изъ первыхъ учениковъ по русскому языку я сдѣлался послѣднимъ. При пансіонѣ были также постоянные гувернеры для французскаго, нѣмецкаго и польскаго языковъ; польскимъ гувернеромъ былъ Піотровскій, который часто собиралъ насъ по вечерамъ и читалъ или краснорѣчиво разсказывалъ намъ исторію Польши, какъ это дѣлалъ Шимковичъ. Къ нѣкоторымъ воспитанникамъ приходили репетиторы, чтобы помогать приготовлять уроки на слѣдующій день.

Наступилъ 1860 годъ, когда я кончилъ пятый классъ и долженъ былъ покинуть пансіонъ. Я воображалъ, что знаю очень много, и мнѣ остается только пуститься въ свѣтъ. Каждый большой праздникъ мы ѣздили домой, откуда возвращались со свѣжими силами и принимались за ученье. Въ нашемъ пятомъ классѣ была молодежь отъ 18 до 21 года, и естественно, что мы меньше учились, а больше вели пылкія, страстныя бесѣды и отличались мальчишескими продѣлками противъ начальства. Откуда-то внезапно развилась страшная ненависть ко всему русскому и нѣмецкому, такъ что даже книги на этихъ языкахъ не однократно сжигались. Что вызвало такое настроеніе, никто изъ воспитанниковъ не могъ дать себѣ вѣрнаго отчета. Но въ общемъ задоръ молодости, удаль и стремленіе къ геройству охватили насъ до такой степени, что не проходило дня безъ какой нибудь отчаянной продѣлки. А за старшими неизбѣжно потянулись младшіе, и все сходило съ рукъ. Къ концу года патріотическія пѣсни и не прекращающіеся разжигающіе разсказы про Костюшку, Килинскаго, Совинскаго и массу другихъ революціонныхъ героевъ превратили насъ совсѣмъ въ какихъ-то фанатиковъ идеи. Никто изъ насъ не могъ формулировать своихъ требованій, но всѣ сознавали, что чего-то не достаетъ. Между тѣмъ какъ въ Варшавѣ, такъ и во всемъ краѣ, было тихо и спокойно, нигдѣ не проявлялось революціоннаго движенія. Уже близился срокъ нашего выпуска, мы ожидали только экзамена, чтобы получить аттестатъ объ окончаніи пяти классовъ пансіона, какъ вдругъ мы узнали о смерти вдовы полковника Совинскаго, того самаго, который въ 1831 году защищалъ премѣстье Волю противъ русскихъ; когда онъ остался съ небольшою горстью сподвижниковъ, то, видя безполезность борьбы, заперся въ костелѣ и стойко защищался до послѣдняго человѣка и, чтобы не сдаться,

застрѣлился, говоря: «Oto pardon polaka!». Я ложился спать, когда извѣстіе о смерти г-жи Совинской достигло пансіона. Слышу, товарищъ Бужинскій разсказываетъ въ отдаленіи какую-то исторію съ большимъ одушевленіемъ и заканчиваетъ ее словами: «Oto pardon polaka!». Крайне заинтересованный, я вскочилъ съ кровати и босикомъ подбѣжалъ къ кучкѣ, окружавшей разсказчика. Вижу, одни пріуныли, другіе громко разсуждаютъ и бранятъ русскихъ. Не успѣлъ я разспросить, въ чемъ дѣло, какъ французъ-репетиторъ всталъ съ постели и запѣлъ во все горло «Марсельезу». Почти вся спальня дружно подхватила напѣвъ и грянулъ такой хоръ, что самъ Лещинскій едва могъ успокоить насъ и уговорить идти спать. Однако, мы вынудили у него обѣщаніе, что будемъ присутствовать всѣмъ пансіономъ на похоронахъ г-жи Совинской.

На другой день, когда мы стали собираться на печальное торжество, явился посланный отъ Лещинскаго съ запрещеніемъ отлучаться кому бы то ни было изъ пансіона. Тогда мы дружно запѣли какую-то патріотическую пѣсню, и Лещинскій долженъ былъ отпустить насъ. Процессія оказалась громадною: ксендзы со всей Варшавы въ стройномъ порядкѣ, студенты-медики, гимназисты и масса женщинъ. Гробъ былъ самый простой. Полная тишина соблюдалась всю дорогу до Повонзковскаго кладбища, но когда гробъ опустили возлѣ могилы, нѣсколько ксендзовъ послѣдовательно обращались къ народу съ проповѣдями, въ которыхъ восхваляли не покойницу, а ея мужа и другихъ прославленныхъ героевъ революціи 1831 года. По окончаніи проповѣдей церемонія окончилась, и мы стали расходиться, сильно возбужденные въ нашей ненависти къ русскимъ, и что-то сильно подмывало насъ выразить наши чувства внѣшнимъ образомъ. Домой мы вернулись въ какомъ-то особенномъ настроеніи. Мысленно мы создавали уже цѣлые полки героевъ, побѣждающихъ русскихъ, и себя во главѣ этихъ патріотическихъ дружинъ. Съ этого дня мы принялись бросать изъ оконъ въ проходящихъ солдатъ скомканною бумагою, хлѣбомъ, наконецъ, чѣмъ попало. Между тѣмъ въ городѣ было все спокойно, и ничто не предвѣщало начала волненій.

Вскорѣ я побывалъ въ театрѣ и видѣлъ двѣ оперы: «Галька» и «Графиня». Національные костюмы и вооруженіе приводили зрителей въ восторгъ, а мазурка, исполняемая въ обѣихъ пьесахъ, вызывала громъ рукоплесканій, потрясавшихъ зданіе театра. Заключительная пьеска «Свадьба въ Ойцовѣ» привела публику окончательно въ экстазъ: всѣ повскакали съ мѣстъ, принялись кричать, стучать и неистовствовать. Какимъ-то чудомъ полиціи удалось водворить порядокъ. Однако, и послѣ этого въ Варшавѣ было все тихо.

Около этого времени умеръ генералъ бывшихъ польскихъ войскъ, а впослѣдствіи и русскихъ, графъ Красинскій. При его жизни польское общество было о немъ дурнаго мнѣнія, но со смертью

графа біографическія свѣдѣнія о немъ измѣнились, и онъ сдѣлался народнымъ героемъ и любимцемъ. Оказалось, что, служа въ рядахъ польской арміи, онъ все время грудью защищалъ польскую «справу», въ 1812 году былъ произведенъ въ полковники самимъ Наполеономъ за его храбрость при штурмѣ Сарагоссы, и въ русскую армію поступилъ исключительно съ цѣлью быть полезнымъ Рѣчи Посполитой; сынъ его, Казиміръ Красинскій, отчаянный патріотъ, много поработалъ дѣлу «возстановленія» своими патріотическими сочиненіями. Многаго другаго я уже не помню, хотя знаю, что передъ смертью графа говорилось совершенно другое, почти противоположное. Однако, разсуждать въ общемъ увлеченіи было некогда, надо было вѣрить безусловно.

Наступилъ день похоронъ. Прежнимъ порядкомъ мы добились отъ Лещинскаго позволенія присутствовать на нихъ. Все соединилось, чтобы придать блескъ и великолѣпіе погребенію графа Красинскаго. Богатая колесница, роскошный гробъ, залитый солнцемъ, съѣздъ аристократіи въ каретахъ, необозримые ряды духовенства, тьма народу, блестящіе жандармы, стройные ряды войскъ, военная музыка,—все это производило какое-то особое впечатлѣніе. Въ стройномъ порядкѣ достигли мы кладбища. Патріотическая рѣчь, сказанная вмѣсто надгробной рѣчи, была еще лептою въ общее чествованіе; прощальная пальба изъ орудій дала всѣмъ знать, что погребеніе генерала окончено. Это происходило 3-го октября.

Вмѣстѣ съ товарищами я возвратился въ пансіонъ. Величавое погребеніе, тысячеголосныя надгробныя пѣсни и произнесенныя рѣчи наэлектризовали меня до такой степени, что охладить и успокоить настроенное воображеніе не представлялось возможнымъ. Я былъ въ чаду. Вдругъ до насъ доходитъ извѣстіе, что каѳедральный соборъ получитъ вскорѣ для Янова, уѣзднаго города Сѣдлецкой губерніи, въ подарокъ мощи св. папы Виктора; это былъ особенный мученикъ-воинъ, который сражался за притѣсненные народы и умеръ мученическою смертью. Общія приготовленія къ принятію драгоцѣннаго подарка оживили весь городъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали назначеннаго дня. День этотъ насталъ, и улицы Медовая, Краковское Предмѣстье и Новы-Свѣтъ были переполнены народомъ до такой степени, что дружка (извозчикъ) едва могъ пробраться. Въ отворенныхъ окнахъ виднѣлось множество народа, самыя окна были увѣшаны коврами и украшены цвѣтами. Все это придавало городу праздничный видъ. Наконецъ, показалась процессія. Въ ней участвовалъ варшавскій митрополитъ Фіалковскій, въ сопровожденіи епископовъ и католическаго духовенства, не только варшавскаго, но и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Польши, а впереди нихъ различные цехи со своими хоругвями, братства со свѣчами въ рукахъ, «прикоты» въ бѣлыхъ передникахъ. Среди этого шествія, возлѣ 80-тилѣтняго митрополита, подъ осо-

бымъ балдахиномъ, мощи св. Виктора. Вниманіе народа и его благоговѣніе къ мощамъ мученика придавали зрѣлищу особую торжественность и величавость.

Шествіе остановилось возлѣ костела капуциновъ на Медовой улицѣ. Мощи внесли въ костелъ и поставили на особый помостъ, причемъ проповѣди, соотвѣтствующія празднеству, закончили торжественный день очень спокойно. Вся Варшава только и толковала о невиданномъ еще зрѣлищѣ и о св. мученикѣ. Этого мученика жена графа Августа Потоцкаго выпросила у папы для любимаго ею епископа Беніамина, бывшаго капуцина (необходимо замѣтить, что Беніаминъ возведенъ въ епископы не въ примѣръ другимъ, потому что принадлежащимъ къ ордену капуциновъ нельзя быть епископомъ). Благодаря этому подарку, нелюбимая до сихъ поръ фамилія Потоцкихъ сдѣлалась крайне популярною въ народѣ, чего аристократы и добивались. Ксендзы же, въ своихъ поученіяхъ, не упускали случая расхвалить Потоцкихъ, выставляя на видъ ихъ заслуги передъ «ойчизною». Мощи простояли у капуциновъ цѣлую недѣлю. Такъ какъ погода благопріятствовала, то толпы молящагося народа переполняли все время Медовую улицу, а проповѣди говорились постоянно. Наконецъ, въ прежнемъ порядкѣ мощи были вынесены и, сопровождаемыя всею Варшавою, направились по дорогѣ въ Яновъ.

Въ толпѣ, среди которой я находился, шли разнорѣчивые толки о св. Викторѣ. Всѣхъ я не помню, но по одному варіанту св. Викторъ былъ полякъ, замученный русскими въ 1794 году. Нелѣпость очевидная, а между тѣмъ ей вѣрили.

Множество ксендзовъ, съ епископомъ Беніаминомъ во главѣ, сопровождали мощи. Набожный народъ отъ самой Варшавы участвовалъ въ процессіи, а въ томъ числѣ и графиня Потоцкая. Чѣмъ больше шествіе приближалось къ Янову, тѣмъ толпы народа все увеличивались. Крестьяне, даже изъ дальнихъ деревень, горожане и помѣщики съ непокрытыми головами провожали мощи съ особо составленною на этотъ случай пѣснею вплоть до Янова. Съ другой стороны множество ксендзовъ, помѣщиковъ изъ пограничныхъ русскихъ губерній и толпы крестьянъ стекались въ Яновъ, расположенный на Бугѣ, встрѣчать св. мученика. Впродолженіе цѣлаго мѣсяца Яновъ былъ переполненъ народомъ; безпрерывныя проповѣди слышались постоянно въ разныхъ частяхъ города и сопровождались безплатною раздачею на память крестиковъ, затѣмъ исповѣди и отпуски всѣхъ грѣховъ,—все это страшно привлекало народъ. А православные крестьяне, возвращаясь по домамъ изъ Янова, даже въ церквахъ пробовали пѣть попольски пѣсню про мученика Виктора:

«Свенты Викторже,
«Польски жолнержу»... и т. д.

Послѣ этого праздника въ Варшавѣ, въ пансіонѣ Лещинскаго вскорѣ наступили экзамены. Въ назначенный для этого день, при многочисленномъ собраніи, въ одной изъ залъ пансіона, состоялся актъ, и я получилъ дипломъ объ окончаніи пяти классовъ. Послѣ этого приходилось возвращаться домой и, подготовленный вполнѣ, съ ненавистью къ правительству и ко всему русскому, я однимъ изъ послѣднихъ распрощался съ пансіономъ и покинулъ Варшаву.

II.

Рѣшеніе родителей. — Пріѣздъ въ Варшаву. — Уличныя волненія. — «Офяры» въ костелахъ. — Мой модный костюмъ. — «Злончене» кожуховъ и чамарокъ. — Выборы въ Груецѣ. — Помѣщикъ Вильконскій. — Воспитаніе дѣтей. — Бытъ польскаго помѣщика. — Приключеніе съ гувернеромъ-лютераниномъ и патріотомъ-ксендзомъ. — Партіи среди поляковъ.

Руководясь совѣтами своихъ близкихъ, мои родители уступили настоятельнымъ предложеніямъ своего повѣреннаго Загржецкаго и директора пансіона Лещинскаго и рѣшили отправить меня и моего брата Августа въ Польшу для практическаго изученія сельскаго хозяйства. Съ этою цѣлью Лещинскій, какъ лучше всѣхъ ознакомленный съ положеніемъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, отрекомендовалъ двухъ помѣщиковъ, извѣстныхъ по своему передовому хозяйству, гг. Вильконскаго и Мисуровича. Къ первому рѣшили отправить меня, а къ Мисуровичу брата. Передъ отъѣздомъ каждаго изъ насъ снабдили 150 рублями; на эти деньги слѣдовало пріобрѣсти себѣ полный гардеробъ и запасъ бѣлья. Не чувствуя особаго влеченія жить у родителей, я съ радостью узналъ о состоявшемся рѣшеніи и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня выѣзда въ Варшаву.

Дѣйствительно, въ августѣ 1861 года мы отправились съ Августомъ по назначенію, захвативъ третьяго брата Феликса, который возвращался въ реальную гимназію, будучи моложе насъ на три слишкомъ года. На вторыя сутки мы пріѣхали въ Варшаву, и я изумился происшедшей за наше отсутствіе перемѣнѣ. Прежней тишины и спокойствія какъ не бывало; на улицахъ, переполненныхъ народомъ, шумное оживленіе, причемъ всеобщій маскарадъ бросался въ глаза. Среди разнообразныхъ костюмовъ больше всего бросались въ глаза кунтуши, дополняемые конфедератками (четырехугольная шапка сверху, а снизу круглая, съ барашковой опушкой), лихо заломленными набекрень, причемъ наружность носителя такого костюма была нахально вызывающая. Къ этому слѣдуетъ добавить, что большинство публики было украшено различными революціонными эмблемами; то вы встрѣчаете цѣпочки, похожія на кандалы,

то перстни съ «вѣрою», «надеждою» и «любовью» или съ надписью «манифестаціи 25-го марта и 12-го апрѣля» (когда въ поляковъ стрѣляли), и многія другія. Женщины же всѣ въ траурѣ, а многія ходили съ распущенными волосами. Больше всѣхъ заставляла говорить о себѣ княгиня Четвертинская, пріѣхавшая изъ Вильны. Одѣтая во все черное, съ распущенными волосами, съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ, босая, она собирала молодежь и отправлялась съ нею въ близь лежащій монастырь Черняны, гдѣ производили обрядъ флагелляціи (взаимнаго бичеванія), распѣвая «Boże, coś Polska» и «Z dymem pożarów», а затѣмъ возвращались всѣ по домамъ, имѣя въ рукахъ зеленыя вѣтви, сорванныя по дорогѣ. Многія дамы носили черные кунтуши, конфедератки и украшали себя революціонными эмблемами, просиживали по цѣлымъ днямъ въ костелахъ, гдѣ устроивали пѣніе революціонныхъ гимновъ и производили денежные сборы, «офяры».

Въ особенности толпы народа любили собираться въ тѣхъ костелахъ, гдѣ предварительно особыми глашатаями объявлялось о торжественной службѣ. Вотъ тогда-то сборы денегъ и офяры, передаваемые патріотами, вызывали невольно изумленіе. Сколько разъ я видалъ, какъ, бывало, женщины снимали съ себя ожерелья, кольца, браслеты, и все это бросали на подносъ, который приходилось опорожнять по два и по три раза, пока обойдутъ всѣхъ присутствующихъ. Мѣди не было видно, но все бумажки, серебро, золото и разныя драгоцѣнныя вещи. Помню, и я какъ-то разъ, во время подобнаго сбора, бросилъ пятирублевую бумажку, о чемъ впослѣдствіи, по правдѣ сказать, сильно сожалѣлъ, такъ какъ такихъ бумажекъ у меня было не много. Во время костельнаго пѣнія патріотами назывались преимущественно тѣ, которые громче всѣхъ кричали, но вообще слова «Polska» и «wróg» произносились со страшнымъ крикомъ и съ видимымъ удовольствіемъ. Припоминая все это теперь, чувствуешь даже краску стыда на лицѣ, до такой степени оно было дико и безобразно.

По пріѣздѣ въ Варшаву, я задумался надъ своимъ костюмомъ. Общеевропейская фрачная пара была изгнана изъ употребленія и осмѣяна, ея мѣсто заступила чамарка съ конфедераткою. Пошелъ я къ портному, тотъ сразу заявилъ, что мнѣ слѣдуетъ заказать чамарку, широкія брюки и сапоги съ длинными голенищами; видя, что всѣ такъ ходятъ, я согласился скоро, только вмѣсто конфедератки взялъ черную шляпу «понятувку» (въ честь Іосифа Понятовскаго, брата послѣдняго польскаго короля, носившаго будто бы такую шляпу въ 1812 году). Разодѣвшись такимъ образомъ по послѣдней модѣ, я вышелъ отъ портнаго на улицу полюбоваться на всю сутолоку. Первымъ, что мнѣ бросилось въ глаза, это обиліе «лобузовъ» (уличныхъ мальчишекъ). Одинъ изъ нихъ подсунулъ мнѣ приглашеніе на манифестацію по Виллановской дорогѣ за Ла-

зенками, другіе совали различные плакаты и воззванія, и всѣ настойчиво требовали награды. Мнѣ надоѣли эти приставанія, и я свернулъ въ Саксонскій садъ, гдѣ увидѣлъ цѣлое зрѣлище. Главная аллея сада была переполнена народомъ: женщины въ траурѣ и съ молитвенниками въ рукахъ, мужчины въ чамаркахъ и конфедераткахъ, дѣти въ кунтушахъ; среди нихъ группы, занятыя оживленнымъ разговоромъ.

Въ одной изъ группъ я встрѣтилъ товарища по пансіону, Буржинскаго, который и взялся посвятить меня во всѣ тайны происходившаго передъ моими глазами. Начать съ того, что, по его словамъ, въ городъ пріѣхалъ инкогнито самъ Гарибальди, который приметъ диктатуру, и тогда общими усиліями, съ оружіемъ въ рукахъ, начнется изгнаніе москалей. По этой-то причинѣ народъ и собрался, но, кромѣ того, на слѣдующій день предстояла обширная манифестація по Виллановскому шоссе, цѣлью которой будетъ «соединеніе кожуховъ съ чамарками» (то-есть крестьянъ съ горожанами). При этомъ товарищъ предложилъ мнѣ принять участіе въ этомъ «злончене» (соединеніе). Давно уже мнѣ страстно хотѣлось примкнуть къ общему движенію, принять участіе въ демонстраціяхъ, а потому понятно, что отказа съ моей стороны не послѣдовало, и мы рѣшили отправиться съ Буржинскимъ вмѣстѣ.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, мы отправились съ Буржинскимъ на назначенное мѣсто, куда сходился уже народъ со всей Варшавы; въ 11 часовъ издали раздались звуки «Boże, coś Polska» и съ двухъ сторонъ появились хоругви, сопровождаемыя толпами народа. Со стороны Вилянова приближалась толпа съ ксендзомъ Генрихомъ Скарбекомъ во главѣ, который несъ крестъ. Какой-то помѣщикъ шелъ съ нимъ рядомъ и несъ костельную хоругвь. За ними двигались крестьяне изъ сосѣднихъ деревень съ зелеными вѣтвями въ рукахъ въ знакъ ожидаемаго возрожденія.

Со стороны Варшавы подвигалась толпа въ чамаркахъ, кунтушахъ и конфедераткахъ, также съ ксендзомъ и хоругвями. Толпа около 400 человѣкъ пѣла гимны и все ближе и ближе подступала къ толпѣ, двигавшейся съ противоположной стороны. Когда ксендзы той и другой толпы слились, варшавскій ксендзъ произнесъ «Возлюбимъ другъ друга... общими силами отомстимъ за поруганіе святыни бѣдной ойчизны». Ксендзы обнялись и ихъ примѣру послѣдовали и другіе. Чамарки цѣловались и обнимались съ кожухами, помѣщики съ крестьянами. Скоро слово «панъ» замѣнилось фамильярнымъ «ты». Начались непрерывныя рѣчи, произносившіяся со ступенекъ костела. Страшныя рѣчи говорились здѣсь. Невольная дрожь пробѣгала по тѣлу. Я, находясь на демонстраціи въ первый разъ, безпрерывно оглядывался, нѣтъ ли полиціи. Я удивлялся этой смѣлости, хотя и самъ увлекся до нельзя. Рѣчи эти казались мнѣ чрезвычайно дерзкими и мятежными. И я спро-

силъ Буржинскаго, стоявшаго возлѣ меня, какъ они не боятся говорить такія возмутительныя слова. Тотъ засмѣялся и отвѣтилъ, что это еще ничего. Манифестація кончилась тѣмъ, что крестьяне возвратились въ имѣніе, гдѣ Скарбекъ и другой помѣщикъ угощали ихъ обѣдомъ. Другіе по одиночкѣ возвратились въ Варшаву. Тяжелое впечатлѣніе произвела на меня вся эта исторія. Я замѣтилъ здѣсь первое явное желаніе сблизиться съ крестьянами, которыхъ раньше не считали даже за людей, притомъ я не могъ не видѣть, что дѣлу сближенія главнымъ образомъ помогала водка, такъ какъ, цѣлуясь съ крестьянами, я замѣтилъ, что они пьяны. Такое же тяжелое впечатлѣніе производили на меня и другія манифестаціи, устроивавшіяся патріотами. Это побудило меня уѣхать изъ Варшавы въ среду деревенскихъ образованныхъ помѣщиковъ. Съ этой цѣлью отправился я къ Лещинскому, который обѣщалъ родителямъ доставить насъ къ мѣсту назначенія. Самъ онъ былъ сильно взволнованъ послѣдними событіями, но его болѣе всего занимала варшавская делегація. Ему казалось, что прежняя Польша съ ея правами путемъ уступокъ будетъ возстановлена безъ пролитія крови. Для отъѣзда былъ избранъ день, въ который помѣщики Варшавскаго уѣзда должны были собраться для выборовъ депутатовъ, начальниковъ уѣзда и т. п.

Спустя нѣкоторое время мы, сопровождаемые Лещинскимъ, въѣзжали въ Груецъ. Конфедератки, шляхта въ кунтушахъ, улицы, заставленныя повозками, не позволили пробраться до какого нибудь заѣзжаго дома. Пришлось вылѣзть изъ брички. Узнавъ, гдѣ производятся выборы, мы отправились туда. Домъ, куда мы пришли, представлялъ собой обширную корчму, въ большой комнатѣ которой собрались люди всевозможныхъ сословій для выборовъ. Шумъ, гвалтъ невѣроятный. Толкотня и духота невысимая.

Никто никого не слушалъ и не могъ слушать. Крики, долетавшіе на улицу, собрали большую толпу. Общими усиліями коекакъ была водворена тишина; начали расходиться, и Лещинскій представилъ насъ Вильконскому и Мисуровичу. Въ тотъ же вечеръ, мы, каждый съ своимъ патрономъ, отправились къ нимъ въ имѣніе. Вильконскій показался мнѣ человѣкомъ, знающимъ свое дѣло, какъ хозяинъ. Загорѣлое лицо и черныя руки свидѣтельствовали о его агрономическихъ занятіяхъ. Дорогой онъ очень мало разговаривалъ. По временамъ только покрикивалъ на кучера, чтобы тотъ поосторожнѣе везъ и не вывернулъ. Наконецъ, поздно ночью добрались до его имѣнія Трелятки. Деревянный довольно обширный, но старый домъ принялъ насъ подъ свою крышу, и мы сѣли за ужинъ, который состоялъ изъ кислаго молока съ варенымъ тертымъ картофелемъ и жареныхъ цыплятъ. Къ ужину вышла и его жена, женщина лѣтъ за тридцать, высокаго роста, съ добрымъ выраженіемъ лица. Мнѣ отвели комнату въ особенномъ домикѣ.

На другой день мы отправились осматривать имѣніе; разговоръ не выходилъ за предѣлы хозяйства и только изрѣдка касался варшавскихъ событій. Я могъ, впрочемъ, замѣтить, что Вильконскій горячій приверженецъ Велепольскаго. Мы вернулись въ домъ, куда къ обѣду сошлась вся его семья. Дѣти, не видавшія отца съ утра, съ радостью бросились цѣловать его руку. Изъ этого я могъ заключить, что онъ, должно быть, деспотъ въ семьѣ. За обѣдомъ много говорилось о новостяхъ изъ Варшавы и про «Dziennik Powszechny», который изъ всѣхъ выписываемыхъ журналовъ пользовался здѣсь наибольшимъ авторитетомъ. Такіе разговоры воспитывали въ дѣтяхъ сильный патріотизмъ. Дѣти очень интересовались возстаніемъ и постоянно выражали желаніе принять участіе въ немъ. По вечерамъ вся семья собиралась въ общій залъ, гдѣ старшая дочь, дѣвочка лѣтъ 15-ти, вслухъ читала какую нибудь патріотическую книгу. Изъ этихъ книгъ помню только «Воспоминанія» Руфина Піотровскаго. Книга эта, дѣйствующая сильно на воображеніе, составлена эмигрантомъ, который попалъ въ Подолію, гдѣ занимался гувернерствомъ, пропагандировалъ революціонныя идеи, за что былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь. Отсюда онъ бѣжалъ за границу, гдѣ и издалъ книгу. Въ ней онъ описалъ свою жизнь, исполненную невѣроятныхъ приключеній и басенъ, которыя, однако, въ то время читающему казались вполнѣ правдоподобными. Книга была издана на средства Чарторыйскихъ и произвела фуроръ въ польскихъ кружкахъ. Всѣ читали ее съ увлеченіемъ. Начиная съ Вильконскаго и кончая служанкой, штопавшей въ углу чулки, всѣ плакали, когда читали разсказъ, какъ били ксендза Сѣроцинскаго и другихъ за желаніе возмутить Сибирь и отдѣлить ее отъ Россіи, какъ за это же ксендза Сѣроцинскаго гнали сквозь строй, какъ приговоренный къ 5.000 ударовъ Сѣроцинскій будто бы выдержалъ 3.000, а 2.000 добивали на мертвомъ, такъ что послѣ казни остался одинъ скелетъ, тѣло же все избитое отпало. Нужно замѣтить, что Піотровскій не былъ на этой экзекуціи, а писалъ со словъ другихъ. Многихъ интересовали также его приключенія, когда онъ зимой, питаясь древесной корой, долженъ былъ скрываться въ лѣсахъ при своемъ побѣгѣ въ Пруссію. Послѣ чтенія «Dziennik powszechny», новыхъ прокламацій или какой нибудь патріотической брошюры и ужина, всѣ обыкновенно уходили въ комнату, гдѣ былъ устроенъ алтарь, и послѣ пѣнія патріотическихъ гимновъ «Boże coś Polske», «Z dymem pożarów» и друг. отправлялись спать. По воскресеньямъ ѣздили въ костелъ, гдѣ проповѣдь и пѣніе тѣхъ же гимновъ возбуждали патріотизмъ богомольцевъ. Здѣсь однажды разыгрался случай такого рода. Приходилъ въ этотъ костелъ одинъ гувернеръ-лютеранинъ, но только для молитвы и всегда при началѣ проповѣди удалялся за двери и тамъ разговаривалъ съ своими знакомыми. Это не понравилось са-

молюбивому ксендзу. Разъ, во время проповѣди, когда гувернеръ по своему обыкновенію съ кѣмъ-то разговаривалъ, ксендзъ, сойдя съ амвона, подошелъ къ гувернеру, взялъ его за ухо и вывелъ изъ костела. Гувернеръ вспылилъ и началъ бить ксендза по лицу. Ксендзъ, боясь потерять доходный приходъ, постарался замять это дѣло. Скандалъ видѣли, положимъ, многіе, но, не желая потерять такого проповѣдника-патріота, приходъ рѣшилъ замолчать этотъ фактъ. Ксендзы принимали дѣятельное участіе во всякаго рода демонстраціяхъ, причемъ говорили блестящія и страстныя рѣчи. По ихъ побужденію ставились въ Варшавѣ и вдоль дорогъ кресты въ честь павшихъ повстанцевъ. Около этихъ крестовъ собирались, пѣли патріотическіе гимны, говорили о высокихъ заслугахъ павшихъ.

Вильконскій былъ, повидимому, углубленъ въ хозяйственныя занятія, однако нельзя было не замѣтить, что онъ принимаетъ близко къ сердцу также интересы «ойчизны». Онъ принадлежалъ къ одной изъ польскихъ партій. Въ это время болѣе значительными были партіи: аристократическая и демократическая. Изъ другихъ можно назвать еще—Мѣрославчиковъ, Замойскаго и Велепольскаго. Послѣдняя пользовалась симпатіей большинства поляковъ, въ томъ числѣ Вильконскаго и моей. Всѣ эти партіи хотя и объединились варшавскимъ агрономическимъ обществомъ (Towarzystwo rolnicze), однако соперничали и часто даже враждовали между собой. Я помню—разъ, въ концѣ моей агрономической практики, случилось, что пріѣхали два какихъ-то помѣщика (фамилій ихъ не помню) за «офярой». Оба принадлежали къ разнымъ партіямъ и до того поспорили, что Вильконскій долженъ былъ дать деньги обоимъ, лишь бы только помирить ихъ. Разница заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что одни, какъ, напримѣръ, партія Велепольскаго, доказывали, что нужно стоять на легальной почвѣ и путемъ образованія, школъ, подготовить молодежь и народъ къ конституціи, другіе же требовали рѣшительныхъ и немедленныхъ дѣйствій, не смотря ни на какія препятствія. Вторая партія, преувеличивая сочувствіе народа и надѣясь на помощь Франціи, обѣщанную Наполеономъ Чарторыйскому, взяла верхъ, объявила Велепольскаго и его сторонниковъ врагами Польши и весной 1863 года подняла возстаніе.

III.

Варшава въ началѣ мятежа.—Выходки уличниковъ.—Центральный комитетъ.—Таинственность его существованія.—Занятіе Варшавы русскими войсками.—Распоряженія русскаго правительства и протестъ поляковъ.—Покушенія на жизнь намѣстниковъ.—Мой пріѣздъ въ Брестъ.—Проповѣди капуцина.—Броженіе въ провинціи.—Мировой посредникъ.—Помѣщики.—Прошлое моего отца.

Такимъ образомъ я прожилъ цѣлый годъ, не изучая хозяйства, для котораго я собственно и пріѣхалъ. Я посѣщалъ демонстраціи, пускался въ горячіе споры о возстановленіи Польши, проповѣдывалъ всякому легальность взглядовъ и основательность выжиданія Велепольскаго. Уединеніе и свобода не мало способствовали превращенію меня въ патріота. Они придавали мнѣ смѣлость, и когда на обратномъ пути домой въ Варшавѣ пришлось мнѣ говорить съ нѣкоторыми знакомыми, то я ужъ не стѣснялся и не боялся, чтобы кто нибудь не сидѣлъ за мной. Первое, что обратило мое вниманіе въ Варшавѣ, это—отсутствіе уличнаго маскарада. Всѣ смотрѣли пасмурно и недовѣрчиво. Войска, квартировавшія въ деревянныхъ баракахъ, построенныхъ на Саской, Красинской и другихъ площадяхъ Варшавы, волновали и оскорбляли полякапатріота. Съ удовольствіемъ слушались разсказы о разнаго рода выходкахъ уличниковъ (ulicznikow) Варшавы противъ полиціи и войска. Выходки эти были такого рода: несетъ, напримѣръ, деньщикъ изъ кондитерской шоколадъ своему барину, одинъ изъ уличниковъ подходитъ къ нему и пальцемъ начинаетъ мѣшать шоколадъ въ чашкѣ, деньщикъ сердится и, поставивъ на тротуаръ приборъ съ шоколадомъ, бросается догонять убѣгающаго мальчишку, тогда другой подскакиваетъ и выпиваетъ шоколадъ, громко благодаритъ деньщика за угощеніе, крича во все горло: «когда Гарибальди прійдетъ, то я попрошу его, чтобы тебя произвели въ офицеры».

Одна торговка, видя солдатъ или офицеровъ, кричала какъ можно громче, что Мѣрославскій въ Варшавѣ и что мясники наострили уже свои ножи для свѣжаго скота. Солдатъ и офицеровъ называли не иначе, какъ «капустой» (kapasniaki). Я имѣлъ знакомыхъ и товарищей по корпусу, но стѣснялся пройти съ ними по улицѣ. Такого рода факты попадались на каждомъ шагу.

Войска, однако, очень смущали поляковъ, и маскарадъ смѣнился глубокимъ трауромъ. Центральный комитетъ, образовавшійся еще въ началѣ демонстрацій, принялъ на себя роль представительнаго правительства царства Польскаго, Западной и Южной Россіи. Мы знали о его существованіи собственно только изъ его распоряженій и прокламацій къ народу, къ которымъ прикладывалась печать съ надписью «Центральный Комитетъ» (Komitet Centralny).

Таинственность, которой комитетъ этотъ окружилъ себя, неизвѣстность его мѣстопребыванія и состава, ходившіе о немъ разсказы и нѣсколько совершенныхъ убійствъ, внушали намъ страхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляли благоговѣть передъ его силой. Но и русское правительство не дремало. Скоро Варшава была объявлена въ осадномъ положеніи. Варшавская цитадель была занята русской артилеріей и внушала большой страхъ самымъ завзятымъ патріотамъ. «Если бы не эта цитадель,—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ,—то Варшава давно была бы свободна». Запрещено было ходить по улицамъ Варшавы ночью съ фонарями, а послѣ и совершенно показываться на улицахъ. Это распоряженіе вызвало сначала насмѣшки, и можно было видѣть, какъ днемъ, часовъ въ 10—11 утра, гуляли по улицамъ съ зажженными фонарями. Аресты, впрочемъ, прекратили эти выходки. Сходки на улицахъ были запрещены. Полиція имѣла право разгонять и арестовывать участниковъ. Въ костелахъ пѣніе прекращено, а на похоронахъ, гдѣ всегда пѣли извѣстные революціонные гимны, кромѣ родныхъ, не имѣлъ никто права присутствовать. Когда это распоряженіе только что вышло, подговоренные уличники вытащили на Краковскомъ предмѣстьѣ дохлую собаку и тащили ее по серединѣ улицы. Явилась полиція, чтобы ихъ разогнать. Уличники оставили собаку, бросились бѣжать, крича, что только родня можетъ присутствовать на похоронахъ. Каждое распоряженіе правительства встрѣчалось насмѣшками. Отъ насмѣшекъ скоро перешли къ покушеніямъ на жизнь намѣстниковъ. Когда генералъ Лидерсъ уѣхалъ за границу, чтобы лечиться отъ ранъ, нанесенныхъ ему патріотами, всѣ говорили, что будутъ до тѣхъ поръ стрѣлять, пока не наведутъ такого страха на намѣстниковъ, что ни одинъ изъ нихъ не захочетъ пріѣхать въ Варшаву. Такое настроеніе нашелъ я въ Варшавѣ на обратномъ пути въ Брестъ.

Я смотрѣлъ на дѣло Польши, какъ на выигранное. Надежда, что вскорѣ послѣднее усиліе вырветъ насъ изъ рукъ варваровъ, все болѣе и болѣе вкоренялась. Я смотрѣлъ также съ презрѣніемъ на войска и ихъ бараки. Правительственныя распоряженія служили всегда поводомъ къ саркастическимъ замѣткамъ съ угрозою, что скоро увидятъ, кто кѣмъ будетъ распоряжаться. Въ началѣ 1862 года я былъ дома. Первое, что я здѣсь услышалъ, это проповѣди какого-то пріѣзжаго капуцина, который своею патріотическою и увлекательною рѣчью собиралъ народъ въ костелъ изъ разныхъ уѣздовъ. Этотъ капуцинъ молодой, высокій, красивой наружности, впослѣдствіи, находясь въ шайкѣ Лелевеля, былъ убитъ въ одной стычкѣ. На слѣдующій же день я пошелъ послушать этого проповѣдника, хотя и не думалъ, чтобы впечатлѣніе было велико, особенно послѣ того, что я слышалъ раньше. Народу было много. Не только костелъ, но и за костеломъ было переполнено.

Ксендзъ капуцинъ, войдя на амвонъ, началъ свою проповѣдь. Народъ то падалъ, заламывая руки на колѣни, то опять вставалъ рыдая. Дѣйствительно, рѣчи его, дышавшія ненавистью къ правительству, рисовали положеніе Польши такими мрачными красками, изображали такія страданія отчизны, что, кажется, если бы онъ сказалъ: «берите ножи и приступайте къ дѣлу», я первый пошелъ бы за нимъ. Когда служба кончилась и капуцинъ выходилъ изъ костела, то женщины и мужчины бросались цѣловать его руку, а нѣкоторые обрывали его верхнюю сутану, такъ что должны были сшить ему новую. И здѣсь также, какъ и въ Варшавѣ, помѣщики, мѣщане и въ рѣдкихъ случаяхъ крестьяне пѣли гимны и носили трауръ. Броженіе было сильное. Въ деревняхъ появились какія-то неизвѣстныя и подозрительныя лица, большею частью одѣтыя покрестьянски, внушавшія вражду къ правительству, разбрасывавшія прокламаціи. Начали ходить слухи, что правительство прислало священникамъ освященные ножи для раздачи ихъ крестьянамъ, чтобы тѣ попробовали ихъ на помѣщичьихъ горлахъ. Мнѣ самому случалось подбирать посланія какого-то Янка изъ Вильны къ крестьянамъ, въ которыхъ говорилось противъ помѣщиковъ, становыхъ и другихъ правительственныхъ лицъ. По этому случаю дѣлались облавы, но безуспѣшно. Въ Брестѣ помѣщики были озабочены событіями въ Варшавѣ и крестьянскимъ вопросомъ. Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ въ то время графъ Старжинскій. Отъ него зависѣло назначеніе мировыхъ посредниковъ на основаніи указа 19-го февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ. Въ нашемъ участкѣ мировымъ посредникомъ былъ сдѣланъ Юліанъ Выгановскій, не богатый, но очень дѣятельный человѣкъ. Постоянные разъѣзды его по деревнямъ, строгое и несправедливое обращеніе съ крестьянами, сдѣлали его пугаломъ для сельскаго населенія. Преданный панскому дѣлу, онъ вездѣ защищалъ его и толковалъ крестьянамъ, что они своимъ освобожденіемъ обязаны только панамъ; часто также прибѣгалъ онъ къ розгамъ и къ вооруженной силѣ, смотря по обстоятельствамъ. Помѣщики злоупотребляли своими правами. Случалось, что они перемѣщали цѣлыя деревни съ хорошей земли на плохую, неплодородную, назначали выкупную сумму въ трое больше стоимости. Неудивительно поэтому, что крестьяне роптали; мировой посредникъ, впрочемъ, заставлялъ ихъ молчать розгами. Вообще помѣщики, пользуясь своимъ положеніемъ, употребляли всѣ средства, чтобы заставить крестьянъ почувствовать ихъ силу. Почти всѣ помѣщики нашего уѣзда состояли членами агрономическаго общества и дѣлали извѣстные взносы, назначенные для одной цѣли — oswobodzenia ojczyzny. Взносы эти въ послѣднее время сдѣлались чуть не ежедневными. Цѣль ихъ, однако, тщательно скрывалась даже отъ польской молодежи.

Вотъ въ какомъ положеніи засталъ я уѣздъ послѣ моего возвращенія изъ царства Польскаго. На лѣто 1862 года родители перебрались въ деревню. Скучно мнѣ было здѣсь, чего-то не доставало, но чего именно, я не могъ опредѣлить. Съ жадностью набрасывался я на всякаго рода извѣстія, не стараясь даже провѣрить ихъ. Мнѣ было очень непріятно слушать, когда отецъ мой смѣялся, по обыкновенію, надъ патріотическими выходками поляковъ. Меня это даже сердило, и я никогда не сообщалъ ему ничего, хотя отецъ иногда интересовался новостями. Тѣмъ болѣе непріятно мнѣ было такое поведеніе отца, что начали громко говорить про какое-то прошедшее, пятнающее его имя. Неизвѣстность мучила меня, и я рѣшилъ непремѣнно узнать, въ чемъ дѣло. Спросить отца я не могъ, такъ какъ онъ держалъ себя отъ дѣтей довольно далеко. Такъ, напримѣръ, мы должны были слушать его стоя, когда онъ говорилъ, за всякую бездѣлицу онъ кричалъ на насъ, не обращая вниманія даже на постороннихъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ прямо обратиться къ отцу мнѣ было невозможно, и я старался узнать какъ нибудь иначе. Скоро мнѣ удалось между прочимъ узнать отъ мироваго посредника Выгановскаго, что обвиняютъ моего отца за его расположеніе къ русскимъ, которыхъ онъ принималъ у себя послѣ возстанія 1831 года, и главнымъ образомъ за то, что, будучи въ 1832 году предводителемъ дворянства, подписалъ прошеніе къ государю о введеніи русскаго языка въ западныхъ губерніяхъ Россіи. Понятно, что польское общество враждебно относилось къ нему и въ случаѣ возстанія врядъ ли пощадило бы его. Мнѣ хотѣлось смыть это пятно, а также спасти отца отъ народной кары. Съ этой цѣлью я просилъ повѣреннаго Станислава Загржевскаго, чтобы тотъ уговорилъ какъ нибудь родителей моихъ оставить деревню и переѣхать въ городъ или за границу. Вскорѣ дѣйствительно мать съ моимъ братомъ Каликстомъ, отставнымъ поручикомъ Курляндскаго уланскаго полка, уѣхала за границу, а отецъ съ нами переѣхалъ въ Брестъ, гдѣ также замѣчалось большое оживленіе среди поляковъ. Около костела какіе-то люди постоянно разсказывали о случившемся въ разныхъ мѣстахъ Польши. Особенно много говорили о крестьянахъ, которыхъ боялись, и потому распускали разные слухи о ихъ патріотическихъ выходкахъ.

Ягминъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАШИ ОТЖИВШІЯ И ОТЖИВАЮЩІЯ КОЛОНІИ.

I.

ТО БЫЛО весной тысяча восемьсотъ семьдесятъ... теперь ужъ не помню котораго именно года. Губернскій городъ нашъ былъ въ волненіи, которое болѣе всего замѣтно было въ низшихъ классахъ общества — въ «простонародьѣ». Въ то время, какъ «видавшая виды» «чистая публика»—наша провинціальная интеллигенція—относилась къ «злобѣ дня» довольно безразлично, интересуясь главнымъ образомъ только поглядѣть, «что будетъ», и притомъ преимущественно посмотрѣть, что станетъ сегодня дѣлать публика не чистая,—послѣдняя дѣйствительно волновалась и отнюдь не изъ-за простаго желанія поглазѣть на еще ни разу не виданное зрѣлище, отнюдь не изъ-за одного только простаго любопытства. Дѣло въ томъ, что на этотъ день ожидался приходъ въ городъ парохода съ ссылаемыми горцами, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ на Кавказѣ. Это была еще первая ссылаемая въ нашу губернію партія «черкесовъ», за которой имѣла, по слухамъ, послѣдовать присылка новыхъ, тоже болѣе или менѣе значительныхъ партій.

Попытки возстаній кавказскихъ горцевъ во время послѣдней русско-турецкой войны, въ періодъ которой такъ много писалось о звѣрствахъ турокъ, невольно привели наше «простонародье» къ отождествленію горцевъ съ турками и создали о нихъ представленіе, какъ о людяхъ дикихъ и ужасныхъ, отличающихся

крайнимъ звѣрствомъ. Извѣстные, издавна циркулирующіе, разсказы о былomъ покоренiи Кавказа, о борьбѣ съ знаменитымъ Шамилемъ, объ отчаянной храбрости и жестокости горцевъ, только подтверждали составлявшееся такимъ образомъ представленіе о имѣющихъ быть присланными въ ссылку горцахъ, какъ о людяхъ съ самымн знѣрскими наклонностями, какъ о разбойникахъ, способныхъ зарѣзать человѣка «изъ-за ничего», «здорово живешь». Неизвѣстно, съ чьей легкой руки распространился слухъ, скоро перешедшій у простонародья въ убѣжденіе, что многоженцы-горцы будутъ не только разбойничать среди бѣлаго дня, но и силой отбирать себѣ чужихъ женъ и дочерей.

Все это, вмѣстѣ взятое, произвело въ низшихъ слояхъ нашего провинціальнаго общества большую сенсацію и сильное возбужденіе, близкое даже къ переходу въ активный протестъ при маломальски благопріятныхъ къ тому условіяхъ.

Время прибытія парохода съ горцами было приблизительно извѣстно заранѣе.

Еще задолго до этого берегъ около пристани все болѣе и болѣе заполнялся народомъ, котораго въ большинствѣ тянуло сюда не праздное любопытство свободныхъ отъ дѣла людей, а желаніе, потребность, собственными глазами провѣрить представленіе, составившееся по слухамъ, и самолично убѣдиться въ вѣрности тревожной стоустой молвы.

Въ толпѣ, собравшейся на берегу, то и дѣло шли разговоры о томъ, что сейчасъ же, вслѣдъ за поселеніемъ черкесовъ, начнутся грабежи и убійства, что съ черкесомъ на улицѣ и не встрѣчайся—сейчасъ ножемъ пырнетъ, или «изъ пистолета», что черкесы будутъ уводить ихъ женъ и дочерей, причемъ на нихъ и суда не будетъ, потому что «первое дѣло—не словишь и не подступишься къ нему, второе дѣло—никакой тѣ судья дѣло не возьмется вести, потому что только возьмись—сейчасъ тебя пристручатъ, такъ что и душа вонъ изъ тѣла»!...

Были и такіе разговоры, что «черкесы» ночью дѣтей малыхъ воруютъ, чтобы кровь изъ младенцевъ пить, что съ поселеніемъ ихъ здѣсь «развратъ промежду бабъ пойдетъ», что они «ни огня, ни меча не боятся», что и пуля-то ихъ не беретъ и изъ всякихъ-то бѣдъ они чистыми выходятъ, и т. п.

Всѣ эти слухи и толки успѣли вселить во многихъ сильное неудовольствіе къ мѣстному начальству за будто бы зависящее отъ него распоряженіе о поселеніи здѣсь горцевъ. Шли даже толки о томъ, чтобы силой воспротивиться ихъ высадкѣ на берегъ, просить начальство объ отмѣнѣ распоряженія о поселеніи, теперь же при встрѣчѣ «задать черкесамъ хорошаго жару», пока они безоружны, чтобы знали впередъ, съ кѣмъ имѣть будутъ дѣло.

Чѣмъ болѣе приближался пароходъ, везшій арестованныхъ гор-

цевъ, тѣмъ сильнѣе, энергичнѣе высказывалось неудовольствіе и тѣмъ чаще можно было видѣть, какъ молодые мѣщанскіе парни, выступая немного впередъ толпы, энергично поплевывали на руки и засучивали рукава, или же, представляя, какъ они заушатъ «злодѣевъ», пробовали увѣсистость своихъ палокъ, но съ этимъ вмѣстѣ все сильнѣе и сильнѣе разгоралось любопытство и масса тѣснѣе сдвигалась къ берегу.

Между тѣмъ, маленькая, черная точка, пускавшая изъ себя струйку сѣраго, едва замѣтнаго облачка—дыма, постепенно на темномъ фонѣ зеркальной водной поверхности увеличилась въ объемѣ и приняла опредѣленныя очертанія. Маленькая точка постепенно выросла въ большой винтовой пароходъ, легкая струйка сѣраго, висѣвшаго надъ нею облака превратилась въ черные клубы дыма, выходившаго изъ пароходной трубы. Красиво разрѣзывалъ пароходъ зеркальную поверхность темныхъ водъ угрюмаго озера, оставляя за собой длинную, расходящуюся струю колеблющейся волны, въ которой игриво перебѣгали съ мѣста на мѣсто золотистые лучи яркаго солнца.

Замедляя ходъ, большой пассажирскій пароходъ приставалъ къ «конторкѣ». Пошли въ ходъ чалки, потянулись канаты, раздалась капитанская команда. Пароходъ приставалъ и началъ выпускать пары; перекинули трапъ.

Между тѣмъ толпа заколыхалась и сгустилась къ конторкѣ. Тысячи любопытныхъ глазъ устремились на пароходъ, и толпа на нѣсколько минутъ совсѣмъ затихла. Но вотъ она снова загудѣла, оживилась, задвигалась, заговорила, стала тѣсниться еще больше: это на верхней палубѣ парохода показались горцы-арестанты. Сначала явились солдаты съ ружьями, потомъ и горцы: мужчины, женщины, взрослые, дѣти,—окруженные солдатами, съ скудными пожитками, по большей части въ видѣ какихъ-то отрепанныхъ узловъ, ведя подъ руку и неся на рукахъ маленькихъ дѣтей. Медленно переходили горцы-арестанты между тѣснившейся съ обѣихъ сторонъ толпой по узенькому проходу, обставленному сдерживавшими натискъ толпы солдатами.

И вотъ, пока горцы дефилировали передъ толпой, поднимаясь на берегъ, на городскую набережную, гдѣ первые изъ пришедшихъ ожидали оставшихся, чтобъ всѣмъ вмѣстѣ подъ конвоемъ солдатъ отправиться въ тюремный замокъ, толпа уже успѣла радикально измѣнить свое отношеніе къ арестантамъ. Вмѣсто прежняго недружелюбнаго и даже безусловно враждебнаго, оно само собой, невольно и быстро, почти моментально измѣнилось въ сочувственное, соболѣзнующее. Изнуренные долгимъ скитаніемъ по водамъ и дорогамъ, долгимъ сидѣніемъ въ «пересыльныхъ» и предварительнымъ содержаніемъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ, истощенные физически и нравственно, угнетенные разлукой съ родными и ро-

диной, горцы являли видъ въ высшей степени печальный, вызывающій сожалѣніе и отнюдь ужъ не соотвѣтствующій тому представленію, какое составилось у толпы, встрѣчавшей пароходъ. Печальный видъ исхудавшихъ, унылыхъ, смуглыхъ лицъ, боязливотоскливое, какое-то болѣзненное выраженіе арестантскихъ физіономій, изорванная, отрепанная одежда многихъ изъ нихъ, у нѣкоторыхъ имѣвшая видъ настоящихъ лохмотьевъ, стоны больныхъ и стариковъ, плачъ дѣтей больныхъ, лохматыхъ, истощенныхъ; исхудалыя, согбенныя подъ тяжестью наваленныхъ узловъ и дѣтей женщины съ болѣзненнымъ видомъ, съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ на лицѣ,—все это, вмѣстѣ взятое, производило такое невыносимое, грустное впечатлѣніе, которое рѣшительно трудно, даже невозможно представить, не видя собственными глазами. Какъ только толпа вглядѣлась въ эту печальную процессію «кровопивцевъ», «убивцевъ» и «окаянныхъ нехристей, которыхъ жалѣть нечего», она тотчасъ же не только сдѣлалась снисходительною, но поспѣшила даже выразить свое соболѣзнованіе посильною фактическою помощью «несчастненькимъ», «болѣзнымъ», «арестантикамъ»,—кто гривною, кто копѣечкой, кто чѣмъ пришлось. Масса народа лѣзла другъ на друга; лѣзли, вытягивали впередъ свои лица и руки, чтобы высмотрѣть и вручить подаяніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ отношеніе толпы дѣлалось все болѣе и болѣе сочувствующимъ. Многія бабы плакали и причитали, глядючи на «ихнихъ» истомленныхъ, испуганныхъ дѣтишекъ, «на ихнихъ» «несчастныхъ бабенокъ», на плохенькую одеженку, на больныхъ, что тряслись и стонали въ лихорадкѣ. Бабы ласкали «черкесскихъ» дѣтишекъ, совали имъ у кого что было подъ рукою,—какая пряничекъ, какая кусокъ пирога или кренделя, иная же грошикъ, гладили ихъ по всклокоченнымъ головкамъ, а тѣ, прячась за матерей, выглядывали оттуда испуганно любопытными глазками, несмѣло протягивая руки за вручаемымъ подаяніемъ.

— Ишъ, чумазый, самъ-то за матку прячется, а небось ученку, всетаки, протягиваетъ.

— Чай ему пряника-то хотца,—замѣчаетъ, стоящая рядомъ съ говорившей баба, подперши голову рукою, умильно и съ любопытствомъ поглядывая на «несчастненькихъ».

— Иванычъ, солдатикъ-то нашъ, вѣдь зря, должно, говорилъ, что они кровопивцы...

— Знамо зря, развѣ кровопивцы этакіе бываютъ?!...

Проходившій мимо горецъ отвлекъ ихъ вниманіе, и разговоръ пресѣкся.

— Гляди, зенки-то [1]), зенки-то: посередкѣ черные-черные, что уголь, а вокругъ совсѣмъ-совсѣмъ бѣлые... ишь какъ ворочаетъ,

[1]) Глаза.

лохматый,—показывала баба рукой на проходившаго мимо угрюмаго «черкеса» съ котомкой за плечами.

— Что, Митревна, аль пондравился — заглядѣлась на этого чорта?...—говорилъ подошедшій «Иванычъ».

— Ты что это, Иванычъ, наболталъ намъ давече зря, будто всѣ они убивцы?! «И не подходи, говоритъ, къ нимъ, сичасъ зарѣжутъ». А они, гляди, сами-то всего боятся и такіе несчастненькіе, что даромъ что нехристи, а и то жалко становится.

— Ну, что-жъ, нешто я вралъ тебѣ! Я, чай, своими глазами, бабочка, на Кавказѣ всѣхъ ихъ видѣлъ; сколько разъ въ сраженіяхъ супротивъ нихъ участвовалъ: такіе озорники—бѣда!... Право, такіе мошенники, грабители—просто страсть: никого не жалѣютъ, никому спуску не даютъ. Одинъ, бывало, изъ крѣпости въ горы и выходить не думай: того и гляди, изъ какого нибудь куста тебя пулей поддѣпятъ, али съ шашками налетятъ... Ну, а эти... эти совсѣмъ другіе; эти совсѣмъ другіе; это, значитъ, ужъ видно совсѣмъ ужъ замиренные горцы... Такихъ я отродясь совсѣмъ никогда не видывалъ, даромъ, что чуть не 15 лѣтъ на Кавказѣ служилъ: этакихъ тамъ и званія нѣтъ. Что это за горцы! Это не черкесы, не горцы, это... это, тьфу! Просто дрянь, просто бараны какіе-то.... Нѣтъ, и не бараны, а... я ужъ и не знаю, что и за люди такіе! Съ виду, по обличью, они точно и впрямь будто горцы-головорѣзы: и одежа ихняя, и лица-то ихнія, и глаза, и волосы, все какъ слѣдуетъ, а не только, что никакого страху, или тамъ сердца супротивъ нихъ нѣту (потому больно я не люблю ихъ, поганыхъ), но просто даже жалостно становится... Ну, одно слово «несчастненькіе»...

Вся эта необыкновенная встрѣча, этотъ рѣзкій неожиданный переходъ отъ крайне враждебнаго настроенія въ сочувственное, отъ желанія поколотить, побить, съ перваго же разу задать «знатнаго ходу, чтобы послѣ боялись»,—къ обуявшему толпу стремленію оказать всевозможную помощь и облегченіе, хоть и нехристямъ, хоть и кровопивцамъ, а всетаки «несчастненькимъ» и «болѣзнымъ»,—эта трогательная встрѣча горцевъ на берегу, гдѣ каждый совалъ и давалъ имъ все, что могъ, что было подъ рукою, послѣ того какъ называлъ ихъ «головорѣзами» и «грабителями»,—все это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія, не могло не запечатлѣться въ памяти и не возбудить интереса къ судьбѣ «несчастненькихъ»... «головорѣзовъ»...

Спустя всего только два года послѣ этой встрѣчи, мнѣ случилось быть опять приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ и проѣзжать чрезъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ, куда выслана была часть сосланныхъ горцевъ.

Выѣхавъ изъ города и миновавъ православное кладбище, я невольно остановилъ свое вниманіе на цѣломъ рядѣ и маленькихъ, и большихъ, обложенныхъ дерномъ могилокъ безъ крестовъ, безъ плитъ, безъ всякихъ украшеній. Могилки находились какъ разъ около кладбищенской ограды, но внѣ ея. На одной изъ нихъ, весь съежившись, уткнувъ лицо между колѣнами, сидѣлъ какой-то нищій въ лохмотьяхъ, между которыми мѣстами сквозило голое тѣло и въ громадной мѣховой шапкѣ, по которой легко было узнать «черкеса». Онъ не поднялъ головы, не оглянулся, а я не посмѣлъ нарушить его думы своимъ приходомъ, хотя и хотѣлось очень пойти, разспросить, какъ они живутъ теперь, какъ устроились, да кстати сосчитать и число могилокъ.

Разговорчивый ямщикъ, оказалось, очень мало зналъ о ихъ жизни; онъ сообщилъ мнѣ только, что «мрутъ, какъ мухи», живутъ «чѣмъ Богъ приведетъ»,—и больше ничего.

Это было въ одной изъ сѣверныхъ губерній Европейской Россіи, издавна составлявшей обычное мѣсто ссылки. Сюда высылались и покоренные горцы, и бунтовавшіе поляки, и русскіе политическіе ссыльные, и проворовавшіеся, осужденные кассиры, чиновники-взяточники и проч., и проч.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ предѣлахъ одной изъ такихъ—родной мнѣ—губерній, я имѣлъ нѣкоторое понятіе объ условіяхъ жизни ссыльнаго элемента (за исключеніемъ горцевъ). Невольно пришло мнѣ въ голову сравненіе положенія ссыльныхъ горцевъ съ ссыльными остальныхъ категорій,—сравненіе далеко не въ пользу положенія первыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, переселены они были съ дальнаго Кавказа съ его очаровательнымъ климатомъ, съ его своеобразною южною природою, въ совершенно невѣдомыя для нихъ условія нашего, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ непривѣтливаго сѣвера, гдѣ и климатъ, и вся окружающая природа не имѣетъ ничего общаго съ тѣми, среди которыхъ они выросли, съ которыми они сжились, освоились. Переселены они въ совершенно незнакомую среду и иновѣрнаго, и иноязычнаго, вполнѣ чужаго имъ народа, въ совершенно неизвѣстную имъ обстановку съ совсѣмъ иными способами и условіями и жизни, и труда, которымъ имъ придется добывать себѣ средства къ существованію.

Въ то же время остальные, то-есть русскіе ссыльные нашихъ сѣверныхъ губерній, выселены, очевидно, въ сравнительно болѣе или менѣе знакомыя имъ условія, въ знакомую среду и въ климатъ, далеко не столь рѣзко отличающійся отъ того, къ которому привыкли,—и тѣмъ не менѣе, какъ я зналъ, въ громадномъ большинствѣ живутъ, всетаки, крайне скудно, нищенствуютъ, голодаютъ... Сколько же поэтому времени и какія здоровыя, крѣпкія силы нужны были горцамъ для того, чтобы хотя на столько же, какъ остальные ссыльные, освоиться съ этими совершенно незна-

комыми имъ условіями?! Сколько жизней должно было погибнуть прежде, нежели эти жизни успѣли достаточно акклиматизироваться?!..

Заинтересованный выясненіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ, я предполагалъ сначала познакомиться съ бытомъ горцевъ въ наиболѣе удаленныхъ уголкахъ сѣвера, гдѣ, по всѣмъ соображеніямъ, положеніе ихъ должно было быть наиболѣе тяжелымъ. Но этому предположенію не суждено было осуществиться. Зато случай помогъ мнѣ познакомиться съ житьемъ-бытьемъ высланныхъ горцевъ въ одной изъ южныхъ губерній—Саратовской, гдѣ спеціально для нихъ на казенный счетъ выстроены были мечеть, дома, дворы, сараи, хлѣва, отведена была земля для занятій земледѣліемъ, давались лошади, полный рабочій инвентарь и проч., и проч. Этотъ случай представлялся для меня полною противоположностью тому, что я могъ ожидать и видѣлъ на родномъ своемъ сѣверѣ. Въ то время какъ на сѣверѣ, думалъ я, горцы вынуждены жить въ невозможномъ, невыносимомъ для нихъ климатѣ, въ уѣздныхъ городишкахъ среди совершенно незнакомаго и часто даже враждебно относящагося къ нимъ населенія, не имѣя, что называется, ни кола, ни двора,— здѣсь они живутъ сравнительно, должно быть, «какъ у Христа за пазухой», въ климатѣ, болѣе или менѣе схожемъ съ ихъ климатомъ, у нихъ навѣрное имѣется все необходимое, а главное живутъ они всѣ вмѣстѣ, цѣлымъ ауломъ, независимо отъ незнакомаго имъ окрестнаго населенія, не имѣя къ нему никакой особенной нужды, не находясь ни въ какой отъ него зависимости. Это, должно быть, почти рай, сравнительно съ тѣмъ, какъ живется горцамъ на сѣверѣ... Но если ужъ, паче чаянія, и здѣсь ихъ жизнь устроилась плохо, то, спрашивается, каково же послѣ этого живется имъ тамъ, по берегамъ Бѣлаго моря, да Ладожскаго или Онежскаго озера?..

Но, казалось, не могло быть и сомнѣнія въ томъ, что здѣсь могло быть что нибудь подобное видѣнному мною на сѣверѣ... Тамъ у Бѣлаго моря для нихъ устроена ссылка, дѣйствительная ссылка, какъ наказаніе за ихъ преступленія, здѣсь же, на югѣ,— попытка колонизаціи высланныхъ съ Кавказа горцевъ, попытка культивировать ихъ въ средѣ русскаго населенія, попытка поставить ихъ въ наилучшія, наиболѣе благопріятныя для ихъ жизни условія... Интересно, всетаки, было посмотрѣть, какъ прижились эти дикари, хотя и въ чуждыхъ условіяхъ, но въ средѣ болѣе ихъ цивилизованнаго населенія, въ какія отношенія стали они къ этому населенію, какъ устроилась ихъ жизнь на новомъ мѣстѣ, въ новыхъ жилищахъ, при новыхъ, сравнительно повидимому благопріятныхъ условіяхъ.

II.

Плѣнные горцы прибыли въ Саратовскую губернію въ 1879 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Незначительная часть ихъ вскорѣ же была отправлена въ другія губерніи, а около 1,200 человѣкъ оставлены здѣсь для поселенія. По иниціативѣ свыше [1]), немедленно же по ихъ прибытіи надлежало принять энергическія спѣшныя мѣры къ улучшенію ихъ положенія, къ устройству имъ жилищъ и вообще возможно болѣе удовлетворительной обстановки.

Грозная перспектива суровыхъ зимъ, къ которымъ горцы не привыкли на своей родинѣ, неизбѣжная для нихъ необходимость отрѣшиться отъ многихъ привычекъ, можно сказать, унаслѣдованныхъ вѣками, рѣзкое измѣненіе въ условіяхъ жизни и главное въ условіяхъ климатическихъ,— все это, вмѣстѣ взятое, побуждало обратить особенное вниманіе на необходимость создать для нихъ такія возможно менѣе вредныя для этихъ дикихъ дѣтей кавказскихъ горъ условія, при которыхъ мыслимо было бы ихъ дальнѣйшее здѣсь существованіе. И въ этомъ отношеніи дѣйствительно предполагалось сдѣлать все возможное. Даны были подробныя указанія даже относительно качествъ тѣхъ жилищъ, которыя должны были строиться для горцевъ. Предписаны были очень простыя, естественныя, безусловно осуществимыя, человѣчныя требованія: «чтобы жилища были теплы, сухи, по возможности соотвѣтствовали бы привычкамъ сосланныхъ горцевъ». Инструкціи и указанія свыше по части устройства быта ссыльныхъ горцевъ настаивали на непремѣнномъ исполненіи даже такихъ требованій, необходимость осуществленія которыхъ, казалось, должна была бы подразумѣваться сама собою и сознаваться каждымъ мало-мальски благоразумнымъ и порядочнымъ человѣкомъ. Но будущее показало, что подобная, повидимому, чрезмѣрная предусмотрительность была не только излишня, но въ извѣстномъ смыслѣ (при отсутствіи нѣкоторыхъ условій, обезпечивающихъ ея осуществленіе) даже не достаточна.

Высшее (петербургское) начальство торопило постройкой жилищъ, въ виду скораго приближенія осени, настаивая въ то же время, чтобы спѣшность постройки отнюдь не была въ ущербъ качеству жилыхъ помѣщеній, чтобы они были хорошо выстроены, прочны и, само собою разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обошлись бы казнѣ дороже того, что они дѣйствительно стоятъ.

Что же получилось въ результатѣ?

---

[1]) Въ качествѣ ссыльныхъ, горцы съ момента ареста находились въ вѣдѣніи департамента полиціи исполнительной.

Прежде всего выбрали мѣсто для горскихъ поселеній въ открытой обширной безлѣсной равнинѣ, обдуваемой со всѣхъ сторонъ вѣтрами и нерѣдкими здѣсь зимою сильными степными буранами. Наибольшій изъ поселковъ, которому дали названіе «Большаго Дагестана», будто нарочно построили на мѣстѣ возвышенномъ, безусловно подверженномъ всевозможнымъ вѣтрамъ и вьюгамъ. Мало того: выбравъ мѣсто для построекъ, выстроивъ цѣлый аулъ и помѣстивъ туда горцевъ, не подумали о томъ, откуда будутъ брать горцы воду, что они будутъ пить, живя на новой родинѣ. Только тогда, когда уже горцы поселились въ новыхъ жилищахъ, оказалось, что вода хотя и есть близко, да чужая и за чужой землей. Чтобы достать воды, надо пройти изъ «аула» черезъ сосѣдній крестьянскій надѣлъ; крестьяне же ходить за водою черезъ свой надѣлъ безусловно воспрещаютъ. И прежде всего пришлось входить въ особые переговоры и договоры съ крестьянами объ уступкѣ права на «водопой».

Пока «аулъ» строили, горцы жили въ солдатскихъ холщевыхъ палаткахъ. Если привычнаго къ нашему климату и закаленнаго въ бояхъ, буряхъ и непогодахъ русскаго солдата не считаютъ возможнымъ въ мирное время держать въ лѣтнихъ палаткахъ дальше первыхъ осеннихъ дождей, то каково же было жить въ нихъ изнѣженнымъ кавказскимъ климатомъ горцамъ, которые вынуждены были тамъ пробыть до 5-го октября! Не смотря на это, никто здѣсь въ то время не догадался позаботиться о томъ, чтобы хоть временно до постройки аула разселить ихъ по деревнямъ, или въ городѣ, хотя бы даже и въ тюрьмѣ; для нихъ и то было бы лучше! Естественнымъ послѣдствіемъ такого отношенія было появленіе и широкое распространеніе болѣзней—цынги, лихорадки, ревматизма. Названныя болѣзни послѣ этого никогда горцевъ не оставляли; впослѣдствіи къ нимъ прибавились еще: воспаленіе легкихъ и чахотка. Не помню, за какой именно моментъ, но знаю, что было время, когда по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за извѣстный день показывалось 115 человѣкъ однихъ лишь больныхъ лихорадкой. Лѣтомъ 1880 года лихорадка была въ большей части семей. Не помню теперь, въ какомъ именно изъ трехъ ауловъ считалось къ 1883 году 62 умершихъ въ 114 семьяхъ: изъ нихъ въ 1879 году умерло 5, въ 1880 году — 12, въ 1881 году — 16, въ 1882 году— 15 и въ 1883 году—14 [1]); въ томъ числѣ дѣтей до 4 лѣтъ (вклю-

[1]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что съ годами % смертности не уменьшился, какъ это бы можно было думать, судя по вышеприведеннымъ абсолютнымъ числамъ. Дѣло въ томъ, что съ годами аулы все болѣе и болѣе пустѣли, помимо вліянія смертности, еще и оттого, что отсутствіе заработковъ и невозможность жить въ новопостроенныхъ домахъ заставляла горцевъ бѣжать изъ новыхъ ауловъ и съ паспортами и безъ паспортовъ, и подъ конецъ аулы сильно обезлюдѣли.

чительно) 21, отъ 4 до 12 лѣтъ—8, отъ 12 до 18 лѣтъ—2, отъ 18 до 55 лѣтъ — 19, свыше 55 лѣтъ—12; вообще мужскаго пола 27, женскаго пола 35 человѣкъ.

Не великимъ счастьемъ для горцевъ былъ и переходъ ихъ изъ палатокъ въ только что построенные дома, хотя переходъ этотъ и ознаменовался спеціальнымъ празднествомъ. Прежде всего, конечно, предстояло произвесть оффиціальную пріемку всего вновь построеннаго отъ усердныхъ строителей, взявшихъ постройку съ подряда. По этому поводу съѣхались изъ Саратова надлежащія власти, дѣлали осмотръ, затѣмъ,—говоритъ мѣстное сказаніе,—завтракали и пили шампанское. Объ этомъ событіи здѣсь составилось легендарное сказаніе, слышанное мною и отъ нѣкоторыхъ горцевъ, и отъ русскихъ изъ мѣстныхъ жителей. Самъ я при этомъ не былъ, поэтому за достовѣрность не ручаюсь и «за что купилъ, за то и продаю». Можетъ быть, все это и не правда, но эта легенда—во всякомъ случаѣ весьма характерная иллюстрація ко всей исторіи горской колонизаціи.

Говорятъ, что когда пріѣхалъ губернаторъ для осмотра и пріема строеній, то были употреблены всѣ мѣры, чтобы показать ему «товаръ лицомъ» и скрыть истинное дѣло; съ этою цѣлью старались подъ разными предлогами торопить осмотромъ, дабы при немъ не выяснились нѣкоторые существенные недостатки. Говорятъ, что въ этомъ отношеніи строителямъ оказалъ большую помощь поѣздъ желѣзной дороги, такъ какъ губернатора, во время осмотра, со всѣхъ сторонъ торопили не опоздать на ближайшую станцію къ отходу поѣзда въ Саратовъ. Говорятъ, затѣмъ, что, когда пріемщики уѣхали,—вслѣдъ же за ними потянулись обратно въ Саратовъ, съ тѣмъ, чтобы никогда уже не возвращаться, цѣлые возы желѣзныхъ и мѣдныхъ скобъ, петель, ручекъ, вьюшекъ, заслонокъ, даже цѣлыхъ дверей (снятыхъ съ петель у построенной посреди аула мечети) и пр., и пр. Все это передъ осмотромъ было привезено и временно прикрѣплено на своихъ мѣстахъ только «для видимости», лишь бы состоялась пріемка, а потомъ... «хоть трава не расти!»

Не смотря на заботы свыше о возможной, но «безъ ущерба для дѣла», конечно, экономіи въ расходованіи казенныхъ денегъ, около 200 избъ, построенныхъ для горцевъ «на манеръ крестьянскихъ», обошлись много дороже того, за сколько потомъ ихъ оцѣнили при принятія на страхъ отъ огня. Избы, стоившія казнѣ 720 рублей, были оцѣнены въ 400—450 рублей, стоившія 550 рублей—въ 330 рублей. При продажѣ этихъ построекъ только черезъ $3^1/_2$ года послѣ ихъ постройки [1]), за нихъ получено лишь около 15—25% того, во что онѣ обошлись казнѣ.

[1]) Когда горцевъ совсѣмъ освободили и отпустили восвояси.

Мѣстные старожилы увѣряютъ, что соломенныя крыши домовъ тотчасъ по поселеніи въ нихъ горцевъ оказались не пропитанными глиной, а только слегка помазанными ею сверху для виду; крыши эти вскорѣ дали сильную течь, стропила ихъ погнулись. Печи оказались безъ вьюшекъ и постепенно одна за другой стали портиться и даже обваливаться; нѣкоторыя оказались развалившимися и негодными для топки уже въ 1880 году, то-есть только черезъ годъ послѣ постройки. Въ избахъ оказались такія щели, что ясно были видны просвѣты и, по словамъ людей, бывавшихъ здѣсь, зажженная въ избѣ лампа, нерѣдко будто бы даже гасла отъ вѣтра, проникавшаго зимой сквозь эти щели. Крыши скоро стали обваливаться и надъ избами, и надъ дворами. Достаточно сказать, что расходы на ремонтъ построекъ, возведенныхъ въ концѣ 1879 года, потребовались уже въ 1880 году. Съ полу дуло ужасно, такъ какъ подполковъ во многихъ избахъ совсѣмъ не было. Холодъ въ избахъ стоялъ не выносимый, а взятая горцами съ Кавказа одежда, конечно, совсѣмъ не была пригодна для нашего климата.

Между тѣмъ, вѣроятно, съ цѣлью дисциплинированія и пріученія горцевъ къ порядку, они поочередно высылались на ночные караулы по аулу. Одеждъ теплыхъ почти не было; на цѣлую семью, напримѣръ, всего лишь одинъ овчинный тулупъ; что оставалось дѣлать въ зимнія морозныя ночи посылаемымъ въ ночной безполезный и ненужный караулъ? Брать у своей семьи единственное мало-мальски теплое покрывало, единственную защиту отъ холода и идти караулить отсутствующее имущество, на которое никто никогда не дѣлалъ никакихъ посягательствъ, или же, изъ снисхожденія къ семьѣ, оставя ей теплую одежду, идти на морозъ и мятель или вѣрную смерть отъ замерзанія или отъ сильнѣйшей простуды? Лучшій исходъ, конечно, заключался въ томъ, чтобы согрѣваться вмѣстѣ съ семьей подъ тѣмъ же тулупомъ. Такъ, конечно, горцы и дѣлали. Но зато и платились. Ихъ наказывали розгами, записывали въ разрядъ непокорныхъ, бунтовщиковъ, не заслуживающихъ возвращенія на родину, когда бы то ни было, имѣющихъ будто бы крайне вредное вліяніе на остальныхъ.

Въ первое время по поселеніи втеченіе извѣстнаго времени на отопленіе ежедневно выдавались казенныя дрова: отъ 3—5 полѣнъ на семью, но скверныя постройки не держали въ себѣ тепла и такого количества дровъ было далеко не достаточно. Вслѣдствіе этого, разселенныя по различнымъ избамъ отдѣльныя семьи волей-неволей стали соединяться вмѣстѣ въ одну избу, къ «одной печкѣ» по 2, по 3, по 5 и даже болѣе семей вмѣстѣ. Но и это не помогало—топить, всетаки, было нечѣмъ. Естественно, что тогда горцы стали брать жерди и колья изъ собственныхъ плетневыхъ дворовъ, построенныхъ при избахъ для помѣщенія скота, котораго ни у кого изъ горцевъ сначала не было. Но эти плетни считались ка-

зеннымъ имуществомъ, и потому употребленіе ихъ въ топливо разсматривалось, какъ кража. Полицейскій урядникъ, приставленный спеціально для наблюденія за горцами, только почти и дѣлалъ, что считалъ жерди въ плетняхъ и уличалъ горцевъ въ кражѣ казеннаго имущества. Виновные судились въ волостномъ судѣ сосѣдней волости русскими мужиками [1]) и по большей части приговаривались къ сѣченію розгами отъ 10 до (преимущественно) 20 ударовъ. Это пороли тѣхъ гордыхъ горцевъ, которые у себя на родинѣ за каждое малѣйшее посягательство на ихъ честь мстили обидчику смертью! Судить о томъ, на сколько часто горцы подвергались этой расправѣ, можно уже потому, что къ срединѣ марта 1883 года у нихъ было (за 1883 годъ, то-есть за $2^1/_2$ мѣсяца) не больше не меньше, какъ уже 9 высѣченныхъ и 5 сидѣвшихъ подъ арестомъ за употребленіе казенныхъ плетней на топливо. Не однѣ только неявки горцевъ въ ночной караулъ ближайшимъ начальствомъ разсматривались, какъ неизбѣжныя проявленія ихъ бунтовщическихъ наклонностей, но и вообще, повидимому, это начальство склонно было каждое, хотя бы и невольное, уклоненіе отъ предъявлявшихся къ нимъ требованій считать чѣмъ-то въ родѣ бунта со стороны горцевъ.

Не мудроно, конечно, что при такомъ отношеніи ближайшаго начальства, въ одно прекрасное, а можетъ быть, и ненастное время, вдругъ пронесся слухъ, что всѣ горцы намѣреваются скоропостижно улетучиться обратно на Кавказъ, но предварительно сдѣлавъ вооружевное нападеніе на сосѣднія деревни. Немедленно, конечно, собираются войска, начальство; пріѣзжаютъ въ разбойничье гнѣздо, накрываютъ злодѣевъ, еще не двинувшихся съ мѣста, начинаютъ строгое разслѣдованіе и выясняютъ, что вся эта исторія не больше, какъ глупая шутка, выдуманная пьянымъ урядникомъ.

За неимѣніемъ дровъ, горцы надумали было топить кизяками, но такъ какъ навозу взять было не гдѣ, то они принялись собирать пометъ по проѣзжимъ дорогамъ и по улицамъ окрестныхъ деревень; однако, за неимѣніемъ топлива, ждать, пока онъ надлежащимъ образомъ просохнетъ, было невозможно, и топили печки собраннымъ пометомъ, лишь слегка подсушивъ его. Тѣмъ не менѣе одного помета и плетней изъ дворовъ, разумѣется, далеко не хватало, поэтому воровали соломенныя вѣхи, которыми обставляются степныя дороги въ зимнее время. Мало помогало и это, и приходилось сильно холодать. Чтобы хоть какъ нибудь помочь горю, горцы придумали суживать внутренность печки («чтобы печка

[1]) Замѣчательно, что для административнаго управленія изъ горскихъ ауловъ устроена была особая волость, въ которой былъ и свой волостной старшина — самый «благонамѣренный» изъ горцевъ; судить же горцевъ почему-то должны были русскіе крестьяне ближайшей къ ауламъ волости; они же ихъ и пороли розгами.

меньше дровъ брала») и ея входное отверстіе, а доски той части пола въ избѣ, что противъ печки, приподнимать на брускахъ къ самому отверстію печки, чтобы всѣмъ быть поближе къ огню, повыше отъ земли и подальше отъ промерзшихъ насквозь стѣнъ и угловъ избы, откуда вѣяло невыносимымъ холодомъ. Наконецъ, было употреблено и послѣднее средство. Вьюшекъ у печекъ не было, и потому трубы всегда закрывались «чѣмъ придется»; поэтому, чтобы тепло изъ печекъ не уходило, приходилось даже и во время топки затыкать трубы наглухо и постоянно держать такимъ образомъ дымъ въ избѣ.

Въ первое время по поселеніи, горцы получали отъ казны кормовое довольствіе въ размѣрѣ 10 копеекъ въ день на человѣка; оно выдавалось по 10-е, кажется, іюля 1880 года тѣмъ, которые не взяли земельнаго надѣла, и по 10-е сентября, взявшимъ надѣлъ.

Небольшая часть высланныхъ семей имѣла собственныя средства; она, конечно, не испытывала нужды. Напротивъ, имѣющіяся въ своихъ рукахъ деньги наиболѣе ловкіе изъ горцевъ (такихъ нашлось человѣкъ 5—10) скоро пустили въ ходъ съ большою пользою для себя. Горцы разсказывали мнѣ, что прежде всего имъ бросилась въ глаза бѣдность сосѣднихъ крестьянъ и нужда ихъ въ деньгахъ; воспользовавшись этимъ, зажиточные горцы стали ссужать крестьянъ деньгами изъ 120% годовыхъ. Менѣе же состоятельные стали заниматься торговлей, преимущественно краснымъ товаромъ въ разносъ, а масса остальныхъ семей постепенно стала ходить по міру, просить «Христа ради», или, кто еще могъ, пошелъ наниматься на поденныя работы по сосѣднимъ деревнямъ. Но такъ какъ очень многіе были больны и потому работать не могли, другіе работать не умѣли, а осенью 1880 года выдача кормовыхъ была прекращена, поэтому значительное большинство очень скоро стало терпѣть страшную нищету. Къ тому же въ нѣкоторыхъ семьяхъ часто не находилось даже лица, которое бы могло сходить за дневнымъ подаяніемъ «Христа ради»: одинъ, напримѣръ, былъ при смерти въ чахоткѣ, другой лежалъ въ цынгѣ, остальныхъ била жестокая лихорадка. У многихъ семей, оставшихся въ аулѣ, главною и даже почти единственною пищей стали въ концѣ концовъ однѣ только корки хлѣба, сбиравшіяся по деревнямъ; ихъ ѣли и здоровые, и больные.

Въ первое время, пока горцы не привыкли къ исполненію простыхъ земледѣльческихъ работъ, посредствомъ которыхъ можно было бы получать себѣ заработокъ,—воровать по сосѣднимъ деревнямъ приходилось многимъ. Иные попадались на мѣстѣ преступленія и получали отъ крестьянъ возмездіе въ видѣ здоровыхъ подзатыльниковъ и затрещинъ; крестьяне вообще смотрѣли сначала на горцевъ, какъ на «нехристей» и «кровопивцевъ», очень враждебно. Впослѣдствіи же только «жалѣли» ихъ. Нужда, заставляя

красть, гнала горцевъ даже въ ржаное поле. Какъ разсказываютъ мѣстные жители, бывали случаи, что, за неимѣніемъ серповъ и косъ и не умѣя съ ними обращаться, «черкесы» топорами рѣзали себѣ колосья ржи въ крестьянскихъ поляхъ. При приближеніи крестьянина, горецъ, застигнутый на мѣстѣ преступленія, или убѣгалъ и скрывался, или же, отчаянно размахивая топоромъ, давалъ этимъ знать, что постоитъ за себя и за обрубленные топоромъ колосья.

Первый годъ по поселеніи, по словамъ окрестныхъ жителей и самихъ горцевъ, ихъ не отпускали далѣе ближайшихъ окрестностей. Затѣмъ, на правахъ крестьянъ, имъ стали выдавать паспорта, и большинство изъ тѣхъ, кто былъ въ силахъ, отправилось «на сторону», такъ какъ на мѣстѣ оказалось невозможнымъ всѣмъ находить средства къ существованію. Въ то время, когда я въ мартѣ 1883 года былъ въ первый разъ въ «Большомъ Дагестанѣ», тамъ оставалось всего лишь около 30 семей; 6 семей были уже возвращены на Кавказъ, такъ какъ старшіе этихъ семей умерли, четыре семьи служили въ Саратовѣ и сосѣднихъ имѣніяхъ, а остальныя 74 семьи разошлись въ Самарскую, Саратовскую, Казанскую, Оренбургскую, Пензенскую, Тамбовскую и Уфимскую губерніи. Что дѣлали и какъ жили ушедшіе, опредѣленно неизвѣстно. Говорятъ только, что лучше другихъ устроились тѣ, которые ушли въ Казанскую губернію, къ татарамъ, которые не скупились на помощь своимъ единовѣрцамъ. Тамъ нѣкоторые нашли себѣ занятіе по своей спеціальности, напримѣръ, хорошіе муллы заняли именно эти должности; остальные же, по слухамъ, жили плохо и перебивались, то здѣсь, то тамъ, попреимуществу тѣми же занятіями, которыя были имъ наиболѣе здѣсь доступны, то-есть ходили по міру.

Болѣе или менѣе здоровые и вмѣстѣ зажиточные изъ оставшихся въ предѣлахъ Саратовской губерніи почти всѣ занялись торговлей краснымъ товаромъ, который покупали обыкновенно въ Саратовѣ въ кредитъ; продавали же по окрестнымъ деревнямъ. Оборотный капиталъ этихъ торговцевъ въ рѣдкомъ случаѣ достигалъ ста рублей, большинство же торговало на 30—40 рублей. Не многіе знали разныя мастерства, каковы: серебряки, сапожники, кузнецы и т. п. Но большинство изъ нихъ не могло примѣнить свои знанія къ дѣлу. Напримѣръ, главная спеціальность черкесовъ-серебряковъ на родинѣ заключалась въ отдѣлкѣ ружей, кинжаловъ и чашекъ—на все это спроса здѣсь не было; горцы-шерстобиты не могли заняться своей спеціальностью, потому что шерсть въ Саратовской губерніи не такая, какъ у нихъ на родинѣ; наконецъ, нѣкоторымъ изъ знающихъ ремесла заняться ими препятствовалъ недостатокъ въ умѣньѣ, напримѣръ, хорошіе кавказскіе кузнецы оказались хуже кузнецовъ изъ русскихъ крестьянъ.

Вскорѣ по окончаніи постройки «аула», поднятъ былъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ пріучить горцевъ къ земледѣлію, какимъ путемъ дикарей Кавказскихъ горъ превратить въ мужиковъ-земледѣльцевъ. Предложили имъ безвозмездно казенный надѣлъ, кажется, по семи десятинъ на дворъ; они отказались. Стали ихъ убѣждать, что въ ихъ выгодѣ взять на себя надѣлъ, такъ какъ они будутъ имѣть тогда средства къ существованію и по прекращеніи выдачи кормовыхъ отъ казны; притомъ на обзаведеніе инвентаремъ и скотомъ тратиться не приходилось: каждому давалась лошадь, корова, соха, борона, коса и т. д., и, сверхъ того, объявлено было, что взявшіе надѣлъ будутъ получать кормовое довольствіе болѣе продолжительный періодъ времени, сравнительно съ отказавшимся отъ него. Все это показалось горцамъ подозрительнымъ; у многихъ явилась увѣренность, что тотъ, кто приметъ надѣлъ и сдѣлается земледѣльцемъ здѣсь, въ чужомъ краю, того (какъ оклиматизировавшагося) такъ навѣки и оставятъ въ «Россіи» безъ всякой надежды возврата на родину. И чѣмъ больше горцевъ уговаривали и убѣждали, тѣмъ болѣе у нихъ увеличивалось недовѣріе.

Съ осени и до весны разное начальство то и дѣло ѣздило убѣждать горцевъ взять надѣлъ и, наконецъ, послѣ продолжительныхъ и усиленныхъ хлопотъ, 23 семьи изъявили на это согласіе. Однако весной 1883 года, когда я въ первый разъ былъ въ «Большомъ Дагестанѣ», изъ всѣхъ принявшихъ надѣлъ обработывалъ свою землю лично только одинъ изъ горцевъ, остальные же обработывали ее «наймомъ», или сдавали въ аренду, лишь бы числиться земледѣльцами. Земледѣліе здѣсь совсѣмъ не привилось, хотя денежныхъ затратъ стоило немалыхъ, и въ концѣ концовъ предназначенную для горцевъ землю пришлось сдавать въ аренду...

Изъ подробныхъ разспросовъ я убѣдился, что въ данномъ случаѣ имѣли мѣсто и другія, не менѣе вліятельныя и имѣющія свое raîson d'être, причины.

Одна изъ этихъ причинъ — громадная разница въ плодородіи почвы: на родинѣ урожайность почвы была гораздо выше и требовала во много разъ менѣе тщательной обработки, къ которой горцы не привыкли. При томъ же и орудія, употребляемыя для этой обработки, здѣсь совсѣмъ не тѣ, что у нихъ на родинѣ. Другая — разница въ предметахъ культуры; тамъ горцы занимались разведеніемъ кукурузы, винограда, садоводствомъ, здѣсь должны были разводить рожь, пшеницу и другіе зерновые хлѣба. Третья причина, и, по моему мнѣнію, тоже довольно важная для такого не цивилизованнаго народа, какъ горцы, — это невозможность видѣть въ близкомъ будущемъ результаты своихъ трудовъ: «тамъ собралъ яблоки или виноградъ»,—говорили мнѣ горцы,—«пошелъ, продалъ ихъ—вотъ и деньги, а здѣсь вспаши, да еще разъ вспаши,

да взборонуй, да всю осень и зиму до весны подожди, какъ и что взойдетъ, потомъ опять подожди до осени, потомъ сожни, сложи, подожди еще, свези, снова сложи, обмолоти и ужъ послѣ того посмотри, что толку вышло; тогда опять еще повези на мельницу и потомъ уже только пеки и ѣшь».

При всѣхъ такихъ условіяхъ, при полной непривычкѣ горцевъ къ земледѣльческому труду такого характера, при неумѣньѣ обходиться съ мѣстными орудіями, при природномъ отсутствіи настойчивости въ трудѣ и т. п. трудно было и ожидать иного исхода и во всякомъ случаѣ, конечно, не слѣдовало тороциться съ подобными затратами.

Но кому-то и почему-то затраты эти были нужны, и онѣ дѣлались...

Чтобы читатель лучше могъ судить о томъ, что вышло изъ колоссальной, почти въ 260 тысячъ рублей, затраты на устройство быта горцевъ, я позволю себѣ изобразить передъ нимъ хотя бы въ блѣдныхъ чертахъ и неумѣлымъ перомъ то, что я увидѣлъ при первомъ посѣщеніи самаго крупнаго аула, и то первое впечатлѣніе, какое произвела на меня видѣнная мною картина.

Былъ весенній день. Ранняя весна давала себя знать желтизной степной травы да печальнымъ видомъ облысѣлыхъ, облѣзлыхъ кустарниковъ, ютившихся по рѣдкимъ степнымъ оврагамъ. Небо еще наканунѣ съ вечера заволакивало сѣро-свинцовыми, непривѣтными облаками, — такими, какія обыкновенно бываютъ осенью и обѣщаютъ въ результатѣ снѣгъ. Къ утру дѣйствительно выпалъ снѣгъ, подулъ не сильный, но холодный вѣтерокъ; съ ночи засвѣжѣло до того, что руки безъ перчатокъ быстро зябли на открытомъ воздухѣ, впрочемъ послѣ полудня рыхлый, мокрый, хлопьями падавшій снѣгъ, прикасаясь къ землѣ, почти моментально исчезалъ, и полотно дороги все болѣе и болѣе превращалось въ полосу липкой грязи.

Въ такой-то свѣжій, но нельзя сказать, чтобы холодный день, пріѣхалъ я впервые въ знаменитый поселокъ горцевъ съ его пустою и дырявою мечетью въ центрѣ, съ его постройкою, расположенною кругомъ на манеръ заправскаго аула. Вхожу въ первую избу. Хотя уже и полдень, но печка еще не топилась—дровъ нѣтъ. Тутъ живетъ пять семей, соединившихся для тепла воедино. Въ избѣ холодно, смрадно и сыро. Въ большомъ углу кучи тряпья и всякой одежды; на ней и подъ ней, закрывшись съ головами, лежатъ трое или четверо, а около нихъ сидитъ сѣдой-сѣдой старикъ, кряхтитъ, трясется и стонетъ. На насъ, вошедшихъ, онъ не обратилъ вниманія, пока дагестанскій волостной старшина, горецъ изъ тѣхъ же ссыльныхъ, не сказалъ ему чего-то на родномъ языкѣ. Тогда старикъ, повидимому, оживился, хотѣлъ подняться и не могъ—силъ не хватило, только глаза слегка загорѣлись лихорадоч-

нымъ блескомъ. Черезъ минуту, опустивъ глаза и кутаясь въ овчинный мѣхъ, накинутый на плечи, онъ что-то заговорилъ своимъ дребежащимъ голосомъ, шамкая, дѣлая передышки и дрожа отъ холода и лихорадки. Старшина служилъ переводчикомъ. Онъ сказалъ намъ, что старикъ проситъ посѣтителей, не могутъ ли они полѣчить лежащихъ около него больныхъ (какъ оказалось, въ лихорадкѣ и цынгѣ) — о себѣ ужъ онъ не заботился: отъ него ужъ лихорадка не отойдетъ, она мучитъ его со дня пріѣзда и ею суждено ему, старику, умереть. Онъ спросилъ также, нѣтъ ли у насъ «всего только нѣсколько копеекъ» на муку. Онъ разъяснилъ намъ также, что отсутствіе топлива объясняется уходомъ въ деревню мало-мальски здоровыхъ для выпрашиванія соломы у крестьянъ «Христа ради»,—единственныя слова, которыя онъ выговаривалъ порусски: очевидно слишкомъ ужъ часто приходилось употреблять ихъ несчастнымъ «нехристямъ» горцамъ. Оказалось, что больны рѣшительно всѣ, живущіе въ этомъ дырявомъ сараѣ, и разница лишь въ томъ, кого лихорадка или цынга обуяли сильнѣе, кого меньше, что всѣ 13 или 14 человѣкъ различнаго возроста и пола изъ собравшихся въ одну семью не въ силахъ, не могутъ, или не умѣютъ работать и живутъ теперь исключительно подаяніемъ. Раньше, вслѣдствіе крайней нужды, пробовали поворовывать у крестьянъ, «что лежало плохо», а теперь силъ и на это нѣтъ. Сообщившій это старшина-горецъ посовѣтывалъ дать имъ «копѣеекъ 15—20», потому что эти «дѣйствительно нуждаются»! Мы заговорили о лихорадкѣ, о необходимости леченія ея хиной. Старшина и старикъ, которому онъ перевелъ наши слова, отрицательно закачали головой, улыбнулись иронически и потомъ, поговоривъ о чемъ-то, стали просить, чтобы мы, если знаемъ «настоящаго доктора», попросили у него прислать сюда «настоящей хины», потому что ближайшій фельдшеръ, у котораго они берутъ хину, даетъ имъ или очень ужъ «плохую», или мѣлъ, или что нибудь въ родѣ того, притомъ же и мало, и рѣдко—«толку отъ нея нѣтъ»...

Пошли въ слѣдующую избу, тамъ пусто: часть перешла жить къ сосѣдямъ, часть куда-то на заработки и «въ кусочки». Дальше опять пустая. Еще, еще и еще—цѣлый рядъ ихъ!

Наконецъ нашли жилую избу. Входитъ. Въ избѣ пусто, «хоть шаромъ покати», только легкій дымокъ въ родѣ тумана стелется и движется подъ потолкомъ. Въ избѣ страшно холодно; кажется, гораздо холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ. Проходимъ отъ входныхъ дверей внутрь избы, огибаемъ уголъ печки, подходимъ къ самому жерлу ея, и передъ нами цѣлая куча съежившихся, скорчившихся, другъ къ другу какъ бы притиснутыхъ людей, покрытыхъ разными лохмотьями, тряпьемъ, изорваннымъ овчиннымъ мѣхомъ—очевидно бренными остатками мужицкаго полушубка, или тулупа, Вся живая куча сидитъ у самаго огня на подмосткахъ, устроен-

ныхъ изъ досокъ, раньше служившихъ поломъ; вмѣсто подполковъ изъ-подъ этихъ приподнятыхъ досокъ пола видна только голая земля. Эти подмостки никогда не убираются. Жизнь семьи круглый годъ, кромѣ теплаго времени—лѣта, проходитъ на этихъ подмосткахъ у самаго жерла печи, потому что вездѣ въ другомъ мѣстѣ избы рискуешь замерзнуть отъ холода.

При нашемъ появленіи никто не двигается съ мѣста, только изъ-подъ тряпья и всякаго хлама куча блестящихъ глазъ устремляется на насъ; кажется, будто изъ-подъ хлама, можетъ быть, благодаря отсвѣту огня изъ печи, гдѣ горятъ тощія щепы и лучинки,—глядятъ на васъ нѣсколько паръ искрящихся живыхъ огоньковъ, перебѣгающихъ съ мѣста на мѣсто въ то время, какъ ихъ владѣльцы остаются неподвижными, только покрѣпче притискиваясь другъ къ другу и вмѣстѣ съ тѣмъ къ огню, чтобы какъ нибудь согрѣться. Тутъ и взрослые и малютки. Пробуемъ заговорить—въ отвѣтъ ни слова: они не умѣютъ говорить порусски, кромѣ «Христа ради», хотя и научились уже понимать русскую рѣчь.

Мы поинтересовались узнать, гдѣ сегодняшній запасъ пищи.

Разспросивъ своихъ соотечественниковъ, старшина указалъ намъ на лежащій вмѣстѣ съ лохмотьями мѣшокъ изъ-подъ муки; онъ взялъ мѣшокъ, приподнялъ, взвѣсилъ на рукѣ—пусто! Опустилъ руку внутрь и нащупалъ на самомъ днѣ какіе-то несчастные остатки.

— Обчистятъ его хорошенько и со дна, и съ боковъ, щепочкой, можетъ, и хватитъ на сегодняшнія лепешки,—равнодушно объяснилъ старшина, очевидно давно уже привыкшій къ подобнымъ фактамъ:—если будетъ теплѣй, сегодня же пойдутъ побираться.

— А больные есть?

— У троихъ лихорадка; въ этой семьѣ двое уже умерло.

Невольно рука моя потянулась за кошелькомъ. Вынимая его, я какъ-то случайно взглянулъ на старшину. Онъ смотрѣлъ на меня холодно-равнодушно. Повидимому, онъ понялъ въ моемъ взглядѣ вопросъ и, отвѣчая на него, произнесъ обычнымъ, равнодушнымъ тономъ:—«Дайте, дайте—они тоже очень бѣдны, не богаче другихъ... Только по многу-то не давайте, а то если всѣхъ будемъ обходить и всѣмъ давать, какъ слѣдуетъ, у васъ, можетъ быть, совершенно ничего на обратный путь не останется и въ городъ не съ чѣмъ будетъ уѣхать».

Порывшись въ кошелькѣ, я нашъ мелочи только серебряный гривенникъ и, вынувъ, невольно остановился въ раздумьѣ: что значили мои 10 копеекъ, или даже рубль и больше, передъ этой безъисходной нуждой?!

Замѣтивъ мои колебанія, старшина взялъ этотъ гривенникъ и подалъ кому-то изъ лохматой кучи на подмосткахъ. Черезъ мгновеніе въ кучѣ что-то неожиданно задвигалось, оттуда вылѣзла

какая-то скорченная, лохматая, покрытая отребьями фигура и довольно быстро сползла съ подмостокъ на полъ.

Мелькомъ я замѣтилъ испитое, изможденное, покрытое морщинами лице мужчины лѣтъ, должно быть, подъ 50, обрамленное всклокоченною бородою съ сильной просѣдью. Этотъ трясущійся отъ лихорадки мужчина, покрытый лохмотьями, изъ-подъ которыхъ мѣстами сквозило голое тѣло, снялъ съ головы облѣзлую черкесскую шапку и со слезами на глазахъ грохнулся, буквально грохнулся передо мной на холодномъ полу въ растяжку благодарить за мой гривенникъ... Онъ давно, слишкомъ давно не видѣлъ ни отъ кого ни малѣйшаго сочувствія, ни отъ кого никакой помощи, а тутъ вдругъ... чуть не манна небесная—цѣлый гривенникъ! Для него это цѣлое богатство, о которомъ онъ давно и мечтать пересталъ!

Мы обошли еще нѣсколько избъ; почти вездѣ было холодно, въ каждой больные, въ нѣкоторыхъ совсѣмъ не было топлива, въ иныхъ ни муки, ни хлѣба—здоровые еще не возвратились со сбора за подаяніемъ. Нашли, между прочимъ, двѣ-три семьи болѣе обезпеченныя; въ ихъ избахъ значительно теплѣе, благодаря запасу дровъ пріобрѣтенныхъ за деньги. Сборомъ подаянія не занимались; въ одной семьѣ полъ поближе къ печкѣ и къ большому углу былъ покрытъ, хотя и плохимъ, но, всетаки, войлокомъ. Изба самого старшины—человѣка, по словамъ горцевъ, очень зажиточнаго, была очень опрятна и убрана съ нѣкоторой претензіей на изящество; на стѣнѣ два-три ковра, шкафъ съ посудой, столъ; имѣлись запасы провизіи и, между прочимъ, бутылка «съ сладкой водкой», ею онъ угощалъ насъ изъ серебрянаго кавказской работы стаканчика, изъ котораго, по кавказскому обычаю, прежде чѣмъ предложить намъ, выпилъ прежде всего самъ.

Отъ него мы пошли дальше. Всюду одна картина. Заколоченныя, попортившіяся избы, растатанные, частью разобранные плетни дворовъ, въ избахъ холодъ и смрадъ.

Въ одной избѣ нашелся старикъ-горецъ, порядочно знавшій по-русски. Сводной семьѣ этой избы жилось, повидимому, не лучше прочихъ. Воспользовавшись его знаніемъ русскаго языка, мы потолковали съ нимъ довольно долго. Хотя изъ разговоровъ онъ и убѣдился, что мы—только любопытствующая публика, не больше, однако въ заключеніе онъ обратился, всетаки, къ намъ съ просьбой, которую высказалъ въ длинной рѣчи. Эта рѣчь дышала такою искренностью, мѣстами такимъ неподдѣльнымъ отчаяніемъ и грустью, онъ такъ сильно волновался при этомъ и къ тому же столь рельефно выразилъ ею всѣ страданія горцевъ, что я постараюсь, на сколько сумѣю близко къ подлиннику, познакомить читателя съ полнымъ ея содержаніемъ.

«О, великіе наши начальники, добродѣтельные люди, добрые сыны солнца Востока, сжальтесь надъ нами, несчастными горцами,

на чужой сторонѣ, гдѣ свирѣпствуютъ разныя, неизвѣстныя намъ, нигдѣ небывалыя болѣзни и съ такою силою и неизлѣчимостью, какой мы никогда не слыхали, не знали на нашей благословенной родинѣ! Помогите намъ, бѣднымъ, несчастнымъ горцамъ, арестантамъ, которымъ никогда не суждено болѣе видѣть родной стороны, а многимъ и дѣтей и женъ своихъ, которыя остались тамъ, на родинѣ [1]). Мы каждый день благословляемъ имя добраго царя вашего за то, что онъ позволилъ нѣкоторымъ изъ насъ оставить нашихъ дѣтушекъ и женъ тамъ, на родинѣ, и хотя намъ никогда, никогда не придется уже ихъ увидать (при этомъ слезы брызнули изъ глазъ старика, у котораго дѣйствительно остались на родинѣ и жена и дѣти), но мы по крайней мѣрѣ рады, очень рады и очень счастливы, что ихъ нѣтъ съ нами, что имъ не приходится холодать, голодать, болѣть и страдать такъ, какъ мы, и вмѣстѣ съ нами. Мы молимъ всегда и постоянно будемъ молить Аллаха за такую доброту и милость русскаго царя, а теперь просимъ васъ объ одномъ: попросите вы кого можете и сдѣлайте такъ, чтобы добрый царь русскихъ услышалъ нашу общую молитву и, не заставляя насъ страдать, глядя здѣсь на страданіе и смерть нашихъ дѣтей, присланныхъ сюда при насъ, велѣлъ бы разлучить ихъ съ нами и послать оставшіяся еще въ живыхъ наши ни въ чемъ неповинныя семьи обратно на родину, чтобы, сидя здѣсь, быть намъ увѣренными, что онѣ живутъ тамъ счастливо, не голадаютъ, не болѣютъ, не зябнутъ и не умираютъ отъ здѣшнихъ ужасныхъ болѣзней, отъ которыхъ никому изъ насъ нѣтъ спасенія. Еще просимъ мы васъ: не дайте намъ помереть голодною смертію, попросите, пожалуйста попросите, поддерживать наше существованіе хоть зимой, когда намъ и холодно—нечѣмъ согрѣться, и голодно—нечего ѣсть, и болѣзни здѣшнія одолѣваютъ насъ больше обыкновеннаго. А главное, возьмите отъ насъ навсегда нашихъ дѣтей и отправьте на нашу родину, чтобы намъ не видѣть, не глядѣть, какъ они, безвинныя, здѣсь умираютъ, страдаютъ и мучатся... Мы все еще надѣемся, что насъ не оставятъ тѣ, кто имѣетъ вѣру въ истиннаго Бога»...

Высочайшій манифестъ по случаю коронаціи далъ всѣмъ горцамъ свободу и право возвратиться на родину...

Въ настоящее время проданы даже и постройки, въ которыхъ не жили, а страдали и умирали несчастныя жертвы пресловутой колонизаціи, о пребываніи коихъ остались одни только... къ сожалѣнію, впрочемъ, не радостныя, тяжелыя воспоминанія, какъ горькій урокъ будущему.

Л. И. Ч—ковъ.

---

[1]) Многія семьи высланы были съ Кавказа не въ полномъ составѣ: нѣкоторые члены ихъ, главнымъ образомъ дѣти и женщины, оставлены на родинѣ.

ОЧЕРКИ БУХАРЫ [1].

III.

Географическое положеніе города Бухары.—Предмѣстья, крѣпостная стѣна, ворота.—Главнѣйшіе пункты бухарской столицы.—Народонаселеніе, общественныя зданія, каналы, мосты и хаузы.—Каналъ Шахри-Рудъ и Ляби-Хаузъ-Диванъ-Беги.—Значеніе воды для городскаго населенія.—Регистанскій замокъ.—Кладбища и ихъ археологическое значеніе.—Мечеть-и-Калянъ, медрессе Миръ-Арабъ и башня Манари-Калянъ.—Нѣсколько словъ по поводу прохожденія курса мусульманскаго права.—Общій видъ на Бухару и ея окрестности съ высоты большаго минарета.—Какъ средне-азіатцы относятся къ историческимъ памятникамъ.—Главный городской базаръ.—Еще о бухарской торговлѣ.—Медрессе Гаукшонъ, Кукольташъ и Иръ-Назаръ.—Гузари-писянъ, или кварталъ прокаженныхъ.—Что такое махао и песъ.—Кошъ-медрессе и Мадари-ханъ.

ГОРОДЪ Бухара расположенъ въ юго-западной, равнинной, части ханства, въ восьми верстахъ шоссейнаго пути отъ станціи Закаспійской желѣзной дороги «Бухара», удержавшей за собой это древнее монголо-буддійское названіе.

Проведеніе Закаспійской желѣзной дороги положило конецъ эпохѣ, дѣлавшей эти страны и, въ частности, ихъ столичный городъ почти недоступными для туриста. Теперь всякій путешественникъ, имѣющій возможность прожить два-три дня въ образовавшемся около желѣзно-дорожной станціи русскомъ поселкѣ, нанявъ верховую лошадь и взявъ проводника, можетъ осмотрѣть, съ внѣшней стороны, всѣ достопримѣчательности недоступной, когда-то, для европейца бухарской столицы. Если, при этомъ, онъ заручится содѣйствіемъ русскаго политическаго агентства,—на сколько намъ из-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 363.

вѣстно,—охотно оказываемымъ всѣмъ тѣмъ, кто посѣщаетъ городъ и страну дѣйствительно съ серьезными цѣлями, то бухарская администрація назначитъ еще, съ своей стороны, провожатаго, который покажетъ любознательному туристу и внутреннее содержимое интересныхъ памятниковъ старины, древнихъ мечетей, общественныхъ и другихъ зданій.

Безъ этого послѣдняго условія, подробный осмотръ достопримѣчательностей Бухары является до сихъ поръ не вполнѣ безопаснымъ, ибо фанатическіе и подозрительные бухарцы крайне недовѣрчиво относятся ко всѣмъ научнымъ изысканіямъ и какимъ бы то ни было разслѣдованіямъ. Палка караулъ-бега[1]) является, однако, совершенно достаточной защитой для всякаго туриста отъ возможныхъ и вѣроятныхъ случайностей.

Городъ Бухара расположенъ на обширной равнинѣ, орошаемой водами древняго Согда, или Заравшана, подъ 39°46′ сѣв. шир., слѣдовательно, на одной широтѣ съ мѣстами, климатъ которыхъ считается въ Европѣ жаркимъ, а въ Америкѣ черезъ которыя проходитъ экваторъ—среднимъ.

Средняя температура лѣтнихъ мѣсяцевъ 32°,5, зимнихъ 9°,4, весеннихъ 12°.

Вѣтры почти постоянно сѣверные; съ наибольшей силой N-O.

Издали городъ представляется какимъ-то гигантскимъ паркомъ, такъ какъ широкая лента садовъ охватываетъ его со всѣхъ сторонъ своимъ зеленымъ поясомъ. Только огромные купола мечетей да возвышающіеся кое-гдѣ высокія башни и минареты показываютъ, что за этимъ лиственнымъ моремъ скрытъ знаменитый мусульманскій городъ.

Съ какой бы стороны вы ни подъѣхали къ Бухарѣ, вамъ придется пересѣчь линію городскихъ предмѣстій, буквально утопающую въ зелени тутовыхъ, абрикосовыхъ, гранатовыхъ и другихъ деревьевъ. Предмѣстья эти ничѣмъ не отличаются отъ обычнаго типа предмѣстій большихъ средне-азіатскихъ городовъ. Они состоятъ изъ длинныхъ и довольно широкихъ улицъ, обнесенныхъ по сторонамъ глинобитными, разной высоты, стѣнами, за которыми скрыты сады и жилища, составляющія, по большей части, лѣтнія помѣщенія столичнаго населенія. Вдоль улицъ проведены арыки и разсажены тутовыя или таловыя деревья. Изрѣдка, на этихъ однообразныхъ улицахъ, встрѣчаются небольшіе базары, торгующіе преимущественно съѣстными продуктами, съ нѣсколькими неизбѣжными чай-хана, мелочными лавочками и т. д. Проѣхавъ предмѣстьями двѣ-три версты, вы достигаете городской стѣны, за которой начинается уже настоящій городъ.

Эта историческая стѣна, по преданію, была сооружена еще ка-

---

[1]) Бухарскій полицейскій чиновникъ средней категоріи.

лифомъ Магди въ 830 году для защиты города отъ постоянныхъ набѣговъ турокъ. При Измаилѣ Саманидѣ она была значительно расширена и укрѣплена, а въ 1220 г. совершенно разрушена Чингисомъ. Въ 1234 г. Чагатай возстановилъ ее почти въ настоящемъ ея видѣ.

Стѣна эта имѣетъ въ вышину до 4 и въ толщину до 2 саженъ, окружая площадь въ 1.564,875 кв. саж., на протяженіи 11 верстъ 400 саж.[1]).

На всемъ протяженіи стѣна снабжена 11 воротами и 130 полукруглыми башнями (бурджами), предназначаемыми для фланговой обороны заключающихся между ними участковъ мертваго пространства.

Стѣна эта, разумѣется, не можетъ оказать почти никакого сопротивленія современному разрушительному дѣйствію артилерійской техники и имѣетъ значеніе лишь какъ образецъ крѣпостнаго строительнаго искусства временъ давно минувшихъ, но сами бухарцы придаютъ ей большое оборонительное значеніе.

Центръ города составляетъ городская соборная площадь, на которой расположена главная соборная мечеть Калянъ, медрессе Миръ-Арабъ и знаменитая круглая башня Манари-Калянъ, съ которой, еще въ царствованіе Мозафаръ-Эддина, свергали на каменный помостъ площади преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни.

Къ этой площади отъ всѣхъ одиннадцати воротъ сходятся неправильными радіусами узкія и кривыя улицы священной Бухары[2]), образуя, вмѣстѣ съ безчисленными переулками, цѣлый лабиринтъ, свободно оріентироваться въ которомъ не всегда можетъ даже природный бухарецъ.

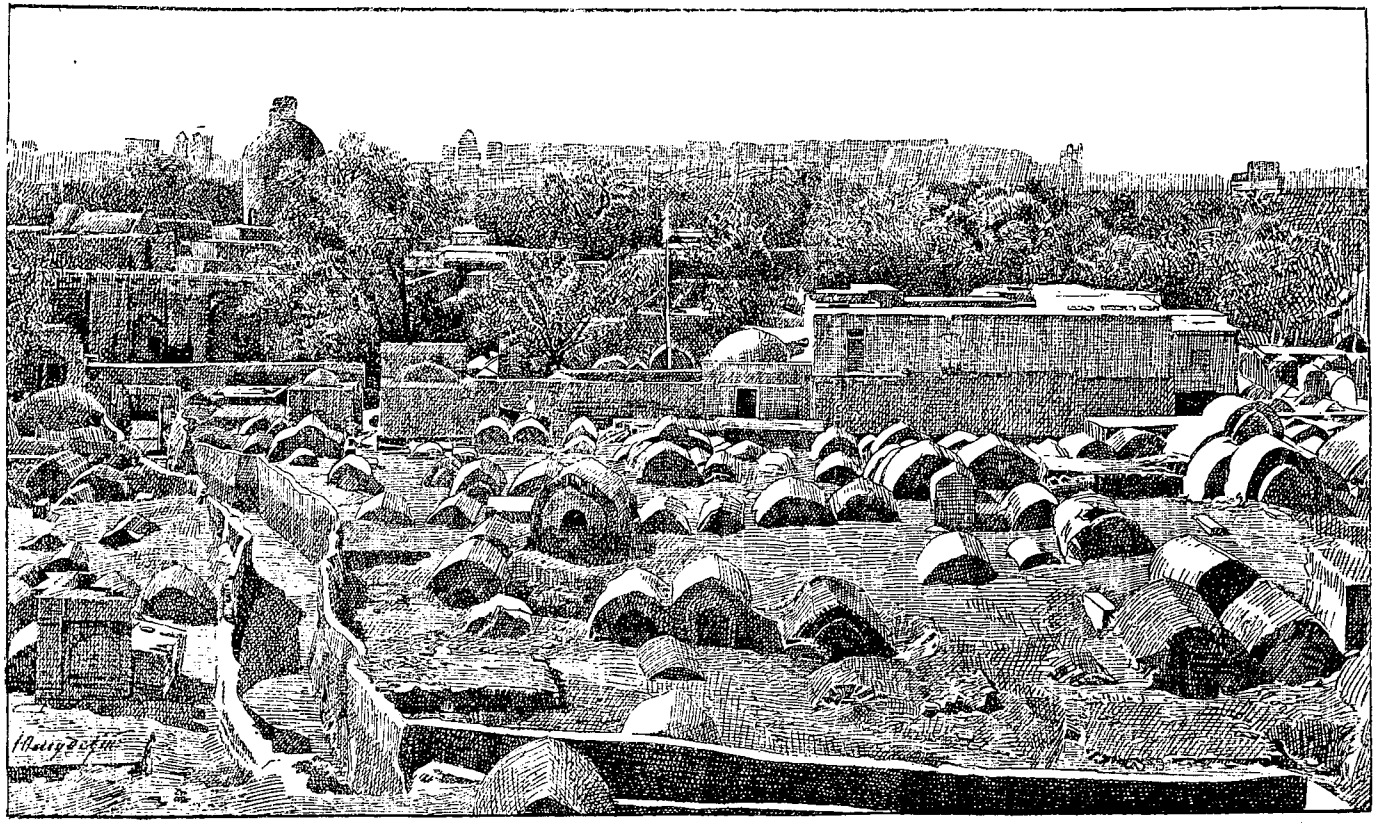
Единственную магистральную линію города составляетъ каналъ Шахри-Рудъ, снабжающій водой посредствомъ цѣлой сѣти малыхъ и большихъ арыковъ все населеніе бухарской столицы.

Сѣверо-восточный уголъ города занятъ кварталомъ прокаженныхъ, садами и кладбищами. Цитадель и главный городской дворецъ эмира находятся въ сѣверо-западной части. Караванъ-сараи и большой базаръ расположены въ центрѣ городской черты, по близости отъ соборной площади. Южная и юго-западная части заняты почти исключительно жилыми постройками, въ которыхъ ютится менѣе зажиточный классъ городскаго населенія; что касается богатыхъ, то они имѣютъ дома попреимуществу въ центральныхъ кварта-

---

[1]) Ханыковъ, «Описаніе Бухарскаго ханства», стр. 80—81.

[2]) Городъ Бухара, со временъ калифовъ-завоевателей, усвоилъ за собой названіе «Бухара-и-Шарифъ», что въ переводѣ означаетъ священная Бухара. Это названіе начинаетъ появляться на монетахъ послѣ 893 г. (Борнсъ: «Путешествіе въ Бухару», пер. съ англійск., Москва, 1848 г., ч. II, стр. 429).

Кладбище въ Бухарѣ.

лахъ города, вокругъ главнаго караванъ-сарая, соборной площади и Регистанскаго дворца эмира.

Постоянное населеніе столицы не превышаетъ 100,000 душъ обоего пола, но если бросить взглядъ на городъ съ высоты большой круглой башни, откуда онъ представляется весь какъ на ладони, то вслѣдствіе растянутости, обусловливаемой огромнымъ количествомъ садовъ, кладбищъ, мечетей, медрессе и другихъ нежилыхъ построекъ, онъ производитъ впечатлѣніе такого рода центра, въ которомъ помѣщается не менѣе 200—300 тысячъ населенія.

Бухара вмѣщаетъ въ себѣ около 365 мечетей [1]), 103 медрессе, отъ 20—150 комнатъ каждое, 13 кладбищъ, около пятидесяти базаровъ, до 150 караванъ-сараевъ, 9 тимовъ (пассажей), 16 главныхъ публичныхъ бань, 2 городскихъ тюрьмы, около 85 хаузовъ (резервуаровъ для проточной воды), 12 каменныхъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ Шахри-Рудъ и его главные рукава, и множество разнаго рода второстепенныхъ публичныхъ зданій: торговыхъ сараевъ, монастырей дервишей (ханка) и проч.

Улицъ и переулковъ считается всего 360. Длина и направленіе ихъ различны, ширина 1—2 сажени.

Мы приглашаемъ читателя предпринять вмѣстѣ съ нами небольшую прогулку для осмотра достопримѣчательностей столицы и ея окрестностей.

Начнемъ съ главной достопримѣчательности и жизненной артеріи Бухары, съ канала Шахри-Рудъ, снабжающаго водой какъ самый городъ, такъ и его предмѣстья и окрестныя поля на большое разстояніе. Каналъ этотъ беретъ начало въ 8 верстахъ отъ города, изъ рѣки Заравшанъ. Ширина его до городскихъ предмѣстій составляетъ 10—12 саж.; при входѣ въ городъ ширина русла суживаетя и не превышаетъ 5—7 саж.; общая глубина достигаетъ 6—7 футовъ. Наполняемые имъ водоемы выложены по большей части камнемъ и имѣютъ видъ набережныхъ. Самымъ большимъ считается Ляби-Хаузъ-Диванъ-Беги, находящійся въ центральной части города.

Ляби-Хаузъ-Диванъ-Беги представляетъ собой правильный четырехугольникъ, въ 100 фут. длины и 80 фут. ширины. Глубина хауза 20 фут. Къ поверхности его ведутъ восемь широкихъ каменныхъ ступеней. Хаузъ обнесенъ широкимъ тротуаромъ, выложеннымъ квадратными каменными плитами и обсаженъ въ нѣсколько рядовъ старинными вязами. Въ тѣни этихъ деревьевъ, съ южной и восточной стороны, размѣщается множество балагановъ, чай и ашъ-хана и фруктовыхъ лавочекъ. Съ сѣверной стороны его окаймляетъ улица, а съ западной — возвышается величественная

[1]) Бухарцы особенно гордятся этой цифрой, отвѣчающей числу дней года.

мечеть Незръ-Диванъ-Беги, сооруженная этимъ сановникомъ въ 1629 г., въ эпоху правленія страной патріархальнаго и набожнаго философа-эмира Имамкули-хана. Входъ въ эту мечеть осѣненъ огромными тѣнистыми деревьями, совершенно прикрывающими ея великолѣпныя рѣзныя двери.

Набережная хауза Диванъ-Беги служитъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ бухарскихъ жителей. Тутъ постоянно кипитъ самая разнообразная толпа средне-азіатцевъ всевозможныхъ типовъ, а чайныя лавки и харчевни буквально набиты публикой, наслаждающейся кейфомъ и чаепитіемъ въ прохладной тѣни, даваемой близостью воды и развѣсистыми вязами. Вода въ хаузѣ бываетъ, впрочемъ, по большей части, довольно грязная, въ особенности же въ лѣтніе мѣсяцы.

Мы упомянули уже въ предыдущей главѣ о томъ огромномъ значеніи, которое имѣетъ Заравшанъ для населенія западной части Бухарскаго ханства. Воды этой рѣки втеченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ буквально разбираются до послѣдней капли, служа источникомъ жизни человѣку, царству животному и растительному. Первыя воды Заравшана попадаютъ на почву Самаркандской области. Затѣмъ онѣ переходятъ въ Катта-Курганъ, Зіауддинъ, Кермине, и, уже насытивъ эти два послѣднія бекства, появляются въ Бухарѣ. Вслѣдствіе этого, въ послѣдней часто чувствуется существенный недостатокъ въ водѣ, пагубно отражающійся на населеніи и земледѣльческой производительности. Въ особенности это ощущается при пониженіи температуры, когда таяніе снѣговъ въ горахъ уменьшается, въ зависимости отъ чего уменьшается и количество воды, приносимой Заравшаномъ на оплодотворяемую имъ почву. Но даже и при нормальныхъ условіяхъ водоснабженія на долю бухарской столицы и ея округа остается весьма скудный запасъ живительной влаги. Втеченіе лѣта вода освѣжается въ ея резервуарахъ не болѣе 1—2 разъ въ мѣсяцъ, что, разумѣется, оказывается далеко недостаточнымъ, въ виду крайней скученности населенія и тропической температуры, подъ вліяніемъ которой она быстро разлагается и становится вредной при употребленіи. Понятно поэтому, съ какимъ восторгомъ встрѣчается въ Бухарѣ появленіе заравшанской воды, всегда сначала очень грязной. Всѣ жители, отъ мала до велика, спѣшатъ къ каналамъ и резервуарамъ, совершаютъ омовеніе, потомъ купаютъ лошадей, коровъ,ословъ и, наконецъ, собакъ, послѣ чего входъ въ воду запрещается. Ей даютъ пройти и затѣмъ отстояться до прозрачности.

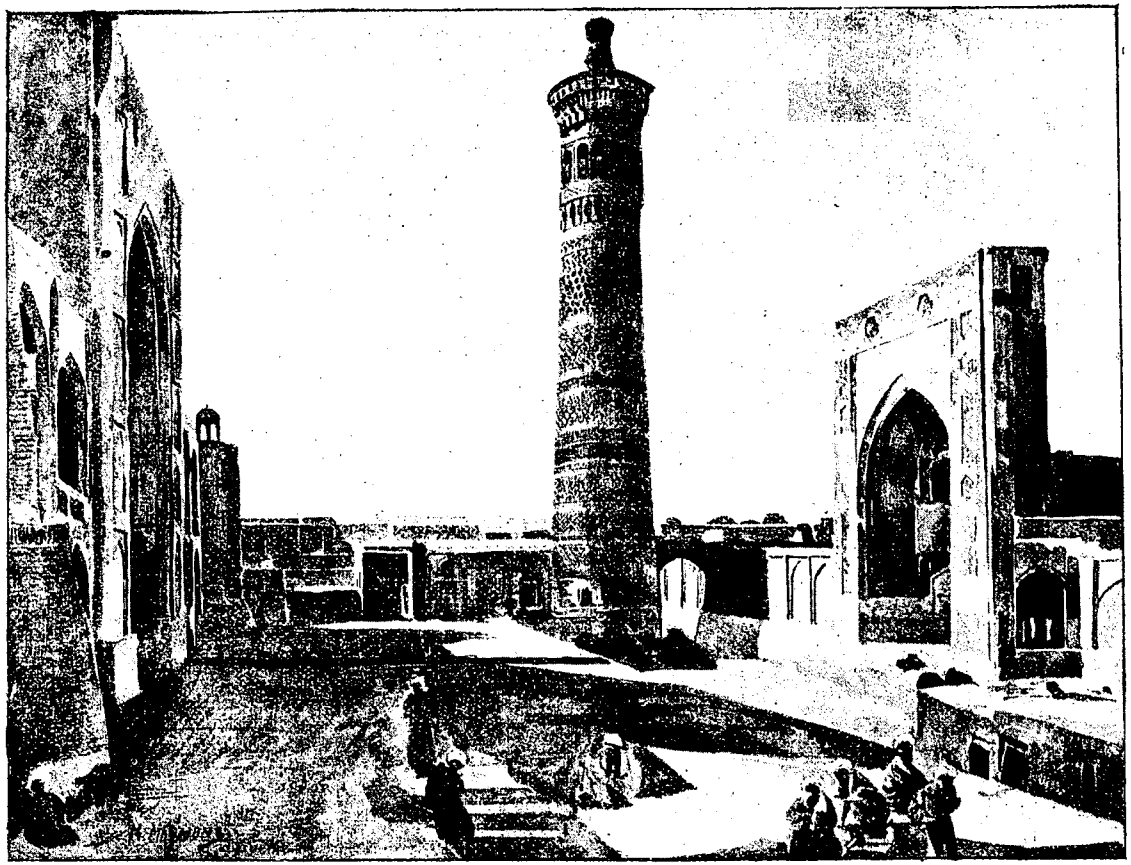
Казалось, что все сказанное должно было бы вызвать особенную заботливость по отношенію къ сохраненію постоянной чистоты воды со стороны жителей столицы и вообще бухарскаго народа. На самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. Напротивъ, чистоплотные только въ отношеніи своего тѣла и одежды и крайне неряшливые

во всемъ остальномъ, средне-азіатцы сплошь и рядомъ сваливаютъ въ воду разныя нечистоты, моются въ арыкахъ сами и купаютъ животныхъ. Вслѣдствіе этого арычная вода является крайне нездоровой и служитъ источникомъ распространенія всевозможныхъ внутреннихъ и наружныхъ болѣзней, какъ-то: эпидемической малярной лихорадки, болѣзней желудка, риштьі, сартовской болѣзни и даже проказы (махао), распространеніе которой большинство врачей склонны приписывать зараженію во время купанья и омовенія.

Вообще, отсутствіе какихъ бы то ни было гигіеническихъ и санитарныхъ условій въ бухарской столицѣ полное, и только привычная натура таджика можетъ выносить, безъ особаго вреда для здоровья, весь этотъ смрадъ, пыль, грязь, нечистоту и отвратительную, гнилую воду.

Вторую достопримѣчательность Бухары составляетъ ея древній Регистанскій замокъ, построенный, по преданію, Афросіабомъ. То же преданіе гласитъ, что послѣ этого легендарнаго царя замокъ долго оставался въ развалинахъ и былъ возобновленъ лишь княземъ Бендономъ, въ VII вѣкѣ по Р. Х. Въ эпоху владычества арабовъ, онъ неоднократно былъ разоряемъ и сожигаемъ почти дотла. Въ началѣ X столѣтія Измаилъ Саманидъ украшаетъ и расширяетъ замокъ, обращая его, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ главный дворецъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ запустѣнія, онъ снова былъ отстроенъ Альпъ-Арсланомъ и получилъ прежній свой видъ. Въ 1117 году, по завоеваніи Бухары шахомъ Харезмомъ, замокъ былъ разоренъ, но въ 1119 году опять возстановленъ. Нашествіе монголовъ, страшнымъ степнымъ ураганомъ пронесшееся надъ всей Трансоксаніей, оставило свой разрушительный слѣдъ и на тысячелѣтнемъ зданіи. Свирѣпый Чингисъ, при общемъ разрушеніи Бухары, въ 1220 году пощадилъ, однако же, сѣдыя стѣны Регистанскаго замка, и онъ былъ опустошенъ его войсками лишь съ внутренней стороны. Подобная судьба нерѣдко и послѣ того постигала замокъ, но его главныя части оставались неприкосновенными, вслѣдствіе чего архитектура этого зданія представляется намъ приблизительно такой, какой она была во времена великаго Саманида.

Мы уже говорили выше, что Регистанскій замокъ расположенъ въ сѣверо-западной части Бухары. Онъ построенъ на насыпномъ холмѣ, имѣющемъ въ высоту до 4 саженъ, и обнесенъ зубчатыми кирпичными стѣнами, около 3 саженъ вышины и до 2 саженъ толщины у основанія. Стѣны снабжены нѣсколькими башнями и величественными воротами, выходящими съ западной стороны на Регистанскую площадь, обстроенную со всѣхъ сторонъ медрессе, мечетями, караванъ-сараями и представляющую, въ обычное время, нѣчто вродѣ толкучаго рынка, съ безчисленнымъ множествомъ раскинутыхъ на немъ балагановъ и мелочныхъ лавочекъ.

Площадь въ Бухарѣ.

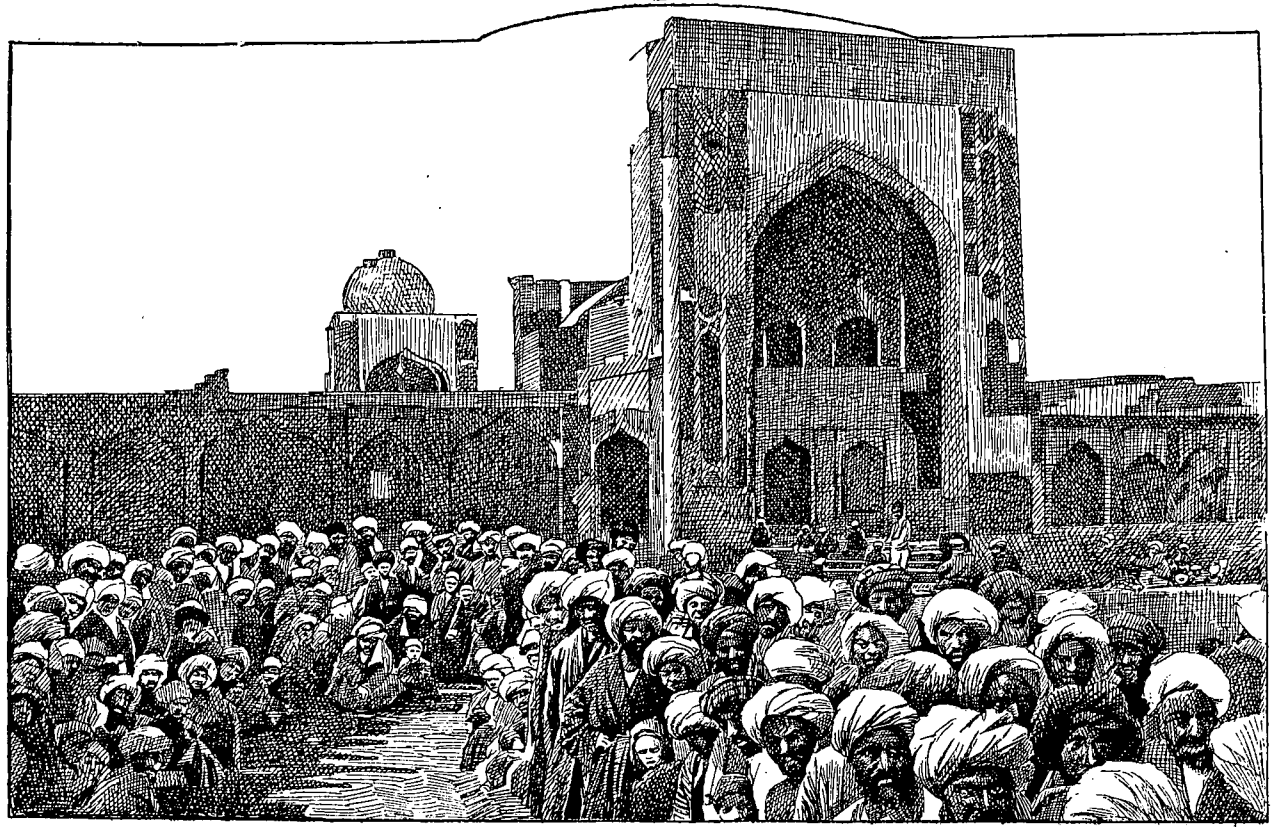
Съ площади къ воротамъ замка ведетъ довольно крутая дорога-насыпь, вымощенная камнемъ и окруженная, по сторонамъ, не высокой глинобитной баллюстрадой. Надъ воротами помѣщаются огромные круглые часы, съ курантами, бой которыхъ служитъ регуляторомъ для провѣрки часовъ жителей столицы. Передъ входомъ въ ворота, на небольшихъ площадкахъ парапетовъ, сложены трофеи прежнихъ войнъ, заключающіеся въ чугунныхъ и бронзовыхъ пушкахъ и старинныхъ мортирахъ. Пройдя въ ворота, вы входите въ длинную, широкую и высокую сводчатую тоннель, составляющую ихъ толщу. Стѣны этой тоннели увѣшаны разнаго рода средневѣковымъ оружіемъ, въ числѣ котораго первое мѣсто занимаетъ огромная, саженной величины, плеть, или нагайка, принадлежавшая, по преданію, богатырю Рустему [1]). Рядомъ помѣщается колоссальная деревянная булава, эмблема власти какого-то изъ доисторическихъ бухарскихъ владыкъ, и змѣевидный посохъ одного изъ безчисленныхъ средне-азіатскихъ святыхъ. Тутъ же виднѣются небольшіе, оправленные бирюзой, металлическіе топорики, малыхъ размѣровъ булавы и другія эмблемы власти азіатскихъ властителей, ихъ намѣстниковъ и ближайшихъ сотрудниковъ. Противоположная стѣна занята старинымъ оружіемъ и разными военными доспѣхами, между которыми видѣнъ огромный бубенъ, имѣющій, вѣроятно, также какое нибудь историческое значеніе. На той же стѣнѣ укрѣпленъ корень съ частью ствола святаго дерева, привезеннаго въ даръ предкамъ эмира изъ Мекки.

Внутристѣнная площадь Регистанскаго замка представляетъ правильный четырехугольникъ, имѣющій въ длину около 200 и въ ширину около 150 саженъ. Она сплошь застроена каменными зданіями разной величины и архитектуры, отдѣленными одно отъ другаго небольшими вымощенными двориками. Тутъ помѣщается дворецъ эмировъ, огромное и сложное зданіе, весьма напоминающее, по своему типу, наши до-Петровскіе дворцы и палаты бояръ. Повсюду видны крытыя галлереи, пузатыя колонки у входовъ, крутыя лѣсенки, затѣйливыя и пестрыя скульптурныя украшенія на толстыхъ стѣнахъ, глубокія ниши въ окнахъ и входныхъ дверяхъ. Внутренность этого дворца представляетъ рядъ почти совершенно пустыхъ комнатъ, все богатство которыхъ заключается въ великолѣпныхъ туркменскихъ и баширскихъ коврахъ, покрывающихъ полы, и превосходной скульптурной работѣ потолковъ, раскрашенныхъ, какъ и стѣны, альфресковой живописью, изображающей цвѣты, арабески и другіе затѣйливые рисунки въ азіатскомъ вкусѣ.

Огромный дворецъ этотъ, по большей части, остающійся пустыннымъ, такъ какъ эмиры проводятъ большую часть времени

---

[1]) Крестовскій, «Въ гостяхъ у эмира бухарскаго», Спб., 1887 г., стр. 290—291.

Мечеть-и-Калянъ.

въ загородномъ Ширъ-Баданскомъ замкѣ, не представляетъ собой ничего особенно замѣчательнаго въ архитектурномъ отношеніи и интересенъ развѣ въ смыслѣ своихъ историческихъ преданій.

Въ Регистанскомъ замкѣ, кромѣ дворца эмира и принадлежащихъ къ нему службъ, находятся три мечети, дома кушъ-беги и топчи-баши, обширныя дворцовыя кладовыя, представляющія собой, вмѣстѣ съ тѣмъ, бухарскій эрмитажъ и государственное казначейство, такъ какъ въ нихъ хранятся всѣ капиталы и сокровища эмира; знаменитая тюрьма сіахъ-чахъ, верхній ярусъ которой занятъ обычными помѣщеніями для содержанія преступниковъ, а нижній—подвальными тюрьмами-клоповниками, теперь уже засыпанными и замурованными, по приказанію Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана. По близости этой тюрьмы находится Абъ-хана, или водохранилище, для сбереженія запаса воды во время лѣтнихъ жаровъ. Темные каменные резервуары этого зданія дѣйствительно отлично сохраняютъ воду, быть можетъ, единственную чистую и не опасную для питья во всей столицѣ Бухарскаго ханства. Всѣ эти зданія построены изъ тесаннаго камня и лишены какихъ бы то ни было наружныхъ украшеній. Только мечети снабжены обычной скульптурой, арабесками и надписями, а ближайшая изъ нихъ къ входнымъ воротамъ украшена вдѣланными въ ея порталъ большими круглыми часами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подошвы холма, на которомъ расположенъ Регистанскій замокъ, помѣщается арсеналъ, главный артиллерійскій дворъ, съ 80 орудіями, по большой части старой конструкціи и совершенно негодными къ дѣлу, и домъ главнаго зякетчія, представляющій собой одно изъ самыхъ богатыхъ и наиболѣе удобныхъ для жизни казенныхъ зданій во всей столицѣ.

Въ общемъ, бухарскій кремль производитъ впечатлѣніе чего-то мрачнаго, гнетущаго, давящаго.

Прежде чѣмъ разстаться съ этимъ несимпатичнымъ мѣстомъ, скажемъ нѣсколько словъ о его холмѣ, или насыпи, на которой собственно помѣщается замокъ.

Безъ сомнѣнія, насыпь эта лишь отчасти имѣетъ искусственное происхожденіе, и значительная доля ея образовалась подъ вліяніемъ естественныхъ наслоеній. Какъ бы то ни было, этотъ небольшой кусокъ земли служитъ убѣжищемъ самой богатой и образованной части населенія столицы втеченіе уже трехъ тысячъ лѣтъ. Тутъ жили властители страны, высшіе сановники и ихъ семьи. Сюда свозились огромныя богатства и массы произведеній искусствъ, оружія, принадлежностей обыденной жизни, символовъ религіи и т. д. Безъ сомнѣнія, все это оставило свой слѣдъ въ наслоеніяхъ историческаго холма, въ почвѣ котораго должна быть скрыта масса интересныхъ данныхъ для исторіи страны и населявшихъ ее народовъ. Конечно, правильныя раскопки холма со-

вершенно невозможны въ настоящее время, въ виду его значенія, какъ подножія и фундамента цѣлаго маленькаго городка, но бухарскіе эмиры всеже могли бы оказать огромную услугу археологіи и исторіи своей страны, если бы даже хотя отчасти приказали изслѣдовать тѣ площади земли, которыя остаются незастроенными внутри Регистанскаго замка. Не подлежитъ сомнѣнію, что изслѣдованія эти вывели бы на свѣтъ огромные и чрезвычайно цѣнные археологическіе матеріалы.

Не меньшій интересъ для историческихъ изысканій представляютъ собой бухарскія кладбища, пріютившія въ своихъ нѣдрахъ столько поколѣній всевозможныхъ народностей, начиная отъ древнихъ персовъ, грековъ, римлянъ, скиѳовъ, арабовъ, монголовъ и разнообразныхъ тюркскихъ племенъ, до аборигеновъ страны—таджиковъ.

Кладбища эти, между которыми въ особенности замѣчательны Хазретъ-Имля, или царское и загородное, при могилѣ Ходжа-Богаеддина, усѣяны замѣчательными по своему стилю, рѣзной работѣ и надписями нагробными памятниками, разновременно сооруженными надъ прахомъ бухарскихъ владыкъ, ихъ приближенныхъ, полководцевъ и другихъ замѣчательныхъ личностей. Къ сожалѣнію, полное отсутствіе въ бухарскомъ народѣ интереса къ поддержанію остатковъ старины служитъ причиной безпощаднаго истребленія этихъ замѣчательныхъ памятниковъ прошлаго, которые, сплошь и рядомъ, лежатъ въ развалинахъ и постепенно засыпаются наноснымъ грунтомъ, навсегда унося съ собой въ землю ключи къ разгадкѣ многихъ интересныхъ историческихъ данныхъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Регистанскаго дворца находится соборная площадь, на которой расположены три замѣчательные памятника древне-строительнаго церковнаго мусульманскаго зодчества—Мечеть-и-Калянъ, медрессе Миръ-Арабъ и минаретъ, или башня, Манари-Калянъ. Оба первыя зданія расположены одно напротивъ другаго, имѣя посрединѣ значительную площадь, западная сторона которой занята высоко поднимающимся къ небу величественнымъ минаретомъ.

Мечеть-и-Калянъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ зданій этого рода во всей Средней Азіи. Основаніе ея было положено Измаиломъ Саманидомъ, еще въ первыхъ вѣкахъ появленія ислама въ Трансоксаніи. Уже въ началѣ XIII столѣтія она считалась главнымъ городскимъ храмомъ. Отсюда въ 1220 г. Чингисъ подалъ своимъ войскамъ знакъ для всеобщаго разрушенія Бухары [1]). Тогда же она сильно пострадала отъ пожара, истребившаго почти всю столицу.

Тимуръ возстановилъ это величественное зданіе въ его перво-

[1]) Вамберн, «Исторія Бухары», т. I, стр. 142.

начальномъ видѣ [1]), и съ тѣхъ поръ оно остается достойнымъ памятникомъ великаго прошлаго Трансоксаніи.

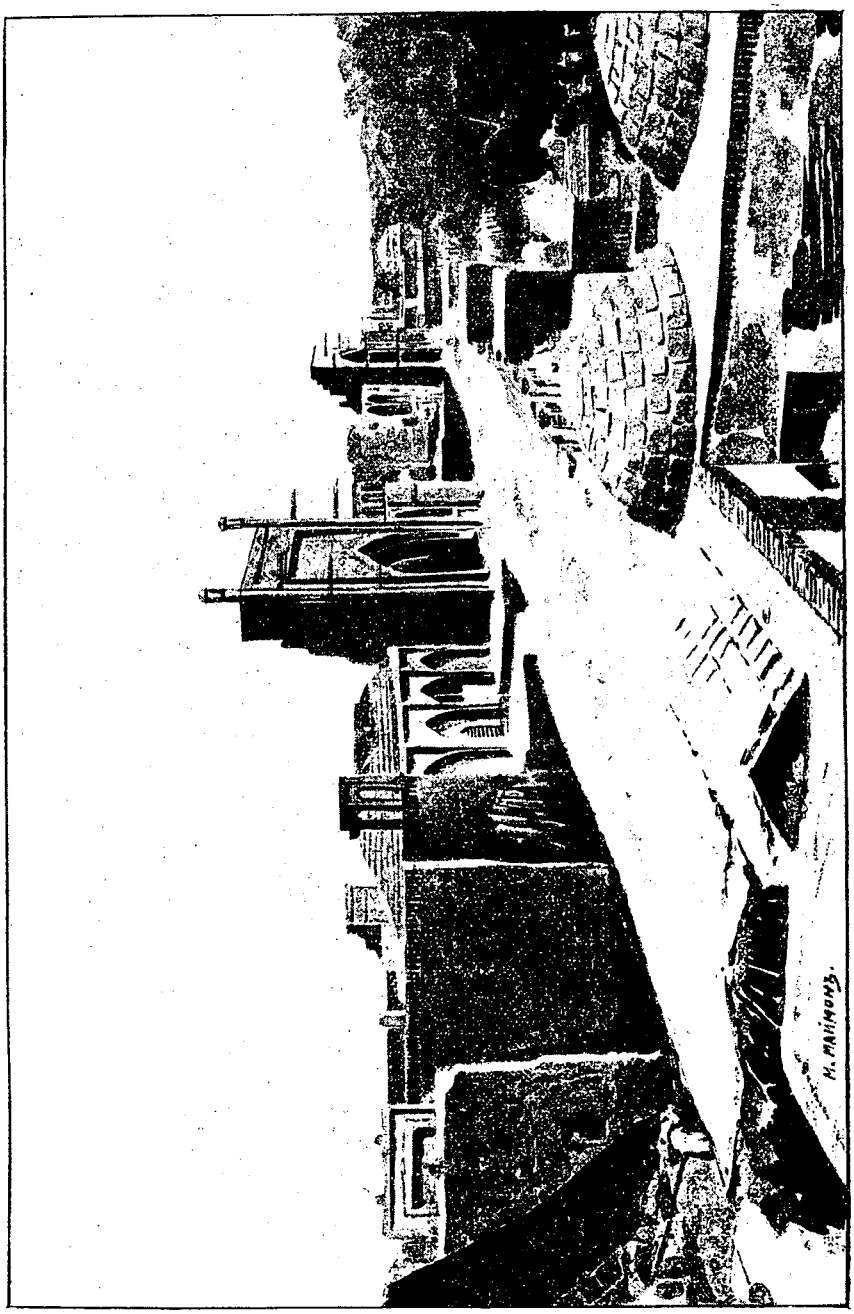
Мечеть-и-Калянъ занимаетъ четырехугольную площадь въ 3.000 квадр. фут.; куполъ ея возвышается надъ поверхностью земли почти на 100 футовъ. Нѣсколько хорошо сохранившихся каменныхъ ступеней ведутъ къ высокому порталу этого зданія, сплошь облицованному великолѣпными эмалированными изразцами, съ неподражаемымъ искусствомъ сложенными въ форму одного общаго громаднаго рисунка, заключающаго въ себѣ многоцвѣтныя арабески, изреченія изъ алкорана, сдѣланныя куфическими письменами, переплетенныя гирляндами цвѣтовъ и другими составными частями причудливаго азіатскаго рисунка. Изящная и легкая стрѣльчатая арка ведетъ къ массивнымъ рѣзнымъ дверямъ, снабженнымъ бронзовой оковкой, пройдя которыя вы входите на квадратный дворъ мечети, обнесенный съ трехъ сторонъ крытой каменной галлереей, образующей рядъ сквозныхъ стрѣльчатыхъ арокъ, имѣющихъ назначеніе служить убѣжищемъ для молящихся въ дождливую или слишкомъ жаркую погоду. Мечеть расположена въ восточной сторонѣ зданія. Посреди двора возвышается круглая бѣлая мраморная каѳедра, съ которой произносятся проповѣди послѣ богослуженія.

Мечеть представляетъ собой совершенную копію наружнаго портала зданія. Огромная стрѣльчатая входная арка дѣлаетъ ея внутренность открытой взору молящихся со стороны двора, а такія же двѣ боковыя арки—тѣмъ, кто помѣщается въ галлереяхъ. Потолокъ и внутреннія стѣны расписаны великолѣпной альфресковой живописью мертвыхъ цвѣтовъ. Зданіе вѣнчаетъ огромный, бирюзоваго цвѣта, полусферическій куполъ. Наружныя, со стороны двора, части такъ же, какъ и арки галлерей, украшены эмалированными изразцами, образующими тотъ же рисунокъ, что и на порталѣ зданія.

Внутренность мечети, какъ и вообще всего зданія, совершенно пуста. Тутъ вы не увидите ни малѣйшаго предмета, который могъ бы развлечь впечатлѣніе величественной простоты, производимой общимъ видомъ зданія и его деталями. Только во время совершенія службы полъ мечети устилается коврами, да передъ главной молитвенной нишей раскладываются на небольшихъ столикахъ алкораны и другія священныя книги, которыя послѣ службы тотчасъ убираются.

Въ общемъ, все это массивное зданіе, съ его безчисленными рѣзными нишами, арками, пилястрами, колоннами, украшенными дивными рисунками и арабесками, представляетъ цѣлую поэму древняго средне-азіатскаго архитектурнаго творчества, умѣвшаго сочетать поражающее великолѣпіе съ простотой и изяществомъ,

[1]) Борнсъ, ч. II, стр. 427.

Одна изъ улицъ въ Бухарѣ.

грандіозность и массивность съ необыкновенною соразмѣрностью и легкостью общихъ очертаній.

Безъ сомнѣнія, мало однихъ денегъ и доброй воли, чтобы соорудить зданіе, подобное Мечеть-и-Калянъ. Для этого нужно еще то оригинальное творчество, которое выработывалось подъ вліяніемъ неизвращеннаго религіознаго культа первыхъ вѣковъ ислама и угасшей уже теперь въ таджикской народности, нѣкогда въ такой сильной степени присущей ей, наклонности къ искусствамъ, поэзіи и вообще ко всему эстетическому.

Мы позволимъ себѣ выразить увѣренность, что Мечеть-и-Калянъ является прототипомъ всѣхъ остальныхъ зданій этого рода въ Средней Азіи. Сооруженное рукой геніальнаго зодчаго, имя котораго осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ для потомства, зданіе это послужило моделью для послѣдующихъ поколѣній, изъ которыхъ каждое заимствовало отъ него общія черты и отдѣльныя детали его огромнаго художественнаго цѣлаго. Изъ дальнѣйшаго осмотра архитектурныхъ памятниковъ Бухары мы увидимъ, что многимъ удавалось превзойти въ той или другой подробности этотъ древній образецъ архитектурнаго искусства, но ни одинъ изъ зодчихъ не возвышался до того секрета общей гармоніи, цѣльности, законченности, которыя были вложены въ Мечеть-и-Калянъ душой ея перваго основателя.

Соборная мечеть вмѣщаетъ въ своемъ дворѣ и галлереяхъ отъ 10 до 15 тысячъ молящихся. Бухарскіе эмиры, во время пребыванія своего въ столицѣ, каждую пятницу посѣщаютъ ее, совершая здѣсь полуденную молитву.

Противоположная сторона соборной площади занята другимъ, не менѣе замѣчательнымъ, древнимъ зданіемъ—медрессе Миръ-Арабъ, однимъ изъ тѣхъ зданій, которыя, по выраженію доктора Яворскаго, прославили Бухару и заслужили міровую извѣстность своими изразцовыми украшеніями [1]).

Медрессе Миръ-Арабъ было возведено бухарскимъ сановникомъ этого имени въ царствованіе эмира Абдуллахъ-хана, въ періодъ времени между 1575—1597 годами.

Огромное зданіе это построено изъ жженаго кирпича, облицованнаго эмалированными кафелями, преимущественно бѣлаго и синяго цвѣтовъ. Главный фасадъ его украшенъ величественнымъ порталомъ, поднимающимся на нѣсколько саженей выше его боковыхъ крыльевъ. По обѣимъ сторонамъ портала находятся двухэтажные боковые корпуса съ тремя стрѣльчатыми нишами въ каждомъ ярусѣ, надъ которыми высоко поднимаются къ небу два огромные лазоревые купола съ тамбуромъ, украшеннымъ мелкой, какъ кру-

[1]) Яворскій, «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству», Спб., 1883 г., т. II, стр. 343.

жево, рѣзной работой и гирляндами куфическихъ надписей. Большая ниша главнаго портала и малыя—боковыхъ корпусовъ представляютъ собой какъ бы вогнутые внутрь амфитеатры, снабженные дивнаго рисунка рѣзными дверями, рѣшетчатыми окнами, баллюстрадами и другими украшеніями, дѣлающими чертежъ наружнаго фасада медрессе чрезвычайно сложнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неподражаемо прекраснымъ.

Передъ входомъ въ медрессе находится возвышенная площадка, выложенная камнемъ, на которую ведетъ широкая каменная лѣстница.

Внутренній дворъ представляетъ четырехугольникъ, со всѣхъ сторонъ ограниченный стѣнами зданія, въ которыхъ устроены жилыя комнаты для обучающихся здѣсь семинаристовъ. Комнаты расположены въ два этажа. Въ нижнемъ обыкновенно помѣщаются профессора, въ верхнемъ—студенты. Стѣны зданія достигаютъ высоты 10 саженъ; порталъ и молитвенныя ниши съ арками, устроенныя по всѣмъ четыремъ сторонамъ зданія,—до 15 саженъ. Арки надъ нишами и своды ихъ также облицованы великолѣпными разноцвѣтными изразцами, сохранившими до сей поры изумительную свѣжесть красокъ; цвѣты, образованные сложной и очень тонкой мозаикой, смотрятъ живыми. Не менѣе искусно выложены на стѣнахъ и аркахъ арабскія надписи изъ алкорана.

Къ сожалѣнію, наружная отдѣлка Миръ-Арабъ пострадала болѣе чѣмъ какого нибудь другаго зданія этого рода. Эмалированная облицовка во многихъ мѣстахъ выпала, образовавъ зіяющія раны, и, вѣроятно, недалеко то время, когда она совершенно исчезнетъ, оставивъ о себѣ воспоминанія лишь въ народной памяти и въ тѣхъ немногихъ русскихъ музеяхъ, куда случайно были занесены кое-какіе обломки, подобранные руками туристовъ и путешественниковъ[1])

Прежде чѣмъ оставить медрессе Миръ-Арабъ, представляющее собой, въ бо́льшей или меньшей степени, модель всѣхъ остальныхъ зданій этого рода въ Средней Азіи, скажемъ нѣсколько словъ о преподаваніи въ немъ мусульманской премудрости, условіяхъ поступленія въ него учащихся, прохожденіи курса, внутренней организаціи и проч.

Медрессе Миръ-Арабъ имѣетъ трехъ мударисовъ, или профессоровъ, преподающихъ каждый свой отдѣлъ мусульманскихъ наукъ. Старшему изъ нихъ принадлежитъ распорядительная власть и завѣдываніе вакуфными доходами, идущими на содержаніе зданія, жалованье профессорамъ, вспомоществованіе недостаточнымъ семинаристамъ и проч. Число учащихся въ медрессе достигаетъ 140 человѣкъ и опредѣляется количествомъ комнатъ, которыхъ 110.

[1]) Подобную коллекцію намъ удалось видѣть въ Московскомъ политехническомъ музеѣ. Безъ сомнѣнія, она не единственная въ своемъ родѣ въ Россіи.

Тридцать сверхкомплектныхъ студентовъ живутъ по двое въ одной комнатѣ съ товарищами. При поступленіи въ медрессе каждый обязанъ сдѣлать единовременный взносъ отъ 25 до 450 рублей, смотря по достатку, но за то втеченіе всего курса онъ ежегодно получаетъ изъ кассы медрессе по 40 рублей, а въ случаѣ нужды еще единовременныя пособія. Весь курсъ проходится втеченіе 10—20 лѣтъ, вслѣдствіе чего среди семинаристовъ нерѣдко встрѣчаются уже весьма почтенныя по своимъ лѣтамъ личности. Лекціи читаются каждый день съ восхода до заката солнца съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами, необходимыми для приготовленія лекцій, отдыха и молитвы, кромѣ пятницъ и четверговъ, а также мѣсяца Рамазана и трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, составляющихъ каникулярное время.

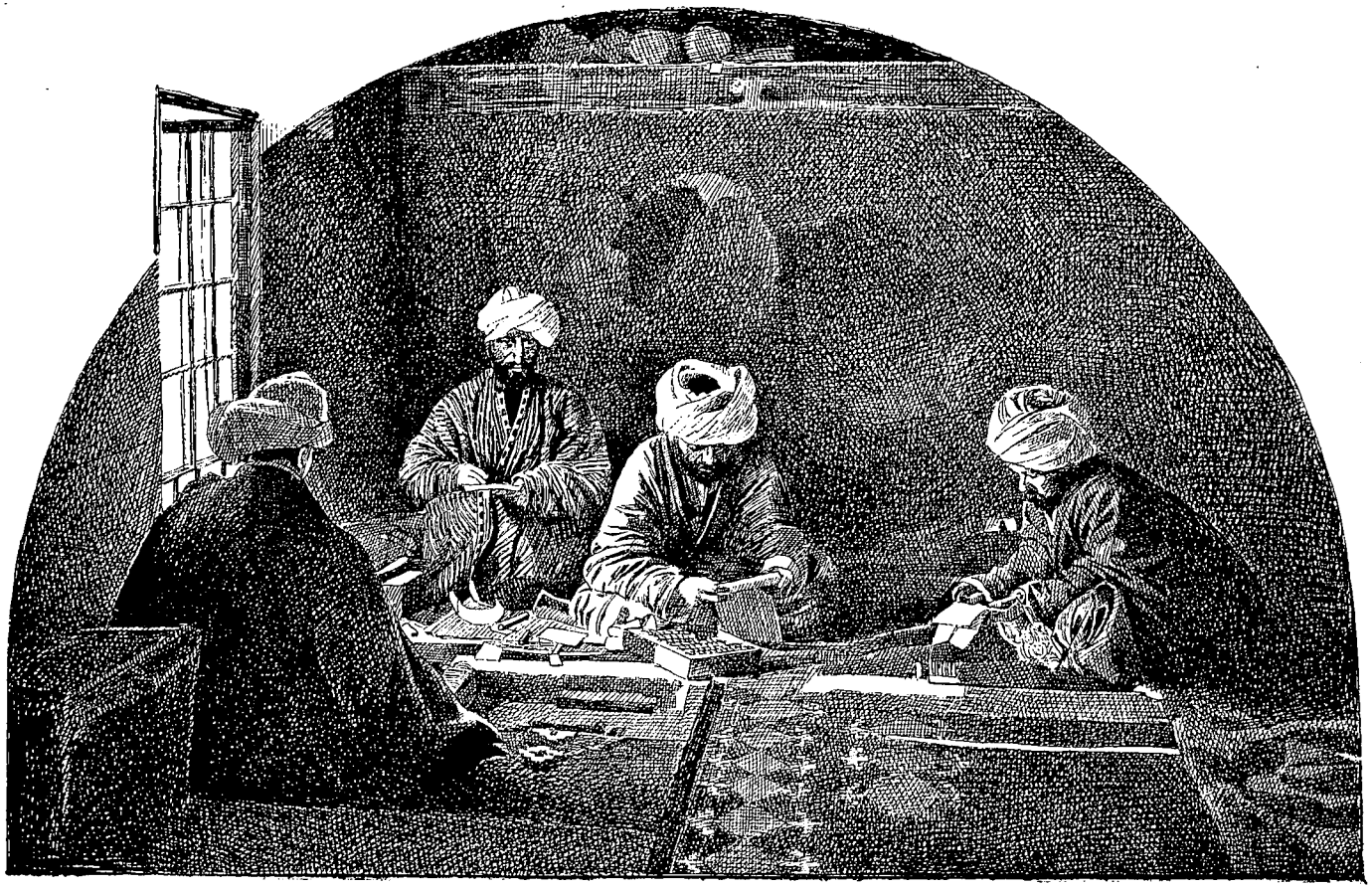
Три главные рода наукъ: это ширгійе—теологическія, арабійе—арабскія и хикмійе—свѣтская мудрость. Весь курсъ обученія въ медрессе направленъ исключительно къ развитію и поддержанію религіозно-философскихъ идей, казуистики и весьма поверхностнаго остроумія. Положительная европейская наука остается здѣсь совершенно неизвѣстной.

Лекціи проходятся по книгамъ, которыхъ насчитывается до 137. Профессоръ, задавъ какой нибудь отдѣлъ, разъясняетъ его слушателямъ. Затѣмъ идетъ изложеніе, по выбору профессора, кѣмъ либо изъ присутствующихъ ранѣе заданнаго отдѣла. Пренія семинаристовъ, опонирующихъ отвѣчающему, завершаются заключеніемъ профессора. При этомъ вырабатывается искусство говорить и спорить, что имѣетъ весьма большую цѣну въ глазахъ бухарцевъ.

Научная зрѣлость кончающаго курсъ семинариста констатируется всѣми профессорами, и тогда онъ выпускается изъ заведенія съ тѣмъ или другимъ изъ духовныхъ мусульманскихъ званій, дающихъ ему право занять мѣсто муллы, казія, профессора въ медрессе или учителя въ мактабъ-хане (первоначальной народной школѣ).

Разумѣется, во всемъ этомъ не обходится безъ кумовства и послабленій подъ вліяніемъ всесильнаго на востокѣ презрѣннаго металла. Богатые кончаютъ скорѣе и съ меньшими усиліями, чѣмъ бѣдные. Что касается способностей, то высшимъ ихъ критеріумомъ считается память, дающая возможность вызубрить наизусть коранъ, шаріатъ и другія священныя книги.

Студенты живутъ вообще безбѣдно, ибо, по установившемуся издавна обычаю, эмиры бухарскіе и народъ жертвуютъ ежегодно значительныя суммы въ пользу духовенства и учащихся. Кромѣ того, они пользуются лѣтними мѣсяцами, чтобы заработать что нибудь уроками, разсыпаясь по окрестнымъ кишлакамъ и отправляясь къ кочевникамъ, у которыхъ такой посѣтитель бываетъ всегда желаннымъ гостемъ.

Бухарская торговая контора.

Что касается почтенныхъ мударисовъ, то это народъ вполнѣ обезпеченный. Ихъ матеріальному достатку можетъ позавидовать любой изъ нашихъ тружениковъ науки.

Сѣверная сторона площади занята хорошо сохранившейся башней Манари-Калянъ. Минаретъ этотъ, по свидѣтельству Борнса, построенъ въ 542 году гиджиры [1]), слѣдовательно въ правленіе Арсланъ-хана, въ 1125 году нашей эры [2]).

Манари-Калянъ представляетъ собой круглую каменную башню, имѣющую въ окружности при основаніи около 35, а въ вышину около 88 аршинъ [3]), постепенно суживающуюся къ верху, увѣнчанную изящнымъ рѣзнымъ тамбуромъ, въ видѣ высокой короны, съ прорѣзаннымъ въ ней рядомъ полукруглыхъ, глухихъ италіанскихъ оконъ. Подножіе башни вымощено плитами тесаннаго камня, а сама она сплошь облицована разноцвѣтными кафелями, образующими цѣлый рядъ сложныхъ рисунковъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго нѣсколькими широкими цвѣтными эмалированными поясами. Тамбуръ снабженъ сложными украшеніями изъ рѣзнаго камня.

Внутри башни устроена витая лѣстница, освѣщаемая небольшими, едва замѣтными снаружи, длинными и тонкими окнами, прорѣзанными въ толщѣ башни. Съ высоты этого минарета муэзины сзываютъ по пятницамъ на молитву жителей столицы. Отсюда же, при прежнихъ эмирахъ, сбрасывали на каменный помостъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни.

Съ высоты этой башни открывается роскошная панорама на городъ и его окрестности. Перемѣстивъ взглядъ съ ближайшихъ сосѣдей великана-минарета, Медрессе-Миръ-Арабъ и Мечеть-и-Калянъ, очертанія которыхъ кажутся отсюда еще изящнѣе, еще величественнѣе, вы видите подъ своими ногами цѣлое море плоскихъ земляныхъ крышъ, въ разныхъ мѣстахъ котораго высоко поднимаются къ небу грандіозные памятники историческаго прошлаго Трансоксаніи. Великолѣпныя мечети, величественныя медрессе, какъ бы висящіе въ воздухѣ огромные лазоревые купола, темныя массы Регистанскаго замка, кладбища, минареты и другіе памятники,—всѣ эти остатки сѣдой старины ярко выдѣляются своими

---

[1]) Борисъ, ч. II, стр. 427.

[2]) Вамбери, «Ист. Бух.», ч. I, стр. 112.

[3]) Путешественники, разновременно описывавшіе эту башню, придавали ей различные размѣры. Такъ, Филиппъ Ефремовъ («Странствованія въ Киргизской степи и Бухаріи», Казань, 1811 г., стр. 96) говоритъ, что башня эта имѣла въ высоту 50 и въ ширину 3 сажени, что, очевидно, невозможно. Докторъ Яворскій («Пут. по Авган. и Бух. ханству», т. II, стр. 345) опредѣляетъ ея высоту въ 25 саж. В. Крестовскій («Въ гостяхъ у эмира бухарскаго», стр. 359) говоритъ, что высота башни=87½ аршинъ, а окружность=35 шаговъ. Эти послѣднія цифры мы приводимъ, какъ болѣе подходящія къ нашему собственному глазомѣрному измѣренію.

изящными формами и блескомъ изразцовыхъ украшеній на общемъ глинобитномъ сѣро-пепельномъ фонѣ, стѣснившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ, современныхъ мизерныхъ построекъ, безцвѣтныхъ и безжизненныхъ. Дивно прекрасными, но вмѣстѣ съ тѣмъ жалкими, кажутся отсюда эти полуразвалившіеся остатки минувшаго величія ислама и таджикской народности. Окруживший ихъ со всѣхъ сторонъ измельчавшій современный бухарскій людъ чуждъ ихъ великому историческому прошлому. Онъ выродился, измельчалъ, въ немъ давно погасла искра стремленія къ возвышенному, прекрасному... Идея, которая была вложена въ эти грандіозные памятники талантомъ знаменитыхъ артистовъ, непонятна и чужда ему. Толпа не только не цѣнитъ и не стремится къ поддержанію этихъ чудныхъ зданій, но увеличиваетъ ихъ разрушеніе, равнодушно отрывая отъ нихъ камень за камнемъ... [1]).

Вся сѣверная сторона застѣннаго города утопаетъ въ зелени садовъ, за которой сверкаетъ на горизонтѣ серебристая линія водъ Заравшана. На востокѣ виднѣется обширный загородный Ширъ-Баданскій замокъ эмира, а далѣе монастырь и селеніе Богаеддинъ, эта вторая Мекка мусульманъ Средней Азіи. Нѣсколько дальше и правѣе, какъ живая эмблема зарождающейся въ Бухарѣ новой жизни, видна раскинувшаяся, на значительномъ пространствѣ, желѣзно-дорожная станція Бухара, а за ней русскій поселокъ и рельсы Закаспійской дороги. Вы невольно поворачиваете вашъ бинокль то на то, то на другое изъ этихъ мѣстечекъ, стоящихъ такъ близко одно къ другому и столь далекихъ другъ другу по своему характеру и назначенію. Какъ будто нарочно судьба сблизила опорную точку культурныхъ стремленій современной жизни съ многовѣковымъ оплотомъ религіозной косности, фанатизма и тысячалѣтняго застоя, представителемъ котораго является монастырь Богаеддинъ и связанныя съ нимъ традиціи.

Къ югу и западу видны за городской стѣной обширные кишлаки, разбросанные среди садовъ и рощъ на большое разстояніе. Среди нихъ безчисленными кривыми радіусами, сходящимися къ одной общей точкѣ—городскимъ стѣнамъ, идутъ дороги изъ Пейкенда, Карки, Каракуля и другихъ мѣстностей.

Тутъ, по преданію, находились когда-то великолѣпные дворцы Моліанъ и Шемшабадъ, окруженные прекрасными садами, роскошными лугами, цвѣтниками, клумбами, ручейками и фонтанами. Тутъ же находился огромный, въ 4 мили въ окружности, зоологи-

[1]) Торговля эмалированными изразцами, которые еще не такъ давно безпощадно выламывались цѣлыми сотнями изъ наружной и внутренней облицовки древнихъ самаркандскихъ и бухарскихъ зданій, вошла въ профессію для нѣкоторыхъ туземцевъ. Въ настоящее время это возмутительное варварство строго воспрещено распоряженіями эмира Сеидъ-Абдулъ-Ахата и туркестанской администраціей.

ческій садъ, переполненный рѣдкими звѣрями и птицами, находившимися въ полуприрученномъ состояніи, а также ботаническій садъ, въ которомъ росли нынѣ совершенно неизвѣстныя въ Бухарѣ породы деревьевъ, какъ-то кедръ, вишневое, лавровое дерево и др. Нашествіе монголовъ, какъ вихрь, снесло все это съ поверхности земли, но лѣтописи и народная память сберегли до нашихъ дней воспоминаніе объ этихъ загородныхъ бухарскихъ Эльдорадо.

Въ общемъ картина представляется поразительно-прекрасной и оригинальной. Долго, долго глазъ не хочетъ оторваться отъ нея и перейти на мелкіе предметы обыденной обстановки.

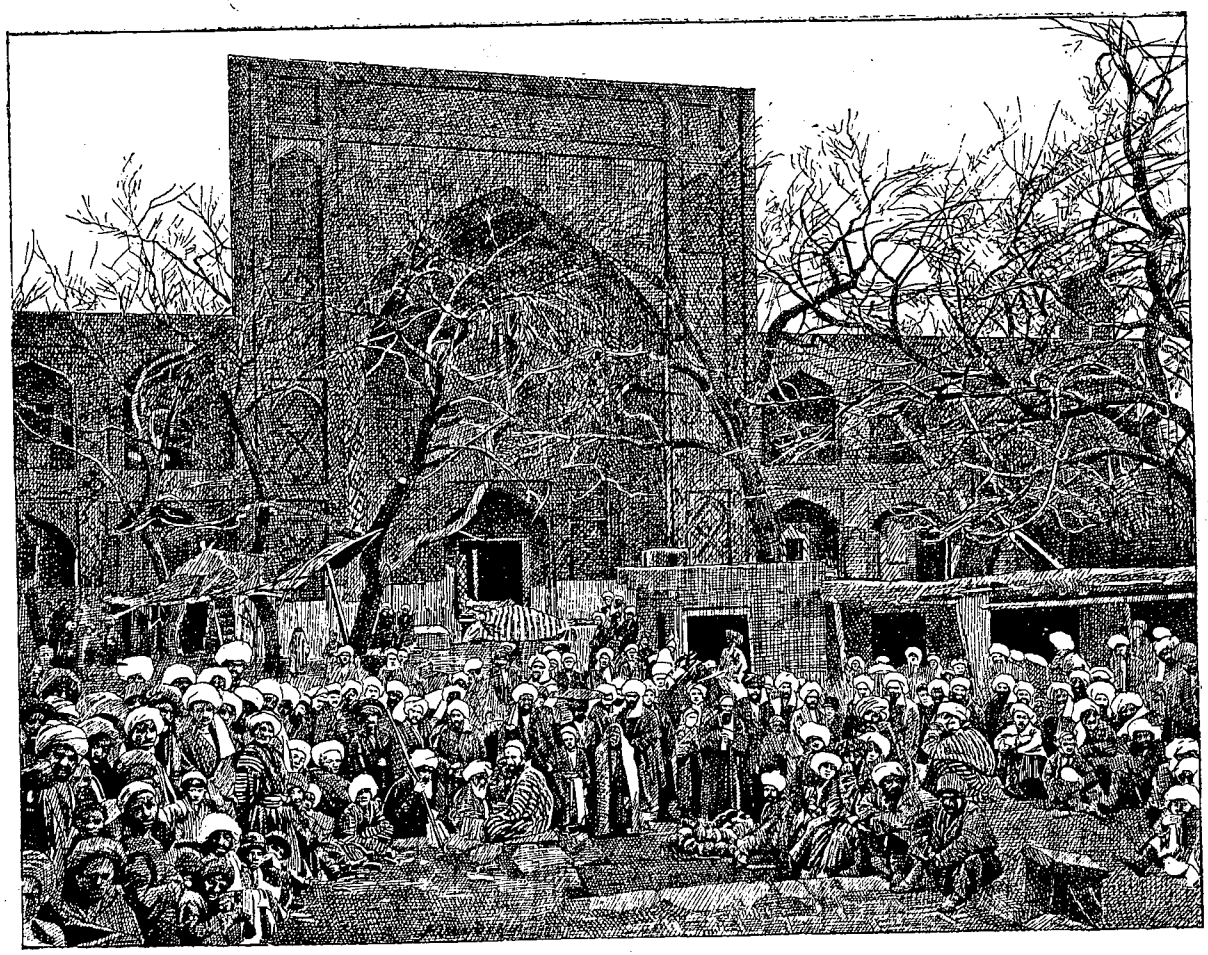
При всемъ томъ, это является положительно необходимымъ, ибо входъ на вершину минарета, съ котораго открывается видъ во внутреннія части прилегающихъ къ нему домовъ, разрѣшается лишь духовнымъ лицомъ, и позволеніе взглянуть оттуда на общій видъ города составляетъ исключительную любезность, которой не слѣдуетъ злоупотреблять.

Двигаясь отъ соборной площади къ югу, по направленію главнаго городскаго базара, вы проѣзжаете разстояніе около версты, сплошь застроенное караванъ-сараями, мечетями и медрессе, между которыми видны болѣе или менѣе замѣчательныя, по своей древности и архитектурѣ, зданія, близко подходящія къ типу только-что описанныхъ построекъ, занимающихъ соборную площадь. Между ними, съ лѣвой стороны, видны медрессе Зергирянъ, Диванъ-беги и караванъ-сарай Пирхане; справа—мечеть и медрессе Гаукшонъ, караванъ-сарай Раджабъ-бека и другія зданія.

Миновавъ рядъ кривыхъ и тѣсныхъ улицъ, вымощенныхъ коекакъ огромнымъ булыжникомъ, заставляющимъ васъ ежеминутно подпрыгивать на подушкахъ рессорнаго экипажа, вы въѣзжаете наконецъ въ центръ городской жизни бухарской столицы, въ ея главный базаръ,—и что за пестрое, шумное зрѣлище представляется вашимъ глазамъ!

Позволяемъ себѣ воспроизвести описаніе этой картины, мастерски сдѣланное г. Яворскимъ, въ его книгѣ «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству».

«Типы всѣхъ народностей Средней Азіи виднѣются тутъ одинъ возлѣ другаго. Природный бухарецъ, съ тонкими чертами лица и дѣловой физіономіей, торгуетъ рядомъ съ мѣнялой индусомъ-огнепоклонникомъ, который жаднымъ взоромъ посматриваетъ даже на свои собственныя деньги. Его продолговатая физіономія, съ суровыми, жесткими чертами лица, съ краснымъ значкомъ на лбу и высокимъ шлыкомъ на конусообразной головѣ, выражаетъ что-то дикое, надъ чѣмъ не пробудилось моральное сознаніе. Онъ самъ существуетъ для денегъ, а не деньги для него... Широкая, открытая физіономія самаркандца, пріютившагося тутъ же рядомъ съ

Медрессе Абдуллахъ-хана.

своимъ шкафчикомъ, наполненнымъ туземными шелковыми тканями, представляетъ рѣзкій контрастъ съ физіономіей тутъ же торгующаго еврея, вытянутой блѣдной, точно изъ мрамора изваянной, оживленной быстрыми, лукавыми глазами и оттѣненной завитками длинныхъ пейсовъ. Широкоскулый, плосконосый, съ лицомъ, какъ тарелка, съ узкими покосившимися внутрь глазами, обитатель киргизскихъ степей, лѣниво расхаживающій отъ одной лавки къ другой, наталкивается на хищника Туранскихъ пустынь туркмена, клинообразная физіономія котораго, мягко оттѣненная небольшой, но довольно густой бородой, не выражаетъ ни особенной свирѣпости, ни также мякости. Его небольшіе, сѣрые, чаще каріе глаза, зорко смотрящіе изъ-подъ нахлобученной, огромной мерлушковой папахи, говорятъ о коварствѣ. Вотъ передъ вами высокая, широкоплечая фигура авганца. Смуглый цвѣтъ лица, черные блестящіе глаза, большая окладистая борода и длинные, нестриженные косматые волосы сразу выдаютъ его національность. Онъ непремѣнно мѣняла, рѣже торговецъ индійскими чаями, иногда продавецъ бирюзы, ляписъ-лазури и т. д. А вотъ длинная, поджарая, волосатая фигура персіянина. Высокая мерлушечья шапка, сдвинутая на затылокъ, длинный, слегка горбатый носъ, далеко-далеко выдающійся впередъ, украшающій его подвижную физіономію, красные ногти на пальцахъ, часто выкрашенная въ огненный цвѣтъ борода... сразу рекомендуютъ вамъ его. Онъ непремѣнно продавецъ фруктовъ или рѣже шелковыхъ матерій. Тутъ же, рядомъ съ нимъ, вы видите довольно плотную фигуру средняго роста, обладающую подвижной и выразительной физіономіей. Эта физіономія украшена большими карими, иногда черными, живыми глазами: широкій разрѣзъ вѣкъ дополняетъ образъ пешаверца. Здѣсь же вы видите и казанскаго татарина и астраханскаго калмыка, изрѣдка желто-лимоннаго китайца и даже дикаго сына Кавказскихъ горъ» [1]).

Вся эта огромная разношерстная, разноплеменная, разнохарактерная толпа сливается здѣсь въ одинъ общій потокъ, наводняющій своимъ теченіемъ безчисленные караванъ-сараи, лавки, чайханы, харчевни и узкія полутемныя улицы огромнаго базара. Мѣсто это, безспорно, является самой жизненной точкой, самымъ животрепещущимъ нервомъ не только бухарской столицы, но и всего ханства. Тутъ весь этотъ людъ находитъ удовлетвореніе своему естественному природному влеченію къ торговлѣ, къ маклерству и гешефтмейстерству; здѣсь онъ покупаетъ и продаетъ, совершаетъ всевозможныя коммерческія сдѣлки, молится, ѣстъ, пьетъ, политиканствуетъ, наслаждается въ одно и то же время душеспаси-

[1]) Яворскій, «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству», 1883 г., стр. 341—342.

тельными проповѣдями муллъ и подвижнымъ театрамъ маріонетокъ. Здѣсь опредѣляется денежный курсъ и цѣны на товаръ, принимаемыя впослѣдствіи цѣлымъ ханствомъ; здѣсь же складываются моды и общественное мнѣніе,—словомъ, здѣсь центръ народной жизни торговой, религіозной и политической.

Все это смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ типовъ, самыхъ яркихъ красокъ и необычайно рѣзкихъ звуковъ, порождаемыхъ многотысячной толпой, говорящей на всевозможныхъ нарѣчіяхъ, вмѣстѣ съ ревомъ верблюдовъ и ишаковъ, меланхолическимъ тренканьемъ дутары, крикливымъ, рѣжущимъ слухъ, завываніемъ дервишей и тысячью другихъ звуковъ, поражающихъ непривычное ухо европейца, образуетъ такой гамъ и шумъ, такую пеструю, своеобразную картину, которая оглушаетъ и ошеломляетъ васъ въ первую минуту. Только остановившись и давъ улечься первому впечатлѣнію, вы овладѣваете объектомъ этой картины, не лишенной оригинальной прелести и, быть можетъ, единственной въ своемъ родѣ.

Весь вообще торговый рынокъ города Бухары подраздѣляется на караванъ-сараи, тимы, чаръ-су и собственно базары. Первые изъ нихъ служатъ исключительно мѣстомъ склада привозныхъ заграничныхъ товаровъ и имѣютъ внутренніе дворы, обстроенные зданіями, нижніе этажи которыхъ заняты лавками и кладовыми, а верхніе отдаются въ наймы для помѣщенія пріѣзжихъ купцовъ.

Тимы представляютъ собой четырехугольные деревянные или каменные сараи, гдѣ производится торговля мѣстными мануфактурными и заграничными издѣліями. Лучшимъ тимомъ считается тимъ Абдуллахъ-хана—превосходно построенный, прочный каменный пассажъ, состоящій изъ цѣлаго ряда скрещивающихся между собой полукруглыхъ сводчатахъ ротондъ. Чаръ-су, это нѣчто въ родѣ отдѣльнаго небольшаго пассажа, въ которомъ продаются всевозможные предметы, преимущественно же предметы домашняго обихода, какъ-то: готовыя платья, ножевый товаръ, посуда, мыло, чай и т. д.

Базары представляютъ собой или крытые циновками торговые ряды или цѣлый рядъ балагановъ на открытомъ воздухѣ, среди площадей, подобно нашимъ толкучимъ рынкамъ.

Въ Бухарѣ считается всего до полутораста караванъ-сараевъ, девять тимовъ (изъ нихъ пять каменныхъ), шесть чаръ-су, пятьдесятъ внутреннихъ базаровъ и около двадцати пяти въ пригородныхъ слободахъ.

Мы уже имѣли случай указать въ предыдущей главѣ на главные предметы ввоза и вывоза изъ Бухары различныхъ товаровъ. Поэтому не будемъ утомлять читателя описаніемъ всего содержимаго огромныхъ и сложныхъ помѣщеній главнаго бухарскаго базара. Укажемъ лишь на то, что эта сама по себѣ значительная

внутренняя торговля занимаетъ лишь второстепенное мѣсто въ общемъ механизмѣ торговыхъ оборотовъ ханства, центръ тяжести которыхъ лежитъ главнымъ образомъ въ транзитной торговлѣ. Географическое положеніе Бухары на точкѣ пересѣченія путей изъ Индіи, черезъ сѣверный Авганистанъ, восточныя провинціи Персіи и юго-западныя части Кашгара, съ одной стороны, и Россіей съ другой—упрочиваютъ за ней значеніе главнаго торговаго центра между Нижегородскимъ и Пешаверскимъ рынками.

Осмотрѣвъ главный базаръ, необходимо взглянуть на медрессе Гаукшонъ, замыкающее собой юго-западную его оконечность. Это самое богатое изъ всѣхъ медрессе въ Бухарѣ, такъ какъ ректоръ его получаетъ съ его вакуфа до 7.000 рублей въ годъ на наши деньги, а семинаристы отъ 60—100 рублей каждый.

Въ полуверстѣ отсюда, по направленію къ сѣверо-востоку, одно подлѣ другаго, находятся два замѣчательныя медрессе: Кукольташъ—построенное министромъ Абдуллахъ-хана Алейке-Кукольташемъ, въ началѣ XVI столѣтія, самое большое по числу комнатъ и одно изъ самыхъ величественныхъ зданій этого рода въ Бухарѣ, и Иръ-Назаръ, сооруженное на деньги, пожертвованныя императрицей Екатериной II, въ царствованіе эмира Шахъ-Мурада, основателя династіи Мангытъ, въ періодъ времени около 1790—1793 г. [1]). Медрессе Иръ-Назаръ построено изъ сѣраго тесаннаго камня, облицованнаго по карнизамъ эмалированными изразцами, въ обычномъ стилѣ построекъ этого рода въ Средней Азіи. Оно имѣетъ болѣе 60 комнатъ для помѣщенія семинаристовъ и свой отдѣльный вакуфъ. Высокій портикъ, съ стрѣльчатой нишей, выложенной внутри бѣлымъ точенымъ мраморомъ, ведетъ во внутренній дворъ этого помѣщенія, обстроеннаго кругомъ двухъ-этажными корпусами. Въ одномъ изъ нихъ находится большая аудиторія,

---

[1]) Правленіе эмира Шахъ-Мурада было ознаменовано оживленными дружественными сношеніями Россіи съ Бухарскимъ ханствомъ. Шахъ-Мурадъ всячески стремился поддержать эти сношенія, не безъ основанія расчитывая найти въ Россіи естественную союзницу въ борьбѣ съ персидскимъ шахомъ Магометъ-Ага, заклятымъ личнымъ врагомъ Шахъ-Мурада. Около 1790 г. онъ отправилъ въ подарокъ императрицѣ Екатеринѣ II слона и восемь арабскихъ лошадей. Во главѣ посольства былъ поставленъ нѣкто Иръ-Назаръ. Результатомъ этого посольства явилось сооруженіе въ Бухарѣ, по волѣ императрицы, медрессе, названнаго «Иръ-Назаръ», или Назаръ-Ильчи.

Въ непродолжительномъ времени, мы надѣемся познакомить читателей съ интереснымъ историческимъ моментомъ сближенія Бухары съ Россіей подъ вліяніемъ политическихъ комбинацій и нравственнаго негодованія, вызваннаго личностью и дѣйствіями свирѣпаго изверга Магометъ-Ага, овладѣвшаго престоломъ Персіи послѣ смерти Шахъ-Надира.

Эпоха эта интересна еще и потому, что результатомъ ея явилось нѣсколько памятниковъ въ Средней Азіи, сохранившихся до нашихъ дней, вмѣстѣ съ именемъ императрицы Екатерины Великой, которое живо въ памяти средне-азіатскихъ народовъ.

съ плоскимъ куполомъ, стѣны и потолокъ которой сплошь покрыты изящными узорами тонкой лѣпной работы изъ алебастра.

Въ полутора верстахъ отъ этихъ интересныхъ зданій находится кварталъ прокаженныхъ и песевыхъ субъектовъ, или Гузари-песянъ. Этотъ кварталъ расположенъ въ сѣверо-восточной части города, не будучи отдѣленъ отъ послѣдняго никакими естественными или искуственными преградами. Полнѣйшее равнодушіе бухарцевъ ко всякаго рода гигіеническимъ и санитарнымъ условіямъ допускаетъ до сихъ поръ существованіе въ городской чертѣ этого лепрознаго пріюта, заразное вліяніе котораго, путемъ пользованія общей арычной водой, не подлежитъ сомнѣнію. И это тѣмъ болѣе удивительно, что нѣтъ въ мірѣ народа, который съ такимъ отвращеніемъ относился бы къ больнымъ вообще и къ прокаженнымъ въ особенности, какъ таджикскій народъ. Но такова уже сила привычки и дѣйствіе фатализма! Считая проказу въ высшей степени заразительной, бухарцы въ то же время отнюдь не думаютъ о томъ, чтобы, подобно многимъ другимъ городамъ Средней Азіи, хоть сколько нибудь изолировать прокаженныхъ путемъ выселенія ихъ за городскую черту. Они ограничиваются лишь тѣмъ, что воспрещаютъ махаонамъ оставлять раіонъ ихъ квартала и появляться въ центрѣ города, для чего содержатся небольшіе караулы, при входахъ и выходахъ изъ Гузари-писянъ. Разумѣется, запрещеніе это остается совершенно фиктивнымъ, такъ какъ мы сами неоднократно встрѣчали на улицахъ субъектовъ со всѣми признаками вполнѣ развившейся проказы.

Средне-азіатская проказа, или иначе «махао», есть не что иное, какъ одинъ изъ наиболѣе тяжкихъ видовъ болѣзни, извѣстной въ медицинѣ подъ именемъ elephantiasis graegorum. Исторія медицины относитъ появленіе этой болѣзни ко временамъ глубокой древности. Мѣсторожденіемъ ея считаются Египетъ и Индія [1]).

Причины существованія проказы въ точности не извѣстны. Зародыши ея, какъ предполагаютъ, заключаются въ лепрозныхъ палочкахъ, близко подходящихъ къ бугорковымъ. Существуетъ также предположеніе, что болѣзнь эта наслѣдственна, но иногда она щадитъ отдѣльныхъ субъектовъ и даже цѣлыя поколѣнія и

---

[1]) Эйхгорстъ, «Руководство къ частной патологіи и терапіи», пер. съ нѣм., Спб., 1888 г., т. IV, ст. 711.

Болѣзнь эта не чужда и европейскому полуострову. Перенесеніе ея изъ Малой Азіи въ Европу приписывается войскамъ Помпея, а затѣмъ крестоносцамъ. Въ настоящее время она еще изрѣдка встрѣчается въ Швеціи и Норвегіи, въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, въ Испаніи, Португаліи, Греціи, Турціи и Испаніи, а также въ южной и юго-восточной Россіи, гдѣ она извѣстна подъ названіемъ черной немочи; у астраханскихъ киргизовъ подъ именемъ чапли; у ногайцевъ—урусъ-катуръ; у донцовъ—крымской болѣзни. Предполагаютъ, что на югъ Россіи она была занесена войсками Тамерлана, въ концѣ XIV ст.

потомъ снова появляется [1]). Степень заразительности проказы до сихъ поръ въ точности не опредѣлена. Большинство мнѣній сводится къ тому, что проказа заразительна лишь при непосредственныхъ сношеніяхъ съ зараженнымъ субъектомъ; песь же совсѣмъ не заразительна.

Огромное большинство случаевъ заболѣванія махао обнаруживается между 20—40 годами. Процентъ заболѣваемости мужчинъ значительно больше женщинъ. Болѣзнь считается до сихъ поръ неизлечимой какъ европейскими, такъ и туземными врачами [2]).

Признаки появленія и общаго теченія этой мучительной, затяжной болѣзни чрезвычайно сложны и разнообразны. Конечный результатъ ихъ заключается въ полномъ разложеніи организма снаружи и внутри, причемъ тѣло больнаго покрывается зіяющими ранами, отдѣльные суставы и цѣлые члены отпадаютъ одинъ за другимъ и человѣкъ, послѣ адскихъ страданій, погибаетъ отъ бугорчатки легкихъ, зараженія крови или задушенія.

Болѣзнь «песь» заключается въ особаго рода страданіяхъ кожи, результатомъ которыхъ являются сначала бѣлыя пятна, а затѣмъ систематическое побѣленіе всего тѣла, отъ головы до конечностей. Болѣзнь эта нисколько не заразительна и вообще не имѣетъ ничего общаго съ проказой. Тѣмъ не менѣе, бухарцы и вообще сарты считаютъ ее еще болѣе отвратительной, чѣмъ махао, будучи убѣждены, что Богъ посылаетъ проказу лишь въ наказаніе за грѣхи непосредственно пораженнаго ей субъекта, песь же является, по ихъ мнѣнію, результатомъ грѣховной жизни не только самого больнаго, но и всего его рода. Брезгливость туземцевъ къ песевымъ субъектамъ доходитъ до того, что даже прокаженные махаоны гнушаются ими, стараясь выбирать для своего жительства такія убѣжища, гдѣ по возможности меньше больныхъ песью [3]).

Гузари-писянъ образуетъ особый кварталъ въ сѣверо-восточномъ углу бухарской столицы [4]). Части города, отдѣляющія его отъ остальныхъ кварталовъ, наименѣе населены. Мнительный тад-

---

[1]) Нейманъ, «Руководство къ изученію болѣзней кожи», перев. съ нѣмецк. 1871 г., стр. 356—361.

[2]) Въ настоящее время проказа находитъ себѣ спеціалиста изслѣдователя въ лицѣ профессора. Кіевскаго университета св. Владиміра Г. Н. Минха, самоотверженно посвятившаго себя на пользу науки и многихъ тысячъ безпомощныхъ страдальцевъ. Результатомъ научно-практическихъ изысканій г. Минха являются изданныя имъ книги: «Проказа на югѣ Россіи», Кіевъ, 1886 г., и «Проказа и песь», 1890 г. Тотъ, кто имѣлъ случай видѣть эту ужасную болѣзнь, не можетъ не выразить уваженія трудамъ почтеннаго профессора и не пожелать ему дальнѣйшаго преуспѣянія на пути помощи страждущему человѣчеству.

[3]) Г. Н. Минхъ, «Проказа на югѣ Россіи», вып. 3, ст. 305; «Проказа и песь», т. II, вып. I, ст. 144—154.

[4]) Непосредственно за нимъ слѣдуетъ рядъ городскихъ кладбищъ, ограниченныхъ крѣпостной стѣной.

жикъ не любитъ приближаться къ этимъ мѣстамъ, которыя считаетъ опасными и какъ бы отверженными Богомъ, лишь изъ нужды поселяясь въ нихъ.

Прокаженные живутъ благотворительностью и милостыней, которую собираютъ, выходя на большія дороги и отправляясь въ сосѣдніе кишлаки. Кромѣ того, они имѣютъ свои небольшіе сады и участки земли, которые отдаютъ въ наймы, раздѣляя доходы съ нихъ между собой поровну.

У нихъ есть нѣсколько своихъ мечетей, свои бани, базаръ и училище для дѣтей, свой казій, муллы и акъ-сакалы,—все это выборные изъ прокаженныхъ же. Вообще, они образуютъ нѣчто вродѣ маленькой республики, живущей своей внутренней, самобытной жизнію.

Заболѣвшій махао субъектъ, по большей части, насильственно выселяемый въ лепрозный пріютъ, лишается, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣхъ своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Онъ какъ бы умираетъ для общества и ему больше ничего не остается, какъ начать новую жизнь среди своихъ прокаженныхъ собратій. Вслѣдствіе этого многіе изъ махаоновъ женятся въ своихъ пріютахъ и производятъ на свѣтъ такихъ же несчастныхъ, какъ они сами. Замѣчательно, что дѣти у нихъ рождаются почти всегда совершенно здоровыми, безъ всякихъ признаковъ болѣзни, которая развивается лишь по достиженіи зрѣлаго возроста.

Кварталъ Гузари-писянъ, втеченіе большей части дня, остается пустыннымъ, ибо всѣ способные двигаться махаоны съ ранняго утра отправляются за сборомъ милостыни. Остальные лежатъ въ своихъ сакляхъ, будучи иногда втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ пригвождены страшной болѣзнью къ своему страдальческому ложу.

Мы оставляемъ это мѣсто скорби и несчастія и предлагаемъ читателю сдѣлать послѣдній переѣздъ внутри города, чтобы осмотрѣть два замѣчательные памятника старины: кошъ-медрессе Абдуллахъ-ханъ и находящееся противъ него медрессе Модари-ханъ (матери этого талантливаго Шейбанида), на которыхъ мы собственно и окончимъ описаніе внутристѣнной Бухары.

Оба эти зданія, возвышающіяся одно противъ другаго, не въ далекѣ отъ Талпаньскихъ воротъ, пробитыхъ въ срединѣ восточной части крѣпостной стѣны, являются достойными памятниками ихъ знаменитаго основателя эмира Абдуллахъ-хана, заслужившаго справедливое названіе «благодѣтеля бухарскаго народа». Построенныя въ одну эпоху съ медрессе Миръ-Арабъ, они по архитектурнымъ своимъ очертаніямъ представляютъ почти копіи этого послѣдняго зданія, съ той лишь разницей, что лишены его боковыхъ лазоревыхъ куполовъ. Но зато наружная облицовка и детали выполнены несравненно оригинальнѣе и богаче. Мелкій затѣйливый общій рисунокъ главныхъ порталовъ, нишъ и карнизовъ обо-

ихъ зданій, преимущественно голубой съ желтымъ цвѣтомъ, до того хорошъ, что отъ него рѣшительно не хочется оторваться, а отдѣльныя детали, въ видѣ безчисленныхъ продольныхъ и поперечныхъ бордюровъ, арабесокъ, розетокъ нишъ и такъ далѣе, представляютъ такое разнообразіе и дивное сочетаніе красокъ и рисунковъ, что нужно посвятить много часовъ, чтобы подробно разсмотрѣть каждый въ отдѣльности оригинальный уголокъ этого превосходно выполненнаго общаго гигантскаго эмалированнаго рисунка.

Внутреннія части зданій украшены превосходной альфресковой живописью, рѣзной работой по дереву и камню и весьма оригинальными, массивными бронзовыми рѣшетками. Кошъ-медрессе и Модари-ханъ сохранились лучше, чѣмъ другія зданія этого рода въ бухарской столицѣ.

П. Шубинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

РОСТОВСКІЙ ТРОИЦКІЙ ВАРНИЦКІЙ МОНАСТЫРЪ—МѢСТО РОДИНЫ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

СЕНТЯБРЯ 25-го текущаго года Свято-Троицкая Сергіева лавра будетъ праздновать торжественный 500-лѣтній юбилей со дня кончины ея игумена-основателя преподобнаго Сергія Радонежскаго. Сердечный откликъ встрѣтитъ это торжество въ малоизвѣстномъ заштатномъ ростовскомъ Троицкомъ Варницкомъ монастырѣ, исторія котораго тѣсно связана съ именемъ преподобнаго Сергія, какъ ростовскаго уроженца.

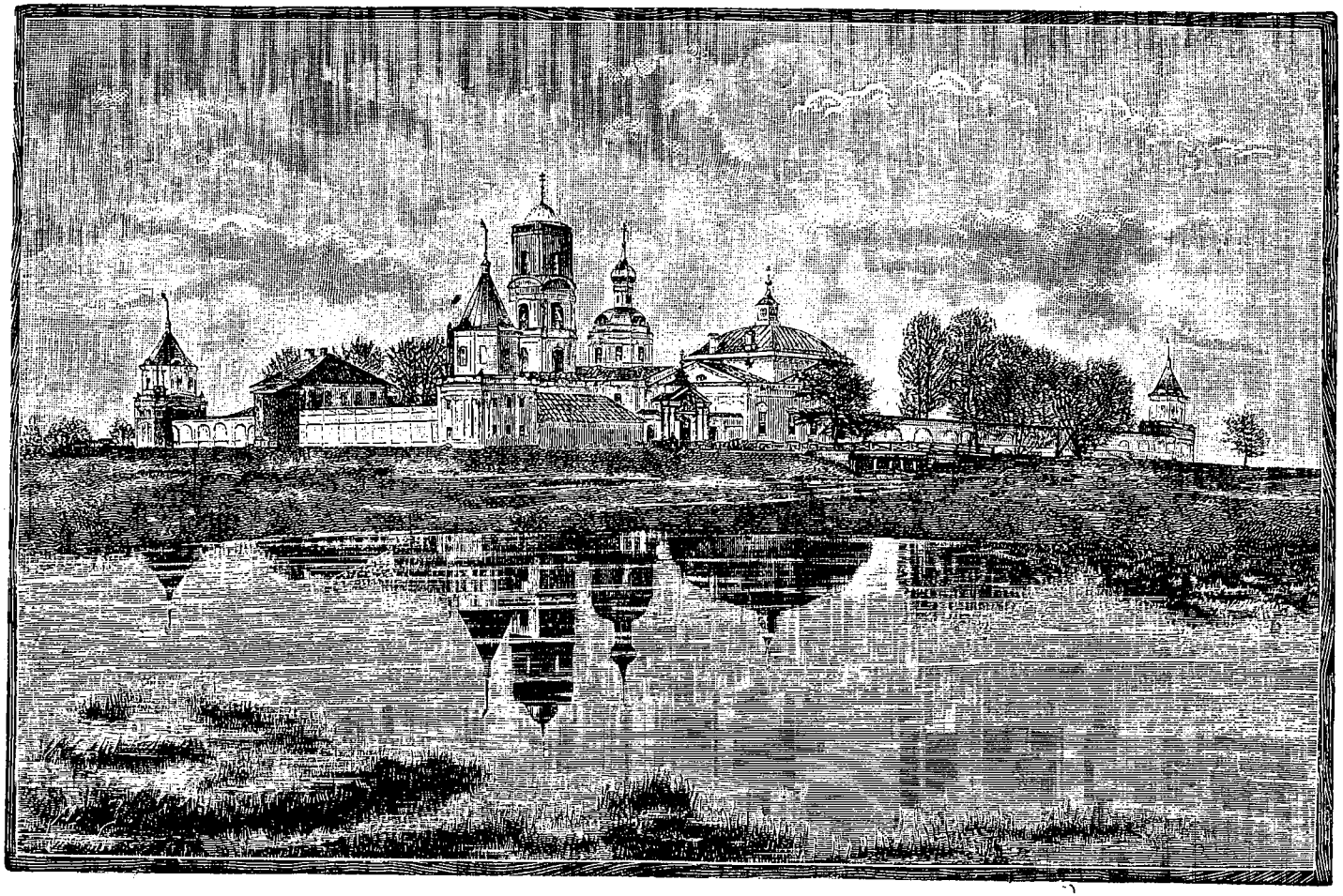
Родъ преподобнаго Сергія происходитъ отъ коренныхъ ростовскихъ бояръ. Кириллъ и Марія, родители великаго подвижника (въ мірѣ—Варѳоломея), имѣли на окраинѣ города помѣстье, стоявшее среди дремучаго сосноваго бора, жалкіе и скудные остатки котораго кое-гдѣ уцѣлѣли до сихъ поръ. Въ это время Ростовомъ управлялъ намѣстникъ московскаго царя Ивана Даніиловича Калиты — Кочева, заслужившій своими темными дѣяніями недоброе имя въ исторіи Ростова. «Толикаго надъ Ростовомъ дерзновенія не содѣлаше и татарвы»,—замѣчаетъ объ этой эпохѣ современникъ лѣтописецъ, такъ что «бысть страхъ на всѣхъ живущихъ». Вѣроятно, въ виду этихъ «дерзновеній» и притѣсненій со стороны московскихъ и ростовскихъ владыкъ, родители преподобнаго и принуждены были переселиться въ городъ Радонежъ, а имѣніе ихъ было отобрано въ московскую государеву казну. Впослѣдствіи на томъ мѣстѣ, гдѣ находилось это имѣніе, и былъ воздвигнутъ Варницкій монастырь, какъ утверждаетъ одно изъ мѣстныхъ преданій.

Относительно времени пребыванія преподобнаго Сергія въ Ростовѣ сохранилось слѣдующее сказаніе. Въ дѣтствѣ Сергій росъ слабымъ малоразвитымъ мальчикомъ. Ему трудно давалось ученіе, и всѣ считали его непонятливымъ и безпамятнымъ. Это обстоятельство сильно вліяло на впечатлительную душу мальчика: во время своихъ уединенныхъ прогулокъ по прилегавшему къ дому лѣсу, онъ часто горько плакалъ и молился Богу, чтобы Тотъ даровалъ ему разумъ и память. Молитвы его были услышаны. Однажды отецъ послалъ Варѳоломея (Сергія) искать пропавшую лошадь. Идя полемъ, онъ увидѣлъ стоящаго подъ дубомъ неизвѣстнаго монаха. Разговорившись съ нимъ, мальчикъ повѣдалъ ему свое горе и просилъ помолиться за него. Инокъ, сотворивши молитву, далъ Варѳоломею часть просфоры, повелѣлъ оную съѣсть, благословилъ его и сказалъ: «Се, чадо, отнынѣ даруетъ ти Богъ разумѣти, яже требуеши, яко да возможеши и иныхъ пользовати». Тотъ исполнилъ повелѣніе старца и съ этого времени сталъ разуменъ, памятливъ и понятливъ, а монахъ (это былъ ангелъ) сдѣлался невидимъ. Это явленіе ангела Варѳоломею, издревле изображенное надъ южными вратами монастыря, и даетъ поводъ болѣе соглашаться съ другимъ преданіемъ, утверждающимъ, что на мѣстѣ монастыря произошла вышеописанная встрѣча, но не стоялъ домъ родителей преподобнаго. Во всякомъ случаѣ Варницкій монастырь является историческимъ памятникомъ, приблизительно опредѣляющимъ то мѣсто, гдѣ провелъ свое дѣтство преподобный Сергій.

Когда и кѣмъ построенъ этотъ монастырь, неизвѣстно. Можно полагать, что онъ построенъ вскорѣ послѣ обрѣтенія мощей преподобнаго. Изъ жалованной грамоты царя Михаила Ѳеодоровича 1624 г. видно, что этотъ монастырь уже существовалъ при Іоаннѣ Грозномъ и отцѣ его Василіи Ивановичѣ.

Варницкимъ монастырь называется потому, что прежде около него находились соляныя варницы, извѣстныя подъ именемъ Даниловскаго солянаго завода. Такъ, на уцѣлѣвшемъ планѣ XVII в., хранящемся въ государственномъ архивѣ, въ числѣ дѣлъ тайнаго приказа, нарисованы между озеромъ Неро, Ростовомъ и рѣками Устьемъ и Ишней, Варницкая слобода съ церковью, а на востокъ отъ нея четыре большія варницы, далѣе колодезь, къ юговостоку—большой дворъ, а къ югу отъ варницъ—старый и новый соляные амбары. Очень можетъ быть, что эти варницы находились въ распоряженіи монастыря.

Въ 1725 году Троицкій Варницкій монастырь былъ упраздненъ и обращенъ въ дѣвичій. По резолюціи архіепископа Георгія Дашкова, сюда были переведены монахини Ростовскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря. Впрочемъ, пребываніе ихъ въ Варницкомъ монастырѣ продолжалось только до 1731 года, а въ этомъ году, въ мартѣ мѣсяцѣ, указомъ преосвященнаго Іоакима онѣ опять возвра-

Ростовскій Троицкій Варницкій монастырь.

щены въ свою прежнюю обитель. За этотъ періодъ монастыремъ управляли: намѣстница Мастридія Тихменева и игуменія Христофора (съ 1728 года)[1]). Къ этой же эпохѣ относится слѣдующій документъ, хранившійся въ библіотекѣ В. И. Лѣствицына.

«По указу святѣйшаго правительствующаго синода совѣтника, господина преосвященнѣйшаго Георгія, епископа ростовскаго и ярославскаго, изъ домовой его преосвященства ростовской духовной канцеляріи инструкція града Ростова церкви Вознесенія Господня старостѣ поповскому попу Леонтію: ѣхать тебѣ въ Ростовской Троицкой дѣвичъ монастырь, что̀ у Варницъ, взявъ съ собою инквизитера и при немъ изслѣдить о обрѣтающихся въ томъ монастырѣ выскусѣ (sic) вдовѣ Ѳеклѣ и о дѣвицахъ Соломонидѣ, Стефанидѣ, Домникіѣ, Ѳеодосіи, Маріѣ, и оныя во искусѣ имѣющіяся вдова и дѣвицы, изъ какихъ чиновъ и по какимъ указомъ и въ которыхъ годѣхъ въ тотъ монастырь пріяты или съ чьего позволенія. И оное слѣдованіе, учиня съ ясною счисткою за своею и инквизитера руками, подать въ означенной канцеляріи неукоснительно. Духовныхъ дѣлъ судія игуменъ Ааронъ. За секретаря Гаврило Гороховъ. Смотрѣлъ Василій Петровъ. 1726 года, марта въ 7-й день».

Въ 1771 году въ Варницкомъ монастырѣ былъ построенъ на собственныя средства преосвященнымъ Аѳанасіемъ, епископомъ ростовскимъ, и имъ же освященъ холодный храмъ во имя Пресвятыя Троицы и преподобнаго Сергія. Что же касается до теплаго храма, то онъ первоначально былъ освященъ во имя Николая Чудотворца, но потомъ передѣланъ и освященъ во имя Введенія Пресвятыя Богородицы.

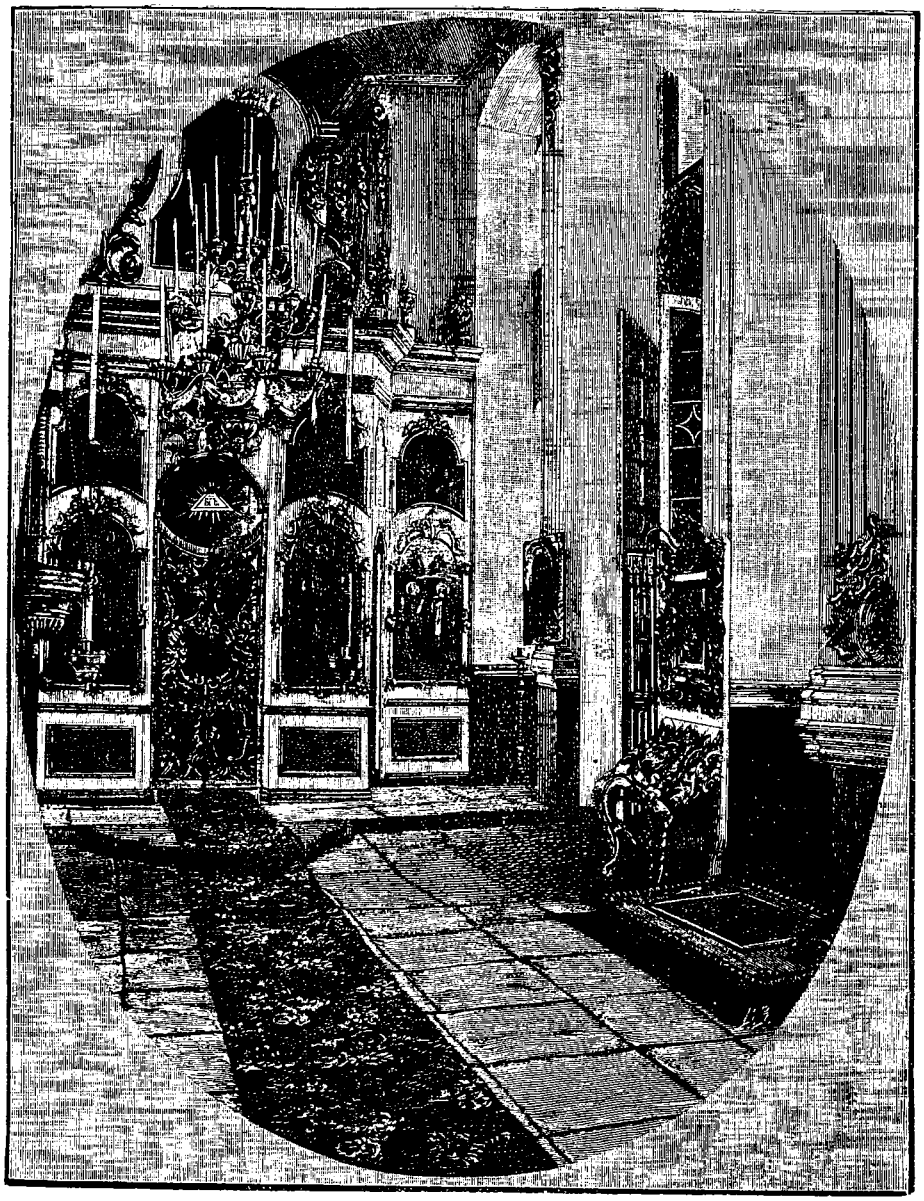
Троицкій Варницкій монастырь никогда не былъ богатымъ. Еще въ 1764 году, при закрытіи монастырей, онъ не былъ обращенъ въ приходскую церковь единственно изъ уваженія къ мѣсту рожденія преподобнаго Сергія. Въ началѣ XIX вѣка этотъ монастырь представлялъ собою картину полной нищеты и запущенія: теплая церковь была покрыта соломой, ограды почти не было; кельи и прочія монастырскія строенія обвалились и грозили разрушеніемъ. Общее нравственное настроеніе братіи соотвѣтствовало внѣшнему состоянію монастыря. Однимъ словомъ, это былъ «дворъ овчій», лишенный пастыря.

Въ такомъ положеніи монастырь оставался до тѣхъ поръ, пока здѣсь не пожелалъ поселиться на покоѣ преосвященный Августинъ (Сахаровъ), епископъ уфимскій и оренбургскій[2]). Впродолженіе 24-хъ лѣтъ жилъ онъ здѣсь, не жалѣя силъ и трудовъ на пользу монастыря, жертвуя собственныя деньги на общее дѣло. И труды

---

[1]) Описаніе Ростовскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря, А. Израилева, Спб., 1858 г., стр. 39, 44.

[2]) См. «Крит.-біогр. словарь», I, 46—48.

Придѣлъ въ Троицкомъ храмѣ.

его не пропали даромъ: и матеріальное благосостояніе, и нравственность значительно поднялись въ монастырѣ. Скончался Августинъ въ 1842 году и погребенъ при Сергіевскомъ придѣлѣ холоднаго храма Варницкаго монастыря. Всѣ лица, знавшія его, глубоко сожалѣли о его кончинѣ. Нерѣдко являлись прежде въ монастырь даже именитые гости (напримѣръ, Филаретъ, митрополитъ кіевскій) [1]) поклониться праху іерарха-труженика, отслужить по немъ панихиду и молебенъ преподобному Сергію. Толпы далекихъ безвѣстныхъ богомольцевъ нерѣдко толпились около его могильной плиты, не говоря уже о ростовскихъ почитателяхъ Августина.

Теперь почти всѣ современники преосвященнаго Августина, лично знавшіе его, умерли. Всесокрушающее время положило свою печать и на память этого труженика, много сдѣлавшаго и видѣвшаго на своемъ вѣку; его сочиненія лежатъ въ рукописяхъ никому неизвѣстныя, его имя забыто богомольцами, ростовцами и даже братіею Варницкаго монастыря. Монастырь уже рѣдко посѣщается богомольцами, тѣмъ болѣе, что весной и осенью къ нему и пройти нельзя за отсутствіемъ хорошей дороги. Конечно, это обстоятельство оказываетъ свое дѣйствіе и на матеріальное благосостояніе монастыря, такъ что начальство обители должно прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ средствамъ и мѣрамъ для изысканія возможности содержанія даже малочисленной братіи. Впрочемъ, въ послѣднее время въ монастырѣ начали производиться серьезныя подѣлки на средства ростовскихъ жертвователей.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ присоединить, что одинъ изъ прилагаемыхъ къ настоящей замѣткѣ рисунковъ изображаетъ внѣшній видъ монастыря во время разлива Ишни, а другой—внутренній видъ Сергіевскаго придѣла въ холодной церкви, въ которомъ (у окна) находится могила преосвященнаго Августина.

А. Титовъ.

---

[1]) Преосвященный Августинъ. Критико-біографическій очеркъ, Н. Калинникова, Спб., 1866 г., стр. 48.

ОЧЕРКИ ТАМБОВСКАГО БЫТА XVII И XVIII СТОЛѢТІЙ.

ВЪ РАСПОРЯЖЕНІЕ Тамбовской ученой архивной коммиссіи поступило нѣсколько новыхъ документовъ, касающихся мѣстнаго быта XVII—XVIII столѣтій. Всѣ они показались мнѣ на столько интересными для уясненія нашей бытовой исторіи, что я рѣшился воспользоваться ими и дать читателямъ нѣсколько замѣтокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ мнѣ кажется, могутъ имѣть не только мѣстный, но общерусскій характеръ.

Еще задолго до реформы 19-го февраля ожиданія ея, вызываемыя крайнею общественною необходимостію, уже бродили въ нашемъ народѣ, чаявшемъ исхода изъ великой всенародной бѣды отъ единой царской власти, сказавшей послѣднее слово свое устами Царя-Освободителя и Мученика. И эта народолюбивая власть постепенно снимала оковы. Еще въ XVII вѣкѣ разрѣшено вотчинникамъ отпускать своихъ крѣпостныхъ на волю. И многіе вотчинники по разнымъ причинамъ, преимущественно религіознаго характера, добровольно разставались съ своею челядью и домашнимъ обычаемъ, освященнымъ юридическими правами XVII вѣка, пускали холоповъ на всѣ четыре стороны. Такъ одинъ мѣстный помѣщикъ Тепляковъ въ 1667 году далъ отпускную своему человѣку Микиткѣ Аѳанасьеву слѣдующаго содержанія:

«Гдѣ хочетъ Микитка, тутъ и живетъ, а мнѣ Нестеру Теплякову и моему роду и племени до того Микитки дѣла нѣтъ. А отпускную писалъ я, Нестеръ, своею рукою».

Побрелъ послѣ того Микитка по бѣлу свѣту. Много онъ со своею семьишкою натерпѣлся горя-злосчастья, босоты и наготы,

безкормицы и всякаго безвременья. Но все это было безвременьемъ вольнаго человѣка, и сознаніе своей собственной воли дѣлало и черствый кусокъ хлѣба сравнительно сладкимъ. Бывая у разныхъ хозяевъ наймитомъ, Микитка скопилъ себѣ казну не малую— 5 рублевъ, и за тѣ деньги купилъ въ деревнѣ Погорѣлкахъ у тяглеца Пантелѣева избу съ огородомъ и зажилъ своимъ вольнымъ трудомъ хоть и нудно, за то на всей своей волѣ. Сталъ онъ землю пахать, благо порожжей дикой степи было у насъ вволю и шла она охотникамъ до нея ни почемъ, и сдѣлался нашъ Микитка, наравнѣ съ другими Микитками и Петрушками, вольнымъ государственнымъ тяглецомъ. Правда, въ деревнѣ Погорѣлкахъ не всегда было покойно. Почасту приходили къ ней, какъ и во всѣ тамбовскія мѣста, татарскіе, ногайскіе и калмыцкіе воинскіе люди. То бывало хлѣбъ потолочутъ, то скотину угонятъ, то селитьбы сожгутъ, а то и людей побьютъ и уведутъ въ неволю. Но на все это была воля Божія и отъ всего этого была на всякій случай охрана: и надолобы деревенскіе, и царскія всякія крѣпости, и служилые люди... Микитку съ его семьишкою и рухлядишкою Богъ хранилъ. Въ то время, когда набѣгали воинскіе люди, угонялъ онъ въ лѣса или степныя балки скотину свою, загодя хоронилъ отъ напасти въ укромныхъ мѣстахъ семью свою и по миновании тревоги возвращался домой цѣлъ и невредимъ, съ обычнымъ своимъ крестьянскимъ достаткомъ...

Подобныхъ Микиткѣ тяглецовъ было у насъ въ XVII вѣкѣ не мало. Добрые господа въ Русской землѣ никогда не переводились и отпущенниковъ было у нихъ всегда довольно. Эти отпущенники, переходя на государственное тягло и избываючи татарской неволи, собирались у насъ сельскими и деревенскими общинами въ крѣпкихъ мѣстѣхъ, строили вокругъ своихъ избъ и огородовъ надолобы, чтобъ отъ непріятельскихъ людей жить было имъ бережно, и постепенно такимъ образомъ созидали мѣстную русскую колонизацію—военно-крестьянскую... На луга ли сѣно косить, въ лѣсъ ли дерево рубить—хоромное и дровяное, или въ поле пахать-боронить,—всюду наши тамбовцы выѣзжали осторожливо, забирая съ собой на всякій случай, кромѣ хозяйственныхъ орудій, и воинское оружіе: пики, рогатины, сабли, кистени и самопалы...

А которые крестьяне были маломочные и на себя не надѣялись, тѣ снова примыкали къ боярскимъ и монастырскимъ вотчинамъ, отбывали тамъ договорныя повинности и пользовались вотчиннымъ покровительствомъ, нерѣдко дѣлаясь впослѣдствіи настоящими крѣпостными...

Наши тамбовцы XVII вѣка были люди въ большинствѣ очень богомольные. Поэтому, лишь только собирался достаточно населенный, дворовъ въ 50, починокъ, міряне строили себѣ малыя дере-

вянныя церкви и набирали причтъ. При выборѣ членовъ причта они заботились не столько о томъ, чтобы ихъ избранники были люди книжные, сколько объ ихъ добропорядочности. Въ заручныхъ крестьянскихъ челобитныхъ епархіальному начальству обыкновенно встрѣчаются такія выраженія: «Быть ему (имя) въ нашемъ селѣ у церкви... во священникахъ (или въ иномъ чинѣ)... а къ службѣ церковной быть во всякой готовности и въ чистотѣ и трезвости; и въ церкви было-бъ благочинно по чину церковному, чтобъ во алтари надъ престоломъ, такожде на святыхъ иконахъ и на стѣнахъ, пыли и паутины нигдѣ не было-бъ. Да еще бы прекословія и мятежа никакого не чинить».

Множество новоявленныхъ памятей встрѣчается у насъ и такого содержанія: «Быть тебѣ... при церкви... и хранить себя во всякой чистотѣ и исправлять всякое божественное служеніе по преданію святыхъ апостоловъ и богоносныхъ отецъ... и содержать себя во всякомъ послушаніи и не упиватися и не безчинствовать и имѣть въ себѣ страхъ Божій и памятствовать часъ смертный и будущее воздаяніе».

Всѣ эти памяти, настойчиво и безпрерывно поучающія ставленниковъ воздержному и чиновному житію по правиламъ святыхъ отецъ, представляютъ намъ ясное доказательство того, что въ періодъ нашей усиленной колонизаціи XVII вѣка, когда сомнительные утеклецы, бродники и сходцы со всѣхъ московскихъ сторонъ собирались въ наши степи, и само духовенство наше въ большинствѣ далеко не стояло на высотѣ своего пастырскаго призванія. Рѣдко возвышалось оно надъ сбродною тамбовскою массою и умомъ, и нравами, и всѣмъ житейскимъ обычаемъ. Не потому ли въ мѣстной народно-устной литературѣ обращается такое множество острословій и сказаній, крайне нелестныхъ для духовнаго чина?...

А между тѣмъ сбродное наше населеніе глубоко сознавало потребность нормальной государственно-общественной жизни, причемъ церковные идеалы являлись, конечно, господствующими. И эти идеалы до нѣкоторой степени осуществлялись въ мѣстной жизни и укрѣпляли Тамбовскій край въ его колонизаторской роли, созидая на дико-порожжей степи и въ мордовско-мещерскихъ лѣсныхъ захолустьяхъ надежную и крѣпкую Русской землѣ московскую украйну, замѣчательно сильную въ дѣлѣ ассимиляціи разнообразныхъ мѣстныхъ инородческихъ элементовъ. Безъ всякихъ боярскихъ приказовъ, невольнымъ народнымъ тяготѣньемъ къ нашей благодатной и привольной землѣ, тихо, постепенно и безповоротно мѣстные колонизаторы строили въ Тамбовскомъ краѣ новую и крѣпкую русскую область. Во главѣ тамбовскихъ колонизаторовъ XVII вѣка стояли многочисленные мѣстные иноки. Ихъ обители всѣ до одной были болѣе или менѣе бѣдныя и, стало быть, привлекали къ себѣ поселенцевъ преимущественно дѣловаго и строго-

нравственнаго характера, чуждыхъ вожделѣній празднаго и безпечальнаго житія... Вокругъ тамбовскихъ монастырей строились обыкновенно русскія слободки, скоро превращавшіяся въ села и деревни; за монастырскими оградами въ праздничные дни собирались разные торговые люди и устроивали русскіе торги... При такихъ условіяхъ мѣстные многочисленные инородцы, присматриваясь къ дѣловитой и сравнительно культурной жизни юркихъ и смышленыхъ нашихъ русскихъ сходцевъ, постепенно перенимали русскіе обычаи, русскую рѣчь и самую вѣру... Въ этомъ послѣднемъ случаѣ важнѣйшую роль, какъ энергическіе распространители православія, исполняли, конечно, наши монастыри. Всѣмъ скромнымъ и дѣловымъ укладомъ своей жизни они производили неотразимое и благотворное вліяніе. Всѣ видѣли ихъ истовое строгочиновное богослуженіе, ихъ обыденную житейскую порядливость и хозяйственность... Несомнѣнно, что тамбовскіе монастыри XVII вѣка имѣли для всего нашего края не только религіозное, но и общественно-государственное значеніе... И если большинство нашихъ тамбовскихъ инородцевъ, въ томъ числѣ вся мещера и кадомскіе буртасы, давно забыло о своемъ инородческомъ происхожденіи и совершенно слилось съ господствующимъ населеніемъ, сохраняя въ настоящее время только нѣкоторыя особенности въ говорѣ и одеждѣ, то это преимущественно работа монастырская... Въ русскомъ религіозно-національномъ духѣ работали у насъ не одни мужскіе монастыри, но и женскіе.

Въ данномъ случаѣ я обращаю вниманіе читателей только на одинъ монастырь, на тамбовскій Вознесенскій женскій. Пусть по немъ судятъ и о другихъ монастыряхъ Тамбовскаго края, болѣе выдающихся въ церковно-историческомъ отношеніи.

Вознесенскій монастырь, основанный въ концѣ XVII вѣка тамбовскимъ епископомъ Питиримомъ на его келейныя деньги, былъ убогій монастырь. Первыя вознесенскія монахини помѣстились въ стѣнахъ своего монастыря кое-какъ. Онѣ жили въ тѣсныхъ курныхъ избахъ съ волоковыми и слюдяными окнами. Одѣвались въ грубыя самодѣльныя ткани и питались впроголодь... Но надъ этой нищетой было великое благословеніе владыки Питирима... Иные монастыри нашего края въ памятный 1764 годъ исчезали десятками, а Вознесенскій монастырь и теперь твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ, радуя тамбовцевъ и разнообразіемъ своихъ монастырскихъ рукодѣлій, и прекраснымъ церковнымъ пѣніемъ...

Бѣдность монастыря была такова, что онъ не имѣлъ собственнаго отдѣльнаго храма. Рождественская церковь, въ которой молились вознесенскія инокини, нижнимъ своимъ ярусомъ принадлежала приходу Полковой Слободы, а верхній ярусъ былъ монастырскій. Въ обоихъ храмахъ былъ одинъ причтъ, для прихода и монастыря.

Первыя монастырскія избы-кельи строены были по старорусскому обычаю, слишкомъ тѣсно и безъ всякаго плана. Улицъ въ издавна многолюдномъ монастырѣ не было, были только узкіе и и кривые переулки. Неудивительно поэтому, что Вознесенскій монастырь часто горѣлъ, и горѣлъ жестоко, съ полнымъ уничтоженіемъ монастырскаго имущества. Самый жестокій пожаръ случился въ 1724 году. Въ это же время горѣлъ весь нашъ городъ. При сильномъ вѣтрѣ деревянный Тамбовъ исчезалъ совершенно безпомощно. Жители безъ толку, въ ужасѣ и отчаяніи метались куда попало, наскоро захватывая хозяйственныя мелочи и забывая про болѣе цѣнное имущество. Въ это же время погибли и зданія Вознесенскаго монастыря со всѣми документами и съ одною больною монахинею, которую въ пожарной суматохѣ не успѣли выхватить изъ пламени... Но терпѣливыя монахини послѣ пожарныхъ разгромовъ снова собирались на своихъ пепелищахъ, кое-какъ ютились въ шалашахъ и землянкахъ и кропотливо обзаводились незатѣйливымъ хозяйствомъ вновь... Въ своихъ смиренныхъ хибаркахъ, вдали отъ мірскаго глаза, скромно и обильно, когда при тихомъ мерцаніи лампадъ, а чаще при трескѣ лучины, вознесенскія работницы дѣлали образцовыя работы шелками, серебромъ и золотомъ. А которыя монахини въ своемъ мастерствѣ были попроще, тѣ усидчиво ткали простыя сермяжныя сукна. Такъ и проходилъ каждый рабочій день у вознесенскихъ монахинь. То была кропотливая и неустанная работа, келейная и церковная. При такихъ условіяхъ общій итогъ монастырскаго труда все возросталъ. Возростали и симпатіи къ монастырю, въ которомъ окрестные обыватели видѣли не только училище благочестія, но и образцовую монастырскую женскаго труда...

Въ октябрѣ 1890 года Вознесенскій монастырь праздновалъ свою двухсотлѣтнюю годовщину, и по этому поводу мѣстныя симпатіи обнаружились къ нему вполнѣ...

Конечно, этотъ монастырь не можетъ претендовать на всероссійскую извѣстность. Онъ исполнялъ свое народно-религіозное назначеніе тихо и скромно. Выдающейся роли въ обще-русской церковной жизни онъ не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе, нашъ Вознесенскій монастырь заслуживаетъ глубокое сочувствіе. Для мѣстнаго населенія онъ былъ неизмѣннымъ свѣточемъ истинно-обительской жизни, безпрерывно выражавшейся въ особенномъ келейномъ трудолюбіи монахинь, въ ихъ вообще безукоризненномъ образѣ жизни и въ примѣрномъ богослужебномъ чинѣ. Этими чертами своего быта нашъ монастырь давно уже привлекъ къ себѣ дѣятельное сочувствіе мѣстнаго и окрестнаго общества. Его посѣщали и посѣщаютъ въ праздничные дни весьма охотно, а въ день Вознесенія вокругъ монастыря, по изстари заведенному обычаю, собирается съ близкихъ и дальнихъ сторонъ многотысячная толпа. Такимъ образомъ,

нашъ тамбовскій Вознесенскій монастырь тихо и скромно дѣлалъ съ самаго конца XVII вѣка свое національно-церковное дѣло. Въ толпѣ богомольцевъ бывали ежегодно у монастырскихъ стѣнъ и наши инородцы: татары и мордва, и всѣ они невольно подчинялись ассимилирующему вліянію скромной обители... Вокругъ Тамбова давно нѣтъ татаръ. Многолюдная Ценская мордва отошла въ область преданій, оставивъ намъ на память только мордовскія названія нѣкоторыхъ мѣстностей, напримѣръ, Тамбовъ, Пяшкиль, Ляда, Тригуляй, Бойкино. Кто же этихъ инородцевъ сдѣлалъ русскими? Кто претворилъ ихъ въ плоть-кровь русскую? Прежде всего и больше всего — наши монастыри и между ними Вознесенскій тамбовскій женскій монастырь. Были у насъ, разумѣется, и другіе факторы мѣстной инородческой ассимиляціи: служилые и промысловые люди, но тѣ дѣйствовали преимущественно внѣшнимъ образомъ, между тѣмъ какъ монастыри органически и безпрерывно вліяли на нашъ бытъ безъ всякаго насилія и вызывали ассимиляцію добровольную.

Не смотря на многія благопріятныя условія русской колонизаціи Тамбовскаго края XVII вѣка, общественный бытъ нашей украинной земли въ описываемое время былъ слишкомъ далекъ отъ совершенства. Къ намъ приходили отовсюду бродники, иные съ весьма сомнительнымъ прошедшимъ, и мѣстная жизнь, заново строившаяся, поэтому бродила, подготовляя элементы для будущаго. Въ нашей общественной жизни порядка настоящаго не было. Нерѣдко вольничали у насъ служилые люди, обижая маломочныхъ людей; вольничали и мірскіе, тяглые и жилецкіе люди, мало привычные къ государственно-общественной дисциплинѣ и къ уваженію права. Образованія у насъ еще не было и дикости нравовъ было вволю. Въ силу этихъ обстоятельствъ нерѣдко бывали у насъ случаи крайне неприглядnаго свойства. Напримѣръ, однажды попъ села Селища Ѳеодосій Ермиловъ славилъ Христа въ деревнѣ Анаевѣ. Зашелъ онъ по порядку къ ясашному крестьянину Дмитрію Васильеву, и онъ, Дмитрій, далъ ему попу за то славенье копѣйку. Попъ смиреннымъ обычаемъ сталъ просить о прибавкѣ, чтобы онъ, Дмитрій, еще пожаловалъ его по возможности своей. Но Дмитрій не пожаловалъ и непотребными словами сказалъ: «васъ, поповъ, много, яко собакъ, и теперь ты ко мнѣ совсѣмъ не ходи»...

На Крещеніе о. Ѳеодосій опять сталъ ходить по Анаеву съ крещенской водою. За показаннымъ отказаніемъ въ домъ Дмитрея онъ не зашелъ и былъ остановленъ имъ на улицѣ. Священникъ былъ въ эпитрахили и съ крестомъ въ рукахъ, но это обстоятельство ничуть не помѣшало озлобленному ясашному крестьянину обругать своего пастыря неподобными словами и замахиваться на него кулаками. Вся деревня видѣла эту возмути-

тельную сцену, и съ Дмитреемъ могла быть большая бѣда, но о. Ѳеодосій, очевидно, былъ добрый пастырь. Своего обидчика онъ простилъ и замялъ все дѣло, поговоря межъ себя и Дмитрея полюбовно...

Озорничествомъ занимались у насъ не одни грубые ясашные деревенскіе обыватели, но и горожане. Такъ, однажды пріѣхали въ городъ Кадомъ служилые люди для сыску злодѣевъ—воровскихъ и бродящихъ людей. И кадомскіе посадскіе люди сказали имъ: «вамъ за нами не досматривать и дѣла до насъ никакого не имѣть. А буде станете досматривать, и мы васъ уймемъ сами». Служилые люди стали на своемъ и приготовились къ розыскамъ. Тогда кадомцы, собравшись скопомъ въ тысячу человѣкъ и болѣе, окружили служилыхъ людей въ ихъ квартирахъ, разбили запертыя ворота и били всѣхъ смертнымъ боемъ, многихъ переувѣчили, руки и ноги перебили. Буйство городской толпы продолжалось ровно 6 часовъ, причемъ на городскихъ колокольняхъ били въ набатъ, и прекратилось только потому, что служилые люди смирнымъ обычаемъ ушли изъ города.

Подобные случаи въ XVII вѣкѣ не считались у насъ особенною рѣдкостью. То наши вотчинники, споривше о земляхъ, выходили другъ противъ друга воинскимъ обычаемъ и бились смертнымъ боемъ; то наша сбродная голытьба, собираясь въ разбойничьи шайки, дерзко грабила ближнія и дальнія мѣста, основывалась въ укрѣпленныхъ городкахъ и самоувѣренно вызывала на бой царскія дружины.

Съ наступленіемъ Петровскихъ реформъ просвѣтительныя начала стали проникать и въ нашу глушь. Въ началѣ XVIII вѣка и въ Тамбовѣ, при канцеляріи тамбовской провинціи, явилась цыфирная школа. Учителемъ въ ней былъ нѣкто Игнатій Ярославовъ, обучавшій дѣтей дворянъ, однодворцевъ и подьячихъ цыфири и нѣкоторой части геометріи. Курсъ обученія былъ четырехлѣтній, но иные заматорѣвшіе въ лѣни тамбовскіе юнцы засиживались въ провинціальной школѣ гораздо дольше, лѣтъ по 10 и болѣе. Какъ учились и какъ жили первые тамбовскіе школьники, про то нечего и говорить. Порядки были извѣстные: зубреніе, сѣченіе, озорство всякое съ обѣихъ сторонъ, превеликая бѣдность—вотъ и все!.. Великое школьное дѣло, эта душа всякой государственно-общественной жизни, зачиналось у насъ, какъ и вездѣ на Руси, при условіяхъ тяжелыхъ. Педагоги школили, а не учили; ученики школьничали, а не учились. Иные тамбовскіе школьники, убоясь премудрости и другихъ школьныхъ сладостей, бѣжали куда попало: домой, въ монастыри и на Донъ. Въ послѣднемъ мѣстѣ плохіе тамбовскіе школьники нерѣдко оказывались хорошими казаками и всякую казацкую службу служили обще со всѣми казаками на ряду. Физической силы и удали,

стало быть, было у насъ вволю; не доставало только охоты къ умственному свѣту и была какая-то непостижимая свѣтобоязнь. Старый тамбовскій школяръ съ утра до ночи безропотно могъ нести воловій трудъ: рубить, косить, пахать, а книжки и учительской линейки боялся пуще огня.

Бѣжали тамбовскіе школьники и въ сѣверные наши уѣзды, и въ Липецкій уѣздъ на желѣзные заводы, гдѣ охотно и не спрашивая паспортовъ принимали ихъ. А худшіе школьные элементы, случалось, попадали и въ разбойничьи шайки, которыхъ въ старое смутное и неупорядоченное время было у насъ такъ много, особенно въ Саровскихъ, Вадовскихъ и Ценскихъ лѣсахъ.

Въ 1720 году въ тамбовской провинціи полученъ былъ грозный царскій указъ объ ученіи, опричь дворянскихъ и духовныхъ дѣтей, цифири и геометріи, и подьяческихъ и всякаго чина дѣтей. Страшно было ослушаться царя, однако указъ остался безъ исполненія. Тогда всѣхъ упорныхъ въ сопротивленіи царской волѣ, заматорѣвшихъ юнцовъ стали ловить и отдавать въ солдаты, или же въ распоряженіе мѣстной подрядной канцеляріи для свайныхъ, бударныхъ и паромныхъ работъ. Но и эти суровыя мѣры не такъ пугали отжившую тамбовскую молодежь, какъ грамота и цыфирь. Умственная косность въ нашихъ краяхъ была ужасающая и повальная. Многіе недоросли не знали даже, сколько имъ лѣтъ отъ роду, и такое незнаніе простодушно объясняли въ воеводскихъ канцеляріяхъ своимъ безумiемъ... Случалось, что неграмотными бывали у насъ не только воеводы съ ихъ товарищами, но отчасти и протопопы, какъ, напримѣръ, темниковскій протопопъ Матвѣй Добронравовъ, который читалъ плохо, а писать вовсе не умѣлъ. Вообще, священники были у насъ столь безуспѣшны въ грамотѣ, что и мальчиковъ не стоили[1]).

Гораздо удачнѣе въ нашемъ краѣ оказались мѣры Петра Великаго касательно ремесленнаго и земледѣльческаго образованія. Благодаря энергіи царя-хозяина, къ концу его царствованія у насъ было не мало опытныхъ кузнецовъ, слесарей, коноваловъ, столяровъ, ткачей, косцовъ и каменьщиковъ.

Въ сравнительно лучшемъ состояніи грамотность была у нашихъ сектантовъ, нерѣдко тайно содержавшихъ въ своихъ домахъ маленькія школы. Одинъ изъ сектантскихъ наставниковъ, Тарасъ Максимовъ, пріобрѣлъ даже въ своемъ кружкѣ славу знаменитаго проповѣдника. Вотъ для примѣра одна изъ его краткихъ проповѣдей: «Не мои слова, братцы мои, слушать будете, но Христовы. Стойте въ вѣрѣ, тверди бывайте, не поступни и не слушайте суетныхъ людей, ибо мы скоро переселимся въ Персію и то — наша обѣтованная земля».

---

[1]) Слова тамбовскаго епископа Ѳеофила.

Глубокое невѣжество нашихъ тамбовскихъ предковъ выражалось, между прочимъ, въ грубѣйшемъ суевѣріи. Сельскіе и деревенскіе волхвы XVII вѣка, между которыми попадались иногда и лица духовнаго званія, лѣчили и портили людей и скотину разными заговорными травами, кореньями и сушеными птицами. Нерѣдко волхвовъ брали къ допросу, а они отвѣчали судьямъ: «въ домѣ моемъ имѣются въ лукошкахъ травы, коренья и птицы, и то для даванія хворому скоту, а не для уязвленія смертныхъ; и нѣтъ тутъ никакого волшебства или подозрительства»...

Тамбовскіе простецы всѣмъ сердцемъ вѣрили въ волшебство. Вотъ почему въ нашихъ приказахъ и канцеляріяхъ очень часто встрѣчаются дѣла волшебныя. То дѣвку Ирину обвиняли у насъ въ дачѣ разнымъ женкамъ корня-молодила, чтобъ не было у тѣхъ женокъ дѣтей; то дѣвку Авдотью винили въ разныхъ привораживаньяхъ... То тянули къ суду и слѣдствію женку Акимову за волшебныя зелья, составленныя съ тою цѣлію, чтобы господа Акимовой дворовыхъ людей своихъ любили...

Слишкомъ неохотно шли въ былыя времена наши тамбовцы въ царскую солдатскую службу. Представлялась она имъ въ такомъ ужасномъ видѣ, что они, избывая солдатчины, калѣчили себя: рубили пальцы на рукахъ и ногахъ, рвали и выбивали зубы и кололи глаза. Ихъ за это воеводы били плетьми и, всетаки, сдавали на службу, а калѣченіе и послѣ того не унималось...

Съ открытія Тамбовской епархіи (1758 г.) и тамбовскаго намѣстничества (1779 г.) мѣстныя дѣла пошли нѣсколько лучше. Между священниками Тамбовской епархіи появилось нѣсколько довольно образованныхъ, обучавшихся въ переяславской и другихъ семинаріяхъ. Эти мѣстные церковные дѣятели стали приводить своихъ прихожанъ къ повиновенію церкви. Не ограничиваясь требоисправленіемъ, они стали требовать отъ нихъ знанія нѣкоторыхъ молитвъ, символа вѣры и заповѣдей, и съ этой цѣлью учили ихъ всему тому въ церквахъ и домахъ. Но прихожане, избалованные прежними церковными непорядками, очень часто являлись къ тому весьма противны и непослушны, особливо никогда въ церковь Божію не ходившіе; поученій пастырскихъ они не слушали, не исповѣдывались и не причащались; священниковъ ругали и православныя церкви именовали мизгитами...

Ясно такимъ образомъ, что въ Тамбовскомъ краѣ уже давно была готова почва для противоцерковной пропаганды раціоналистическаго и мистическаго направленій, главнѣйшими условіями которыхъ были какъ самый характеръ мѣстнаго сброднаго, неуживчиваго населенія, такъ и нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства мѣстной церковной жизни.

Правительственная энергія въ Тамбовскомъ краѣ съ особенною

силою и благотворными послѣдствіями обнаружилась при губернаторѣ Г. Р. Державинѣ. Энергичный насадитель тамбовскаго просвѣщенія и правосудія, онъ былъ столь же дѣятеленъ по всѣмъ дѣламъ. Въ 1787 году онъ послалъ въ Темниковскій уѣздъ своего чиновника Анкундинова съ цѣлью исправленія путей сообщенія. Анкундинову данъ былъ строгій приказъ: истребить, въ его присутствіи, мокшанскіе мосты на козлахъ и сваяхъ и построить вмѣсто нихъ живые мосты на канатахъ и плоты на арканахъ; а также очистить заколы, засоры, бичевники и колоды на 10 саженъ отъ берега... Все это было исполнено точно и быстро и подъ личнымъ надзоромъ самого Анкундинова, который очень хорошо зналъ, что его начальникъ увлекается не одною поэзіею, но и служебнымъ долгомъ...

Г. Р. Державинъ входилъ во всѣ мелочи тамбовской жизни. Онъ былъ не только начальникомъ, но и воспитателемъ жителей нашего города. Не говоря объ основанныхъ имъ тамбовскихъ школахъ, можно здѣсь съ удовольствіемъ и особеннымъ уваженіемъ къ памяти поэта-правителя вспомнить про тѣ еженедѣльныя дневныя и вечернія собранія, которыя практиковались въ губернаторскомъ домѣ въ интересахъ мѣстнаго общества. Во время этихъ собраній дѣти шутя учились танцамъ, иностраннымъ языкамъ, даже наукамъ; взрослые же тамбовцы постепенно пріучались къ такъ называемымъ порядочнымъ манерамъ. А самъ хозяинъ былъ такъ любезенъ, гостепріименъ и находчивъ, что гостямъ его всегда было весело. Повидимому, и самъ Державинъ не скучалъ въ Тамбовѣ. Это видно изъ его переписки съ друзьями и изъ его неутомимой и разнообразной тамбовской дѣятельности. Въ нашемъ городѣ знаменитый поэтъ былъ всѣмъ вся. Онъ и начальникъ, и педагогъ, и судья, и благотворитель, и защитникъ угнетенныхъ и обиженныхъ. Пописывая отъ своего имени разные стихи, онъ охотно исправлялъ проповѣди священникамъ и на всякіе торжественные случаи составлялъ разсужденія и рѣчи. Извѣстная рѣчь козловца Захарьина, сказанная при открытіи тамбовскаго главнаго народнаго училища и въ свое время надѣлавшая шуму даже въ Петербургѣ, сочинена была самимъ Державинымъ.

При случаѣ Державинъ былъ очень строгъ съ своими подчиненными. Съ особенною неумолимостію онъ преслѣдовалъ казнокрадство, мелкое и крупное, — мелкихъ и крупныхъ его представителей. Извѣстна его исторія съ вице-губернаторомъ Ушаковымъ и богатымъ купцомъ Бородинымъ.

Замѣчательна была доступность Державина. Масса тамбовской голытьбы вѣрила въ него и валила къ нему со своими слезными прошеніями, и Державинъ имѣлъ терпѣніе говорить съ каждымъ просителемъ и направлять его въ извѣстныя присутственныя мѣста отъ себя лично...

Разумѣется, въ тогдашнемъ косномъ Тамбовѣ у Державина была масса насмѣшниковъ и враговъ, желавшихъ прозябанія на прежнихъ косныхъ основаніяхъ и на почвѣ самодовольнаго ретроградства. Эти враги вредили Державину посредствомъ своихъ связей и напустили на него извѣстнаго Гудовича, бывшаго въ то время рязанскимъ и тамбовскимъ генералъ-губернаторомъ. Ретроградное ожесточеніе противъ Державина доходило до того, что нѣкоторые мѣстные магнаты грозили ему насиліями и личными оскорбленіями. Но нашъ поэтъ-губернаторъ былъ далеко не трусъ и велъ свои дѣла смѣло и увѣренно. И я думаю, что тамбовскій періодъ Державинской дѣятельности едва ли не самый блестящій. Правда, въ концѣ концовъ Доржавина, всетаки, смѣстили, и край нашъ, къ своему несчастію, лишился лучшаго изъ своихъ правителей, который искренно полюбилъ Тамбовскую землю и все свое время и весь свой умъ посвящалъ ея благу. Впослѣдствіи, вспоминая тамбовскую жизнь свою, Державинъ писалъ: «къ службѣ я былъ способенъ, неповиненъ руками и чистъ сердцемъ».

Преемники Державина уже не могли вполнѣ замѣнить его, и мѣстное общество, никѣмъ серьезно не поощряемое и не направляемое, долго представляло мало привлекательныхъ сторонъ. Дошло до того, что, когда въ Тамбовской губерніи не оказалось средствъ для поддержанія народныхъ училищъ и нужно было открыть мѣстное отдѣленіе библейскаго общества и губернаторъ А. М. Безобразовъ по этимъ поводамъ обратился за поддержкою къ богатому тамбовскому дворянству, то нѣкоторые изъ его предводителей, напримѣръ, шацкій Звегинцевъ, отвѣчали ему такъ: «вступить въ число членовъ общества никто изъ шацкихъ дворянъ не изъявилъ желанія»... Коротко и ясно!

А мѣстное духовенство въ то же время систематически укрывало дѣтей своихъ отъ школы и охотно платило за это штрафы, не смотря на просвѣтительную дѣятельность такихъ умныхъ и энергичныхъ архипастырей, какъ Ѳеофилъ и Іона... Послѣ этого о купцахъ и мѣщанахъ и говорить нечего: тѣ прямо говорили про дѣтей своихъ, что имъ ученіе не нужно и что ко оному они неспособны. Только одинъ Державинъ умѣлъ справляться съ ихъ косностію. Онъ забиралъ въ школы тамбовскихъ купецкихъ и посадскихъ дѣтей силою...., а затѣмъ старался пріохотить ихъ къ ученію дѣломъ и ласкою и успѣха добивался...

Съ развитіемъ дѣятельности мѣстной духовной семинаріи и гимназіи умственная жизнь Тамбовской земли нѣсколько оживилась. Мѣстные семинаристы и гимназисты дали Русской землѣ нѣсколько выдающихся дѣятелей. Но это были явленія одиночныя, возвышавшіяся надъ общимъ складомъ спавшей Тамбовской земли въ видѣ исключеній. Пробужденіе нашего края и несомнѣнно по-

ступательное движеніе его началось въ эпоху реформъ Царя-Освободителя и совершается теперь.

И надобно думать, что развитіе Тамбовской земли упрочено. Порукою въ этомъ могутъ служить ея естественныя богатства и многолюдное, въ огромномъ большинствѣ чисто русское населеніе.

Нѣсколько столѣтій сряду, до начала XVIII вѣка, въ нашихъ Мещерскихъ и Мордовскихъ лѣсахъ жили изъ года въ годъ бутные многіе люди и безъ всякаго милосердія и толку выжигали эти лѣса на поташъ, смолу и пашню. Въ нашихъ захолустьяхъ безпрерывно возникали все новые и новые майданы и боярскія вотчины и поташнымъ и смолчужнымъ и пашеннымъ дѣломъ тѣ захолустья рубили и пустошили... А между тѣмъ и доселѣ Тамбовскій край богатъ лѣсомъ. А еще богаче онъ своими лугами, пашнями и всякими хозяйственными угодьями. Есть къ чему приложить умѣлыя руки... Сумѣли тамбовцы ассимилировать нашъ обширный инородческій край, сумѣютъ они устроить и свой бытъ. Лишь бы умственнаго свѣту было побольше, да труда, да покрѣпче держалась бы Тамбовская земля исконныхъ и хорошихъ русскихъ принциповъ въ духѣ истоваго православія и любви къ Царю-надежѣ и отечеству...

И. Дубасовъ.

ВЕЛИКІЙ АДМИРАЛЪ ОКЕАНА[1].

Къ ПЕРВЫХЪ чиселъ августа начались и все еще продолжаются въ десяткахъ городовъ и мѣстечекъ празднества въ честь человѣка, четыре столѣтія тому назадъ прибавившаго, къ ставшему уже тѣснымъ, Старому Свѣту Новый. Мы слышимъ о съѣздахъ, конгрессахъ ученыхъ, слышимъ о выставкахъ «Колумбовскихъ», ежедневно почти телеграфъ разноситъ извѣстія о грандіозныхъ торжествахъ, передъ нашими глазами втеченіе немногихъ мѣсяцевъ выростаетъ цѣлая литература, и причиною всему одно событіе, одинъ человѣкъ.

Не много недѣль тому назадъ Уельва (Huelva), полузаглохшій городокъ юго-западнаго прибрежья Испаніи, былъ сценою необычайнаго зрѣлища. Рѣдко посѣщаемыя воды его рейда были покрыты многочисленными судами европейскими и американскими, въ воздухѣ развѣвались флаги всѣхъ существующихъ государствъ Новаго Свѣта, и громъ пушекъ привѣтствовалъ утро дня, въ который, тому назадъ четыреста лѣтъ, вышли изъ гавани, направляясь къ неизвѣстному западу, три каравелы Христоваля Колона, «великаго адмирала океана», какимъ отчасти по капризу, отчасти изъ расчета, назначила его благочестивая королева Изабелла Католическая; едва ли она вѣрила много въ затѣи неизвѣстно откуда забредшаго въ Испанію авантюриста, но не могла ей и не улыбнуться мысль при помощи этого Христоваля обратить для вящей славы Божіей нѣсколько лишнихъ десятковъ тысячъ невѣрныхъ въ католицизмъ, а главное, добыть золота, поболѣе золота для пополненія тощей испанской казны.

Оставимъ, однако, торжества нашихъ дней, оставимъ толки о нихъ въ газетахъ и журналахъ, и хлопоты и заботы вѣрующихъ

[1]) Титулъ, присвоенный себѣ Колумбомъ.

католиковъ, заинтересованныхъ въ томъ, стоитъ ли канонизаціи въ святые человѣкъ, открывшій Америку, если доказано, что онъ находился въ родственной связи съ жидовкою,—и обратимся къ тому, что было за четыреста лѣтъ до настоящихъ событій. Факты жизни великаго адмирала считаются правда общеизвѣстными, но въ нихъ и по настоящее время много загадочнаго, много неразъясненнаго, много такого, что врядъ ли когда будетъ вполнѣ извѣстно.

Пятница, 3-го августа 1492 года. Небольшой городокъ Палосъ, уже не разъ бывшій исходнымъ пунктомъ отважныхъ морскихъ экспедицій на югъ, въ землю черныхъ людей, въ тихое море и къ мысу бурь, опять полонъ оживленія. Въ гавани стоятъ оснащенныя, вполнѣ готовыя къ отплытію, три небольшихъ быстроходныхъ судна: высокая корма и носъ, не сложная оснастка въ родѣ, какъ у нынѣшнихъ каботажныхъ судовъ береговъ Испаніи и Италіи, въ заднихъ люкахъ торчащія жерла небольшихъ орудій — вотъ характеристичныя черты этихъ такъ называемыхъ каравеллъ. Часто уже раньше отправлялись подобныя суда изъ Палосской гавани, но никогда не вызывали столько толковъ, какъ теперь. Все объяснялось цѣлью экспедиціи. Суда отправлялись не въ изслѣдованныя уже моря, а туда, на западъ, куда никто еще, насколько помнили палосцы, безнаказанно не направлялся. Въ членахъ экспедиціи, по скольку она не состояла изъ выпущенныхъ на волю каторжниковъ, жители Палоса принимали большое участіе: они видѣли, какъ на вѣрную смерть увлекалъ ихъ чужеземецъ, не то итальянецъ, не то грекъ, благодаря соизволенію короля и королевы, осуществлявшій теперь свой отчаянный замыселъ.

Кто былъ онъ—этотъ Христоваль Колонъ, какъ называли его испанцы, про это очень не многіе изъ современниковъ могли бы сказать что опредѣленное. Извѣстно было, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ обращался то къ одному двору, то къ другому, съ тѣмъ, чтобы ему доставили возможность выполнить его авантюристическій проектъ: достигнуть по западному морю восточныхъ странъ. Извѣстно было также, что долгое время всѣ его попытки оставались тщетны. Въ 1489 году лишь наконецъ счастье ему какъ будто улыбнулось. Кастильцы осаждали городъ Бацу, одинъ изъ наиболѣе крѣпкихъ оплотовъ испанскихъ мавровъ, и уже готовы были взять его. Вдругъ въ испанскомъ лагерѣ неожиданно являются двое нищихъ монаховъ съ Гроба Господня съ письмомъ отъ султана египетскаго. Письмо было тутъ же прочитано и въ немъ нашли угрозу немедленно перерѣзать всѣхъ христіанъ въ Палестинѣ, Египтѣ и Сиріи, если католическіе короли не перестанутъ притѣснять правовѣрныхъ. Кастильцы, конечно, осады не оставили, но на благочестивую католическую королеву письмо все-

таки оказало свое дѣйствіе. Она послала богатые денежные подарки францисканскому братству, охранявшему Святой Гробъ, и стала думать о крестовомъ походѣ. Этимъ воспользовался Христоваль Колонъ, снова заговорилъ о своемъ планѣ, прибавивъ теперь къ нему еще проектъ: при помощи сокровищъ Индіи обратить въ христіанство подданныхъ великаго хана и освободить Іерусалимъ

Наиболѣе распространенный портретъ Колумба.

отъ ига мусульманъ. Королева этотъ планъ одобрила, но, всетаки, до окончанія вейны съ маврами не желала предпринимать никакихъ экспедицій. Опять послѣ этого заглохли свѣдѣнія о Колумбѣ, онъ гдѣ-то скитался вмѣстѣ со своимъ малолѣтнимъ сыномъ, пока осенью 1491 года снова не отыскали его слѣдъ. Всѣмъ было извѣстно, какъ въ ненастный осенній день Колумбъ явился у воротъ

палосскаго монастыря Ла-Робида усталый, въ изорванной одеждѣ, и просилъ какъ милостыни хлѣба и глотка воды для своего десятилѣтняго сына. Извѣстно было далѣе, какъ пріоръ монастыря радушно принялъ у себя скитальца, разспросилъ его о его злоключеніяхъ, выискалъ ему могущественныхъ покровителей, доставившихъ ему расположеніе благочестивой королевы. Опять пришелъ скиталецъ къ королевскому двору, но и тутъ чуть не пришлось ему снова уйдти ни съ чѣмъ, такъ какъ не желали согласиться на то, что онъ требовалъ себѣ на случай успѣшнаго окончанія экспедиціи: онъ желалъ получить титулъ адмирала, санъ вице-короля земель, какія откроетъ, десятую часть доходовъ и дворянство для себя и своихъ потомковъ. Многіе противились этимъ притязаніямъ, но сама королева Изабелла, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ необычайной личности Колумба, въ концѣ концовъ удовлетворила всѣмъ его требованіямъ и дала ему возможность выбраться на открытый просторъ океана для новыхъ открытій.

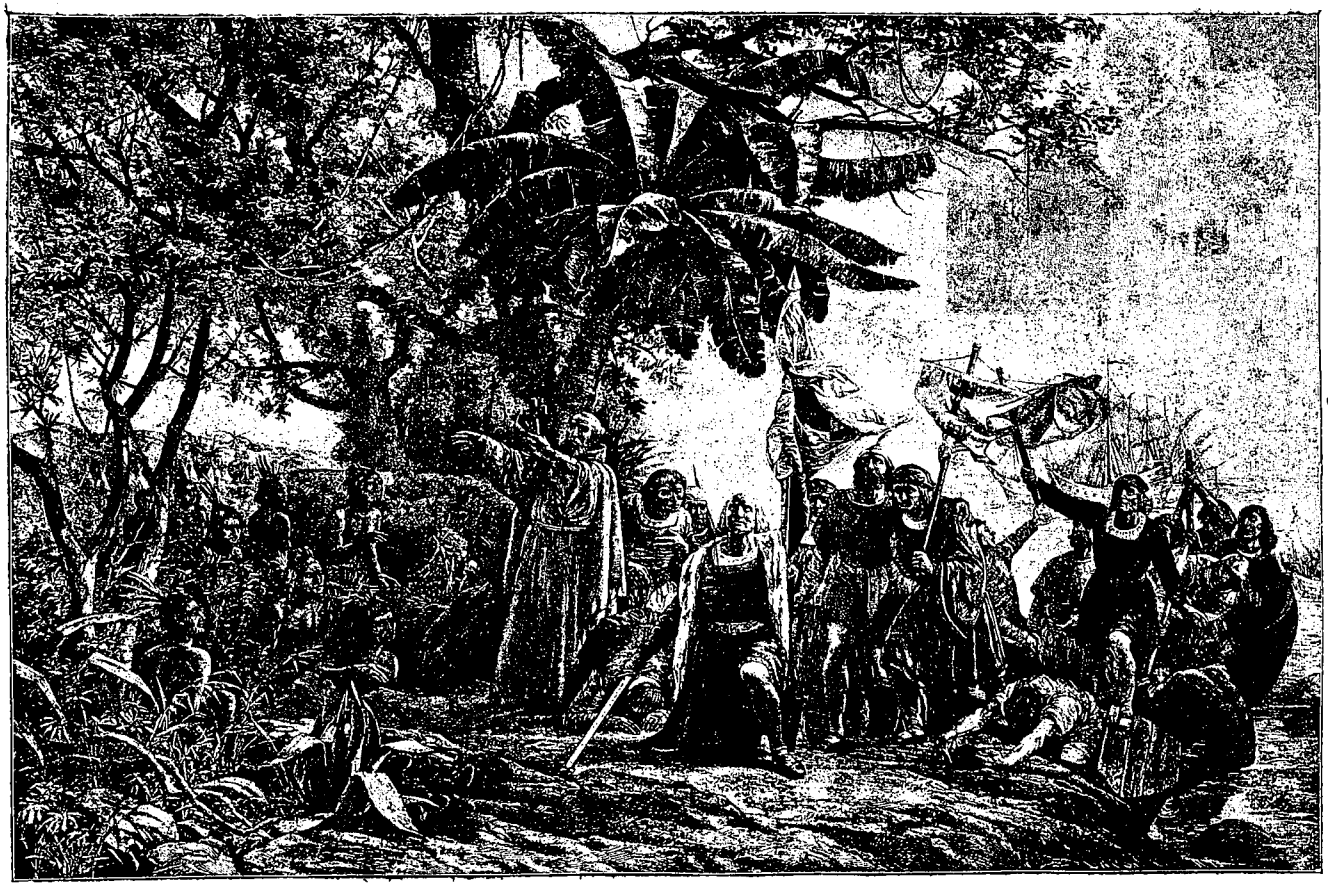
Таковы были факты, которые знали его современники, но всѣ они относились лишь къ тому времени, которое Колумбъ пробылъ въ Испаніи. Кто же былъ онъ самъ? откуда онъ явился? Отвѣтить на эти вопросы современники затруднились бы, и эти-то вопросы и до сихъ поръ остаются для насъ во многихъ отношеніяхъ неясными и загадочными. Сынъ адмирала, сопровождавшій съ малыхъ лѣтъ своего отца, оставилъ намъ его біографію, но уже давно было замѣчено, что она болѣе чѣмъ пристрастна и полна легендарныхъ разсказовъ. Особенно много затрудненій съ опредѣленіемъ мѣстъ и цифровыхъ данныхъ. Цифры года рожденія Колумба, даваемыя разными біографами, разнятся почти на десятки лѣтъ, о мѣстѣ рожденія его, какъ о мѣстѣ рожденія Гомера, спорятъ съ десятокъ городовъ.

Новыя данныя о происхожденіи и прежнихъ приключеніяхъ Колумба, какъ и о нѣкоторыхъ родственникахъ его, можемъ мы почерпнуть изъ актовъ древней островной республики Венеціи; болѣе достовѣрнаго притомъ источника для интересующаго насъ времени и не найдти [1]).

Колумбъ—не фамилія, а прозвище: «голубь», или вѣрнѣе «мірской голубь», имя, заимствованное великимъ мореплавателемъ отъ двухъ морскихъ разбойниковъ или корсаровъ, подъ флагомъ которыхъ онъ плавалъ, бился и грабилъ на открытыхъ моряхъ. Это было имя ненавистное одно время и страшное для всѣхъ мирныхъ мореходовъ, прозвище безсердечнаго и безпощаднаго пирата, имя, которымъ матери пугали дѣтей и отъ котораго морозъ подиралъ по кожѣ каждаго честнаго человѣка.

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ о семьѣ Гріего слѣдую оригинальной статьѣ E. Lawrence'a, The Mistery of Columbus въ Harper's Magazine, 1892, 4.

Высадка кастильцевъ на берегъ Новаго Свѣта.

Картина Д. Пуэбла.

Въ первый разъ Колумбъ упоминается подъ 1469 годомъ. Въ Венеціи въ то время было въ обычаѣ ежегодно посылать три или четыре галеры, наполненныя всевозможными богатствами, въ Лондонъ, Брюгге и другіе торговые сѣверные города. Въ іюлѣ мѣсяцѣ на веслахъ и парусахъ онѣ выходили изъ Адріатики, затрогивали Малагу и Кадиксъ, медленно тянулись вдоль опаснаго берега Португаліи и затѣмъ двѣ изъ нихъ направлялись въ Лондонъ, а остальныя во Фландрскіе порты. Грузъ ихъ составляли несмѣтныя богатства, гордость и слава Венеціи, морской царицы того времени: шелка персидскіе и индійскіе, хлопокъ изъ Индіи, геммы и драгоцѣнные каменья, стекло и дорогія глиняныя издѣлія, золото въ слиткахъ и монеты золотыя, вина и южные фрукты—однимъ словомъ, все лучшее изъ того, что можно было встрѣтить въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ. Но опасенъ былъ путь для этихъ судовъ: бояться должны были они и бурь и войнъ, и главное разбойниковъ, самыми предпріимчивыми изъ которыхъ были названные нами Колумбы.

Въ іюлѣ означеннаго нами года, венеціанскій сенатъ былъ оповѣщенъ своимъ агентомъ въ Лондонѣ и Брюгге, что пиратъ Колумбъ таится въ засадѣ на дорогѣ галеръ въ сѣверныя гавани. Это и есть первый случай, гдѣ мы встрѣчаемся съ именемъ Колумба, но не знаменитаго Колумба, а извѣстнаго въ то время корсара, долго наводившаго ужасъ на европейскія моря. Христоферъ Колумбъ называетъ его своимъ родственникомъ и, быть можетъ, онъ уже теперь плавалъ съ нимъ. На этотъ разъ венеціанскимъ галерамъ удалось избѣжать засады. Черезъ два года опять въ документахъ находимъ упоминаніе о «пиратѣ» Колумбѣ. Затѣмъ на 15 лѣтъ замираютъ всякія свѣдѣнія о разбойникахъ, чтобы въ 1485 году появиться снова, но зато въ тѣмъ болѣе яркомъ свѣтѣ.

На этотъ разъ венеціанскія галеры были снаряжены особенно хорошо, такъ какъ грузъ ихъ оцѣнивался свыше двухсотъ тысячъ золотыхъ дукатовъ. Были приняты всевозможныя предосторожности, чтобы въ сохранности доставить ихъ на мѣста назначенія: онѣ должны были останавливаться во многихъ портахъ Испаніи, кораблеводы должны были слѣдить за дѣятельною защитою судовъ; въ случаѣ доставленія галеръ въ сохранности, имъ было обѣщано въ награду по 3.500 зол. дукатовъ. Между тѣмъ, пиратъ уже поджидалъ свою добычу. Старшій Колумбъ къ этому времени уже успѣлъ сойдти со сцены, и ему въ той же профессіи наслѣдовалъ сынъ его, Колумбъ младшій, истинное имя котораго было Николо Гріего, или Николай Грекъ. Но вмѣстѣ съ нимъ на судахъ пиратовъ—ихъ было семь—находимъ мы на этотъ разъ другаго Колумба, именно будущаго великаго адмирала океана и вице-короля Индіи. На высотѣ мыса С. Винцентъ завязалась битва между корсарами и охраною галеръ.

Встрѣча Колумба въ Барцелонѣ 15-го апрѣля 1493 года.
Картина Р. Балака.

«18-го сентября, — читаемъ мы въ бумагахъ венеціанскаго сената,—пришли вѣсти, что 22-го августа четыре наши фландрскія галеры подъ начальствомъ капитана Бартоломео Миніо, оставивъ Кадиксъ, подверглись нападенію со стороны Коломбо, то-есть Николая Грека, капитана семи вооруженныхъ судовъ, который шелъ подъ флагомъ короля Карла Французскаго. Была ночь, когда они напали, но битва сильная завязалась лишь утромъ. Триста человѣкъ на галерахъ было убито. Бой продолжался отъ перваго до двадцатаго часа. Въ концѣ концовъ Колумбъ побѣдилъ, взялъ галеры и увелъ ихъ въ гавань Лиссабона». Дальше разсказывается, какъ корсаръ высадилъ на берегъ капитана Миніо и купцовъ, и оставилъ ихъ тамъ безъ всего; «еле, говорится въ отчетѣ, осталось у нихъ кое-какое тряпье на спинѣ». Товары Гріего перенесъ на собственные корабли и уплылъ. Но не пошло ему впрокъ награбленное добро, такъ какъ изъ дружбы къ морской республикѣ король Карлъ VIII отобралъ у него все обратно и въ слѣдующемъ году возвратилъ венеціанцамъ.

Христофоръ Колумбъ, какъ сказано было, принималъ участіе въ этомъ сраженіи. Что съ нимъ случилось здѣсь, объ этомъ намъ разсказываетъ сынъ его и притомъ до того подробно, что нельзя не предположить, что здѣсь Фернандо Колумбъ пользовался воспоминаніями отца. Галеры венеціанскія были тяжеловѣсны и неповоротливы въ сравненіи съ быстрыми, ловкими судами корсара. Крючьями и цѣпями желѣзными скоро сцѣпились и тѣ и другія, пираты пошли на абордажъ, и началась страшная рѣзня. Венеціанцы защищались храбро, не полагаясь на оружіе, старались хоть огнемъ отомстить врагу, не жалѣя собственной жизни. Такъ былъ брошенъ огонь на судно, гдѣ находился Колумбъ. Пламя скоро обвилось вокругъ снастей, дымъ застлалъ палубу, и экипажу ничего не оставалось, какъ прыгать въ воду. Колумбъ, прекрасный пловецъ, захватилъ плывшее весло и при помощи его удержался на поверхности воды. Онъ зналъ, что всего 6 миль до берега Португаліи и направился туда. Изможденный, еле дышащій отъ усталости, приплылъ онъ къ берегу, гдѣ долго не могъ прійдти въ сознаніе. Онъ былъ недалеко отъ Лиссабона и сюда теперь направилъ онъ свой путь.

Слѣдуетъ затѣмъ извѣстный разсказъ Фернандо Колумба о томъ, какъ въ Лиссабонѣ отецъ его осѣлся, бросилъ скитальческую жизнь, познакомился въ церкви съ прекрасною дѣвушкою донной Филиппой Мониць, внучкою Перестрелло, открывшаго островъ Мадейру, какъ онъ затѣмъ занялся изученіемъ португальскихъ открытій въ отдаленныхъ моряхъ, наведшихъ его въ концѣ концовъ на мысль объ отысканіи земли по ту сторону Атлантики. Эти исторіи повторяются изъ біографіи въ біографію, особенно въ такихъ панегирикахъ или житіяхъ, какіе съ благословенія покой-

наго папы Пія IX написалъ французскій графъ Делоргъ. Но если мы ихъ отбросимъ, то опять-таки неизвѣстно будетъ, что было съ Колумбомъ отъ битвы при С. Винцентѣ до его перваго представленія ихъ королевскимъ величествамъ. Колумбъ самъ не оставилъ намъ никакихъ свѣдѣній о своей собственной ранней жизни, хотя, какъ его журналъ и письма показываютъ, онъ могъ бы написать прекрасные мемуары. Съ точностью Фенимора Купера и его же художественностью разсказываетъ онъ о буряхъ подъ тропиками, съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, впадая иногда даже въ поэзію, говоритъ онъ о своихъ работахъ и невзгодахъ, о той неблагодарности, которою заплатили за его громадныя заслуги, но о томъ, что съ нимъ было въ ранній періодъ его жизни, о томъ онъ не позаботился написать и одной тирады, какъ будто онъ стѣснялся говорить объ этомъ, нарочно старался не допустить сюда много свѣта. Изъ-за этого-то скрытнаго желанія отца и сынъ не могъ намъ сообщить ни родины, ни родителей своего отца, и поэтому-то всѣ разсказы, какіе ходятъ о происхожденіи Колумба, одинаково неточны, одинаково недостовѣрны. Это Колумбъ легендарный, который родился въ Генуѣ, въ «семьѣ честной, но бѣдной», Колумбъ историческій извѣстенъ лишь со времени битвы при С. Винцентѣ.

Какъ явилась у бывшаго морскаго разбойника мысль объ экспедиціи? Онъ былъ человѣкъ необразованный, полуварваръ, и едва ли могъ путемъ книжнымъ дойти до этого. Но зато въ мысль его легко должны были запасть наблюденія и разсказы, собранные на далекихъ поѣздкахъ, простиравшихся, по собственнымъ его словамъ, на сѣверъ за Исландію, на югъ къ берегамъ Африки; въ Португаліи затѣмъ, гдѣ онъ жилъ сравнительно долго, онъ могъ слышать и видѣть многое въ этомъ направленіи, да—въ концѣ концовъ и, помимо знаменитыхъ поѣздокъ викинговъ, Колумбъ, если неоспоримо и открылъ—въ истинномъ смыслѣ этого слова—Новый Свѣтъ для современниковъ, то былъ, всетаки, не первый, затронувшій берега его.

Есть извѣстіе, мало до сихъ поръ обращавшее на себя вниманіе [1]). Сохранился интересный путевой журналъ чешскихъ путешественниковъ князя Льва Тецеля и Шассекъ, которые въ 1466 г. посѣтили Испанію и Португалію. Они прошли отъ Праги до Брюгге и Фландріи, прошли всю Англію, гдѣ были любезнѣйшимъ образомъ приняты и сорвали тысячи поцѣлуевъ съ устъ прелестныхъ лэди двора Эдварда IV. Изъ Лондона направились они во Францію, гдѣ видѣли Людовика XI, запуганнаго, сидѣвшаго за массою запоровъ; посѣтили благороднаго Рене Анжуйскаго въ Сомюрѣ — артиста, который рисовалъ рябчика, когда ему донесли о потерѣ

[1]) H. Lawrence, l. c., p. 736, a tradition that seews to have escaped notice...

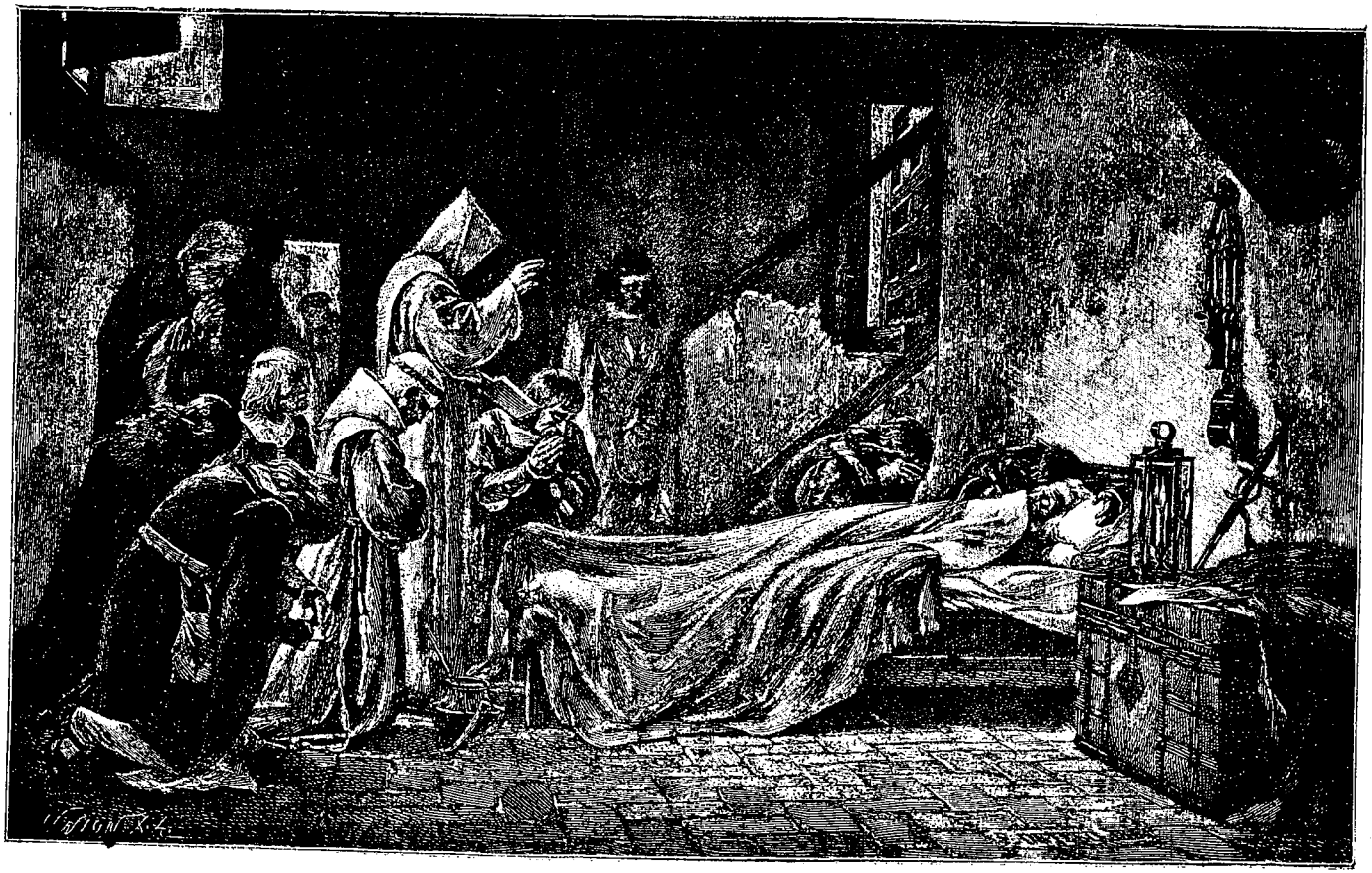
имъ Неаполитанскаго королевства, и который преспокойно продолжалъ его дорисовывать. Пришли они наконецъ и въ Испанію, видѣли ея бѣдствія и горе, ея голодающій, мрачный народъ, ея подкупныхъ поповъ и дикихъ королей, отправились поклониться Св. Іакову въ Кампостелью и, наконецъ, достигли береговъ океана. Здѣсь, въ виду загадочной развернувшейся на западъ пучины водъ, они услыхали разсказъ о трехъ корабляхъ, направившихся въ это море, изъ которыхъ лишь одинъ воротился. Посланы они были королемъ португальскимъ и три года блуждали по океану. Воротившійся корабль привезъ съ собою еле десятую часть экипажа, измученную и усталую отъ скитаній, которая разсказала странныя вѣсти о новыхъ странахъ, найденныхъ ею въ Атлантикѣ, о чудовищахъ и дикаряхъ, покрывавшихъ ихъ дальные берега. Этотъ разсказъ относится къ 1466 г. задолго до того времени, когда Колумбъ могъ задумать свою экспедицію.

Есть и другое извѣстіе, которое, однако, мало завѣрено и многими отвергается, хотя современники ему довѣряли. Разсказывали о каравелѣ, которая, на пути изъ Испаніи въ Англію, была далеко угнана въ океанъ и наконецъ пришла къ неизвѣстной странѣ. Она пришла, разсказывали, къ далекой гавани, но многіе изъ экипажа перемерли на пути; лишь рулевой и немногіе матросы спаслись и воротились обратно. Они пришли въ домъ Колумба на о-вѣ Мадейрѣ (послѣдній жилъ одно время у своего тестя) и умерли здѣсь, оставивъ будущему адмиралу свои карты, письма и записки о видѣнномъ на океанѣ.

Этихъ и подобныхъ разсказовъ сохранилось не мало и они немного уясняютъ намъ ту удивительную настойчивость, съ которою Колумбъ стремился къ осуществленію своего плана, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Фернандо и Изабелла испанскіе имъ заинтересовались, привлеченные, конечно, не въ малой степени и самой необычайной личностью этого отставнаго корсара, взявшаго на себя выполненіе одной изъ передовыхъ мыслей вѣка.

Сынъ адмирала описываетъ намъ его внѣшность въ это время. Онъ былъ высокаго роста, съ благородными тонкими чертами лица, свѣтлыми глазами, орлинымъ носомъ и волосами на головѣ и бородѣ посѣдѣвшими во время его раннихъ скитаній [1]). Это и все, что мы знаемъ о внѣшности Колумба. Въ Испаніи было много живописцевъ въ это время, достаточное количество портретовъ современниковъ сохранено ими, но никто изъ нихъ не догадался увѣковѣчить на полотнѣ черты лица замѣчательнѣйшаго человѣка той эпохи. Впослѣдствіи, конечно, и вплоть до настоящаго времени стали появляться и появляются въ довольно значительномъ коли-

[1]) Съ послѣднимъ фактомъ, какъ увидимъ ниже, стоятъ въ странномъ противорѣчіи слова самого Колумба.

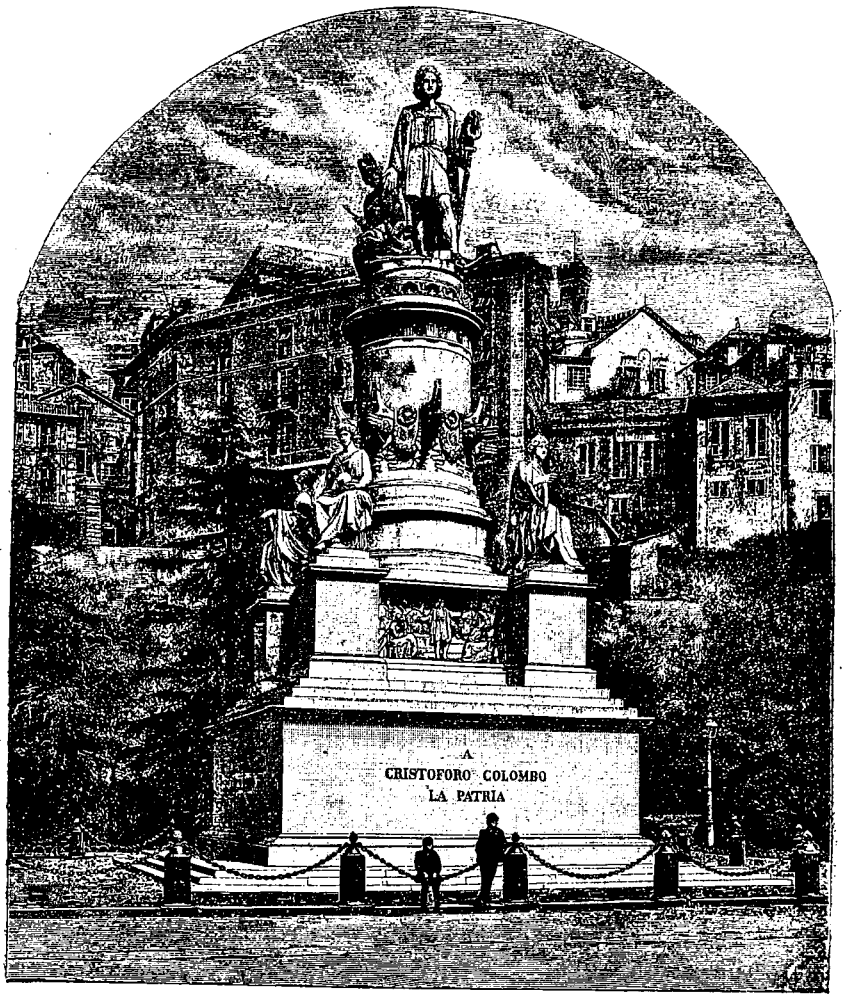

Смерть Колумба.

чествѣ его изображенія, претендующія на сходство. Даваемый нами здѣсь портретъ, отличается лишь тѣмъ, что онъ распространеннѣе и популярнѣе другихъ: на самомъ дѣлѣ и онъ не портретъ, въ собственномъ смыслѣ, а идеальное воспроизведеніе Колумба, какимъ онъ, по представленію художника, «долженъ былъ быть». Выдаваемый за настоящій еще въ недавнее время портретъ кисти Антоніо Мора не можетъ похвастаться и этой популярностью. Что касается статуй знаменитаго адмирала, которыхъ множество и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, то онѣ еще менѣе могутъ претендовать на то, что представляютъ подлинныя черты Колумба. На этотъ счетъ разсказывается довольно характерный американскій анекдотъ о памятникахъ Колумбу въ Бостонѣ и С.-Луи.

Когда въ послѣднемъ городѣ происходило торжественное открытіе памятника, одинъ изъ многочисленныхъ ораторовъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Многіе могутъ сказать намъ, что лице Колумба въ дѣйствительности было не то, какое воспроизведено нашимъ художникомъ. Это, однако, дѣло вовсе не важное. Мы съ гордостью можемъ возразить, что такимъ Провидѣніе должно было создать его, если оно имѣло въ виду, что онъ откроетъ Америку». Бостонская газета «Boston Record», воспроизводя это извѣстіе, прибавила отъ себя: «Къ сожалѣнію, мы, бостонцы, не можемъ похвастаться такимъ громаднымъ преимуществомъ. Но зато у насъ на городской площади есть статуя, представляющая Колумба, какимъ онъ былъ бы, не удайся ему открыть Америку!»

Возвратимся, однако, къ самому адмиралу. «Послѣ того какъ ваши высочества, — пишетъ онъ въ отчетѣ о своемъ путешествіи королевской четѣ,—въ настоящемъ 1492 году покончили войну съ царившими въ Европѣ маврами и заключили миръ въ великомъ городѣ Гренадѣ, я, въ томъ же году, 2-го января, видѣлъ, какъ силою оружія королевское знамя вашихъ высочествъ развѣвается надъ башнями Альгамбры и видѣлъ, какъ царь мавровъ выѣзжаетъ изъ воротъ своего города и цѣлуетъ руки вашихъ высочествъ. Въ томъ же мѣсяцѣ ваши королевскія высочества, въ качествѣ католическихъ христіанъ, цѣнителей и распространителей святой Христовой вѣры и враговъ мусульманства и всякой ереси и идолослуженія, соизволили меня, Христофора Колумба, послать въ Индійскія страны, о которыхъ я доставилъ свѣдѣнія вашимъ высочествамъ, и дать мнѣ порученія къ Великому Хану, на нашемъ языкѣ, зовущемуся царемъ царей... Ваши высочества рѣшили меня, Христофора Колумба, послать въ означенныя страны Индіи и узнать тамъ князей, народы и государства, изслѣдовать ихъ обстоятельства, ихъ обычаи и наклонности, чтобы извѣстно было, какъ поступить для введенія туда нашей святѣйшей вѣры. Вы приказали мнѣ не такъ, какъ обыкновенно, сушею отправиться на востокъ, а отыскивать Индію на западѣ по морскому пути, чего

Памятникъ Колумбу въ Генуѣ.

до сихъ поръ никто еще, на сколько извѣстно, не пробовалъ... Я оставилъ городъ Гренаду въ субботу 12-го мая 1492 года и прибылъ въ г. Палосъ, имѣющій морскую гавань, оттуда я снарядилъ три очень годныхъ для этого путешествія судна; въ пятницу 3-го августа я оставилъ гавань, снабженный провіантомъ и достаточнымъ числомъ моряковъ».

Ни одно еще судно въ предшествовавшихъ экспедиціяхъ такъ долго не оставалось на открытомъ морѣ, какъ три каравелы, великаго адмирала: прошелъ весь августъ, потянулся затѣмъ сентябрь,

начались первые дни октября и все еще не показывалось берега. Нельзя безъ сильнаго впечатлѣнія читать самый простой, безъискусственный разсказъ объ этомъ знаменитѣйшемъ изъ всѣхъ путешествій. Плохо снаряженныя для трудностей такого пути суда; экипажъ, большею частью комплектованный изъ преступниковъ и арестантовъ; начальники двухъ малыхъ каравелъ, завидующіе главному адмиралу; послѣдній, всѣмъ почти ненавистный, но въ то же время страшный бывшій корсаръ Колумбъ; а съ другой стороны: вѣчный попутный легкій вѣтеръ, смѣющаяся лазурь океана, каждый вечеръ разносящіеся съ кораблей по морской глади звуки Salve Regina, устремленный вдаль взоръ сторожеваго матроса, жадно ищущій признаковъ суши. Наконецъ въ ночь на 12-е октября стараго стиля—въ то время всѣ еще считали по старому стилю—съ высоты мачты раздается радостный кликъ матроса Родригеца Вермейо: «Земля!»

Новый Свѣтъ былъ открытъ.

... 15 апрѣля 1493 г. Христоваль Колонъ, великій адмиралъ океана и вице-король Индіи, повергалъ въ Барцелонѣ къ ногамъ Фернандо и Изабеллы сокровища новооткрытыхъ странъ и впервые взорамъ изумленныхъ государей предстали полунагіе, изукрашенные перьями дикари, новые подданные Испаніи...

Новый міръ развернулся передъ глазами кастильцевъ, которые и набросились на всѣ представлявшіяся имъ блага съ жадностью, не знавшею предѣловъ. Кастильцы застали на дѣвственномъ материкѣ роскошную природу, изобильные лѣса, изобиліе растеній, роскошнѣйшіе невиданные плоды древесные, какихъ не ожидали встрѣтить и въ раю. Ихъ гостепріимно принялъ въ свою среду народъ, правда, дикій, не знавшій успѣвшихъ уже народиться плодовъ европейскаго просвѣщенія, но зато и незлобивый, добродушный, уважавшій ихъ, какъ существа высшей породы. Что могло выйти изъ столкновенія этихъ двухъ разнородныхъ элементовъ — пришлой, жадной, лѣнивой стаи кастильцевъ и наплывшаго вслѣдъ за ними разнаго сброда съ одной стороны и безпомощныхъ американцевъ съ другой—указать легко. Началась погоня за золотомъ, за землями, за ничего не стоившими рабами для обработки полей: вѣдь унизительно же было работать самимъ гидальго, — и заглохли навсегда индѣйскія деревни, погибли ихъ своеобразныя селенія, печально покончились на Гаити ихъ веселыя пляски подъ пѣсни царицы-поэтессы Анакоаны, и водворился на мѣстѣ всего этого кнутъ испанца-рабовладѣльца. Погибли пять многолюдныхъ государствъ, исчезли кацики, всѣ вассалы древняго рода царей Испаньолы и еще раньше своего народа погибла Анакоана, Эгерія Гаити, мученіемъ, позоромъ и смертью награжденная за свое благородное довѣріе и царское гостепріимство. Безутѣшное горе и страхъ овладѣли разсѣянными остатками погубленныхъ племенъ. Сначала мас-

«совыя избіенія, правильныя битвы, гдѣ вооруженные огненнымъ боемъ десятки испанцевъ бились съ сотнями и тысячами американцевъ, затѣмъ пошло медленное, ежедневное, холодное человѣкоубійство, надрывающіе силы труды въ рудникахъ и на плантаціяхъ. Падаетъ ли на великаго адмирала вина во всѣхъ этихъ насиліяхъ? Бывшій морской разбойникъ, человѣкъ съ молодыхъ лѣтъ убившій въ себѣ состраданіе, не могъ быть лучше своего вѣка, того вѣка, когда «добрый король» Luys Unze во Франціи артистически душилъ и рѣзалъ непокорныхъ, на папскомъ престолѣ сидѣлъ развратникъ и профессіональный отравитель, а равнины Англіи были свидѣтелями безчисленныхъ злодѣяній при Эдвардѣ II, Ричардѣ III и Генрихѣ Тюдорѣ. Мы и знаемъ дѣйствительно, что адмиралъ самъ показалъ примѣръ продажи людей, которыхъ онъ для почину шестьсотъ нагрузилъ на корабль, пошедшій при первомъ же сильномъ вѣтрѣ ко дну со всѣмъ своимъ живымъ грузомъ. Онъ заковывалъ ихъ въ цѣпи, рѣзалъ имъ руки и ноги за провинности, воспользовался даже измышленною баснею о людоѣдахъ-караибахъ съ тѣмъ, чтобы уже безъ всякаго стѣсненія продавать несчастныхъ туземцевъ на горе и гибель. Всѣхъ этихъ его поступковъ нельзя отрицать, хотя ихъ и стараются замолчать панегиристы адмирала, но тѣмъ не менѣе въ общемъ Колумбъ былъ человѣчнѣе многихъ изъ другихъ участниковъ экспедиціи, потому что былъ умнѣе ихъ. Жестокость его никогда не была безцѣльной, всегда онъ имѣлъ въ виду при этомъ успѣхъ своихъ начинаній и лишь для приведенія ихъ въ исполненіе ему ничего не значили десятки и сотни жизней. Но уже изъ современниковъ многіе осуждали Колумба, и не послѣдній изъ этихъ судей, знаменитый другъ человѣчества, Ласъ Казасъ. Въ написанной имъ біографіи адмирала онъ не находитъ достаточно словъ для осужденія великаго адмирала, и посыпавшіяся подъ конецъ жизни на послѣдняго невзгоды считаетъ должнымъ возмездіемъ за все то зло, которое этотъ человѣкъ принесъ Западной Индіи.

Сами по себѣ эти несчастія послѣднихъ годовъ одинъ изъ многихъ фактовъ, которые весьма трудно объяснить, въ біографіи перваго вице-короля Западной Индіи. Трогательная, такъ часто обработанная для дѣтскихъ разсказовъ, исторія о возмутительной неблагодарности къ человѣку, облагодѣтельствовавшему міръ расширеніемъ его предѣловъ, разсказъ о тѣхъ цѣпяхъ, которыя наложили на руки великаго адмирала и которыя тотъ позже для горестнаго воспоминанія хранилъ на стѣнѣ своей комнаты,—все это вещи не совсѣмъ ясныя, загадочныя и сильно нуждающіяся въ критической провѣркѣ. Какъ все это пришло къ такому концу, за что всѣ эти бѣдствія обрушились на голову пожизненнаго вице-короля Индіи? Фактъ лишь тотъ, что послѣднія письма Колумба полны горькихъ жалобъ

на судьбу. «Двадцать восемь лѣтъ [1]) отъ роду, — пишетъ онъ королю, въ послѣднюю свою поѣздку изъ Америки, — было мнѣ, когда я пришелъ къ вашему двору, а теперь нѣтъ волоса на моей головѣ, который бы не побѣлѣлъ уже. Я боленъ, издержалъ все, что у меня было, и къ позору нашему, у меня и братьевъ моихъ до послѣдняго плаща забрано все, продано и теперь не слыхать ни о чемъ этомъ... Я такъ несчастливъ, какъ я пишу: до сихъ поръ плакалъ я о другихъ, теперь же пусть небо умилосердится надо мною и земля обо мнѣ плачетъ. Что касается мірскаго, то нѣтъ у меня и мелкой монеты, чтобы подать милостыни, а духовнаго я также лишился, находясь въ Индіи. Одинокій въ моемъ горѣ, ежечасно ожидая смерть, окруженный милліонами дикихъ, враждебно настроенныхъ противъ меня, я такъ далекъ отъ причастія нашей святой церкви, что о моей душѣ забудется, какъ только она отойдетъ отъ моего тѣла. Стоитъ всякому, кто милосердъ и любитъ правду и справедливость, поплакать обо мнѣ». Послѣднія письма Колумба всѣ исполнены этой сдержанной желчи и горя, которыя чувствуются въ этомъ произведеніи. Его вѣчно порывавшійся впередъ, вѣчно напряженный духъ былъ надломленъ. Послѣднія его два путешествія были предприняты въ своего рода безумномъ отчаяніи. Странное впечатлѣніе остается отъ чтенія его писемъ, описывающихъ эти путешествія: кое-гдѣ блеститъ во всей своей прежней силѣ острый умъ героя новой Индіи, то, однако, цѣлыми страницами тянутся написанные какъ бы въ безумномъ бреду неправдоподобные разсказы и дикія гипотезы [2]). Ясно, что частая, подъѣдавшая сердце забота омрачила въ концѣ концовъ его дѣятельный умъ. Но тѣмъ не менѣе эти путешествія, полныя горя, страданій, невзгодъ, кораблекрушеній, предпринятыя въ преклонномъ возрастѣ, кажутся еще удивительнѣе, чѣмъ первыя...

Съ надломленными силами, измученный тѣлесно и душевно, воротился Колумбъ изъ послѣдняго своего путешествія, чтобы умереть въ кругу своихъ друзей-францисканцевъ, въ орденъ которыхъ онъ поступилъ подъ конецъ жизни, 21-го мая 1506 г. До насъ дошло письмо его, написанное незадолго до смерти; замѣчательно, что въ припискѣ къ нему, выведенной дрожащими чертами нѣкогда столь могучей рукой, упоминается тотъ, именемъ котораго былъ названъ новый материкъ: Колумбъ черезъ Америго Веспуччи передавалъ небольшое порученіе своему сыну Фернандо.

Колумбъ — надо замѣтить — умеръ въ полной увѣренности, что открылъ восточные берега Индіи; нельзя поэтому назвать несправедливостью, что Новый Свѣтъ былъ названъ именемъ человѣка,

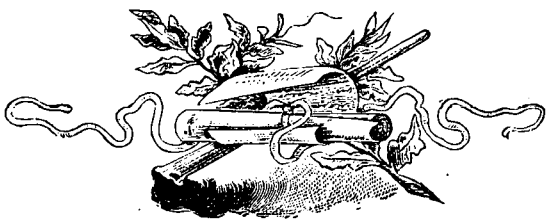
---

[1]) Вѣроятно, описка: онъ былъ несомнѣнно старше.

[2]) Напримѣръ, о грушевидности земли. Вообще объ этомъ Sophus Ruge Christoph Columbus, 1892.

впервые его хорошо изслѣдовавшаго, впервые опредѣлившаго его главныя черты. Великій же адмиралъ умеръ, не подозрѣвая того, что открылъ цѣлую новую часть свѣта, страну, откуда перешли къ намъ столь разнородныя вещи, какъ гаванскія сигары, картофель, «дурная» болѣзнь, принципы правъ человѣка и уваженіе къ доллару.

А. Л.

„БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ“.

(Діагнозъ его недуга).

СВОБОЖДЕНІЕ болгаръ привело, какъ всѣмъ еще памятно, русское общество или, по крайней мѣрѣ, часть его къ довольно неожиданному выводу. Увлеченіе наше освободительною миссіею, понятно, предполагало крайне угнетенное и бѣдственное положеніе братскаго народа; но когда мы лично ознакомились съ его житьемъ-бытьемъ, оказалось, что онъ живетъ, пожалуй, лучше нашего народа, и что поэтому о немъ особенно жалѣть не приходится. Вмѣстѣ съ тѣмъ и освободительная миссія пріобрѣтала какой-то своеобразный характеръ: живется намъ хуже, чѣмъ «братушкамъ», а мы расходуемъ кровныя русскія деньги и жертвуемъ жизнію сыновъ Россіи, чтобы помочь тому, кто счастливѣе насъ.

Выводъ этотъ значительно дискредитировалъ такъ называемую освободительную миссію въ глазахъ нашего общества, тѣмъ болѣе, что затѣмъ невѣроятная неблагодарность «братушекъ» проявилась во всемъ своемъ блескѣ,—и мы въ душѣ рѣшили, что война 1877—78 гг. была крупною національною ошибкою, и что намъ теперь благоразумнѣе всего воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ болгарскія дѣла и, такъ сказать, махнуть на Болгарію разъ навсегда рукою: живите, молъ, себѣ, а мы съ вами возиться уже не будемъ, да и знать васъ вовсе не хотимъ.

Получилось такимъ образомъ оригинальное, чисто-русское явленіе. Сперва мы проливали потоки крови, тратили громадныя суммы денегъ, подрывали наше благосостояніе, увлекались громкою идеею,

шумѣли, восторгались, чувствовали себя героями,—и все это вдругъ смѣнилось разочарованіемъ, апатіею, прострацією: вчерашніе герои оказывались жалкими людишками, не умѣющими сообразить самыхъ простыхъ вещей.

Но хотя это явленіе и соотвѣтствуетъ на первый взглядъ слишкомъ хорошо извѣстной національной нашей чертѣ, оно на самомъ дѣлѣ не имѣетъ того общаго характера, который ему многіе склонны приписывать. Во-первыхъ, совершенно невѣрно, будто бы Россія легко рѣшилась на освободительную войну, увлекаясь только мыслью о несчастномъ положеніи братскаго народа; напротивъ, война эта была предпринята съ очень тяжелымъ сердцемъ, и было сдѣлано все, чтобы ея избѣгнуть. Во-вторыхъ, говорить тутъ объ увлеченіи вообще трудно: этого рода увлеченія свойственны уже русскому народу и государству на протяженіи цѣлыхъ двухъ столѣтій. Въ-третьихъ, если матеріальныя условія, въ которыхъ жилъ болгарскій народъ до освободительной войны, и были, можетъ быть, до извѣстной степени лучше, чѣмъ окружающіе нашъ народъ, то и звѣрства, совершенныя турками въ Болгаріи, засвидѣтельствованы столь авторитетно, что сомнѣваться въ нихъ нѣтъ возможности. Словомъ вопросъ рѣшается далеко не такъ просто. Въ самомъ дѣлѣ, Россія уже втеченіе двухъ вѣковъ ведетъ войны съ Турціею; каждое поколѣніе выдерживало одну, а иногда и двѣ войны съ этимъ государствомъ. Мы воевали съ нимъ и при Петрѣ Великомъ, и при Аннѣ Іоанновнѣ, и при Екатеринѣ II, и при Александрѣ I, и при Николаѣ, и при Александрѣ II,—и тѣмъ не менѣе мы все еще склонны думать, что каждая изъ этихъ войнъ вызывалась чисто-временными причинами, а не общими историческими условіями, неотразимо дѣйствовавшими при самомъ различномъ настроеніи какъ правительства, такъ и общества. Великіе преобразователи Россіи и государи, въ царствованія которыхъ происходила пріостановка въ поступательномъ ея движеніи, одинаково воевали съ Турціею, миролюбивыя и воинственныя правительства ей одинаково объявляли войну. Мало того, были періоды, когда руководящія сферы и общество, повидимому, менѣе всего увлекались восточною политикою и желаніемъ вмѣшиваться въ дѣла Балканскаго полуострова, и тѣмъ не менѣе мы начинали войну. Особенно интересно въ этомъ отношеніи славянское движеніе второй половины семидесятыхъ годовъ. Я тогда, помню, руководилъ политическимъ отдѣломъ одной изъ нашихъ большихъ газетъ и, внимательно слѣдя за ходомъ международныхъ событій, ясно видѣлъ приближающуюся грозу. Но когда я сталъ высказываться въ этомъ смыслѣ въ газетѣ и открылъ въ ней спеціальную рубрику подъ заглавіемъ «Боснія и Герцеговина» (въ 1875 г.), меня со всѣхъ сторонъ провозгласили шовинистомъ, безъ всякой надобности вызывающимъ тревогу. И неудивительно. Въ этотъ моментъ могло

казаться совершенно невѣроятнымъ, чтобы возгорѣлись серьезныя международныя замѣшательства изъ-за Bischen Herzegowina, какъ выразился князь Бисмаркъ, заинтересованный въ томъ, чтобы до поры до времени скрыть приближавшуюся опасность. Это было время разгара западническаго направленія, о славянахъ говорили съ ироніею, публика съ большимъ сочувствіемъ читала произведенія, въ родѣ остроумнаго романа П. Д. Боборыкина: «Докторъ Цыбулька». Словомъ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы именно въ такой моментъ мы находились наканунѣ новой турецкой войны. Но вдругъ картина совершенно измѣнилась. Въ самомъ обществѣ къ удивленію печати, воображавшей себя его руководительницею, произошелъ внезапный поворотъ въ пользу славянскихъ увлеченій, и печати пришлось считаться съ этимъ настроеніемъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ недавними взглядами общества, или даже подчиниться ему. Мы не думаемъ ошибиться, сказавъ, что и для руководящихъ сферъ возбужденіе восточнаго вопроса въ этотъ моментъ было неожиданностью, и что онѣ были вовлечены въ войну силою обстоятельствъ, а не собственнымъ желаніемъ: весь ходъ дипломатическихъ переговоровъ убѣждаетъ въ этомъ всякаго компетентнаго изслѣдователя тогдашнихъ событій.

Переоцѣнка собственнаго вліянія и силъ тѣмъ болѣе свойственна данному обществу, чѣмъ менѣе оно зрѣло въ политическомъ отношеніи. Забываются или игнорируются условія, въ которыя поставлена страна, вѣковыя ея историческія задачи, народныя традиціи и интересы,—словомъ вся совокупность силъ, средствъ, стремленій, создающихъ исторію, и незначительная горсть интеллигентныхъ людей воображаетъ, что она-то и дѣлаетъ исторію. Очень странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень распространенное заблужденіе! Мы видимъ, напримѣръ, что движеніе шестидесятыхъ годовъ въ широкомъ значеніи этого слова, то-есть на сколько въ немъ приняли участіе всѣ факторы народной жизни, признается чѣмъ-то исходившимъ исключительно отъ небольшой группы лицъ, стоявшихъ во главѣ либо тогдашняго правительства, либо общества. Это особенно можно сказать о центральной реформѣ того времени: объ освобожденіи крестьянъ. А между тѣмъ компетентные историки не рѣшатся утверждать, что эта реформа, а вмѣстѣ съ нею и остальныя, менѣе существенныя, возникли вдругъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, а не были подготовлены втеченіе очень продолжительнаго времени смѣнявшимися поколѣніями. Не будемъ говорить уже о нашемъ правительствѣ, какъ извѣстно, озабоченномъ со временъ Екатерины болѣе или менѣе жгучимъ вопросомъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Тутъ преемственность исторической задачи бросается въ глаза. Но и общество прониклось сознаніемъ въ необходимости этой реформы только послѣ длинной подготовительной работы. Опытъ всѣхъ народовъ убѣдилъ насъ въ неиз-

бѣжности обновленія основъ нашего экономическаго и соціальнаго строя, и поэтому было бы, конечно, совершенно невѣрно смотрѣть на реформы прошлаго царствованія, какъ на произвольное и слѣдовательно отмѣнимое дѣйствіе той или другой группы общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. То же можно сказать и о веденныхъ нами съ Турціею войнахъ. Возлагать отвѣтственность за нихъ на то или другое поколѣніе значитъ упускать изъ виду, что эти войны постоянно повторялись втеченіе двухъ вѣковъ и слѣдовательно составляютъ явленіе, обусловливаемое какими-то общими причинами, которымъ вынуждены подчиняться смѣняющіяся поколѣнія даже тогда, когда они къ этому вовсе не расположены. Это, однако, не фатализмъ. Боже, насъ избави отъ подобнаго взгляда на дѣло! Нѣтъ, мы хотимъ только сказать, что въ такихъ огромныхъ вопросахъ, какъ созданіе внѣшнихъ и внутреннихъ условій, благопріятствующихъ нормальному развитію и процвѣтанію цѣлаго народа, усилія одного поколѣнія не могутъ быть рѣшающими, что требуется дружная и цѣлесообразная работа тѣмъ большаго числа поколѣній, чѣмъ сложнѣе и труднѣе данный вопросъ. Если реформы прошлаго царствованія могли осуществиться только послѣ продолжительной работы нѣсколькихъ поколѣній, то и окончательное прекращеніе нашихъ войнъ съ Турціею состоится лишь тогда, когда усилія многихъ поколѣній, направленныя къ созданію общихъ международныхъ условій, устраняющихъ необходимость въ этихъ войнахъ, увѣнчаются успѣхомъ. Понятно, что цѣль эта тѣмъ скорѣе будетъ достигнута, чѣмъ энергичнѣе и искуснѣе примутся за ея достиженіе смѣняющіяся поколѣнія. Поэтому дѣятели, проповѣдующіе полную индиферентность въ восточномъ вопросѣ, совершаютъ крупную ошибку: они этого вопроса не устранятъ и достигнутъ только того, что мы окажемся совершенно неподготовленными въ тотъ моментъ, когда не зависящія отъ насъ событія его вновь поставятъ на очередь и выдвинутъ съ неотразимою силою. Думать же, что такихъ событій быть не можетъ, что они находятся въ нашей волѣ, — значитъ ставить всю исторію въ зависимость отъ одного поколѣнія: дескать, захотимъ, и все пойдетъ иначе. Это иначе составляетъ уже самомнѣніе, не оправдываемое ни здравымъ смысломъ, ни историческимъ опытомъ. Даже такіе крупные перевороты, совершенные однимъ поколѣніемъ, какъ великая французская революція, въ сущности подготовлялись цѣлымъ рядомъ поколѣній, а результаты ихъ оказывались устойчивыми лишь на столько, на сколько эти результаты сами встрѣчали подготовленную почву. Если основною цѣлью этой революціи считать, напримѣръ, установленіе политической свободы, то она, какъ извѣстно, не была достигнута, и потребовалась еще работа нѣсколькихъ поколѣній, чтобъ достигнуть предположенной цѣли.

Съ этой точки зрѣнія намъ представляются весьма наивными

и разсужденія лицъ, которыя, исходя изъ того факта, что «братушки» пользовались въ 1877—78 гг. большимъ благосостояніемъ, чѣмъ нашъ крестьянинъ, дѣлаютъ выводъ, что намъ нечего было оказывать помощь Болгаріи, и что тогдашняя война была крупною національною ошибкою. Еще наивнѣе представляются намъ всѣ разсужденія, въ основаніи которыхъ лежитъ мысль, что Турція въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является государствомъ, довольно благоустроеннымъ и что мы не только не имѣемъ права гордиться передъ нею, но, наоборотъ, должны чуть ли не поучаться у нея. Эта мысль была вызвана, какъ извѣстно, тѣмъ обстоятельствомъ, что у турокъ были магазинныя ружья, да и военная ихъ организація оказалась будто бы болѣе совершенною. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ сквозитъ все то же непониманіе общихъ историческихъ условій. Когда мы рѣшились на послѣднюю борьбу съ Турціею, мы, конечно, не наводили справокъ относительно матеріальнаго благосостоянія болгаръ,—не наводили потому, что этотъ вопросъ имѣлъ развѣ весьма отдаленное отношеніе къ истиннымъ причинамъ, заставившимъ насъ обнажить мечъ. Не задавались мы имъ и тогда, когда содѣйствовали освобожденію грековъ, румынъ, сербовъ, когда втеченіе вѣковъ освобождали постепенно отъ турецкаго владычества на собственную и чужую пользу много земель въ Европѣ и Азіи. Тутъ дѣйствовала совокупность общихъ причинъ, вызвавшихъ постепенное разложеніе или крушеніе многихъ другихъ государствъ. Ужъ на что, напримѣръ, благосостояніе Рима или Византійской имперіи было значительнѣе благосостоянія тѣхъ варварскихъ народовъ, которые вызвали ихъ крушеніе, а между тѣмъ они не удержались и распались, не смотря на все ихъ культурное и военное могущество. Сопоставлять въ этомъ отношеніи Турецкую имперію съ Римомъ и Византіею, конечно, нельзя, но и Турція была чрезвычайно могущественнымъ государствомъ и внушала всей Европѣ страхъ своими военными подвигами. Остатки этого могущества, правда, довольно скромные, сохранились и до сихъ поръ и выразились въ силѣ сопротивленія, оказаннаго намъ во время послѣдней русско-турецкой войны. Вопросъ тутъ, понятно, далеко не исчерпывается снабженіемъ нѣкоторыхъ частей турецкой арміи магазинными ружьями на англійскія деньги. Это вопросъ сравнительно второстепенный, по своему значенію далеко уступающій вопросу о тѣхъ общихъ условіяхъ, которыя позволяютъ Россіи постепенно развивать и расширять свое государственное могущество и, наоборотъ, приводятъ Турцію роковымъ образомъ къ разложенію. Въ виду этихъ общихъ условій, конечно, болѣе чѣмъ наивно пріурочивать наши войны съ нею къ вопросу о большемъ матеріальномъ благосостояніи болгаръ, указывать на болѣе совершенную военную организацію Турціи или совѣтовать намъ брать съ нея примѣръ.

Подъ этими общими условіями скрывается прежде всего полная политическая несостоятельность Турціи, подтвержденная исторіею этого государства. Разложеніе его прогрессируетъ чрезвычайно быстро. Что сохранилось отъ прежней Турціи, владѣвшей недавно еще всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ? Жалкіе остатки. Въ этомъ историческомъ явленіи никакъ нельзя усматривать исключительно послѣдствіе стремленія Россіи или другихъ европейскихъ державъ расширить свои территоріальныя владѣнія на счетъ Турціи и приблизиться къ Константинополю. Конечно, это стремленіе существуетъ, но оно встрѣчаетъ рѣшительное противодѣйствіе не только со стороны Турціи, но и со стороны всѣхъ державъ, не принимающихъ въ данный моментъ участія въ нападеніи на Турцію. Такимъ образомъ послѣдняя всегда находитъ себѣ могущественныхъ союзниковъ, и при такихъ условіяхъ она могла бы, конечно, не только съ успѣхомъ поддерживать свое политическое существованіе, но и жить въ полной безопасности безъ особеннаго напряженія своихъ боевыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и финансовыхъ средствъ. На самомъ дѣлѣ она истощается, потому что ей необходимы громадныя и, можно даже сказать, непосильныя военныя средства не только для отраженія внѣшнихъ враговъ, но и для огражденія внутренней безопасности противъ собственныхъ народовъ, христіанъ и мусульманъ въ равной мѣрѣ. Возмущенія, возстанія, заговоры, вооруженные безпорядки, составляютъ обычное явленіе въ Турціи и повторяются ежегодно, а иногда и два-три раза въ годъ. Приписывать всю эту внутреннюю безурядицу, всю эту административную и финансовую несостоятельность иностраннымъ наущеніямъ, подпольной интригѣ враговъ Турціи — просто смѣшно. Чѣмъ, напримѣръ, виноваты другія государства, что на островѣ Критѣ то и дѣло происходятъ безпорядки, и что Турція никакъ не можетъ съ ними справиться? Не видѣли ли мы, что въ позапрошломъ и прошломъ году, когда опять чуть было не разразилось одно изъ кандіотскихъ возстаній, всѣ кабинеты съ одинаковымъ усердіемъ совершенно искренно старались умиротворить островъ и убѣдить его несчастное населеніе въ полной безцѣльности возстанія, такъ какъ при настоящихъ обстоятельствахъ Европа заинтересована въ устраненіи всего, что только можетъ служить поводомъ къ новому возбужденію восточнаго вопроса? Тѣмъ не менѣе Портѣ пришлось послать на островъ очень значительныя военныя силы. А прошлогоднее возстаніе въ Счастливой Аравіи, въ Іеменѣ, потребовавшее также большаго напряженія военныхъ силъ Турціи и вызвавшее опасный министерскій кризисъ? А вѣчные безпорядки курдовъ, безчинствующихъ въ Арменіи? Порта рѣшительно не въ состояніи справиться съ этимъ разбойническимъ племенемъ и даже вынуждена торжественно передъ лицемъ всей Европы оправдывать въ верховномъ судѣ атамана безчинствую-

щихъ разбойническихъ шаекъ, чтобъ не вызвать общаго возстанія. Но довольно и этихъ примѣровъ, чтобы составить себѣ ясное представленіе о внутреннихъ порядкахъ, царствующихъ въ Турецкой имперіи, и убѣдиться, что если она разлагается, то далеко не только вслѣдствіе иностранной интриги, вызываемой стремленіемъ европейскихъ державъ къ завладѣнію наслѣдствомъ «больнаго человѣка».

Однако, какъ съ турецкой стороны, такъ и со стороны многихъ европейскихъ публицистовъ постоянно дѣлаются попытки изобразить дѣло въ иномъ свѣтѣ и убѣдить общественное мнѣніе Европы, что въ сущности Турція управляется прекрасно и что еслибъ не европейская, въ томъ числѣ, понятно, и русская интрига, то страна эта процвѣтала бы и оправдывала бы мнѣніе тѣхъ русскихъ публицистовъ, которые утверждали, да и до сихъ поръ склонны утверждать, что турецкіе порядки во многихъ отношеніяхъ, пожалуй, лучше нашихъ. Это стремленіе извращать истинное положеніе дѣлъ объясняется разными побудительными причинами. Съ турецкой стороны имѣется въ виду убѣдить Европу, что Оттоманская имперія представляетъ собою жизненный организмъ, вполнѣ способный къ культурному развитію, и что поэтому нѣтъ никакого основанія для посторонняго вмѣшательства въ ея дѣла. Въ Европѣ же доказываютъ полную государственную состоятельность Турціи всякій разъ, когда ожидается вмѣшательство той или другой державы въ турецкія дѣла съ тѣмъ, чтобы предупредить это вмѣшательство, пока остальныя державы не сочтутъ нужнымъ сами приступить къ дѣйствію для огражденія своихъ собственныхъ интересовъ. Наконецъ, въ Россіи, какъ мы видѣли, одобряютъ турецкіе порядки изъ желанія оказать мнимую услугу торжеству либеральныхъ началъ, не понимая, что такой образъ дѣйствій наноситъ значительный ущербъ внѣшнимъ задачамъ нашего отечества на Востокѣ. Но какъ бы ни были разнообразны побудительныя причины этого очевиднаго извращенія истины, результатъ получается одинъ и тотъ же. Европейское общественное мнѣніе сбивается съ толку, и нормальное рѣшеніе восточнаго вопроса, встрѣчающее и безъ того столь значительныя препятствія, еще болѣе затрудняется. Въ самомъ дѣлѣ, если Турція представляетъ собою жизненный организмъ, вполнѣ способный къ нормальному развитію, то, очевидно, иноземное вмѣшательство въ ея дѣла не можетъ быть оправдано ни съ точки зрѣнія справедливости, ни съ точки зрѣнія международнаго права. Въ такомъ случаѣ Европѣ не оставалось бы ничего другаго, какъ предоставить Турцію самой себѣ и избѣгать всякаго вмѣшательства въ ея дѣла. Словомъ, надъ всей восточной политикой европейскихъ державъ былъ бы произнесенъ очень жестокій приговоръ, и она должна была бы подвергнуться коренному пересмотру, потому что въ осно-

ваніи ея лежитъ именно принципъ, что съ точки зрѣнія общечеловѣческой справедливости и международнаго права Европа несетъ прямую обязанность побуждать Порту нравственнымъ воздѣйствіемъ и даже, въ случаѣ надобности, вооруженною силою къ исполненію требованій гуманности и нормальнаго управленія народами, отъ исполненія которыхъ Турція отказывается вслѣдствіе своей неспособности къ усвоенію себѣ европейской цивилизаціи. Слѣдовательно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ вопросомъ громадной принципіальной и практической важности, и всѣ попытки освѣтить его авторитетно съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ возможною объективностью заслуживаютъ полнаго вниманія.

Новая интересная попытка этого рода принадлежитъ сотруднику «Economiste français» и редактору издававшагося въ Парижѣ журнала: «La Turquie contemporaine», г. Дмитрію Георгіадесу, натурализованному во Франціи греку. Натурализація его состоялась отчасти вслѣдствіе горячей и умѣлой защиты интересовъ Франціи на Востокѣ, которые онъ признаетъ во многихъ отношеніяхъ совпадающими съ интересами его бывшаго отечества. Его, однако, нельзя назвать туркофобомъ; напротивъ, онъ относится къ Турціи сочувственно и очень серьезно взвѣшиваетъ тѣ реформы, которыя могли бы если не увѣковѣчить политическое существованіе Турціи, то, по крайней мѣрѣ, значительно продлить его. Книга г. Георгіадеса [1]) старается намъ выяснить, на какихъ условіяхъ могли бы быть ограждены интересы Франціи на Востокѣ помимо крушенія Турецкой имперіи, то-есть при надлежащей ея реорганизаціи. Такова непосредственная задача, которую поставилъ себѣ авторъ. Но само собою разумѣется, что онъ, обсуждая этотъ сравнительно менѣе широкій вопросъ, долженъ былъ коснуться и общаго положенія Турціи, причемъ оказалось, что послѣднее и заключаетъ въ себѣ рѣшеніе вопроса, которому онъ собирался посвятить главнымъ образомъ свою книгу. Такимъ образомъ мы въ его книгѣ находимъ много данныхъ, освѣщающихъ современное положеніе Турціи, и эти данныя тѣмъ болѣе интересны, что авторъ, какъ человѣкъ, долго жившій въ Турціи и внимательне слѣдившій за ея общественною и государственною жизнью, сообщаетъ намъ далеко не одни книжныя и газетныя свѣдѣнія.

Къ какому же онъ приходитъ выводу? Во-первыхъ, вѣритъ ли онъ въ долговѣчность Турціи, или же признаетъ ее безнадежно-больною? Повидимому, онъ не отчаивается въ возможности спасти Турцію, но, всетаки, признаетъ ее трудно больною и поэтому требуетъ радикальныхъ средствъ леченія.

Познакомимся, однако, сперва съ его діагнозомъ недуга «больнаго человѣка». Чѣмъ же онъ боленъ? Беремъ наудачу нѣкоторыя

[1]) Demetrius Georgiades. La Turquie actuelle. Paris. C. Lévy. 1892.

мѣста изъ книги нашего автора. «Только десятая часть плодороднѣйшихъ земель обработывается. Остальныя девять десятыхъ лежатъ впустѣ. Самая прекрасная страна въ мірѣ превратилась въ пустыню: населеніе могло бы жить въ довольствѣ и даже богатѣть, а между тѣмъ оно на самомъ дѣлѣ по большой части голодаетъ... Эта обширная имперія представляетъ собою исполинскую развалину, а ея столица безпорядочное столпотвореніе мусора, соединеніе неслыханной роскоши и полнѣйшей нищеты... Народная масса коснѣетъ въ полнѣйшемъ невѣжествѣ... Она смотритъ на трудъ, какъ на наказаніе Божіе или на безчестіе... Невѣжество турецкой женщины равняется развѣ ея фанатизму. Дѣти воспитываются рабами или наемною прислугою... Незначительная горсть людей, изучающихъ экономическое положеніе страны, одни понимаютъ, что дѣло клонится къ страшному катаклизму... Народъ, задыхающійся въ тискахъ эксплоататоровъ, не можетъ ежегодно выплачивать сотни милліоновъ піастровъ налоговъ для удовлетворенія ненасытнаго Ильдизъ-Кіоска, не получая взамѣнъ ничего въ смыслѣ поднятія экономическаго уровня страны, ни для возстановленія государственнаго кредита... Когда видишь, что банкротства безпрерывно повторяются, что во всей администраціи царствуетъ полнѣйшая анархія, а цивильлистъ султана поглощаетъ почти всѣ доходы страны; когда убѣждаешься во-очію, что жалованіе всѣхъ должностныхъ лицъ задерживается иногда цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ изъ двѣнадцати, нельзя сомнѣваться, что банкротство неизбѣжно, и на этотъ разъ банкротство самое ужасное и окончательное... Двѣ трети всего бюджета поступаютъ во дворецъ, и ежегодный дефицитъ превышаетъ половину всѣхъ государственныхъ доходовъ... Во время послѣдней русско-турецкой войны изъ дворцовой прислуги былъ образованъ цѣлый полкъ, и тѣмъ не менѣе эта громадная убыль даже не была замѣтна: такъ значителенъ дворцовый служебный персоналъ... Въ Турціи существуютъ цѣлыя провинціи, напримѣръ, Сирія, гдѣ мусульмане и христіане не задумались бы вступить въ союзъ съ европейцами, чтобы свергнуть власть султана: такъ она невыносима... Нѣтъ существа болѣе несчастнаго, чѣмъ турецкій крестьянинъ; онъ даже несчастнѣе своего товарища христіанина, потому что страдаетъ не менѣе послѣдняго, а вступиться за него некому...».

Потребовалось бы слишкомъ много мѣста, чтобъ выписать всѣ характеристическія данныя изъ книги нашего автора, свидѣтельствующія о безотрадномъ положеніи Турецкой имперіи. Но уже и сдѣланныя нами выписки убѣдятъ читателя, что Георгіадесъ правъ, утверждая, что Турція находится наканунѣ страшнаго и, быть можетъ, окончательнаго банкротства. Она, въ полномъ смыслѣ этого слова, является не только «больнымъ, но и прямо «умирающимъ» человѣкомъ, и спрашивается только, какою она страдаетъ

болѣзнею, излечимою или неизлечимою? На этотъ счетъ показанія нашего автора не вполнѣ точны и опредѣленны. Повидимому, онъ усматриваетъ источникъ болѣзни преимущественно въ организаціи и дѣятельности центральнаго правительства.

«Въ прежнее время, — говоритъ историкъ Турціи виконтъ де-ла-Жонкьеръ,—оттоманское правительство было властью, умѣряемою фетвами муфтіевъ и возстаніями арміи. Теперь шейкъ-уль-исламъ — первый изъ слугъ падишаха, а турецкая армія возвела въ основной принципъ теорію пассивнаго повиновенія. Въ прежнее время отсрочка въ уплатѣ жалованья на нѣсколько дней вызывала возмущеніе, которое колебало престолъ и заставляло султана смиряться. Теперь офицеры и солдаты испытываютъ неслыханное промедленіе въ выдачѣ жалованья уже втеченіе трехъ лѣтъ, часто даже ничего не получаютъ. Солдаты ходятъ въ лохмотьяхъ, не имѣютъ обуви, и тѣмъ не менѣе они не жалуются и повинуются безропотно. Бюрократія замѣнила собою и улемовъ, и янычаръ. Она одна стоитъ лицомъ къ лицу съ всемогущимъ султаномъ». При такой неограниченной власти можно думать, что отъ султана и зависитъ процвѣтаніе или упадокъ государства, что если оно находится въ полномъ разложеніи, то виноватъ въ этомъ преимущественно самъ султанъ, и что еслибъ онъ пожелалъ, то Турція легко и скоро вышла бы изъ своего теперешняго отчаяннаго положенія. Но нашъ авторъ этого мнѣнія не придерживается. Онъ возлагаетъ главную вину за царящія въ Турціи неурядицы на приближенныхъ султана. Эти приближенные систематически обманываютъ своего повелителя и, чтобы заручиться вліяніемъ надъ нимъ, возбуждаютъ въ немъ чувство недовѣрія постоянными указаніями на подготовляемые заговоры. Они образовали олигархію временщиковъ, фаворитовъ и тунеядцевъ, живущихъ исключительно безпощадною эксплоатаціею угнетаемыхъ народовъ. Слѣдуя ихъ примѣру, и остальная администрація представляетъ собою картину страшной продажности и неслыханнаго нравственнаго упадка. Даже лица, въ частной жизни безусловно честныя, вынуждены, когда они поступаютъ на службу, либо присоединиться къ общему теченію продажности, либо выйти въ отставку. Поэтому «турецкій чиновникъ, будь онъ турокъ, грекъ, армянинъ, еврей или европеецъ, является, вообще говоря, самымъ презрѣннымъ представителемъ рода человѣческаго». Бакшишъ, какъ извѣстно, процвѣтаетъ на всѣхъ ступеняхъ турецкой административной іерархіи. Не даромъ уже Фридрихъ Великій говорилъ, что турокъ за деньги продастъ даже своего пророка. По этому поводу разсказываютъ слѣдующій анекдотъ: Схемси-паша, потомокъ одного изъ тѣхъ сельджукскихъ князей, которыхъ османы лишили владѣтельныхъ правъ, возвращаясь однажды домой, съ радостнымъ видомъ сказалъ своему старому слугѣ: «Я отомстилъ наконецъ династіи осма-

новъ за всѣ обиды, причиненныя моей династіи, и подготовилъ ея гибель».—«Какъ же вамъ это удалось?»—спросилъ удивленный слуга.—«Я заплатилъ султану сорокъ тысячъ червонцевъ за дарованіе мнѣ одной изъ своихъ милостей. Впредь самъ султанъ будетъ подавать примѣръ продажности, и она приведетъ его къ гибели». Пророчество Схемси-паши сбылось: продажность процвѣтаетъ въ турецкой администраціи, и послѣдствія ея ужасны. «Когда открывается какое нибудь мѣсто, начинается конкурренція, а вмѣстѣ съ нею безконечныя интриги. Каждый кандидатъ запасается покровителемъ, котораго онъ подкупаетъ, и тотъ принимается за дѣло. Трудно себѣ представить, сколько хитрости и пронырливости онъ пускаетъ въ ходъ въ то время, какъ проситель осаждаетъ его съ утра до поздней ночи». Но какъ только кандидатъ получилъ мѣсто, онъ съ своей стороны принимается проводить кандидатовъ или вымогать бакшиши, а исполненіе возлагаемыхъ на него закономъ обязанностей представляется ему дѣломъ какъ бы побочнымъ, отъ котораго онъ отдѣлывается всѣми правдами и неправдами. «Нерадивость и лѣность турецкихъ чиновниковъ вошли въ поговорку,—пишетъ одинъ турецкій публицистъ:—и хорошо извѣстны всѣмъ европейцамъ, имѣвшимъ несчастіе вести дѣла въ турецкихъ присутственныхъ мѣстахъ. Турецкій чиновникъ заставитъ просителя придти къ нему десять разъ, чтобы только избавиться отъ труда написать записку въ десять строкъ. Простыя дѣла тянутся въ Турціи по цѣлымъ мѣсяцамъ и годамъ. Я лично двадцать три раза ходилъ въ одно изъ министерствъ, чтобъ добиться пустого распоряженія, которое по прошествіи тридцати мѣсяцевъ ожиданія, всетаки, не было сдѣлано». О порядкахъ въ турецкихъ таможняхъ нечего и говорить. Турецкій чиновникъ не имѣетъ понятія объ англійской поговоркѣ, что время — деньги. Сохранность имущества, довѣреннаго таможнѣ, нисколько его не заботитъ. Безъ бакшиша онъ не тронется съ мѣста и считаетъ себя вправѣ дѣлать вамъ всякія непріятности, потому что чувство долга въ немъ совершенно отсутствуетъ. Вслѣдствіе этого, чтобы получить изъ таможни какой нибудь несчастный чемоданчикъ или сундучекъ, вы должны потерять, даже щедро наградивъ чиновниковъ бакшишами, день или два. Съ товарами дѣло обстоитъ еще хуже. Сколько приходится выкурить папиросъ и выпить чашекъ кофе съ разными эффенди, прежде чѣмъ они отрѣшатся отъ своего утренняго машмурлука (заспанности), и вы будете допущены въ таможню для отысканія своего товара, сваленнаго въ полнѣйшемъ безпорядкѣ съ грудами другаго товара. Приходится съ очевидною опасностью для цѣлости своихъ костей лазить по тюкамъ и ящикамъ, нагроможденнымъ цѣлыми горами. Когда наконецъ всѣ эффенди задобрены и товаръ отысканъ, предстоитъ задобривать вѣсовщиковъ и ихъ многочисленныхъ помощниковъ, пока они наконецъ

согласятся достать и взвѣсить товаръ. Когда же вся эта процедура окончена, то-есть товаръ добытъ, свѣшанъ, оцѣненъ, начинается новая пытка. Вы попадаете въ руки новаго, неумолимаго и жестокаго начальства—артели носильщиковъ, установившихъ совершенно произвольную и баснословно высокую таксу за свое право «громадными желѣзными крюками рвать, терзать и уничтожать вашъ товаръ». Тутъ безконечные бакшиши опять необходимы, но, всетаки, вамъ приходится безропотно переносить порчу вашего товара. На всѣ ваши предостереженія вы услышите только одинъ отвѣтъ: «Зараръ йокъ» (ничего). Кромѣ таможенной пошлины, приходится уплатить восемь сборовъ: арама параси (осмотръ товара), амбаръ параси (помѣщеніе его въ складъ), чикартма параси (выпускъ его изъ склада), ачма параси (открытіе кассы), капама параси (закрытіе кассы), тартма параси (взвѣшиваніе), манела параси (дополнительный сборъ за взвѣшиваніе), наконецъ пусула параси (отпускной билетъ). И, заплативъ всѣ эти поборы, вы еще подвергаетесь непріятностямъ со стороны крючниковъ, ожидающихъ васъ у выхода изъ таможни, требующихъ, чтобы вы имъ за баснословное вознагражденіе позволили доставить вамъ товаръ на домъ, и, если вы имъ въ этомъ отказываете, осыпающихъ васъ градомъ ругательствъ, а вашъ товаръ—градомъ ударовъ крюками.

Но не будемъ останавливаться на этой картинѣ таможенныхъ порядковъ. Мы ее привели только для того, чтобы иллюстрировать турецкіе административные пріемы. Возьмемъ другую сферу. Турція является страною почти исключительно земледѣльческою. Торговля при только-что нами указанныхъ административныхъ пріемахъ, понятно, не можетъ получить сколько нибудь значительнаго развитія. Обрабатывающая промышленность по той же и по многимъ другимъ причинамъ также находится въ зародышномъ состояніи. Слѣдовательно, населеніе живетъ почти исключительно земледѣліемъ. И тѣмъ не менѣе Турціи приходится покупать за границею громадное количество земледѣльческихъ продуктовъ, именно на 190 милліоновъ піастровъ, что̀ составляетъ 35% всего ея привоза. Нашъ авторъ не указываетъ на этотъ фактъ, а между тѣмъ онъ чрезвычайно рельефно выясняетъ намъ положеніе турецкаго сельскаго хозяйства. Итакъ, богатѣйшая по плодородію страна, притомъ съ рѣдкимъ населеніемъ, вынуждена покупать у иностранцевъ необходимые ей жизненные припасы. Отсюда ясно видно, на какомъ низкомъ уровнѣ стоитъ ея земледѣльческая промышленность. Мы пока оставимъ въ сторонѣ личныя качества населенія, вызывающія такое печальное явленіе, и остановимся опять-таки на дѣятельности администраціи.

«Одно изъ самыхъ ужаснѣйшихъ препятствій къ процвѣтанію земледѣлія,—пишетъ нашъ авторъ,—заключается въ способѣ взиманія десятиннаго сбора. Земледѣлецъ сѣетъ, но когда онъ на-

дѣется собрать жатву, то оказывается, что это невозможно. Онъ долженъ выждать появленія сборщика десятины, ибо раньше не имѣетъ права убрать хлѣбъ. Но сборщикъ, какъ всѣ турецкіе чиновники, одолѣваемый машмурлукомъ, безпечный, нерадивый, склонный къ взяточничеству, заставляетъ себя долго ждать. Наступаетъ дождливое время, и жатва гніетъ на корню. Такимъ образомъ населеніе несетъ громадныя потери. Случается, что земледѣлецъ ожидаетъ пять и шесть недѣль появленія сборщика податей». Само собою разумѣется, что при такихъ административныхъ пріемахъ земледѣльческая промышленность должна сильно страдать, и поэтому, не смотря на плодородіе почвы, населеніе бѣдствуетъ, часто голодаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ финансы страны приходятъ въ окончательное разстройство.

Отсюда нашъ авторъ дѣлаетъ выводъ, что необходима коренная реформа центральнаго правительства, тѣмъ болѣе, что неустройство Турецкой имперіи подвергаетъ опасности престолъ султана. Недовольство царствуетъ во всей имперіи, возмущенія и вооруженныя возстанія вспыхиваютъ поминутно; кромѣ того, европейскія державы, подчиняясь отчасти чувству человѣколюбія, отчасти стремленію обезпечить свои интересы на Востокѣ, пользуются этимъ неустройствомъ для постояннаго вмѣшательства во внутреннія турецкія дѣла и вызываютъ этимъ международныя усложненія, которыя столь же опасны для господства османовъ, какъ и поминутно вспыхивающіе внутренніе безпорядки.

Нашъ авторъ рисуетъ очень мрачную картину положенія центральнаго правительства. Султанъ постоянно опасается, что онъ будетъ свергнутъ. Поэтому онъ, сосредоточивъ въ столицѣ огромное число войскъ, не рѣшается посылать ихъ туда, гдѣ этого требуетъ безопасность государства. Когда вспыхнула революція въ Восточной Румеліи, великій визирь Саидъ-паша былъ уволенъ въ отставку за то, что посовѣтовалъ послать туда столичныя войска, а Кіамиль-паша былъ назначенъ великимъ визиремъ потому, что придерживался противоположнаго мнѣнія. Враги Саида, пользуясь вѣчными опасеніями султана, увѣрили его, что великій визирь, вступивъ въ соглашеніе съ внѣшними врагами Турціи, старается удалить войска, чтобы свергнуть султана съ престола. Этимъ же объясняется, что Турція такъ долго усмиряетъ всякаго рода возстанія: ей обыкновенно не хватаетъ вооруженныхъ силъ, удерживаемыхъ султаномъ въ столицѣ. Опасенія за прочность престола заставляютъ султана регламентировать всю жизнь своихъ подданныхъ, вмѣшиваться во всѣ ихъ дѣла, жертвовать иногда очень серьезными международными интересами ради династическихъ соображеній. Тотъ же мотивъ заставляетъ его нерѣдко прибѣгать къ жестокостямъ не только по отношенію къ той или другой части населенія, къ простымъ подданнымъ, но иногда даже и по отно-

шенію къ высокопоставленнымъ личностямъ и къ членамъ своей семьи. Извѣстна трагическая участь брата султана, несчастнаго Мурада, который признанъ помѣшаннымъ, не смотря на противоположное мнѣніе извѣстнаго вѣнскаго діагноста г. Лейдесдорфа, держится въ заточеніи и даже, какъ носятся слухи, подвергается разнымъ истязаніямъ. Турецкій посолъ при вѣнскомъ дворѣ Саадула-паша кончилъ жизнь самоубійствомъ вслѣдствіе того, что султанъ воспретилъ ему пріѣхать въ Константинополь къ умиравшимъ женѣ и дочери, подозрѣвая въ немъ сторонника своего брата. Для обезпеченія престола образовано тайное общество съ отличительными значками и сложными обязанностями. Члены этого общества клятвенно обязуются охранять личную безопасность султана. По ихъ доносу, безъ всякаго суда арестуютъ и ввергаютъ въ темницу всякое подозрительное лице, а однимъ изъ главныхъ членовъ этого общества является государственный дѣятель, поступившій на службу во дворецъ безъ гроша денегъ и имѣющій теперь состояніе болѣе чѣмъ въ десять милліоновъ франковъ.

Словомъ, надо во что бы то ни стало реорганизовать центральное правительство. Въ чемъ же, однако, должна заключаться эта реорганизація? Вотъ на этотъ счетъ соображенія нашего автора очень противорѣчивы. Пока онъ насъ знакомилъ съ настоящимъ положеніемъ Турціи, мы могли только соглашаться съ нимъ и въ свою очередь знакомить нашихъ читателей съ интересными фактами, которые онъ приводитъ въ пользу того мнѣнія, что положеніе Турціи безотрадно и угрожаетъ катастрофою. Но когда онъ отъ діагноза болѣзни переходитъ къ средствамъ леченія, онъ начинаетъ сильно себѣ противорѣчить и даже, какъ намъ кажется, предлагаетъ совершенно негодныя средства.

Тезисъ его тотъ, какъ мы видѣли, что зло заключается почти исключительно въ неудовлетворительномъ управленіи, сосредоточивающемся въ рукахъ центральной власти, которая все регламентируетъ и всѣмъ распоряжается. Читая соображенія автора по этому поводу, можно подумать, что султану стоитъ только захотѣть, и онъ будетъ назначать болѣе умѣлыхъ и честныхъ министровъ, а тѣ въ свою очередь будутъ избирать себѣ болѣе дѣльныхъ и честныхъ помощниковъ и т. д., такъ что весь составъ администраціи измѣнится, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ всѣ злоупотребленія и неустройство страны. Но допустимъ, что султанъ этого не хочетъ, хотя это гипотеза совершенно невѣроятная, потому что самъ авторъ намъ разъяснилъ, какъ опасно и тяжело положеніе султана. Какъ же его заставить захотѣть? Надо ограничить его власть,—совершенно послѣдовательно отвѣчаетъ авторъ. Прежде власть султана умѣрялась фетвами муфтіевъ и возстаніями арміи, и османы создали могущественную имперію. Но неужели отсюда слѣдуетъ, что надо возстановить прежнюю власть

духовенства и опять превратить Турецкую имперію въ царство преторіанцевъ? Понятно, что это немыслимо. Въ такомъ случаѣ какъ же быть? Повидимому, нашъ авторъ придерживается мнѣнія, что Турція должна послѣдовать примѣру западно-европейскихъ государствъ и ввести у себя конституціонную систему правленія. Но вотъ тутъ и начинается противорѣчіе автора. Онъ видимо сочувствуетъ и злополучному Мураду, о которомъ почему-то думаютъ, что онъ былъ склоненъ къ реформамъ въ либеральномъ духѣ, и не менѣе злополучному Мидхаду, кончившему жизнь такъ трагически вслѣдствіе попытки облагодѣтельствовать свое отечество парламентаризмомъ. На страницѣ 117 авторъ дѣйствительно приходитъ къ выводу, что единственное средство спасти Турцію заключается въ томъ, чтобы отнять у султана неограниченную свѣтскую власть и предоставить ее національному собранію, достойному этого названія. Собраніе это должно состоять изъ просвѣщенныхъ членовъ, избираемыхъ провинціальными совѣтами, которые въ свою очередь должны избираться населеніемъ разныхъ вилайетовъ. Исполнительная же власть, по мысли автора, должна быть ввѣрена отвѣтственнымъ министрамъ, состоящимъ подъ контролемъ народнаго представительства, но, понятно, подчиненнымъ верховному авторитету монарха, который сохраняетъ право отвергать законы.

Это, какъ видятъ читатели, буквальное воспроизведеніе западно-европейскаго конституціоннаго режима. Но вотъ что странно: въ то же время авторъ ссылается на авторитетъ историка Турціи, виконта де-ла-Жонкьера, рѣшительно заявляющаго: «Оттоманская нація еще не созрѣла для парламентскаго режима, который можетъ только стѣснить правительство, искренно и серьезно добивающееся прогресса. Въ Турціи султанъ—все; онъ можетъ съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ великій король, сказать о себѣ: государство—это я. Всякая реформа, которая не исходила бы отъ него, была бы обречена на безплодіе; но надо, чтобъ онъ серьезно пожелалъ реформъ и чтобы онъ примѣнилъ ихъ прежде всего къ себѣ и къ своимъ приближеннымъ». Самъ же авторъ еще рѣзче высказывается о парламентскомъ режимѣ по отношенію къ Турціи. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги онъ проводитъ мысль, что надо во что бы то ни стало избѣжать, какъ онъ выражается, «буффонады парламентаризма». Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ предоставить курдамъ и бедуинамъ избирать себѣ представителей и снабдить азіатскихъ и африканскихъ кочевниковъ правомъ всеобщей подачи голосовъ.

Итакъ, авторъ съ одной стороны не хочетъ предоставить турецкимъ народамъ представительство, а съ другой требуетъ, чтобы власть султана была ограничена народнымъ представительствомъ Это очевидное противорѣчіе, котораго авторъ такъ-таки и не примиряетъ. Но не трудно понять, почему онъ его примирить не мо-

жетъ. Хотя онъ намъ даетъ очень обстоятельную и вѣрную картину общаго положенія Турецкой имперіи, но, какъ намъ кажется, самъ должнымъ образомъ въ эту картину не вдумывается, не взвѣшиваетъ условій соціальной, экономической и государственной жизни, не отдаетъ себѣ отчета въ силахъ, обезпечивающихъ процвѣтаніе государствъ или вызывающихъ гибель даже весьма совершенныхъ цивилизацій. Нѣтъ спора, что то или другое политическое устройство играетъ немаловажную роль въ дѣлѣ обезпеченія процвѣтанія и могущества страны; но, къ сожалѣнію, этому фактору придаютъ по большей части чрезмѣрное значеніе, и вслѣдствіе этого вниманіе отвлекается отъ той работы, которая можетъ быть названа основною въ дѣлѣ прогресса и цивилизаціи. Нашъ авторъ останавливается не исключительно на печальной картинѣ турецкаго административнаго неустройства. Онъ часто возвращается къ вопросу о тѣхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ, которыя зависятъ отъ самого населенія. Допустимъ, что отъ правительства зависитъ очень много, но, конечно, не все. Кое-что зависитъ и отъ самого народа, и мы находимъ этому не мало доказательствъ въ самой книгѣ г. Георгіадеса.

Такъ, нашъ авторъ, перечисляя успѣхи, достигнутые греками подъ турецкимъ господствомъ, указываетъ, между прочимъ, на распространеніе среди нихъ образованія и на ихъ замѣчательные торговые успѣхи. Все это позволило имъ въ концѣ концовъ начать побѣдоносную борьбу съ бывшимъ своимъ властелиномъ и свергнуть съ себя турецкое иго. Чрезвычайно интересенъ въ этомъ отношеніи Ампелакійскій союзъ, образованный двадцатью тремя ѳессалійскими деревнями и достигшій такой степени процвѣтанія что онъ возбуждалъ зависть самыхъ крупныхъ европейскихъ фирмъ торговавшихъ на Востокѣ. Этотъ союзъ образовался въ 1795 г. съ капиталомъ въ 100,000 франковъ, а въ 1810 г. его капиталъ составлялъ уже 20 милліоновъ. Кончилось, однако, дѣло тѣмъ, что турецкое населеніе въ одинъ прекрасный день напало на эти деревни и разграбило всѣ ихъ богатства. Что касается болгаръ, то они подъ турецкимъ владычествомъ достигли матеріальнаго благосостоянія, которое, какъ мы уже напомнили читателямъ, удивило нашу армію во время послѣдней русско-рурецкой войны. Подобныхъ примѣровъ можно привести не мало. Они доказываютъ, что и подъ властью султана извѣстная степень матеріальнаго и духовнаго благосостоянія возможна, что она можетъ быть даже очень значительна и иногда заслуживаетъ прямо названія богатства. Но съ другой стороны столь же очевиденъ фактъ, что сами турки рѣшительно неспособны или проявляютъ крайнее нерасположеніе зарабатывать себѣ хлѣбъ производительнымъ трудомъ. «Люди, хорошо знакомые съ турецкимъ народомъ,—говоритъ нашъ авторъ,—признаютъ его невѣжественнымъ, лѣнивымъ и фанатичнымъ... Въ

плодородныхъ мало-азіатскихъ провинціяхъ сельское хозяйство не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ и жатва зависитъ исключительно отъ силъ природы. Человѣкъ бездѣйствуетъ... Жить на счетъ государства—вотъ идеалъ турка. Онъ признаетъ только четыре профессіи: чиновника, солдата, священника и земледѣльца (но какого земледѣльца!). Мечта его, однако, быть чиновникомъ. Онъ знаетъ, что ему будутъ плохо платить и что ежегодно у него будутъ удерживать треть его жалованья. Но это ничего не значитъ; онъ, всетаки, стремится попасть въ администрацію изъ честолюбія и лѣни, а главнымъ образомъ потому, что, будучи чиновникомъ, онъ другимъ способомъ вознаградитъ себя сторицею за то, что ему не доплатитъ казна».

Итакъ, жить на счетъ государства—вотъ идеалъ турка! Все его прошлое пріучило его къ этому. Османы жили завоеваніями на счетъ покоренныхъ народовъ. Они никогда не могли проникнуться тѣмъ основнымъ соціальнымъ началомъ, что источникомъ благосостоянія является трудъ. Для нихъ источникомъ благосостоянія является организованный грабежъ, то-есть завоеванія и трудъ подвластныхъ гіауровъ. Отъ этого представленія турки не могутъ отрѣшиться до сихъ поръ, не смотря на всѣ превратности ихъ исторіи. Турокъ рожденъ для войны и для наслажденій. Трудъ его заключается въ военномъ ремеслѣ: тутъ онъ проявляетъ самоотверженіе, невѣроятную выносливость, мужество, отвагу. Но какъ только война кончена, онъ требуетъ добычи, плодовъ всѣхъ имъ перенесенныхъ лишеній. Государство представляется ему не иначе, какъ военнымъ станомъ, расположеннымъ среди подвластнаго народа, обязаннаго доставлять побѣдителямъ османамъ, правовѣрнымъ, средства къ наслажденію жизнію. Трудъ же во всѣхъ его формахъ, за исключеніемъ военнаго ремесла, представляется ему чѣмъ-то недостойнымъ: онъ его чуждается, онъ его всячески избѣгаетъ, трудится только подъ гнетомъ горькой нужды и предается праздности, гдѣ только возможно. Но безъ труда прогрессъ не мыслимъ; онъ обезпечиваетъ успѣхи промышленности и просвѣщенія. Тамъ, гдѣ нѣтъ труда, царитъ невѣжество и бѣдность. Турокъ же склоненъ посвящать себя только войнѣ и Богу. Путемъ завоеваній могли сложиться богатства, которыя вызвали расцвѣтъ науки и искусства. Такъ было въ Аѳинахъ, Римѣ, у арабовъ; но все это были пышные цвѣты, возросшіе на худосочной почвѣ, только временно достигшей необычайнаго плодородія путемъ искусственнаго удобренія. Плодородіе этой почвы скоро истощилось, и пышные цвѣты стали хирѣть, вянуть и засохли. Въ высушенномъ видѣ они и теперь поражаютъ своею красотою, но опытъ всѣхъ временъ и народовъ окончательно насъ убѣдилъ, что цивилизація, коренящаяся въ эксплоатаціи однимъ общественнымъ классомъ другихъ, не можетъ быть прочною, что она искусственна и недолговѣчна.

Нашъ авторъ дѣлаетъ крупную ошибку, упуская все это изъ виду и строя свой планъ спасенія Турціи на административныхъ реформахъ, на ограниченіи власти султана, на установленіи въ Турціи конституціоннаго режима по западно-европейскому образцу. Онъ самъ, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своего труда приходитъ какъ будто къ выводу, что корень зла заключается въ соціальныхъ понятіяхъ турецкаго народа. «Что бы тамъ ни говорили нѣкоторые космолиты,—замѣчаетъ онъ мимоходомъ,—коранъ не позволяетъ предоставить христіанамъ равныя права съ мусульманами... Предразсудки, нравы, привычки турокъ втеченіе вѣковъ не подвергались никакому измѣненію, исламизмъ оказался неспособнымъ слѣдовать общему движенію цивилизованнаго міра... Трудъ въ глазахъ турка—клеймо рабства»...

Исламизмъ составляетъ неопреодолимое препятствіе для успѣховъ европейской культуры въ Турціи. Этотъ фактъ прекрасно отмѣченъ въ извѣстномъ трудѣ покойнаго фельдмаршала Мольтке. «Безконечный споръ между государствомъ и церковью, который тянется черезъ всю исторію Запада, менѣе всего коснулся Турціи, гдѣ глава государства—въ то же время глава церкви. Подобная борьба между свѣтскою и духовною властью была бы чрезвычайно опасна въ странѣ, гдѣ столько различныхъ народовъ: турки и арабы, курды и болгары, арнауты и славяне связаны только узами вѣры, и гдѣ половина всѣхъ подданныхъ находится въ духовномъ родствѣ съ сосѣднею державою. Султанъ, правда, въ то же время и калифъ; но именно поэтому онъ съ двойнымъ рвеніемъ долженъ поддерживать магометанскую вѣру. Какъ и законодательство Моисея, она распространяется на множество внѣшнихъ предметовъ. Полицейскія постановленія возводятся кораномъ въ религіозные догматы, препятствующіе умственному развитію, цивилизаціи народа и обезпеченію матеріальныхъ интересовъ. Вскрытіе трупа составляетъ преступленіе: хирургія, слѣдовательно, не можетъ дѣлать успѣховъ, а фатализмъ противится принятію санитарныхъ мѣръ противъ чумы и холеры. Живопись не допускается, потому что люди и даже животныя потребуютъ отчета отъ того, кто ихъ изображалъ. Роковое значеніе мѣсяца сифера и понедѣльника тяготѣетъ надъ военными предпріятіями: время года и температура не принимаются въ расчетъ. Религіозная обязанность совершать омовенія въ опредѣленное время избавляетъ мусульманина отъ необходимости исполнять служебныя обязанности, а постъ, предшествующій Рамазану, не допускаетъ заключенія какихъ либо сдѣлокъ. Мусульманинъ весьма неохотно соглашается, чтобы ему пустили кровь, а вино строго воспрещается даже выздоравливающимъ въ больницахъ. Громадное число мусульманъ слѣпнетъ, потому что правовѣрный не можетъ употреблять зонтикъ и, когда онъ молится, долженъ прикладывать лобъ къ землѣ. Обувь сол-

дата мѣшаетъ ему ходить, ибо она приноровлена къ тому, чтобъ онъ могъ ее пять разъ въ день сбрасывать для своихъ омовеній». Между тѣмъ султанъ обязанъ въ качествѣ калифа быть стражемъ всѣхъ постановленій корана. Онъ является верховнымъ его блюстителемъ и охранителемъ. Даже еслибъ онъ хотѣлъ отвергнуть тѣ постановленія корана, которыя не мирятся съ успѣхами цивилизаціи, онъ бы этого не могъ, потому что въ такомъ случаѣ дни его власти были бы сочтены. Все Турецкое государство держится кораномъ; отречься отъ него значитъ вызвать крушеніе Турецкой имперіи. Нашему автору легко провозгласить, что пока турецкій султанъ является калифомъ, истинные успѣхи турокъ въ области гражданственности немыслимы; на самомъ же дѣлѣ турецкій султанъ перестанетъ быть султаномъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ перестанетъ быть калифомъ.

Такъ называемая Молодая Турція, съ болью въ сердцѣ присутствующая при быстромъ разложеніи своего отечества и воодушевленная горячимъ чувствомъ патріотизма, добивается коренныхъ реформъ по западно-европейскому образцу и готова жертвовать собою для достиженія высокой цѣли спасенія своего отечества. Но до сихъ поръ она ничего не достигла и врядъ ли достигнетъ. Европейскія державы даже въ тѣ моменты, когда онѣ искренно заботятся объ облегченіи участи подвластныхъ Портѣ народовъ и не преслѣдуютъ своекорыстныхъ цѣлей, тщетно стараются побудить Порту къ реформамъ. Результатъ получается, по свидѣтельству нашего автора одинъ, болѣе дѣятельное вмѣшательство Европы въ турецкія дѣла не только не исцѣляетъ «больнаго человѣка», но приводитъ его здоровье въ окончательное разстройство. Намѣренія Порты могутъ быть искренни, но она безсильна сдержать свои обѣщанія. Не даромъ у самихъ турокъ сложилась поговорка: «обѣщанія пади-шаха имѣютъ силу только втеченіе семи дней», то-есть быстро забываются. При такихъ условіяхъ ни внутреннее, ни внѣшнее давленіе не можетъ оказать существенной пользы, и всѣ реформы, какъ бы онѣ ни казались цѣлесообразны, желательныхъ результатовъ не даютъ. Онѣ встрѣчаютъ отпоръ не столько со стороны центральнаго правительства, сколько со стороны самого турецкаго населенія. Турецкая исторія знаетъ смѣлыхъ реформаторовъ. Такимъ былъ знаменитый Махмудъ II, турецкій Петръ Великій, какъ его часто называютъ; но его реформы, его стремленія пересадить на турецкую почву европейскіе порядки ограничивались преимущественно переустройствомъ турецкой арміи на европейскій ладъ, а остальныя его реформы не увѣнчались сколько нибудь замѣтнымъ успѣхомъ. Народъ не только не усвоивалъ ихъ, но оказывалъ имъ непреодолимое пассивное сопротивленіе.

Быть можетъ, ни одна страна въ мірѣ не представляетъ такого краснорѣчиваго образца безсилія центральной власти, вооруженной

неограниченными правами, какъ именно Турція. Пади-шахъ, властитель мусульманскаго міра, не въ силахъ провести самыя настоятельныя реформы. Онъ, конечно, можетъ издавать законы, какіе ему заблагоразсудится; но эти законы, когда они не соотвѣтствуютъ религіознымъ и соціальнымъ понятіямъ турецкаго народа, остаются мертвою буквою даже тогда, когда они проводятся съ неумолимою строгостью. Они напоминаютъ собою зданіе, построенное на пескѣ: велика ли сила песчинки, а она все засасываетъ, все разрушаетъ. Такъ и въ жизни народовъ: правительство, воодушевленное наилучшими намѣреніями, можетъ отстроить великолѣпное зданіе народнаго благополучія; но если почва оказывается зыбкою, если самъ народъ не въ силахъ придать ему устойчивость, то всѣ труды правительства-архитектора пропадутъ даромъ. Съ другой стороны, исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ, что при весьма неискусномъ правительствѣ самъ народъ отстроиваетъ себѣ зданіе своего благополучія и прочнымъ образомъ обезпечиваетъ свою судьбу. Другими словами, цивилизація, прогрессъ, народное благосостояніе имѣютъ наибольшіе шансы на успѣхъ тамъ, гдѣ совмѣстное дѣйствіе обоихъ главныхъ факторовъ проявляется съ надлежащею силою и въ должной гармоніи; но центръ тяжести, всетаки, лежитъ въ самомъ народѣ. Турецкій народъ вслѣдствіе всѣхъ своихъ традицій, историческихъ, религіозныхъ, соціальныхъ, желаетъ жить на счетъ христіанъ, но теперь почти совершенно лишенъ могущества для удовлетворенія этого желанія. Вотъ почему онъ обреченъ на постепенное, но неизбѣжное государственное разложеніе, длящееся уже вѣка и прогрессирующее весьма быстро. Неизбѣжность такого исхода предвидится всѣми сколько нибудь проницательными людьми. Крушеніе Турецкой имперіи составляетъ такимъ образомъ лишь вопросъ времени, и притомъ не особенно отдаленнаго. А имперія эта имѣетъ своею столицею пунктъ, который служитъ ключемъ къ Черному морю и къ безопасности нашего южнаго прибрежья. При такихъ условіяхъ нетрудно понять, почему наше вмѣшательство въ турецкія дѣла повторяется, какихъ бы политическихъ теорій или настроенія ни придерживалась въ данное время наша интеллигенція, передовая или отсталая. Законы исторіи дѣлаютъ свое дѣло. Наше отрицательное отношеніе къ основамъ русской народной жизни, внутренней и внѣшней, наше равнодушіе къ этимъ основамъ, наша склонность жить въ мірѣ идей отвлеченныхъ и часто порожденныхъ чуждою намъ почвою, свидѣтельствуетъ только о нашей политической незрѣлости. Апатическое отношеніе къ самымъ жгучимъ вопросамъ русской дѣйствительности, въ томъ числѣ и къ восточному, навѣянное на насъ такъ называемыми передовыми и соціальными теоріями, составляетъ великое зло. Если же иноземное имѣетъ уже для насъ такую привлекательность, что мы даже хвалимъ турецкіе порядки, то вду-

маемся, по крайней мѣрѣ, серьезно въ эти порядки и извлечемъ изъ нихъ урокъ, который они содержатъ. Урокъ же этотъ заключается въ томъ, что не только правительство, но и народъ двигаетъ прогрессъ, что и онъ, слѣдовательно, несетъ отвѣтственность за его достиженіе, что необходимымъ условіемъ народнаго процвѣтанія является производительный трудъ, направленный къ обезпеченію матеріальнаго и духовнаго благосостоянія на почвѣ реальной, обнимающей всю совокупность непосредственныхъ народныхъ нуждъ, что при нормальномъ общественномъ строѣ одинъ классъ не можетъ и не долженъ жить на счетъ другаго или другихъ, отводя себѣ исключительно роль сомнительнаго двигателя идей научныхъ и художественныхъ, въ отличіе отъ народа въ тѣсномъ смыслѣ, осужденнаго на черную работу, и что общество, идеалъ котораго заключается въ томъ, чтобы жить на счетъ государства, напоминаетъ собою Турцію и обречено на безсиліе, подготовляя гибель своего отечества.

Р. Сементковскій.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

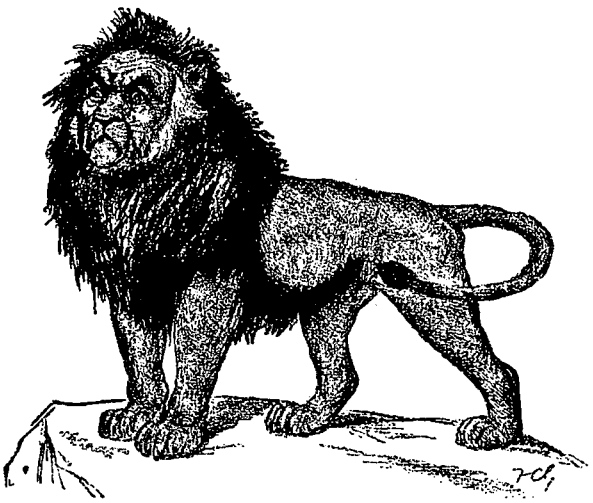
«ДА ЗДАВСТВУЕТЪ Гладстонъ, первый человѣкъ въ свѣтѣ!» — кричали англійскіе рабочіе во время знаменитой избирательный кампаніи Гладстона въ Шотландіи въ 1880 году, результатомъ которой было паденіе торійскаго министерства и образованіе втораго Гладстоновскаго кабинета. Прошло двѣнадцать лѣтъ, снова предпринимается Гладстономъ избирательная кампанія въ Шотландіи, и рабочіе восторженно встрѣчаютъ его съ знаменами, на которыхъ красуется надпись: «Да здравствуетъ Гладстонъ, человѣкъ Божій». И великій старикъ отвѣчаетъ на эти привѣтствія въ своей эдинбургской рѣчи 30-го іюня настоящаго года: «Будемъ идти впередъ по пути того добраго дѣла, которое мы начали, и возложимъ свои надежды не на сквайеровъ и пэровъ, не на титулы и помѣстья, скажу болѣе—не на человѣка, какъ человѣка, а на Всемогущаго Бога, который повелѣваетъ, чтобы принципы права, справедливости и свободы руководили нами и всѣми нашими дѣйствіями». Восьмидесятидвухлѣтняя жизнь и шестидесятилѣтняя дѣятельность великаго старика служатъ практическимъ осуществленіемъ этого возвышеннаго лозунга. Въ политическомъ, общественномъ и общечеловѣческомъ смыслѣ это дѣйствительно въ настоящее время первый человѣкъ въ свѣтѣ, а по чистотѣ, искренности и могучей силѣ нравственныхъ принциповъ, всегда составлявшихъ и доселѣ составляющихъ внутренній двигатель всѣхъ его дѣйствій, это въ полномъ смыслѣ Божій человѣкъ. Съ какой точки зрѣнія ни взглянуть на благороднаго стараго льва и народнаго «Вильяма», какъ

съ гордостью и любовью называетъ англійскій народъ Гладстона, онъ представляетъ необычайную, колоссальную, эпическую фигуру среди нашего мелочнаго, прозаичнаго вѣка.

Какъ великій старикъ, онъ является передъ нами легендарнымъ героемъ. Онъ пережилъ всѣхъ извѣстныхъ политическихъ стариковъ: лорда Пальмерстона, умершаго на восемьдесятъ-второмъ году и Тьера, дожившаго только до восьмидесяти лѣтъ. Достигнувъ восьмидесяти двухъ съ половиною лѣтъ, Гладстонъ сохранилъ всю силу своего ума, всю энергію своихъ юношескихъ лѣтъ и теперь кажется моложе, энергичнѣе и пламеннѣе самыхъ молодыхъ своихъ сторонниковъ. Его удивительно сохранившаяся физическая оболочка прикрываетъ еще болѣе удивительныя умственныя и нравственныя силы; его глаза блестятъ прежнимъ одушевленіемъ, его голосъ также какъ всегда держитъ слушателей подъ своей чарующей силой, и если что либо напоминаетъ о старости, то лишь нѣсколько ослабѣвшій слухъ. На этотъ первый признакъ ослабленія физическихъ силъ много расчитывали его политическіе враги, которые уже давно считаютъ главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ нимъ неизбѣжность его смерти, но, повидимому, имъ долго придется ждать этого радостнаго для нихъ, но печальнаго для всей Англіи событія, и, быть можетъ, осуществятся слова одного изъ его друзей, который надняхъ прямо сказалъ ему: «Вы должны прожить еще двадцать лѣтъ, потому что вы были двадцать шесть лѣтъ торіемъ, двадцать шесть лѣтъ либераломъ и только шесть лѣтъ радикаломъ, слѣдовательно, вы обязаны прожить еще двадцать лѣтъ». По остроумному замѣчанію Стэда, помѣстившаго въ послѣднихъ номерахъ своего журнала «Review of Reviews», любопытную и обстоятельную характеристику Гладстона, великій старикъ обѣщаетъ сдѣлаться безсмертнымъ старикомъ на зло зеленѣющимъ отъ злобы торіямъ, которые не понимаютъ, что въ своей безпредѣльной любви къ народу и безграничной преданности прогрессу благородный старый левъ находитъ самую надежную страховку своей полезной, благотворной жизни. Эти-то два основные фактора всей его общественной дѣятельности, любовь къ народу и преданность прогрессу, придаютъ его вѣчно юной старости ея необыкновенное величіе. Замѣчательно сохранить до глубокой старости всѣ свои силы, но еще замѣчательнѣе развивать подъ старость свои взгляды и стремленія; быть не только великимъ старикомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, великимъ либераломъ и векимъ радикаломъ.

Какъ политическій дѣятель, Гладстонъ представляетъ невиданное доселѣ зрѣлище человѣка, начавшаго свою карьеру пламеннымъ консерваторомъ и мало-по-малу прошедшаго всѣ ступени, отдѣляющія консерватора отъ радикала. При этомъ единственнымъ руководителемъ такого длиннаго ряда постепенныхъ метаморфозъ

былъ не личный интересъ, а развитіе политическихъ идей и понятій о народномъ благѣ. «Ключемъ ко всѣмъ происшедшимъ во мнѣ перемѣнамъ,—не разъ говорилъ онъ самъ:—служитъ слѣдующая формула: я былъ воспитанъ въ понятіи, что свобода зло, а мало-по-малу научился считать ее добромъ». Руководствуясь этой идеей, онъ сдѣлался вѣрнымъ рыцаремъ свободы не только въ своей странѣ, но и во всемъ свѣтѣ. Всѣми его дѣйствіями всегда руководила самая утонченная совѣсть и, по выраженію Карлайля, ни одинъ современный человѣкъ не повиновался своей совѣсти такъ всецѣло, какъ Гладстонъ, тогда какъ у его великаго противника Дизраели никогда не было и слѣда совѣсти. Нравственная нота звучала и звучитъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Гладстона; онъ смотритъ на людей

Благородный старый левъ.

не какъ на избирателей, работниковъ, торговцевъ и т. д., но какъ на нравственныхъ личностей. Въ постоянномъ стремленіи поставить всякій политическій вопросъ на возвышенную нравственную почву заключается главная тайна его необыкновеннаго вліянія на людей. Не менѣе вліяетъ на англійскій народъ чисто англійскія качества Гладстона: непреодолимое мужество, неутомимая энергія и постоянная готовность идти на бой противъ какого бы то ни было врага. Чѣмъ болѣе трудной представляется борьба, съ тѣмъ большимъ пыломъ бросается онъ въ нее. Послѣ смерти Брайта, онъ единственный государственный человѣкъ Англіи, руководящійся нравственными принципами, и передовой боецъ за народныя права, за оскорбленныхъ и униженныхъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Онъ одинъ, по мѣткому выраженію Стэда, способенъ въ

Англіи на политическое самопожертвованіе, чему онъ не разъ представлялъ самые разительные примѣры, и еслибъ неожиданно потребовался въ наше время новый Квинтъ Курцій, то глаза всѣхъ обратились бы на Гладстона, зная, что онъ способенъ на подобное благородное безуміе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представляетъ удивительное смѣшеніе идеальныхъ стремленій и благоразумной практичности. Онъ въ одно и то же время идеалистъ и дѣлецъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ политическій мечтатель, но съ подкладкой политическаго инженера. Онъ относится ко всякому крупному государственному дѣлу, какъ инженеръ къ постройкѣ, напримѣръ, моста. Рѣшивъ, что надо построить мостъ, инженеръ составляетъ планъ лучшей постройки моста изъ желѣза или камня, но если въ данную минуту нельзя достать ни того ни другаго матеріала, то онъ строитъ мостъ деревянный, не теряя ни минуты дорогаго времени. Такъ поступалъ Гладстонъ во всѣхъ проведенныхъ имъ великихъ реформахъ, которыя поэтому кажутся иногда полумѣрами, но Англія всегда шла на пути прогресса путемъ полумѣръ, и скачками въ политикѣ нельзя достичь прочнаго осуществленія великихъ цѣлей. Въ сущности вся практическая государственная дѣятельность Гладстона состоитъ только въ томъ, что онъ энергично воплощаетъ идеи и потребности своего времени. Служить общественному мнѣнію, которое управляетъ въ настоящее время каждой образованной страной, и проводить его чрезъ горнило законодательства—вотъ весь смыслъ и все значеніе политической дѣятельности Гладстона, который самъ сказалъ однажды: «убѣжденіе страны должно быть регуляторомъ правительства». Но, идя рука въ руку съ общественнымъ мнѣніемъ, честно и преданно служа ему, Гладстонъ, однако, никогда не былъ его слѣпымъ орудіемъ или рабомъ, а, напротивъ, въ мрачныя минуты, когда общественное мнѣніе Англіи временно отуманивалось, прекращало свой прогрессивный путь или сворачивало съ этого прямаго пути въ трясину личныхъ интересовъ господствующаго класса, то Гладстонъ не слѣдовалъ за нимъ, а выжидалъ, какъ вѣрный стражъ истиннаго прогрессивнаго общественнаго мнѣнія, пока страна не очнется отъ заблужденія и не вернется къ своему вѣрному, стойкому представителю. Такъ было послѣ перваго министерства народнаго Вильяма, когда Англія, уставъ отъ его лихорадочной реформаторской дѣятельности, бросилась въ объятія юркаго Дизи и нѣсколько лѣтъ находилась подъ вліяніемъ позорнаго Биконсфильдскаго кошмара; Гладстонъ терпѣливо выждалъ, пока Англія очнулась отъ этого кошмара, энергично содѣйствовалъ ея пробужденію и, едва чадъ прошелъ и общественное мнѣніе вернулось къ своему лучшему честнѣйшему истолкователю, онъ снова принялъ власть и повелъ страну по прежнему прогрессивному пути. Такъ было и шесть лѣтъ тому назадъ, когда онъ смѣло поставилъ на очередь

вопросъ объ ирландскомъ самоуправленіи; общественное мнѣніе отъ него отвернулось, и онъ не уступилъ ему ни іоты своего политическаго убѣжденія; снова онъ отошелъ въ сторону, снова разыгралась консервативная траги-комедія, а теперь снова наступила минута расчета съ временными корыстными правителями, минута торжества современнаго рыцаря безъ страха и упрека. Только что окончившіеся парламентскіе выборы краснорѣчиво доказываютъ, что общественное мнѣніе Англіи еще разъ вернулось къ своему великому старику, и еще разъ великій старикъ возьметъ въ свои умѣлыя, попрежнему твердыя и, какъ всегда, честныя руки кормило правленія. Такимъ образомъ, впродолженіе полустолѣтія, Гладстонъ является полнымъ и лучшимъ выраженіемъ современной Англіи. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражается общественное мнѣніе страны въ честнѣйшемъ, лучшемъ значеніи этого слова.

Какъ историческая личность, Гладстонъ займетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ не только своей страны, но и всего свѣта. Сравнивая его съ величайшими англійскими министрами прошедшаго времени, безпристрастный историкъ будетъ вынужденъ признать, что онъ не уступаетъ ни одному изъ нихъ. Напротивъ, Чатамъ могъ одушевить всю націю своей энергіей, но онъ уступалъ Гладстону въ обширности знаній и въ широтѣ идей; Фоксъ болѣе всего подходитъ къ Гладстону, какъ парламентскій боецъ, но онъ никогда не имѣлъ случая доказать своихъ административныхъ талантовъ; Питъ былъ самымъ могущественнымъ министромъ, когда либо управлявшимъ Англіей, но онъ не оставилъ послѣ себя ни одного крупнаго законодательнаго акта; Канингъ былъ великимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и болѣе ничего; сэръ Робертъ Пиль, котораго Гладстонъ считаетъ своимъ учителемъ, былъ прекраснымъ администраторомъ и полезнымъ парламентскимъ дѣятелемъ, но онъ никогда не выказывалъ возвышенныхъ идей и стремленій Гладстона. Если нельзя сказать, что Гладстонъ соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства своихъ предшественниковъ безъ ихъ недостатковъ, то, всетаки, онъ одинъ соединяетъ въ себѣ краснорѣчіе Фокса, государственную опытность Чатама, мужество Пита и административныя способности сэра Роберта Пиля, къ чему онъ еще прибавляетъ другія лично ему принадлежащія высокія качества и такой всеобъемлящій гуманный умъ, какимъ не обладалъ ни одинъ изъ этихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей. Если сравнивать Гладстона съ современными ему европейскими государственными людьми, то ни одного изъ нихъ, ни Кавура, ни Тьера, нельзя поставить наравнѣ съ нимъ по широтѣ его взглядовъ и по его значенію въ современной исторіи. Что касается до Бисмарка, то нѣтъ никакой возможности сравнивать желѣзнаго канцлера съ народнымъ Вильямомъ, потому что этотъ могучій средневѣковой майордомъ, слу-

чайно попавшій въ XIX вѣкъ, всегда дѣйствовалъ внѣ конституціонной и парламентской сферы, гдѣ только и вращался великій старикъ. До сихъ поръ еще недостаточно отдаютъ справедливость Гладстону относительно великой роли, которую онъ игралъ въ международной политикѣ, но будущій историкъ, конечно, признаетъ эту роль. Гладстонъ ввелъ въ политику безкорыстные, возвышенные принципы; онъ былъ однимъ изъ создателей итальянской свободы, и его мощный голосъ послужилъ къ избавленію этой страны отъ позорнаго ига тирановъ; его же голосъ раздался впервые въ Англіи противъ турецкихъ звѣрствъ на Балканскомъ полуостровѣ и проложилъ дорогу къ независимости болгаръ; онъ мирно отдалъ Греціи Іоническіе острова; онъ въ дѣлѣ «Алабамы» создалъ прецедентъ разрѣшенія третейскимъ судомъ международной распри; онъ миролюбиво покончилъ съ авганскимъ вопросомъ, смѣло доказавъ англійскимъ джингоитамъ, что Россія не находится внѣ сферы цивилизаціи или сочувствія истиннаго либерализма. Дѣйствуя такимъ образомъ извнѣ, а во внутренней политикѣ являясь постояннымъ энергичнымъ реформаторомъ, Гладстонъ своей шестидесятилѣтней общественной дѣятельностью составляетъ живое звено между отжившимъ мертвымъ прошедшимъ, съ его исключительными кастовыми привилегіями и нарождающимся свѣтлымъ будущимъ. Уже въ этомъ одномъ отношеніи великій старикъ займетъ выдающееся мѣсто въ исторіи.

Какъ человѣкъ, Гладстонъ возбуждаетъ невольное изумленіе; просто становишься втупикъ передъ его всеобъемлющимъ умомъ, разнообразіемъ талантовъ и его кипучей лихорадочной и разношерстной дѣятельностью. Онъ въ одно и то же время великій ораторъ, геніальный финансистъ, ловкій парламентскій дѣлецъ, энергичный администраторъ, образцовый первый министръ, пламенный народный трибунъ, ученый классикъ, изучающій спеціально Гомера, серьезный богословъ и отзывчивый публицистъ, постоянно помѣщающій въ журналахъ и газетахъ статьи по всѣмъ современнымъ вопросамъ. Эта разновидная, разнообразная дѣятельность продолжается болѣе шестидесяти лѣтъ, и въ послѣднее время великій старикъ не только велъ парламентскую борьбу съ торіями и произносилъ длинныя рѣчи на избирательныхъ собраніяхъ, но печаталъ въ американскихъ журналахъ статьи объ Иліадѣ и Дневникѣ Башкирцевой, а въ англійскихъ доказывалъ рядомъ логичныхъ аргументовъ и блестящихъ ипотезъ, что Данте учился въ Оксфордскомъ университетѣ, а также сочувственно разбиралъ новую книгу «Происхожденіе и развитіе политической Платформы», утверждая, что три П—петиція, пресса и платформа, то-есть народная трибуна, составляютъ величайшія гарантіи общественной свободы, причемъ въ наше время послѣдняя взяла верхъ надъ двумя первыми. Если къ этому прибавить, что Гладстонъ искренно религіозный человѣкъ,

прямо сказавшій надняхъ на вопросъ одного репортера, въ чемъ заключается наибольшая надежда Англіи: «наша величайшая надежда на будущее—вѣра въ Бога, служащая основой цивилизаціи», что онъ высокій нравственный человѣкъ, идеальный семьянинъ и во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ того пламеннаго культа, который питаетъ къ нему вся либеральная Англія, то получится, если не полный, то вѣрный въ главныхъ чертахъ образъ великаго старика.

Въ настоящую минуту на немъ болѣе чѣмъ когда сосредоточено общее вниманіе всей Англіи и всего свѣта. Его побѣда на парламентскихъ выборахъ полная, и онъ будетъ располагать въ новомъ

Лордъ Б.—Дровосѣкъ, пощади это милое турецкое дерево.

парламентѣ большинствомъ въ 40 голосовъ, а въ результатѣ получится новое четвертое министерство Гладстона и немедленное осуществленіе его великаго плана ирландскаго самоуправленія, которое, наконецъ, примиритъ Зеленый островъ съ своей могучей сосѣдкой послѣ вѣковой борьбы, сопровождавшейся столькими несправедливостями и жестокостями со стороны побѣдителей. Трудно придумать болѣе грандіознаго окончанія шестидесятилѣтней политической дѣятельности народнаго Вильяма, какъ этотъ блестящій апоѳеозъ.

Такимъ образомъ теперь болѣе чѣмъ когда либо кстати напомнить въ главныхъ чертахъ эту замѣчательную общественную дѣятель-

ность, эту переполненную событіями жизнь, служащую какъ бы отраженіемъ исторіи современной Англіи болѣе чѣмъ за полвѣка. Гладстоновская литература, или, какъ англичане называютъ, «Гладстоніана», чрезвычайно богата и вполнѣ освѣщаетъ всѣ стороны его любопытной личности. Въ недавнее время присоединился къ этимъ обильнымъ источникамъ всевозможныхъ свѣдѣній о Гладстонѣ еще новый очеркъ его жизни, очень интересный, прекрасно составленный и близко знакомящій насъ съ малоизвѣстными доселѣ годами его дѣтства и юности, а также со многими невѣдомыми чертами его общественной и частной жизни. Эта краткая, но обстоятельная біографія, входящая въ составъ серіи «Первые министры королевы Викторіи», составлена Джорджемъ Роселемъ [1]), близкимъ другомъ и сотрудникомъ государственной дѣятельности великаго старика; всѣ англійскіе критики признали ее лучшей характеристикой Гладстона, и мы главнымъ образомъ воспользуемся ею для своего очерка.

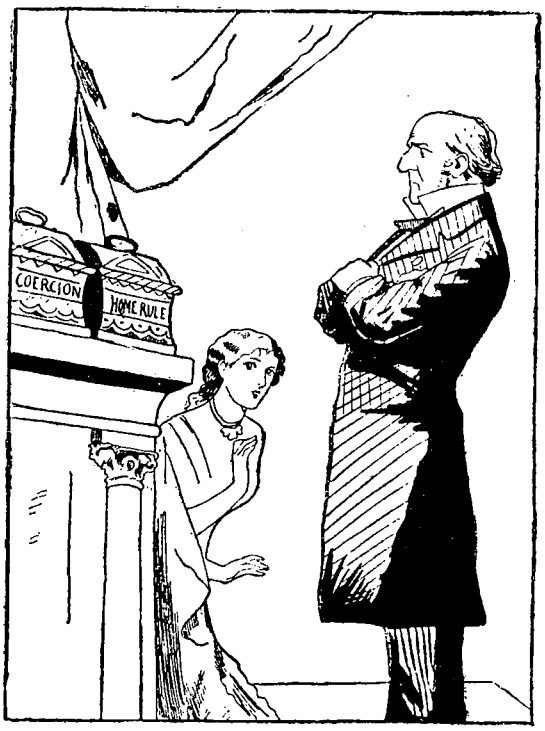
I.

Вильямъ Эвартъ Гладстонъ родился 29-го декабря 1809 года. Это былъ критическій моментъ въ исторіи Англіи и Европы. Въ Европѣ величайшій геній, какого когда либо видывалъ свѣтъ, «самый колоссальный, могучій и удивительный умъ, когда либо обитавшій въ человѣческой головѣ», по недавнему выраженію самого Гладстона, упорно прокладывалъ себѣ дорогу къ всемірному престолу, превращая всѣ страны въ колоссальную бойню, и никто еще не выказывалъ основательнаго сопротивленія его тріумфальному шествію, угрожавшему свободѣ и независимости всѣхъ образованныхъ государствъ. Въ Англіи безумный король и развратный наслѣдникъ престола стояли во главѣ соціальной системы, гармонично соединявшей въ себѣ всевозможныя общественныя злобы. Деспотическая администрація поддерживалась такъ называемымъ народнымъ представительствомъ, столь же мнимымъ, сколько подкупнымъ, и церковью, которая, забывая о своихъ высшихъ духовныхъ цѣляхъ, служила только личнымъ интересамъ привиллегированныхъ классовъ. Аристократія и плутократія были въ полномъ разладѣ съ общественнымъ долгомъ, и даже знаніе было слугою тираніи. Священнымъ словомъ правосудія санкціонировалась система юридическаго убійства. Промышленность и торговля были парализованы [запретительными пошлинами; общественный кредитъ былъ поколебленъ въ своей основѣ; первыя необходимости жизни были разорительно

---

[1]) The prime ministers of queen Victoria: The right honorable William Ewart Gladstone, by George Russell, London, 1892, 2 ed.

дороги. Бѣдность и нищета были всюду распространены и быстро развивались, благодаря войнѣ и голоду; англійскій народъ находился въ самомъ несчастномъ, безпомощномъ состояніи, не имѣя возможности искать спасенія отъ претерпѣваемыхъ страданій иначе, какъ въ заговорахъ и возстаніяхъ. Судьбы Англіи казались очень мрачными, и она, повидимому, стояла на краю общественной катастрофы. Естественно, что подобное положеніе вещей создавало опасенія среди аристократіи и буржуазіи за свою безопасность и внушало самымъ мужественнымъ ихъ представителямъ, даже съ

Выборъ между репресивными мѣрами и Ирландскимъ самоуправленіемъ.

либеральнымъ оттѣнкомъ, консервативныя и репресивныя идеи. Къ подобнымъ людямъ принадлежалъ и отецъ Гладстона, сэръ Джонъ, происходившій отъ разорившейся шотландской дворянской семьи Глэдстэновъ (глэдъ—соколъ, стэнъ—скала) и нажившій крупное состояніе хлѣбной торговлей въ Ливерпулѣ. Сдѣлавшись финансовымъ тузомъ и отличаясь холоднымъ, практическимъ здравымъ смысломъ, онъ въ виду грозныхъ условій тогдашней политической жизни въ Англіи перешелъ изъ партіи виговъ, къ которой прежде принадлежалъ, въ лагерь торіевъ, которые казались ему защитни-

ками порядка и собственности. Подружившись съ знаменитымъ Канингомъ и поступивъ въ парламентъ, сэръ Джонъ Гладстонъ сталъ оплотомъ торіизма въ Ливерпулѣ, и, конечно, его консервативныя идеи безгранично царили въ его собственномъ домѣ. Подъ вліяніемъ этихъ идей и пуританской религіозности его матери, также шотландки по происхожденію, взросъ будущій народный Вильямъ. Впослѣдствіи онъ всегда съ гордостью признавалъ свое двоякое происхожденіе изъ Шотландіи и средняго сословія, упорно отказываясь отъ всякихъ мишурныхъ титуловъ. «Если Шотландія не стыдится своихъ сыновъ,—говорилъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Глазго,—то и ея сыны не стыдятся Шотландіи; память о моихъ родителяхъ и многія другія причины заставляютъ меня радоваться и быть благодарнымъ, что кровь, текущая въ моихъ жилахъ, исключительно шотландская». Точно также на общественномъ митингѣ въ Ливерпулѣ въ 1872 году онъ сказалъ: «Я не знаю, почему бы въ Англіи не имѣть древнихъ родовъ, которые гордились бы тѣмъ, что они изъ поколѣнія въ поколѣніе занимались торговлей; я считаю очень грустнымъ и почти скандальнымъ фактомъ, что многія семейства, пріобрѣвъ богатство и положеніе въ свѣтѣ торговлей, отворачиваются отъ нея и, повидимому, ея стыдятся. Не такъ поступаемъ мы съ братомъ. Его сыновья идутъ по его стопамъ, а одинъ изъ моихъ сыновей,—я говорю это съ радостью,—слѣдуетъ примѣру моего отца и брата».

О дѣтствѣ Гладстона сохранилось мало свѣдѣній, и характеристичной его чертой было только, что онъ привыкъ почти съ пеленокъ принимать участіе въ горячихъ преніяхъ, имѣвшихъ чисто парламентскій характеръ. Не смотря на то, что его отецъ пользовался патріархальнымъ авторитетомъ въ своей семьѣ, онъ завелъ въ домѣ странный обычай обсуждать съ своими сыновьями всякій крупный или мелкій вопросъ, представлявшійся ихъ вниманію. По словамъ одного очевидца, въ этой семьѣ все подвергалось спору и баллотировкѣ, даже такіе предметы, какъ: надо сварить или сжарить рыбу къ обѣду, надо закрыть окно или нѣтъ, будетъ завтра хорошая погода или дурная. Каждый членъ семейства, хотя бы самый маленькій, выставлялъ свои аргументы, непремѣнно основанные на логикѣ, и споръ рѣшался голосованіемъ. Въ этой ранней школѣ Гладстонъ, вѣроятно, научился своему удивительному ораторскому искусству, непогрѣшимой аргументаціи и парламентской ловкости. По отзыву всѣхъ его біографовъ, онъ заимствовалъ у отца силу характера, стойкость въ достиженіи своей цѣли и консервативныя политическія мнѣнія, которыхъ онъ держался въ первую эпоху своей общественной дѣятельности. Матери, очень умной и образованной женщинѣ, онъ обязанъ, кромѣ искренней религіозности, своей впечатлительной, чуткой натурой, а окружавшая его въ дѣтствѣ Ливерпульская среда развила въ немъ

дѣловыя практическія способности, въ томъ числѣ финансовый геній.

Воспитаніе сначала у частнаго пастора, а потомъ въ Итонской школѣ и, наконецъ, въ Оксфордскомъ университетѣ довершили умственное и нравственное развитіе перваго государственнаго человѣка современной Англіи, а потому эта эпоха его жизни имѣетъ громадное значеніе для правильной оцѣнки его послѣдующей дѣятельности и на ней слѣдуетъ остановиться болѣе подробно, чѣмъ на многихъ фактахъ его политической карьеры, извѣстныхъ всѣмъ и каждому. На двѣнадцатомъ году поступилъ Гладстонъ въ Итонъ «самымъ хорошенькимъ мальчикомъ, когда либо видѣннымъ въ этой школѣ», по словамъ извѣстнаго англійскаго ученаго сэра Родрика Мурчисона, и оставался тамъ шесть лѣтъ. Въ то время это знаменитое учебное заведеніе было исключительно классическимъ, но Гладстонъ, серьезно занимаясь греческимъ и латинскимъ языками, такъ что его всегда вызывали для перевода особенно трудныхъ или красивыхъ мѣстъ въ Гомерѣ и Виргиліи, вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ по праздникамъ математику и въ свободное время основательно знакомился съ англійской литературой, которая вмѣстѣ съ новыми языками не входила въ программу ученія. Въ гимнастическихъ играхъ, занимающихъ столь важную роль въ англійскихъ школахъ, онъ не принималъ никакого участія, и если иногда катался на лодкѣ, то одинъ; но любимымъ его развлеченіемъ было гулять по окрестностямъ Виндзора съ близкими ему товарищами, изъ которыхъ впослѣдствіи стали извѣстными всей Англіи, какъ парламентскіе дѣятели: Спенсеръ Волполь, сэръ Джорджъ Корнволъ Люисъ, лордъ Елджинъ, а также, какъ свѣтила англиканской церкви, лордъ Артуръ Гарвей, епископъ батскій, Джеральдъ Вельслей, виндзорскій деканъ, и Валтеръ Гамильтонъ, епископъ салисбюрійскій. Послѣдній, считавшійся своими современниками чуть ли не святымъ, не разъ говорилъ, что благотворное вліяніе на него Гладстона спасло его въ школѣ отъ лѣни и гораздо худшихъ пороковъ. Вообще, по единогласному свидѣтельству всѣхъ знавшихъ его въ эту раннюю эпоху жизни, онъ былъ образцовымъ, способнымъ, религіознымъ, трудолюбивымъ, нравственнымъ юношей! Поэтому очень странно звучитъ данное ему въ видѣ насмѣшки надъ его трезвостью прозвище мистеръ Tipple (пьяница); впрочемъ онъ не отказывался отъ участія въ веселыхъ товарищескихъ сборищахъ и былъ членомъ маленькаго спеціальнаго клуба, собиравшагося еженедѣльно по вечерамъ въ тавернѣ Salt-Hill, чтобъ «поболтать, поѣсть хлѣба съ сыромъ и попить гоголь-моголь». Но онъ всегда велъ себя сдержанно, прилично, и когда однажды былъ предложенъ какой-то грубый, циничный тостъ, то онъ отказался его пить и опрокинулъ свой стаканъ на столъ. Подобныя мужественныя выходки только усиливали общее къ нему уваженіе, тѣмъ болѣе, что онъ не отка-

зывался кулаками поддержать свою репутацію и, напримѣръ, заступившись какъ-то за свиней, которыхъ терзали на улицѣ, и сдѣлавшись предметомъ насмѣшекъ нѣсколькихъ итонскихъ учениковъ, онъ гордо предложилъ «дать имъ отвѣтъ круглымъ почеркомъ на ихъ щекахъ». Вообще товарищи были очень высокаго мнѣнія о Гладстонѣ; одинъ изъ нихъ, Джемсъ Мильнсъ, характеристически писалъ въ то время своей матери: «Гладстонъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и здравомыслящихъ людей, еще когда либо виданныхъ мною». Онъ же въ перепискѣ называетъ Гладстона «необыкновенной личностью, къ которой онъ всегда обратился бы за совѣтомъ въ критическую минуту»; а Артуръ Галаммъ замѣчаетъ въ своемъ школьномъ дневникѣ: «Какова бы ни была наша судьба, но я убѣжденъ, что Гладстонъ такой бутонъ, который разцвѣтетъ гораздо богаче, чѣмъ любой изъ насъ, подающій самыя большія надежды».

Это юношеское предсказаніе, оказавшееся столь справедливымъ, было внушено главнымъ образомъ необыкновенными успѣхами Гладстона въ качествѣ оратора въ преніяхъ общества подъ названіемъ «Literati», существовавшаго между итонскими учениками, и редактора основаннаго имъ журнала «Итонское Обозрѣніе». Замѣчательно, что первая рѣчь, которую произнесъ въ своей жизни будущій великій парламентскій ораторъ, именно 29-го октября 1825 г., была посвящена вопросу: «Полезно ли воспитаніе для бѣдныхъ?» и что первыя слова, произнесенныя семнадцатилѣтними устами, которымъ суждено было втеченіе болѣе полувѣка наводнять свою родину почти безпрерывнымъ потокомъ краснорѣчія, были: «Нашъ вѣкъ быстро распространяющейся цивилизаціи». Хотя въ этой дѣвственной рѣчи онъ явился пламеннымъ защитникомъ образованія и обсуждалъ животрепещущій современный вопросъ, онъ вообще, по его собственному признанію въ одной изъ послѣдующихъ рѣчей, «былъ по своимъ пристрастіямъ и предразсудкамъ сторонникъ торіевъ» и почти исключительно занимался въ Итонскомъ обществѣ обсужденіемъ историческихъ вопросовъ съ торійской точки зрѣнія. Однако пламенный торизмъ не заставлялъ его закрывать глаза на торійскія злоупотребленія и, разбирая дѣйствія министровъ королевы Анны въ послѣдніе годы ея царствованія, онъ характеристично воскликнулъ: «Благо родины для меня выше преданности партіи, и добросовѣстно я долженъ высказаться противъ людей, хотя бы и торіевъ, которые по моему твердому убѣжденію дѣйствовали противъ англійскихъ интересовъ, омрачали англійскую славу и подрывали великія и, я надѣюсь, вѣчныя основы англійской конституціи».

Самымъ пестрымъ разнообразіемъ отличалась редакторская работа Гладстона въ Итонѣ, какъ бы служа предзнаменованіемъ его будущей разновидной дѣятельности; втеченіе полугода существованія своего журнала «Itone Miscellany» онъ выпустилъ два обшир-

ныхъ тома, въ которыхъ подъ всевдонимомъ Бартоломью Бувери онъ лично писалъ о всевозможныхъ предметахъ, въ прозѣ и стихахъ. Такъ ему принадлежатъ: пламенный панегирикъ Канингу въ статьѣ «Сравненіе между древними и новыми геніями»; очеркъ парламентскаго краснорѣчія, въ которомъ характеристично говорится о трудностяхъ, загораждающихъ путь всякаго юнаго депутата, вступающаго въ залу св. Стефана съ надеждой сдѣлаться первымъ министромъ; критическая статья подъ заглавіемъ «Взглядъ

Выборъ сдѣланъ.

на Лету»; двѣ поэмы въ Байроновскомъ духѣ «Ричардъ Львиное Сердце» и «Предсмертная пѣснь Гватемазина»; саркастическая ода въ честь радикала Вата Тайлера, въ которой поднимается на смѣхъ этотъ защитникъ народныхъ правъ, конечно, съ торійской точки зрѣнія, и безконечное число мелкихъ статей. Объ этой ранней литературной дѣятельности Гладстона очень знаменательно отозвался отецъ одного изъ его товарищей и сотрудниковъ по журналу, сэра Франсиса Дойля, въ словахъ: «Я не говорю, чтобы его статьи были лучше произведеній моего сына или Галлама, но сила характера, выказанная имъ въ редакторской работѣ, умѣніе обращаться съ

сотрудниками и обнаруженныя имъ замѣчательныя способности убѣждаютъ меня, что этотъ молодой человѣкъ непремѣнно прославится впослѣдствіи». Еще знаменательнѣе въ виду будущей дѣятельности Гладстона звучатъ его собственныя слова въ предисловіи къ первому номеру журнала: «Въ моемъ предпріятіи я всего болѣе боюсь пучинъ Леты и я опасаюсь, что не выкажу способности плыть по теченію общественнаго мнѣнія, и когда надо—идти противъ него. Меня поддерживаетъ одна надежда, что въ литературѣ всегда награждается истинное достоинство, и хотя я не имѣю притязанія на подобное достоинство, но нѣчто внутри меня говоритъ, что я буду въ состояніи держаться на поверхности потока общественнаго уваженія».

Окончивъ курсъ въ Итонской школѣ и подготовившись къ университетскимъ занятіямъ у частнаго тутора, Гладстонъ поступилъ въ 1823 году въ Оксфордскую коллегію «Christ-Church», и образцовый школьникъ сдѣлался въ самое короткое время образцовымъ студентомъ. Хотя его личные вкусы влекли его къ исключительному изученію классиковъ, но, по желанію отца, онъ сталъ заниматься параллельно и математикой, а спустя три года, выдержавъ блестящимъ образомъ выходной экзаменъ, получилъ высшую награду: двойной дипломъ по классическимъ и математическимъ наукамъ. Кромѣ того, онъ серьезно изучалъ въ университетѣ и богословіе, такъ какъ его религіозныя наклонности только усилились въ оксфордской средѣ, тогда чрезвычайно религіозной, и онъ даже намѣревался посвятить себя духовному званію. Студенческая его жизнь отличалась такъ же, какъ школьная, трудолюбіемъ, порядочностью и строгой нравственностью, что̀ сильно вліяло на его товарищей, и въ сороковыхъ годахъ еще говорили въ Оксфордѣ, что студенты пьютъ меньше прежняго, потому что Гладстонъ показывалъ примѣръ трезвости въ тридцатыхъ годахъ. Естественно, что легкомысленные веселые юноши смѣялись надъ нимъ, увѣряя, что онъ и его друзья способны только бесѣдовать съ старыми дѣвами и откармливать ручныхъ кроликовъ, но лучшія силы тогдашняго Оксфорда, а въ то время тамъ находились такіе люди, какъ кардиналъ Манингъ, Робертъ Ло, Сидней Гербертъ и многіе другіе, которые впослѣдствіи сдѣлались украшеніемъ парламента и церкви, составляли тѣсный его кружокъ, считая его, по словамъ лорда Гуртона, тогда бывшаго студентомъ въ Кембриджѣ, «очень выходящимъ изъ ряда человѣкомъ». Особое впечатлѣніе производило на весь университетъ его замѣчательное краснорѣчіе въ засѣданіяхъ студентскаго общества, называвшагося его заглавными буквами W. E. G., и знаменитаго Оксфордскаго Союза, секретаремъ и предсѣдателемъ котораго онъ былъ въ послѣднее время своего пребыванія въ Alma Mater. Оставаясь вѣрнымъ своимъ торійскимъ идеямъ, онъ развивалъ въ своихъ рѣчахъ самыя консервативныя тенденціи и гово-

рилъ противъ биля о реформѣ 1830 года, предоставленія евреямъ равноправности и немедленнаго освобожденія невольниковъ въ Вестъ-Индіи, доказывая, что гораздо лучше освободить ихъ постепенно; только въ вопросѣ о католической эманципаціи, слѣдуя по стопамъ своего кумира Канинга, онъ выражалъ болѣе либеральные взгляды. Свое тогдашнее отношеніе къ политикѣ Гладстонъ впослѣдствіи очень мѣтко объяснялъ преобладавшимъ въ Оксфордѣ «страхомъ свободы, которую нельзя было совершенно упразднить, но отъ крайностей которой слѣдовало гарантировать страну». Но каковы бы ни были политическіе принципы, защищаемые юнымъ Гладстономъ, онъ обнаруживалъ такой замѣчательный ораторскій талантъ, что слышавшій его рѣчь противъ биля о реформѣ, Чарльсъ Вордсвортъ, теперь одинъ изъ первыхъ англійскихъ епископовъ, сказалъ во всеуслышаніе: «Я убѣжденъ, что этотъ студентъ будетъ первымъ министромъ Англіи, такъ же, какъ въ томъ, что я существую».

Съ подобной громкой репутаціей вышелъ Гладстонъ изъ Оксфорда и по желанію отца не сдѣлался пасторомъ, какъ онъ этого сильно желалъ, а послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Италіи, гдѣ онъ восторженно изучалъ чудеса искусства и съ не меньшимъ восторгомъ любовался чудесами природы, вступилъ на парламентское поприще, блестящимъ украшеніемъ котораго ему суждено было быть впродолженіе шестидесяти лѣтъ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ явился на общихъ выборахъ 1832 года кандидатомъ торійской партіи и его политическимъ крестнымъ отцомъ былъ герцогъ Ньюкастльскій, сынъ котораго былъ его университетскимъ товарищемъ. Этотъ могущественный территоріальный магнатъ легко провелъ его въ депутаты принадлежавшаго ему мѣстечка Ньюаркъ, и хотя въ избирательныхъ рѣчахъ Гладстона вездѣ слышится консервативная, торійская нота, но въ нихъ замѣчаются и задатки той любви къ народу, тѣхъ заботъ о бѣдномъ классѣ и той жажды справедливости, которыя сдѣлались впослѣдствіи отличительными элементами его политической дѣятельности. «Я прошу вашихъ голосовъ,—говорилъ онъ, между прочимъ, своимъ избирателямъ,—не на основаніи того, чтобъ я поддерживалъ мнѣнія извѣстнаго лица или партіи; я не могу смотрѣть на себя, какъ на ставленника герцога Ньюкастльскаго, а являюсь къ вамъ по приглашенію многихъ почтенныхъ, интеллигентныхъ людей. Я считаю, что для устраненія общественныхъ недостатковъ необходимо принятіе не только спеціальныхъ мѣръ, но и возстановленіе болѣе здравыхъ принциповъ. Противъ нашихъ учрежденій выставляютъ принципы, и въ защиту ихъ слѣдуетъ выставить не гоненія, не подкупы, не сдѣлки съ совѣстью, не могущественныя вліянія, а также принципы, въ особенности тотъ принципъ, что обязанности правителей строго религіозны. Въ ряду первыхъ результатовъ подобной политики было бы обращеніе неусыпнаго вниманія на интересы бѣднаго класса

въ силу того принципа, что тѣ, которые могутъ менѣе всего заботиться о себѣ, должны возбуждать наибольшія заботы въ другихъ. Особливо нашъ долгъ всячески стараться, чтобъ трудъ получалъ достойное вознагражденіе, и всѣ мѣры, стремящіяся къ достиженію этой цѣли, а также къ исправленію законовъ о бѣдныхъ и отмежеванію земли подъ хижины поселянъ, заслуживаютъ самой сочувственной поддержки». Въ этихъ словахъ молодаго Гладстона, котораго Маколей при его вступленіи въ парламентъ назвалъ: «восходящей надеждой упорныхъ, непреклонныхъ торіевъ», слышится какъ бы отдаленный, первый лепетъ той благородной защиты народныхъ правъ и народнаго блага, которыми дышатъ краснорѣчивыя рѣчи, произнесенныя въ послѣдніе дни съ такой удивительной энергіей восьмидесятитрехлѣтнимъ великимъ старикомъ.

В. Т.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Девятисотлѣтіе православія на Волыни. 992—1892 г. Часть I и II. Житоміръ. 1892.

О. И. Левицкій. Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII вѣка кн. Мстиславомъ Изяславичемъ. Кіевъ. 1892.

Волынь въ настоящемъ году торжественно праздновала 900-лѣтній юбилей православія. Юбилей этотъ, помимо разнаго рода корреспонденцій, статей какъ въ русскихъ, такъ и заграничныхъ журналахъ и газетахъ, вызвалъ нѣсколько довольно значительныхъ изданій, изъ которыхъ наиболѣе интересны два названныхъ нами.

Первое изъ нихъ представляетъ собою сборникъ статей, изданный по иниціативѣ волынскаго архіепископа Модеста, при ближайшемъ участіи мѣстныхъ изслѣдователей — Н. Н. Трипольскаго, К. В. Дунаевскаго и др. Авторы не задавались какими бы то ни было научными цѣлями, не имѣли въ виду дать изслѣдованія, основаннаго на самостоятельномъ изученіи источниковъ, поэтому и новыхъ какихъ нибудь выводовъ искать здѣсь нечего. Задачей своей они поставили—освѣтить нѣкоторые наиболѣе важные факты, рельефнѣе обрисовать нѣкоторыя стороны изъ исторической жизни Волыни за 900-лѣтній періодъ, указать на то, что Волынь была искони страной русской, что православіе было религіей господствующей. Цѣль эта достигается авторами вполнѣ. Приведенный длинный списокъ епископовъ, занимавшихъ волынскія каѳедры, съ небольшими ихъ біографіями, затѣмъ историческій обзоръ существовавшихъ и существующихъ монастырей, а также статья «Помянники»

(стр. 477), представляющая собой обработку и перепечатку помянниковъ, найденныхъ въ различныхъ церквахъ Волынской губерніи, даютъ, такъ сказать, фактическую подкладку для обоснованія главной тенденціи сборника. Особенно выдается въ этомъ отношеніи статья «Помянники». Авторъ ея, основываясь на перечняхъ именъ разнаго рода княжескихъ и простыхъ фамилій, пришелъ къ тому не новому, впрочемъ, заключенію, что «знатнѣйшая часть кореннаго западно-русскаго православнаго дворянства мало-по-малу отстала отъ древней вѣры своихъ предковъ и перешла въ римскій католицизмъ»... Выводъ не новъ, но обоснованъ нѣсколько иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, привлеченъ новый матеріалъ, и потому статья не лишена значенія, даже научнаго. Факты, заключающіеся въ первыхъ трехъ статьяхъ, какъ бы суммируются въ популярно и живо написанномъ очеркѣ: «Внѣшнее состояніе православія на Волыни», въ которомъ изложены судьбы православія съ 992 по 1795 годъ. Другія статьи, вошедшія въ первый отдѣлъ, носятъ болѣе эпизодическій характеръ и посвящены изображенію борьбы православія съ католицизмомъ и уніей. Сюда нужно отнести очень обстоятельный очеркъ: «Волынскія православныя церковныя братства и ихъ дѣятельность», «Древнія волынскія типографіи и ихъ изданія», «Православныя братскія школы на Волыни», «Духовно-учебныя заведенія на Волыни», очеркъ, заключающій въ себѣ исторію волынской семинаріи, духовныхъ мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ, доведенную до послѣдняго времени, статья «Замѣчательные дѣятели на пользу православія на Волыни», посвященная дѣятельности князя Курбскаго и кн. К. К. Острожскаго. Особнякомъ стоятъ статьи «Благодарныя иконы въ Волынской епархіи», въ которой перечислены всѣ чудотворныя иконы, чтимыя въ Волынской губерніи, съ краткой исторіей каждой (есть, впрочемъ, очень обстоятельныя изложенія исторіи иконъ, напримѣръ, с. Пражева), и «Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ на Волыни въ 1890 году». Таково въ общихъ чертахъ содержаніе первой части. Упрекнуть авторовъ можно развѣ въ томъ, что они не вполнѣ знакомы съ литературой послѣдняго времени, что дало бы имъ возможность избѣжать нѣсколькихъ, правда, незначительныхъ неточностей. Такъ, напримѣръ, въ спискѣ луцко-острожскихъ епископовъ названы — Георгій Фальчевскій съ 1549 г. и Іоаннъ 2-й съ 1566 по 1569 г., которые не могли быть и не были въ это время самостоятельными епископами здѣсь. Произошла же эта ошибка отъ того, что время епископства ихъ предшественниковъ опредѣлено не вѣрно: Ѳеодосій Гулевичъ былъ епископомъ не до 1548, а до 1555 года, Маркъ Журавницкій не до 1566, а до 1569 года. Неточно также епископъ Гулевичъ названъ Ѳедоромъ. Это его мірское имя, въ монашествѣ же онъ былъ Ѳеодосій (Чтенія Общ. Нестора лѣтоп., 1891 г., кн. V, стр. 160). Неправильно также освѣщено удаленіе первопечатниковъ Ивана Ѳедорова и Петра Мстиславца изъ Москвы въ Литовскую Русь. Оно приписано «торгашамъ-книгописцамъ». Выходитъ, какъ будто бы древне-русскіе книгописцы изъ-за какихъ-то торговыхъ расчетовъ, изъ боязни подрыва своей торговли, взвели на первопечатниковъ ересь и постарались ихъ выжить изъ Москвы. Между тѣмъ извѣстно, что дѣло это было дѣломъ глубокой, хотя и въ высшей степени формальной религіозности переписчиковъ, которые въ большинствѣ случаевъ были монахами. Книги переписывались не столько для того, чтобы заработать деньги, сколько для спасенія души. Понятно поэтому, на сколько грѣшитъ противъ истины объясненіе, данное факту авторомъ статьи

«Древнія волынскія типографіи» (стр. 225). Что касается до второй части, то въ ней заключаются простыя «Статистическія свѣдѣнія о приходахъ Волынской епархіи» (стр. 1 — 593), по нашему мнѣнію, совершенно излишнія при существованіи обстоятельнаго труда г. Теодоровича «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи». Кромѣ того, къ сборнику приложено воззваніе архіепископа Модеста и карта Волынской епархіи. Было бы интересно въ такомъ изданіи видѣть статью о церковно-приходскихъ школахъ на Волыни, а также болѣе подробныя біографіи волынскихъ іерарховъ, изъ которыхъ многіе были людьми нерѣдко выдающимися, какъ, напримѣръ, Димитрій, или Агаѳангелъ (о немъ см., напримѣръ, «Критико-біографическій словарь» Венгерова, т. I).

Что касается до книжки г. Левицкаго, извѣстнаго изслѣдователя южнорусской исторіи, то она представляетъ собой строго научное и популярно, какъ и всѣ работы автора, изложенное изслѣдованіе исторіи Мстиславова храма. Авторъ приходитъ къ заключенію, что отъ эпохи Владиміра Святаго храмовъ не сохранилось на Волыни ни одного, что Мстиславовъ храмъ, будучи памятникомъ половины XII вѣка, является первой по древности святыней во всемъ Юго-Западномъ краѣ. Въ заключеніе авторъ ставитъ нѣкоторыя desiderata относительно возобновленія храма, говоритъ, что необходимо «возстановить Мстиславовъ храмъ по возможности въ его первоначальномъ видѣ, съ строгимъ соблюденіемъ особенностей древне-русскаго церковнаго стиля». В. Б.

Краткій очеркъ Пріамурскаго края. По оффиціальнымъ даннымъ. Спб. 1892.

Пріамурскій край, какъ и всякая другая далекая окраина нашего обширнаго отечества, до сихъ поръ служитъ предметомъ сужденій самыхъ противорѣчивыхъ. Одни восторженно писали о богатѣйшихъ природныхъ условіяхъ Амурскаго края и предсказывали ему блестящее будущее; другіе, напротивъ, придавали этой окраинѣ ничтожное значеніе во всѣхъ отношеніяхъ и главнымъ образомъ доказывали, что край совершенно непригоденъ для насажденія въ немъ русской колонизаціи. Конечно, и тѣ и другіе не правы. Только безпристрастное изслѣдованіе Пріамурскаго края можетъ выяснить его истинное значеніе для Россіи. «Краткій очеркъ Пріамурскаго края по оффиціальнымъ даннымъ», напечатанный по распоряженію г. пріамурскаго генералъ-губернатора, именно и имѣетъ цѣлью представить правдивое, чуждое увлеченій, сужденіе о краѣ, стремясь «обрисовать, хотя въ общихъ чертахъ, будущность этой обширнѣйшей нашей окраины и опредѣлить вѣрно ея значеніе для Россіи».

Въ составъ Пріамурскаго генералъ-губернаторства, учрежденнаго въ 1884 году, входятъ области Приморская, Амурская, Забайкальская и островъ Сахалинъ. Однако, въ «Очеркѣ» эта окраина разсматривается не по ея административному дѣленію, а нѣсколько иначе. Весь Пріамурскій край, обозрѣваемый въ «Очеркѣ», подраздѣляется на четыре части: собственно Пріамурье, затѣмъ Забайкалье, островъ Сахалинъ и, наконецъ, сѣверныя округи. Отмѣтимъ въ обзорѣ каждой изъ этихъ частей то, что представляетъ общій интересъ.

Подъ именемъ Пріамурья слѣдуетъ разумѣть Амурскую область и южную часть Приморской области. Въ «Очеркѣ» приводятся главнѣйшія данныя о флорѣ, фаунѣ и минералахъ Пріамурья, а также свѣдѣнія о рѣкахъ. Но животныя, растенія, минералы и рѣки Пріамурья достаточно описаны изслѣдователями и не возбуждаютъ споровъ; главный вопросъ объ Амурскомъ краѣ обыкновенно полагается въ томъ, возможна ли тамъ успѣшная земледѣльческая культура. Въ этомъ отношеніи мы находимъ въ оффиціальномъ «Очеркѣ» слѣдующія неутѣшительныя данныя: «Хлѣбопашество возможно только въ однѣхъ долинахъ, покрытыхъ вообще неглубокимъ слоемъ невысокаго качества чернозема. Земли, расположенныя по берегамъ рѣкъ, во время половодій, подвергаются иногда наводненіямъ, а тѣ, которыя находятся въ верховьяхъ рѣкъ, не производятъ хлѣба вслѣдствіе возвышеннаго своего положенія, при которомъ вредное вліяніе суроваго климата бываетъ особенно ощутительно. Близость Ледовитаго океана, дующіе холодные морскіе вѣтры и холодныя морскія теченія до того охлаждаютъ климатъ Пріамурья, что, напримѣръ, средняя температура Хабаровки, лежащей на одномъ градусѣ широты съ Екатеринославомъ, равняется средней температурѣ г. Вятки. Климатъ здѣсь такъ суровъ, что во всей сѣверной и сѣверо-восточной части Амурской области никогда вполнѣ не оттаивающая почва образуетъ вѣчную мерзлоту. Вслѣдствіе этихъ условій пространство годной къ хлѣбопашеству земли значительно сокращается и ограничивается лишь относительно небольшими площадями» (по верхнему и среднему теченіямъ р. Амура, по рр. Зеѣ, Завитой и Буреѣ и въ Южно-Усурійскомъ краѣ). Общій выводъ по этому вопросу получается тотъ, что «количество пригодной для сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и для заселенія земли хотя и довольно значительно, но составляетъ лишь небольшой процентъ всей площади Пріамурья». Далѣе излагается исторія заселенія края. Здѣсь не лишне отмѣтить тѣ льготы, какія предоставляются переселяющимся въ Пріамурье. Русскіе подданные могутъ переселяться въ Амурскую и Приморскую области или отдѣльными семьями, или сельскими обществами. Каждому такому обществу отводится въ пользованіе, на первыя двадцать лѣтъ безплатно, казенная земля, не болѣе 100 десятинъ на семью. Если по истеченіи двадцати лѣтъ общество не выкупитъ отведенной ему земли, то оно должно платить за дальнѣйшее пользованіе землею оброчную подать. Если бы общество пожелало имѣть земли болѣе 100 десятинъ на семью, то оно можетъ таковую пріобрѣсть въ собственность, съ уплатою въ казну по три рубля за десятину. По этой же цѣнѣ общество имѣетъ право во всякое время выкупить землю, отведенную въ пользованіе. Переселенцы избавляются отъ податей и государственныхъ повинностей на двадцать лѣтъ, отъ земскихъ — на три года, а отъ воинской — на десять призывовъ. Благодаря такимъ льготамъ, въ Амурскую область пришло значительное число переселенцовъ, направлявшихся изъ Россіи чрезъ Сибирь. Но въ Приморскую область, вслѣдствіе большей ея отдаленности, переселенцовъ являлось мало. Поэтому для означенной области были предприняты (съ 1883 г.) особые опыты переселенія крестьянъ изъ Европейской Россіи моремъ, на пароходахъ Добровольнаго флота. Это переселеніе совершалось или всецѣло на казенныя средства, или только при извѣстной субсудіи. Послѣдній способъ оказался наиболѣе всего достигающимъ цѣли. По вопросу о крупномъ землевладѣніи въ Пріамурскомъ краѣ, возбуждавшему въ свое

время немало споровъ, въ «Очеркѣ» приводятся основательныя соображенія. «Продажа казенной земли крупными участками въ однѣ руки, по словамъ «Очерка», не соотвѣтствовала бы интересамъ Пріамурья, такъ какъ край нуждается въ возможно густомъ русскомъ населеніи, а между тѣмъ каждая тысяча десятинъ, отданная въ однѣ руки, уменьшаетъ въ десять разъ число семействъ, могущихъ поселиться на этой землѣ, и соотвѣтственно сокращаетъ въ будущемъ естественный приростъ населенія». Кромѣ того, за недостаткомъ въ краѣ русскаго рабочаго населенія пришлось бы для воздѣлыванія обширныхъ земельныхъ участковъ приглашать, въ качествѣ рабочихъ, китайцевъ и корейцевъ, а это противорѣчитъ задачѣ русской колонизаціи въ краѣ. Поэтому мѣстная администрація признала за лучшее допустить къ продажѣ въ однѣ руки участки въ размѣрѣ не болѣе 400 десятинъ, при чемъ «сравнительно крупные участки уступаются лишь тѣмъ изъ желающихъ купить ихъ, которые могутъ представить матеріальныя доказательства того, что они въ состояніи лично вести соотвѣтственное участку хозяйство». Лица служащія, какъ не имѣющія возможности непосредственно заниматься сельскимъ хозяйствомъ, не допускаются къ пріобрѣтенію земельной собственности. Наконецъ, въ статьѣ о Пріамурьѣ приводятся главнѣйшія статистическія данныя, свидѣтельствующія объ экономическомъ положеніи этого края. Напримѣръ, крупнаго рогатаго скота и лошадей на одно хозяйство приходится: у крестьянъ въ Амурской области—9,4, въ Приморской—4,8; у казаковъ въ Амурской области—14,5, въ Приморской—12,6. Въ 1884 году въ Южно-Уссурійскомъ краѣ едва возможно было накупить 50 тысячъ пудовъ разнаго хлѣба, въ 1891 году его было предложено къ продажѣ уже болѣе 800 тысячъ пудовъ, т. е. на 430% болѣе, тогда какъ въ этотъ же промежутокъ времени населеніе увеличилось всего только на 82%. Жителей было во второй половинѣ 1890 года въ Амурской области—86.893 человѣка и въ Приморской — 107.451 человѣкъ. Изъ естественныхъ богатствъ въ Пріамурьѣ особенно указывается золото, котораго тамъ добывается втеченіе года до 460 пудовъ. Каменный уголь разработывается въ незначительныхъ размѣрахъ. Лѣсной промыселъ, не смотря на обиліе лѣса, находится въ зачаточномъ состояніи. Рыболовство также еще не приноситъ краю надлежащихъ выгодъ. Добыча морской капусты по берегу Татарскаго пролива производится почти исключительно манзами (китайцами), которые и отправляютъ ее на свою родину. Въ краѣ не существуетъ не только фабричной и заводской промышленности, но даже и простой кустарной производительности. Торговля въ краѣ развивается медленно. Въ 1885 году было ввезено товаровъ, кромѣ чая, на 8 съ небольшимъ милліоновъ, а въ 1889 году — почти на 10 милліоновъ. За неимѣніемъ благоустроенныхъ дорогъ, сообщеніе во всемъ Пріамурьѣ производится только по рѣкамъ: лѣтомъ на пароходахъ, зимою на лошадяхъ по льду; во время весенняго и осенняго ледохода передвиженіе по рѣкамъ прекращается недѣль на 5—6. Обмелѣніе рр. Амура и Уссури также почти ежегодно производитъ пріостановку сообщенія въ навигаціонное время на такой же срокъ. Отсюда понятно значеніе для края желѣзнодорожнаго пути, который теперь уже и сооружается.

Послѣ Пріамурья въ «Очеркѣ» дается обзоръ Забайкалья, причемъ разсматривается составъ населенія, его занятія и экономическое положеніе На этой части «Очерка» мы особенно не останавливаемся, такъ какъ Забайкалье представляетъ одну изъ сравнительно благоустроенныхъ старин-

ныхъ областей Сибири (область эта находится во владѣніи русскихъ уже болѣе двухъ вѣковъ) и свѣдѣнія о немъ, приводимыя въ «Очеркѣ», довольно общеизвѣстны. Отмѣтимъ только указаніе администраціи на вредъ, приносимый области ссыльнымъ элементомъ. По окончаніи срока каторжныхъ работъ въ Нерчинскихъ тюрьмахъ, бывшіе преступники приписываются, въ качествѣ ссыльно-поселенцовъ, къ крестьянскимъ обществамъ. Забайкальская область теперь такъ переполнена бывшими уголовными преступниками, что на одного полноправнаго крестьянина приходится 0,13 ссыльно-поселенцевъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—даже до 0,84 человѣка. Эти поселенцы большею частью не живутъ въ мѣстахъ приписки, а разбѣгаются въ разныя стороны по области и совершаютъ всевозможныя преступленія.

Объ островѣ Сахалинѣ въ «Очеркѣ» сообщаются краткія свѣдѣнія, изъ которыхъ узнаемъ, что теперь въ тюрьмахъ острова содержится 5.600 человѣкъ. По окончаніи срока каторжныхъ работъ, преступники, переименованные въ ссыльно-поселенцовъ, водворяются на островѣ, получая ссуду на обзаведеніе хозяйствомъ. Такихъ поселенцовъ въ настоящее время считается тамъ около 4.000 человѣкъ. Невыгодныя климатическія условія Сахалина не допускаютъ развитія на немъ сельско-хозяйственной колоніи, какъ раньше предполагалось, и заставили администрацію края направить заботы къ образованію на Сахалинѣ ссыльно-поселенческой промышленной колоніи. По свѣдѣніямъ «Очерка», каменноугольныя залежи, нефтяные источники, обиліе лѣса, рыбы, морской капусты и пушнины представляютъ всѣ данныя для промысловыхъ занятій штрафнаго населенія.

Послѣдняя изъ разсматриваемыхъ частей Пріамурскаго генералъ-губернаторства обозначается въ «Очеркѣ» именемъ «сѣверныхъ округ̀ъ». Этихъ округъ пять: Охотская и Гижигинская по берегу Охотскаго моря, Петропавловская (Камчатка), Анадырская и Командорская (острова Берингъ и Мѣдный). Вся эта полоса по суровости климата совершенно непригодна для хлѣбопашества. Скотоводство также представляется невозможнымъ вслѣдствіе продолжительной зимы (девять мѣсяцевъ). Туземное населеніе состоитъ изъ якутовъ, тунгусовъ, камчадаловъ, коряковъ, алеутовъ и чукчей; русское населеніе заключается только въ нѣсколькихъ десяткахъ семей. Жалкіе обитатели этихъ округ̀ъ существуютъ звѣроловствомъ и рыбнымъ промысломъ. Жизнь тамъ ни въ какомъ отношеніи не развивается, и земли эти остаются впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ въ одномъ и томъ же положеніи. Въ «Очеркѣ» высказывается даже безотрадный и, по нашему мнѣнію, неправильный взглядъ на эту несчастную землю и судьбу ея жителей. «Населеніе сѣверныхъ округ̀ъ,—говорится въ «Очеркѣ»,—можно было бы вызвать изъ того, такъ сказать, оцѣпенѣнія, въ которомъ оно находится; но это значило бы пробудить въ немъ стремленія и потребности, удовлетворить которыя было бы невозможно, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока эти отдаленныя мѣста не будутъ имѣть болѣе частыхъ сношеній съ остальнымъ свѣтомъ, чѣмъ нынѣ имѣютъ (одинъ или два раза въ годъ); до того же времени правильнѣе оставить ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что, не зная лучшаго, они вполнѣ довольны своимъ положеніемъ». Но можно ли назвать довольствомъ полное лишеній существованіе тамошнихъ жителей, ихъ безсиліе въ борьбѣ съ суровой природой и другими неблагопріятными условіями?

Въ заключительныхъ страницахъ «Очерка» приводятся свѣдѣнія о на-

родномъ образованіи въ Пріамурскомъ генералъ-губернаторствѣ. Всѣхъ учебныхъ заведеній насчитывается 256. Изъ нихъ мужскихъ гимназій — 2, прогимназій — 1, женскихъ гимназій — 2, прогимназій — 4, реальныхъ училищъ—1, уѣздныхъ училищъ—4, городскихъ училищъ—7, приготовительная военная школа—1 и начальныхъ училищъ—234. Тутъ же, въ концѣ «Очерка», дѣлается замѣчаніе, что, не смотря на сравнительно большіе оклады содержанія, пріѣзжіе чиновники долго не служатъ въ краѣ и при первой возможности покидаютъ свои мѣста. Это печальное явленіе, приносящее несомнѣнный вредъ краю, объясняется въ «Очеркѣ» дороговизной мѣстной жизни, суровымъ климатомъ и вообще разными неудобствами тамошняго обыденнаго существованія.

На счетъ того, какую вообще пользу для Россіи приноситъ и въ будущемъ можетъ принести Пріамурскій край,—въ «Очеркѣ» дѣлается слѣдующее резюме: «Нѣкоторый избытокъ населенія Европейской Россіи найдетъ въ немъ вполнѣ гостепріимный пріютъ. Полное матеріальное довольство открываетъ постепенно увеличивающійся рынокъ для сбыта мануфактурныхъ и заводскихъ произведеній Европейской Россіи. Сбытъ за границу естественныхъ богатствъ въ краѣ оживитъ и упрочитъ наши отношенія къ азіатскимъ сосѣдямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привлечетъ къ намъ деньги изъ-за границы. Край доставляетъ государственному казначейству болѣе трети всего добываемаго въ русскихъ предѣлахъ золота. Край принимаетъ въ себя всѣхъ ссыльно-каторжныхъ имперіи. Но главную и громадную выгоду эта отдаленная окраина представляетъ въ политическомъ отношеніи». Въ послѣднемъ случаѣ имѣется въ виду, что Россія, благодаря существованію хорошихъ гаваней у береговъ Великаго океана въ предѣлахъ Пріамурскаго генералъ-губернаторства, можетъ съ успѣхомъ развить и поддержать свое торгово-политическое положеніе на водахъ Великаго океана и такимъ образомъ имѣть передовую роль среди европейскихъ государствъ, заинтересованныхъ въ торговомъ и политическомъ вліяніи въ раіонѣ Великаго океана.

Въ заключеніе намъ остается сказать, что «Краткій очеркъ Пріамурскаго края» оказывается не заурядным явленіемъ въ оффиціальной литературѣ. Тутъ мы ясно видимъ искреннее желаніе главной администраціи края — уловить сущность мѣстной жизни, дать о ней правдивыя свѣдѣнія, понять дѣйствительные интересы мѣстнаго населенія и указать мѣры, могущія содѣйствовать успѣшному развитію его во всѣхъ отношеніяхъ.

А. О—въ.

К. Головинъ. Соціализмъ какъ положительное ученіе. Спб. 1892.

Знаменитые авторы утопій: Ѳ. Муръ, Кампанелла, Кабэ, находятъ въ настоящее время, какъ извѣстно, опять много подражателей. Книжный рынокъ не только за границей, но и у насъ, наводняется соціологическими романами. Очевидно, читающая публика живо интересуется этого рода литературою. Особенный же успѣхъ имѣла книга г. Эдварда Беллами: «Будущій вѣкъ», или «Черезъ сто лѣтъ», выдержавшая уже у насъ четыре изданія, а за границею, на родинѣ автора, т. е. въ Соединенныхъ Штатахъ, — даже болѣе ста. Съ этимъ явленіемъ надо считаться. Существуютъ, конечно, вѣскія причины возрожденія въ настоящее время фантастической литературы, рисующей намъ картины будущаго соціальнаго, экономическаго и государствен-

наго благополучія. Недовольство существующимъ очевидно усиливается; ослабѣваетъ вѣра въ возможность справиться съ ненормальными общественными условіями безъ кореннаго переустройства всей нашей жизни; масса читателей не особенно подготовлена или мало склонна серьезно вдумываться въ сложныя причины общественныхъ недуговъ, и такимъ образомъ создается почва, весьма благопріятная для картинъ будущаго человѣческаго счастія, имѣющихъ часто очень отдаленное отношеніе къ окружающимъ насъ реальнымъ условіямъ.

Въ виду этого нельзя не отнестись сочувственно къ изслѣдованіямъ, въ которыхъ подобныя фантастическія построенія подвергаются критикѣ съ точки зрѣнія какъ этихъ реальныхъ условій, такъ и положительнаго знанія—продукта вынесеннаго народами опыта и изслѣдованій людей науки. Такою попыткою и является трудъ г. Головина, который мы горячо рекомендуемъ вниманію читателей. Авторъ нашелъ въ книгѣ г. Беллами слѣды положительнаго соціалистическаго ученія и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, подвергъ критикѣ вообще всѣ соціалистическія ученія, на сколько онъ усматриваетъ въ нихъ признаки положительнаго, а не фантастическаго переустройства общества. Задача, поставленная себѣ авторомъ, какъ мы видимъ, чрезвычайно обширна; но онъ, благодаря недюжинной эрудиціи, съ нею справляется весьма удовлетворительно. Съ другой стороны, однако такая постановка вопроса заставляетъ автора, какъ говорятъ французы, «выламывать открытую дверь». Дѣло въ томъ, что соціальный вопросъ и его теоретическое обоснованіе, такъ называемый соціализмъ, все еще страдаютъ однимъ капитальнымъ недостаткомъ: выяснилось вполнѣ, какія явленія они обнимаютъ, выяснился отрицательный и во многихъ отношеніяхъ крайне прискорбный характеръ этихъ явленій, но средства исцѣленія соціальныхъ недуговъ остаются туманными, неясными. Другими словами, болѣзнь констатирована, сдѣланъ довольно глубокій ея діагнозъ, но ни одинъ соціальный патологъ не можетъ указать сколько нибудь состоятельный способъ леченія. При лучшемъ желаніи найти въ книгѣ г. Беллами признаки положительнаго рѣшенія соціальнаго вопроса, мы ихъ найти не могли или, точнѣе говоря, мы въ ней нашли столько же признаковъ такого положительнаго рѣшенія, какъ въ утопіяхъ Платона, Мура, Бэкона, Кампанеллы вплоть до Кэба. Всѣ эти знаменитые составители утопій съ замѣчательнымъ единодушіемъ рѣшаютъ вопросъ о будущей организаціи человѣческаго общества. Всѣ они отвергаютъ частную собственность, провозглашаютъ принципъ обязательности труда, требуютъ общественнаго воспитанія и общественнаго устройства внѣшней жизни. Кромѣ того, всѣ они, за исключеніемъ отчасти Платона, относятся чрезвычайно равнодушно къ политическимъ учрежденіямъ, не усматривая въ нихъ никакой гарантіи болѣе совершенной организаціи человѣческаго общества. Отличіе книги г. Беллами отъ прежнихъ утопій заключается только въ томъ, что онъ свою фантастическую организацію дѣлаетъ болѣе правдоподобною, примѣшивая къ ней такія формы и установленія, которыя по сродству съ современною дѣйствительностью представляются намъ вѣроятными или возможными. Такъ, напримѣръ, устраняя частную собственность и провозглашая принципъ обязательности труда, онъ говоритъ не объ общности имущества въ грубой формѣ Ѳ. Мура или Кампанеллы, а о націонализаціи поземельной собственности, крупнаго капитала и всей промышленности;

провозглашая принципъ обязательнаго труда, онъ организуетъ его на подобіе общей воинской повинности. Но прикрывать явленія личиною современности не значитъ еще измѣнять ихъ сущности. Другими словами, мы у у г. Беллами встрѣчаемъ столько же признаковъ положительнаго соціалистическаго ученія, сколько у всѣхъ его болѣе знаменитыхъ и глубокихъ предшественниковъ въ области построенія утопій. Поэтому г. Беллами вовсе не принадлежитъ, какъ это и подтверждается полу-беллетристическою формою его книги, къ теоретикамъ-соціалистамъ, а къ составителямъ утопій, и г. Головинъ дѣлаетъ ему слишкомъ много чести, доказывая, что его фантастическія построенія не выдерживаютъ критики передъ лицомъ положительныхъ статистическихъ и научныхъ данныхъ. Гораздо правильнѣе и остроумнѣе поступилъ депутатъ германскаго рейхстага, г. Рихтеръ, противопоставивъ въ своей извѣстной брошюрѣ «Sozial-demokratiscke Zukunfts-Bilder» соціальному благополучію, изображенному г. Беллами, картину казарменной жизни и полнаго общественнаго разложенія, къ которому неизбѣжно приведетъ торжество принциповъ американскаго писателя; а еще остроумнѣе поступилъ англійскій писатель г. Э. Буажильберъ, написавъ романъ подъ заглавіемъ: «Caesar's Column», въ которомъ онъ въ противоположность г. Беллами доказываетъ, что современная цивилизація неизбѣжно приведетъ къ соціальному и политическому катаклизму, къ саморазрушенію, а вовсе не къ тому благополучію, о которомъ мечтаетъ г. Беллами. По крайней мѣрѣ, гг. Рихтеръ и Буажильберъ борятся съ г. Беллами одинаковымъ оружіемъ и обращаются къ той же широкой аудиторіи среднихъ интеллигентныхъ людей, не склонныхъ заниматься сухой наукой, но очень расположенныхъ знакомиться съ соціальнымъ вопросомъ изъ книгъ, легко и популярно изложенныхъ.

Невольно вспоминается по этому поводу знаменитый стихъ Пушкина:

«Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
«Насъ возвышающій обманъ».

Много «обмана» въ разныхъ соціальныхъ утопіяхъ, а въ наукѣ много «низкихъ истинъ». Правда, въ жизни безъ этихъ истинъ ничего не подѣлаешь, потому что она почти сплошь состоитъ изъ низменныхъ вопросовъ и вопросиковъ. И поэтому труды въ родѣ книги г. Головина намъ крайне нужны. Но и соціальными утопіями намъ брезгать не приходится, такъ какъ и онѣ приносятъ несомнѣнную пользу. Не все вѣдь въ нихъ одинъ «обманъ». Нѣтъ, и въ нихъ есть «истина». Но ея-то г. Головинъ не касается. Она, правда, не поддается трезвому анализу, цифрамъ и научнымъ выводамъ, но ею «живъ человѣкъ». Мы указывали уже на замѣчательное совпаденіе основныхъ выводовъ составителей разныхъ утопій. Люди, жившіе за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, въ средневѣковомъ мракѣ, при яркомъ свѣтѣ современной цивилизаціи, подъ горячими лучами южнаго солнца, способствовавшаго расцвѣту чудесной классической литературы, подъ вѣчно туманнымъ небомъ Альбіона, во времена инквизиціи и подавленія всякой личной свободы, при Филиппѣ II и Людовикѣ XIV и затѣмъ въ наше время, въ свободнѣйшей изъ всѣхъ странъ, въ Соединенныхъ Штатахъ,—всѣ эти философы, ученые, государственные люди, католическіе монахи, лютеранскіе пасторы, простые публицисты, составившіе фантастическіе планы будущей общественной организаціи, пришли къ совершенно тождественнымъ выводамъ, и всѣ они говорятъ намъ съ полнымъ единодушіемъ,

что сила не въ томъ или другомъ политическомъ строѣ, а въ надлежащей соціальной и экономической организаціи, основанной на общности имущества, на обязательности труда, что основная причина невозможности достигнуть соціальнаго совершенства заключается въ эгоизмѣ, а синтезъ всѣхъ этихъ плановъ переустройства общества коренится въ этическомъ ученіи, выше котораго мы не знаемъ и которое насъ учитъ дѣлиться съ ближнимъ всѣмъ, что у насъ есть, дорожить только царствіемъ Божіимъ, а главное блюсти заповѣдь, въ которой «висятъ весь законъ и пророцы: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе»,—нѣтъ, больше того: «любите враги ваша».

Это совпаденіе основныхъ выводовъ составителей соціальныхъ утопій съ совершеннѣйшимъ этическимъ ученіемъ служитъ яснымъ указаніемъ, что для водворенія рая на землѣ или, по крайней мѣрѣ, для устраненія главныхъ несовершенствъ нашей соціальной и экономической жизни необходимо обновленіе, дальнѣйшее усовершенствованіе внутренняго человѣка, и что все, что къ этому приводитъ, все, что возвышаетъ нашу душу, все, что возбуждаетъ въ насъ «добрыя чувства», хотя оно и не подавалось бы ни измѣренію, ни счисленію, ни строгому научному анализу, составляетъ также истину, а книги, возбуждающія въ насъ такіи добрыя чувства, оказываютъ свою пользу и заслуживаютъ вниманія. Если насъ спросятъ, гдѣ въ нихъ истина, мы иногда затруднимся отвѣтить на этотъ вопросъ. Можетъ быть, многое, если не все, окажется въ нихъ ложнымъ, но если онѣ возбуждаютъ въ насъ настроеніе, которое заставляетъ насъ спѣшить на помощь несчастному или обездоленному, благословлять то, что въ нашихъ установленіяхъ служитъ облегченію человѣческаго горя, ужаснуться передъ послѣдствіями торжества эгоизма, — то мы, всетаки, скажемъ, что такія книги насъ приближаютъ къ истинѣ, какъ бы фантастичны онѣ ни были. Гг. Беллами и Буажильберъ враждуютъ между собою: одинъ утверждаетъ, что современная цивилизація приведетъ насъ къ земному раю, другой не менѣе категорически утверждаетъ, что она приведетъ насъ къ взаимному истребленію, къ крушенію всей цивилизаціи, къ первобытному одичанію, къ мерзости запустѣнія. И тѣмъ не менѣе, не смотря на противоположность ихъ взглядовъ, оба возбуждаютъ въ насъ одно и то же настроеніе. Читая книги того и другаго, мы одинаково приходимъ къ выводу: необходимо подавить въ себѣ эгоизмъ, необходимо больше жить для ближняго, ибо въ этомъ и «законъ, и пророки».

Намъ кажется, что г. Головинъ, полемизируя съ г. Беллами, слишкомъ уже подчеркиваетъ неизмѣнность человѣческой природы. Неужели человѣкъ въ нравственномъ отношеніи вовсе не совершенствуется! Никто не рѣшится это утверждать. Наука, имѣющая дѣло съ положительными фактами, конечно, не можетъ не считаться съ преобладаніемъ эгоизма и упускать изъ виду вліяніе этого могущественнаго фактора, который несомнѣнно все еще требуетъ въ жизни сильнаго противовѣса. Но когда мы имѣемъ дѣло съ книгами не научнаго характера, а расчитанными на то, чтобы дѣйствовать на воображеніе и чувство, чтобы яркою картиною благотворныхъ послѣдствій торжества альтруизма или опасныхъ послѣдствій торжества эгоизма укрѣпить въ читателѣ любовь къ ближнему, несчастному, обездоленному, страждущему не по своей винѣ, то нѣтъ никакого основанія упрекать авторовъ такихъ книгъ за то, что они въ своихъ фантастическихъ картинахъ упускаютъ изъ виду вліяніе эгоизма: вѣдь они и

пишутъ свои книги для того, чтобы подавить въ насъ это чувство. Возбуждая въ насъ настроеніе, благопріятное для воспринятія основной тенденціи ихъ трудовъ, они подготовляютъ средняго интеллигентнаго читателя къ тому, чтобы серьезнѣе задуматься надъ средствами, которыми мы располагаемъ для устраненія соціальныхъ недуговъ. Книга г. Беламми вызвала книгу г. Головина, и мы можемъ только пожелать, чтобы послѣдній нашелъ себѣ у насъ столько же читателей, сколько нашелъ ихъ первый. Возбужденіе чувства состраданія къ обездоленнымъ современнаго общества и твердая рѣшимость избрать наиболѣе пригодныя средства для обезпеченія ихъ участи, голосъ сердца, глубокое состраданіе, и голосъ ума, трезвый и всесторонній анализъ, вѣрнѣе всего въ тѣсномъ союзѣ приведутъ насъ къ рѣшенію великаго соціальнаго вопроса. **Р. Сементковскій.**

Историческій очеркъ города Шуи. Составилъ дѣйствительный членъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета Ѳ. Г. Журовъ. Владиміръ. 1892.

«Очеркъ» г. Журова обнимаетъ исторію г. Шуи съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Интересны воспоминанія самого автора о жизни шуянъ въ 1820 годахъ. Сравнивая то время съ настоящимъ, онъ говоритъ, что теперешняя жизнь «перворазрядныхъ гражданъ г. Шуи, полная довольства и роскоши», и «въ сравненіе не можетъ быть поставлена съ жизнію ихъ предшественниковъ». «Тогдашняя жизнь была скромная, тихая, экономная. Такой роскоши, какъ нынѣ, въ домахъ не было; баловъ съ музыкой и танцами не водилось, потому что музыкантовъ не было, и танцовать граждане не умѣли. Изъ экипажей довольствовались простыми дрожками, называемыми нынѣ почему-то штарами и какихъ теперь уже не существуетъ, да и таковыхъ было не много; самовары имѣлись далеко не въ каждомъ домѣ, и чай подавался не каждый день, а лишь по праздникамъ или для гостей. Въ нѣкоторыхъ домахъ, вмѣсто свѣчъ, жгли лучину, втыкая ее въ рожки свѣтца. Одежда дѣлалась очень экономная, сравнительно съ нынѣшней даже бѣдная. Мужчины ходили въ длинныхъ сюртукахъ, называвшихся сибирками. Штаны заправляли за голенища, рубашку на выпускъ. Молодыя женщины носили платья, пожилыя—сарафаны. Шляпокъ не было. Молодыя дамы повязывались косочкомъ, что называлось повязаться по модочкѣ, а пожилыя покрывались платками на кичку. Въ волосахъ, какъ говорилось тогда, простоволосой, съ непокрытой головой ходить считалось неприличнымъ. Развлеченіе для мужчинъ въ зимнее время составляли кулачные бои, чѣмъ не считали за неприличное развлекаться и богатые фабриканты, выходя на стѣнку съ своими фабричными рабочими, предварительно подпоивъ ихъ виномъ. Другихъ развлеченій почти не было. Спать ложились всѣ рано. Обѣдали въ 11 часовъ. Столъ былъ очень умѣренный и экономный. Посты соблюдались строго. Денежной картежной игры не было, табаку не курили — считалось предосудительнымъ. Встрѣчаясь на улицѣ, знакомые или совсѣмъ незнакомые, непремѣнно раскланивались; рукопожатій не дѣлалось. Изъ опасенія воровства, окна на ночь закрывались закроями и запирались желѣзными болтами. Вороты и днемъ и ночью всегда были заперты. Дома строились не обширны, отдѣлывались скудно и съ большими неудобствами.

Крыши были деревянныя. Мостовыхъ не было; въ дождливую погоду стояла грязь непроходимая. Деньги тратились съ чрезвычайной бережливостью. Тогдашній гривенникъ, стоившій 36 коп. ассигнаціями, цѣнился не менѣе нынѣшняго рубля. На рынкѣ преобладали ассигнаціи и монета мѣдная. И первыя, и послѣдняя для пріема были обязательными. Такъ какъ послѣдняя для перевозки была очень неудобна, то кредиторы старались всегда получить сумму ассигнаціями, хотя съ нѣкоторой уступкой въ пользу плательщика. Отсюда произошелъ лажъ на ассигнаціи»...

Книги читались тогда мало, «какъ по недостатку ихъ, такъ и по недостатку желанія и по неумѣнью читать гражданскую печать. Если и читались нѣсколько поболѣе, то только людьми какъ бы исключительными, современными прогрессистами, имѣвшими торговыя дѣла съ Петербургомъ, Москвой и Украйной. Оттуда они привозили по большей части подержанные романы и исторіи въ переводахъ съ иностранныхъ писателей и, конечно, по нынѣшнему малосодержательные. Таковыя были: «Исторія о принцѣ Венеціанѣ», «Георгъ, англійскій милордъ», «Малекъ Адель», «Бова Королевичъ», «Еруслanъ Лазаревичъ» и нѣкоторыя другія; изъ русскихъ же сочиненій наиболѣе читались: «Духъ Карамзина» и стихотворенія Нахимова, пропитанныя горькою сатирой на тогдашніе суды. Немногіе читали библію, тщательно тогда распространявшуюся библейскимъ обществомъ; нѣсколько болѣе прилежали къ чтенію священныхъ книгъ: часовника, псалтыря и каноника, по которымъ эти лица учились читать. Книги же не проученныя ими читались очень тупо, по складамъ. Изъ періодическихъ изданій извѣстны были только «Московскія Вѣдомости»; но онѣ выписывались въ маломъ количествѣ и потому, какъ рѣдкость, переносились изъ дома въ домъ небольшаго числа любознательныхъ людей». Не то въ настоящее время: «въ городѣ есть довольно порядочная публичная библіотека, откуда можно пользоваться книгами и періодическими изданіями за весьма умѣренную цѣну. Однако этотъ источникъ для гражданъ оказывается недостаточнымъ, и они большое число періодическихъ изданій выписываютъ частнымъ образомъ» (130 изданій въ количествѣ 960 экземпляровъ», тогда какъ шесть лѣтъ тому назадъ выписывалось лишь 636 экземпляровъ). «Разсматривая выписываемыя изданія по ихъ направленію,—оптимистически замѣчаетъ авторъ,—мы видимъ другой характерный фактъ, что выписка увеличивается лишь тѣхъ изданій, которыя стоятъ за прогрессъ, выписка же регрессивныхъ изданій сокращается». С.

К. Плотниковъ. Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества. Выпуски I—III. Спб. 1891—92.

Авторъ этой книги, преподаватель олонецкой духовной семинаріи, К. Н. Плотниковъ извѣстенъ въ спеціальной богословской литературѣ своимъ «Руководствомъ по обличенію раскола» (Петрозаводскъ, 1889). Содержаніе настоящаго его сочиненія слѣдующее: происхожденіе раскола; расколъ въ первыя два десятилѣтія послѣ собора 1667 г. и раздѣленіе его на секты (выпускъ I); краткій очеркъ отношеній церковнаго и гражданскаго правительства къ расколу съ XVII вѣка до настоящаго времени (выпускъ II) и исторія безпоповщинскихъ и поповщинскихъ толковъ (выпускъ III).

«Исторія русскаго раскола» написана «примѣнительно къ программѣ духовныхъ семинарій», и задачей автора не могла быть научная обработка предмета, сообщеніе новыхъ или оригинальное освѣщеніе ранѣе извѣстныхъ матеріаловъ; по самому существу дѣла, онъ долженъ былъ ограничиться группировкой извѣстнаго историческаго матеріала по опредѣленнымъ рубрикамъ программы. Тою же программою опредѣляется и самая точка зрѣнія на предметъ, такъ что свобода автора доведена здѣсь до послѣдняго minimum'a. Въ указанныхъ границахъ г. Плотниковъ справился со своею задачею вполнѣ удовлетворительно: будучи основательно знакомъ съ литературою предмета, онъ свободно оріентируется въ массѣ подлежащаго матеріала, умѣлою рукой выбирая изъ него все существенное; изложеніе у него краткое, но обстоятельное, и притомъ почти всегда чисто литературное... Словомъ, онъ обладаетъ компиляторскимъ талантомъ, и его книгу мы рекомендуемъ не только учащимъ и учащимся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ она предназначена, но и вообще лицамъ, желающимъ ознакомиться съ внѣшней стороной раскола и раздѣленіемъ его на секты. Конечно, при этомъ нужно имѣть въ виду, что авторъ раздѣляетъ всѣ недостатки школы, къ которой онъ принадлежитъ. По самому его положенію, для него обязательна традиціонная точка зрѣнія, значительно дискредитированная безпристрастными изслѣдованіями послѣднихъ лѣтъ. Такъ, авторъ видитъ въ расколѣ одну только церковно-обрядовую сторону, совершенно игнорируя соціальное значеніе этого явленія, односторонне освѣщаетъ дѣятельность патріарха Никона, примыкаетъ иногда къ полицейско-слѣдственному воззрѣнію на расколъ и т. п. Помимо этихъ не лично ему принадлежащихъ недостатковъ, хорошее впечатлѣніе, производимое его книгой, нарушается въ нѣкоторыхъ,—правда, очень рѣдкихъ,—случаяхъ неумѣстными замѣчаніями. Напримѣръ, во 2-мъ выпускѣ, стр. 32—33, читаемъ: «Распоряженія правительства (1860-хъ гг.) давали значительную свободу раскольникамъ, но въ дѣйствительности раскольники пользовались еще большею свободою. Въ этомъ не мало виновна (sic) свѣтская литература 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Будучи недостаточно знакома съ расколомъ и его положеніемъ въ православной церкви (не А. П. Щаповъ ли мало былъ знакомъ?) и руководясь либерализмомъ (sic), она въ своихъ сужденіяхъ о расколѣ и мѣропріятіяхъ по отношенію къ нему не всегда соблюдала мѣру и осмотрительность. А между тѣмъ раскольники внимательно слѣдили за этими сужденіями и подъ вліяніемъ ихъ стали неправильно понимать свое положеніе, неправильно понимать законы о расколѣ и упрекать православную церковь за ея будто бы неправильное отношеніе къ нимъ». Подобныя выходки противъ «либерализма» литературы 60-хъ годовъ теперь въ большой модѣ, но ихъ мѣсто не на страницахъ учебниковъ... И мы совѣтовали бы автору, при слѣдующихъ изданіяхъ его руководства, выпустить такія мѣста, могущія сбить съ толку малоподготовленныхъ читателей: ученики духовныхъ семинарій не знакомы со «свѣтскою литературою» не только 60-хъ годовъ, но и съ современною, и голословныя утвержденія, въ родѣ вышеприведеннаго, могутъ внести въ ихъ понятія только путаницу.

М. С—скій.

Пермскій край. Томъ первый. Изданіе Пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Пермь. 1892.

Громъ не грянетъ, говоритъ русская пословица, мужикъ не перекрестится, и справедливость ея какъ нельзя лучше подтвердилась въ настоящій голодный годъ. О неурожаѣ, о голодѣ у насъ начали говорить только тогда, когда онъ пришелъ, когда никакая благотворительность—ни частная, ни общественная, не смотря на всю свою щедрость, не въ состояніи была предотвратить страшнаго бѣдствія. Тутъ только начались размышленія, какъ помочь «пострадавшимъ отъ неурожая», какія причины вызвали его и какъ ихъ парализовать въ будущемъ. Результатомъ размышленій явилась масса дѣльныхъ, но запоздалыхъ, статей, книгъ, статистическихъ таблицъ, однимъ словомъ создалась цѣлая обширная литература, къ которой нужно отнести также и первый томъ «Пермскаго края».

По словамъ редактора его г. Смышляева, «теперь на очереди—вопросъ о подъемѣ экономическаго благосостоянія края, потрясеннаго постигшимъ его нынѣ бѣдствіемъ», и содержаніе сборника на половину является прямымъ отвѣтомъ на такой вопросъ. Открывается онъ статьей г. Краснoперова: «Благотворительность, какъ одинъ изъ факторовъ экономическаго благосостоянія и прогресса». Статья эта начинается изложеніемъ взглядовъ на этотъ предметъ физіократовъ, Мальтуса и другихъ—изложеніемъ, составленнымъ преимущественно по книгѣ проф. Иванюкова: «Основныя положенія теоріи экономической политики», Дж. Ингрема «Исторія политической экономіи», и въ концѣ концовъ сводится къ напоминанію о прекрасномъ, чрезвычайно важномъ для края, но не осуществившемся учрежденіи, именно Пермскомъ экономическомъ обществѣ. Общество это было основано лѣтъ десять тому назадъ, уставъ его былъ утвержденъ правительствомъ, но... больше, кажется, ничего и не было. Задачъ своихъ оно не осуществило. А между тѣмъ задачи эти были очень широки. Усматривая причину неурожаевъ въ чрезвычайномъ истощеніи почвы, являющемся прямымъ результатомъ неумѣлаго и примитивнаго способа обработки земли крестьянами, которые, какъ это можно видѣть изъ помѣщенной здѣсь же статьи г. Теплоухова «О земледѣльческихъ орудіяхъ Пермской чуди», до сихъ поръ пользуются почти тѣми-же орудіями, какими пользовалось много вѣковъ тому назадъ мѣстное населеніе Пермской губерніи,—общество считало нужнымъ перевоспитать народъ, научить его вести правильное хозяйство и дать средства примѣнить къ дѣлу эти познанія. Г. Краснoперовъ своей статьей напоминаетъ объ этомъ забытомъ обществѣ, но, къ сожалѣнію, не говоритъ о томъ, какъ осуществить его, какъ обойдти общественную косность, недостатокъ частной иниціативы, гдѣ взять необходимыя, несомнѣнно большія средства для того, чтобы общество не только существовало, но и дѣйствовало. А между тѣмъ указать это было бы, пожалуй, важнѣе, чѣмъ просто напомнить. Этого недостатка мы не находимъ въ слѣдующей статьѣ, которая представляетъ собой докладъ особой коммиссіи Пермскому отдѣленію императорскаго Русскаго техническаго общества: «По вопросу объ участіи Уральскихъ горныхъ заводовъ въ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги въ связи съ послѣдствіями неурожая 1891 года». Статья эта имѣетъ въ виду главнымъ образомъ населеніе, живущее работой на заводахъ. Неурожай несомнѣнно уменьшилъ бы спросъ на предметы производства, отчего уменьшилась бы дѣятель-

ность заводовъ, а слѣдовательно и заработокъ громаднаго населенія этихъ заводовъ. Обезпечить же населеніе можно расширеніемъ дѣятельности заводовъ, если заказы на желѣзо и издѣлія, необходимыя для постройки желѣзной Сибирской дороги, давать попреимуществу Уральскимъ заводамъ, что̀, несомнѣнно, будетъ выгодно и для самой дороги. Такимъ образомъ здѣсь вопросъ о помощи горнозаводскому населенію рѣшается вполнѣ опредѣленно и положительно. По своему характеру сюда же относятся приложенныя въ концѣ книги свѣдѣнія г. Миропольскаго о среднихъ цѣнахъ, существовавшихъ въ 12 уѣздахъ Пермской губерніи на рожь, ячную крупу и овесъ, за послѣднія 14 лѣтъ, и здѣсь же діаграмма г. Олѣсова, показывающая количество выпавшихъ атмосферныхъ осадковъ и колебанія температуры втеченіе девятнадцати послѣднихъ лѣтъ, сдѣланная имъ на основаніи наблюденій въ Каменскомъ заводѣ Камышловскаго уѣзда. Сопоставленіе свѣдѣній г. Миропольскаго съ діаграммой г. Олѣсова наглядно указываютъ на связь между цѣнами хлѣбныхъ продуктовъ, а слѣдовательно степенью урожая, и атмосферными явленіями.

Кромѣ этихъ статей, вызванныхъ злобой дня, въ сборникѣ помѣщено нѣсколько любопытныхъ статей историко-этнографическаго характера: П. О. Чупина «По поводу поѣздки на Уралъ и въ Сибирь бригадира Бэера въ 1744—1746 гг.», написанная преимущественно по документамъ Барнаульскаго горнаго архива, чрезвычайно обстоятельная работа свящ. А. Топоркова «О Васильевско-Шапранскомъ заводѣ», въ которой, помимо обычнаго историческаго очерка, находимъ много этнографическихъ свѣдѣній и любопытныхъ статистическихъ цыфръ и выкладокъ, дающихъ точное и всесторонее понятіе о состояніи и жизни населенія этого завода. Здѣсь же сообщаются нѣкоторыя данныя относительно раскольниковъ. Объ нихъ, впрочемъ, говорится также мимоходомъ и въ статьѣ г. Чупина, изъ чего можно видѣть, что раскольниковъ здѣсь довольно много. Г. Солодовниковъ въ статьѣ «Неплательщики» сообщаетъ много новыхъ и интересныхъ фактовъ объ этой почти неизслѣдованной сектѣ, вызванной неправильнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ статей горнаго устава и извѣстныхъ законодательныхъ распоряженій, изданныхъ 19-го февраля 1861 г. Толкованіями этими неплательщики первоначально мотивировали свое нежеланіе платить подати, отбывать повинности и только впослѣдствіи придали своему ученію опредѣленную религіозную окраску, причемъ многое заимствовали въ готовомъ видѣ изъ раскола. Здѣсь же напечатаны небольшія статьи г. Дмитріева: «Происхожденіе названія и судьбы Бухонина волока» и г. Теплоухова «Народное празднество «Три елочки» въ Богородской волости Пермскаго уѣзда». В. Б.

А. П. Субботинъ. Чай и торговля имъ. Съ приложеніемъ картъ, діаграммъ, фототипій и гравюръ. Спб. 1892.

Книга г. Субботина представляетъ полную картину географическаго распространенія чайнаго куста, его культуры въ Китаѣ, акклиматизаціи въ другихъ странахъ (въ Индіи, Цейлонѣ, Японіи и т. д.), опытовъ насажденія его въ Россіи на Кавказѣ, фальсификаціи и суррогатовъ чая (копорскій чай, земляничный, рогожскій (спитой) и т. д.), дѣйствія чая на организмъ, соціальнаго его значенія для общественныхъ нравовъ, въ особенности въ

борьбѣ съ алкоголизмомъ, а также въ производствахъ, тѣсно связанныхъ съ потребленіемъ чая (сахарномъ, самоварномъ, посудномъ и т. д.), и международныхъ отношеній по вопросамъ о чайныхъ рынкахъ, торговыхъ путяхъ, провозныхъ платахъ, пошлинахъ, контрабандѣ и т. д. Кромѣ того, книга не лишена любопытныхъ справокъ по исторіи сношеній Россіи съ Китаемъ, исторіи Кяхтинской торговли и ея постепеннаго упадка, водворенія и усиленія контрабанды съ увеличеніемъ пошлинъ и удешевленіемъ морскаго пути внѣ Россіи и т. д. Авторъ совершенно справедливо говоритъ: «въ нашей экономической литературѣ ощущается большой пробѣлъ въ отсутствіи обстоятельной монографіи о чаѣ, такъ какъ со времени изданія книгъ Корсака и Крита, т. е. втеченіе 30 лѣтъ, когда чайное дѣло развернулось до большихъ размѣровъ и вступило въ новый фазисъ, не было ни одного спеціальнаго труда. Такія крупныя явленія, какъ развитіе морской перевозки чая, служащей залогомъ развитія нашихъ торговыхъ сношеній съ дальнимъ востокомъ, водворенія русскаго торговаго вліянія въ самомъ Китаѣ, открытіе розничной торговли крупными фирмами, закупающими чай въ Китаѣ, подчиненіе чайной торговли спеціальному надзору, появленіе на рынкѣ индійскаго, цейлонскаго, японскаго и др. чаевъ, проекты новыхъ грандіозныхъ путей, связанные съ развитіемъ чайной торговли,—все это должно обратить на себя большое вниманіе, такъ какъ имѣетъ большое значеніе для экономической жизни Россіи». Объемистая монографія г. Субботина о чайномъ производствѣ и торговлѣ чаемъ дѣйствительно захватываетъ по пути цѣлый рядъ вопросовъ, интересныхъ не только въ практическомъ смыслѣ для чаеторговцевъ, но и въ научномъ смыслѣ, какъ вспомогательный матеріалъ для разныхъ наукъ, а также и для мѣропріятій по азіатско-русской торговлѣ. Такими общественно-экономическими вопросами являются въ книгѣ г. Субботина, между прочимъ, историческая роль Кяхты въ чайной торговлѣ; обзоръ тѣхъ мѣръ (высокая пошлина и первоначальное запрещеніе торговли на деньги), которыми созданъ «рынокъ» въ Кяхтѣ и сухопутный путь для чая черезъ Кяхту; обозрѣніе новыхъ рынковъ и новыхъ путей: пароходнаго по Амуру, морскаго черезъ Суецъ и т. д. Отсюда, вслѣдствіе морскаго пути, небезъинтересна роль Кантонскихъ чаевъ, какъ конкуррентовъ сухопутнымъ чаямъ, и вліяніе запретительнаго тарифа на развитіе контрабанды и фальсификаціи чая. Чайное производство и торговля въ отличіе отъ питейной и табачной полезны во всѣхъ отношеніяхъ, особенно, если организаціей чайнаго дѣла, съ финансовой и бытовой стороны, займутся свѣдущіе люди. При удешевленіи провоза и успѣшнаго разведенія чайныхъ плантацій у насъ на Кавказѣ, чай можетъ стать предметомъ первой необходимости въ народной средѣ и мало-по-малу замѣнить собой чрезмѣрное употребленіе въ народѣ алкоголя. Къ сожалѣнію, Россія ознакомилась съ чаемъ гораздо позднѣе, чѣмъ другія страны. Въ 1638 г. посольство, отправленное изъ Москвы къ Алтынскимъ ханамъ, было угощаемо чаемъ и обдарено имъ при отъѣздѣ, въ обмѣнъ за подарки московскаго царя. Посолъ Василій Старковъ отказывался отъ такого ничтожнаго подарка, какъ чай, но когда чай былъ привезенъ въ Москву и испробованъ боярами, то очень имъ понравился и съ тѣхъ поръ вошелъ въ употребленіе. Первое время китайцы часто нарушали торговые договоры съ Россіей, и правильная торговля съ Китаемъ установилась всего нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ 1861 году въ Китаѣ учреждено русское посольство, а въ 1869 г. въ Петербургѣ поселилось китай-

ское посольство. Тѣмъ не менѣе потребленіе чая въ Россіи развито весьма слабо, сравнительно съ потребленіемъ его въ другихъ странахъ. Сводя цифровыя данныя о среднемъ душевомъ потребленіи въ главныхъ чайныхъ странахъ, получаемъ такую картину:

	Фунтовъ на душу.		
	1870 г.	1880 г.	1890 г.
Австралія	—	7,5	8,5
Англія	3,2	5,0	5,5
Канада	—	3,6	4,5
Соед. Штаты	1,0	1,5	1,5
Голландія	0,8	1,3	1,3
Россія	0,38	0,45	0,5

Такимъ образомъ Россія употребляетъ 1/2 ф. чая на человѣка, а Англія въ десять разъ больше. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что въ европейскихъ странахъ (гдѣ, не смотря на то, что средній доходъ гражданина больше, чѣмъ у русскаго) пошлины на чай значительно меньше, чѣмъ у насъ. По тарифамъ 1862 г. и 1887 г. (съ фунта коп.) брали пошлину:

	1862 г.	1887 г.
Россія	40	52 1/2
Англія	40	14
Германія	7 3/8	13
Франція	7 1/2 — 25 1/3	21—27
Италія	15	21
Голландія	5 1/2	
Австрія		23—27
Финляндія		32—44
Соед. Штаты	0	0

Такимъ образомъ, выше всѣхъ пошлина въ Россіи. Въ 1886—1890 гг. отношеніе пошлины къ цѣнности чайнаго ввоза равнялось 90%. Удивительно ли, что контрабанда и фальсификація чаевъ при этихъ условіяхъ были весьма прибыльнымъ ремесломъ и процвѣтаютъ до сихъ поръ во всей силѣ. Въ книгѣ г. Субботина указаны, однако, многочисленныя мѣры къ ослабленію означенныхъ золъ, равно и тѣ мѣры, которыя могли бы способствовать будущности чайнаго дѣла въ Россіи. А. Фаресовъ.

М. Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1892.

Трудъ г. Грушевскаго входитъ въ серію областныхъ монографій по русской исторіи и написанъ на тему, предложенную профессоромъ Кіевскаго университета В. Б. Антоновичемъ, по иниціативѣ котораго появился весь предшествовавшій рядъ такого рода монографій гг. Молчановскаго, Голубовскаго, Андріяшева, Багалѣя, Довнара-Запольскаго и друг. Настоящая монографія по своему значенію несомнѣнно важнѣе всѣхъ предшествовавшихъ какъ по взятой темѣ, такъ и по ея разработкѣ. Вѣдь исторія Кіев-

ской земли до XIV вѣка—это вся наша древняя исторія. Авторъ очень удачно справился со своей темой, обратилъ вниманіе не только на внѣшнюю исторію земли, но и на внутреннюю, не ограничился только сведеніемъ критически-провѣренныхъ лѣтописныхъ извѣстій, но постарался найдти въ нихъ «взаимную связь и смыслъ». Все это несомнѣнно увеличило интересъ къ этой работѣ.

Изслѣдованіе свое г. Грушевскій раздѣлилъ на четыре отдѣла. Въ первомъ собраны историко-географическія данныя, второй отдѣлъ, распадающійся на три главы, обнимаетъ обзоръ внѣшней исторіи земли до монгольскаго нашествія, третій—заключаетъ очеркъ политико-общественнаго строя и быта земли за это же время и, наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ сведены всѣ вообще данныя о Кіевской землѣ отъ монгольскаго нашествія до конца XIV вѣка. Данныя эти слишкомъ незначительны, очень отрывочны, и потому автору приходилось «давать здѣсь широкую роль гипотетическому элементу», съ помощью котораго только и можно было связать ихъ въ одно цѣлое. Въ этой главѣ пришлось г. Грушевскому затронуть два спорныхъ вопроса, окончательное рѣшеніе которыхъ было бы очень интересно, а именно: вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ Кіевѣ и вопросъ о литовскомъ завоеваніи Кіева. Первый очень рѣзко и опредѣленно былъ поставленъ еще Погодинымъ, который рѣшилъ, что Кіевская область, или, по крайней мѣрѣ, область полянъ, первоначально населена была великоруссами. Когда Кіевъ былъ разрушенъ татарами, кіевщина пришла въ запустѣніе, великороссы выселились на сѣверо-востокъ, а ихъ мѣсто заняли малороссы, пришедшіе изъ Карпатъ или Галиціи и Волыни. Недавно эту гипотезу поддержалъ г. Соболевскій, который въ своемъ рефератѣ, читанномъ въ обществѣ Нестора Лѣтописца, высказалъ мнѣніе, что малорусскій языкъ былъ принесенъ въ Кіевскую область и въ Заднѣпровье приблизительно въ XV вѣкѣ съ запада, изъ Подоліи, Волыни и Галича, колонистами, ассимилировавшими остатки стараго кіевскаго населенія. Возраженія, сдѣланныя здѣсь же послѣ прочтенія реферата, проф. Антоновичемъ, Житецкимъ и друг., а затѣмъ, такимъ компетентнымъ и совершенно безпристрастнымъ ученымъ, какъ Ягичъ, дали полное право г. Грушевскому не принять гипотезы г. Соболевскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «запустѣнія Кіевской земли, разрѣженія населенія и т. п.» (стр. 435).

Второй спорный вопросъ—о литовскомъ завоеваніи. Профессоръ В. Б. Антоновичъ, посвятившій отдѣльную монографію первоначальной исторіи Литвы, пришелъ къ заключенію, что никакого завоеванія не было, что подчиненіе Кіевской земли литовскими князьями пришло постепенно, такъ что не произвело никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ въ жизни земли и скоро исчезло изъ народной памяти. Противоположное мнѣніе защищалъ профессоръ Н. П. Дашкевичъ, однако В. Б. Антоновичъ, перепечатывая второй разъ свою работу, не счелъ нужнымъ сдѣлать въ ней какія нибудь измѣненія сообразно съ указаніями г. Дашкевича и тѣмъ самымъ не соглашался съ нимъ. Оставалось, значитъ, ожидать, не возьмется ли кто нибудь быть, такъ сказать, третейскимъ судьей въ ученомъ спорѣ. Г. Грушевскій, которому пришлось рѣшать этотъ вопросъ, явился въ роли такого судьи и примкнулъ къ мнѣнію профессора В. Б. Антоновича, развивая дальше его взгляды и возражая профессору Дашкевичу. Такимъ образомъ новый пересмотръ источниковъ, очень скудныхъ и въ рѣдкихъ случаяхъ вполнѣ достовѣрныхъ, привелъ къ отри-

цанію насильственнаго завоеванія Кіевской земли Литвой. Присоединеніе же Кіева къ могущественному въ то время Русско-Литовскому государству способствовало увеличенію его значенія, отголоски котораго слышатся въ словахъ Ягайло, назвавшаго однажды Кіевъ «изначальною столицей всѣхъ русскихъ земель» (стр. 512).

Въ заключеніе пожелаемъ автору, чтобы, «времени минувшу», ему удалось выполнить свое намѣреніе, то-есть, чтобы онъ «имѣлъ возможность повести свое повѣствованіе черезъ дальнѣйшій рядъ вѣковъ до того времени, когда новыя теченія, стремленія народной жизни проявились съ полной ясностью и опредѣленностью». В. Б.

А. И. Паевская. Годъ въ Америкѣ. Изъ воспоминаній женщины-врача. Спб. 1892.

Одна изъ многочисленныхъ нашихъ соотечественницъ, ищущихъ въ чужихъ краяхъ пищи для ума и труда для приложенія своихъ способностей, г-жа Паевская, въ рядѣ довольно живо и интересно написанныхъ очерковъ, разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ею изъ пребыванія въ Америкѣ. Кончивъ въ началѣ 1875 г. курсъ медицинскихъ наукъ въ Ц., въ маѣ того же года г-жа Паевская рѣшила отправиться въ Америку, гдѣ вскорѣ же послѣ прибытія поступила студенткою въ Бостонскій New England Hospital. Здѣсь она пробыла нѣсколько времени, причемъ помимо пріобрѣтенія научныхъ знаній освоилась и съ бытомъ тамошнихъ студентокъ. «Впечатлѣніе,—разсказываетъ г-жа Паевская,—которое производили на меня американки, нельзя назвать особенно хорошимъ, хотя я не могу не сознаться, что въ общемъ нравственный и умственный уровень ихъ выше, чѣмъ у женщины европейской. Стремленія ихъ, какъ «женщинъ», взятыхъ въ совокупности, тоже выше, и достигаемые ими результаты на поприщѣ благотворительности, напримѣръ, положительно изумительны. Въ области педагогической дѣятельности онѣ трудятся далеко не безплодно, также точно и въ отношеніи завоеванія человѣческихъ правъ для женщины, какъ гражданки въ современномъ обществѣ. А между тѣмъ, при сравненіи съ русскими женщинами, особенно съ тѣми изъ нихъ, съ которыми во время моего студенчества я была особенно близка за послѣднее время, американки, отдѣльно взятыя, не выдерживаетъ критики...». Оставивъ госпиталь, А. И. Паевская поступила въ женскую медицинскую коллегію въ Пенсильваніи, которую и кончила въ 1876 г. съ дипломомъ доктора «американской» медицины. Описаніе жизни въ Бостонскомъ госпиталѣ и Филадельфійской коллегіи составляетъ главное содержаніе «Года въ Америкѣ»; мимоходомъ разсѣяны замѣтки о бытѣ американскихъ нѣмцевъ, о китайцахъ и индѣйцахъ, о женскомъ вопросѣ въ Америкѣ. Что касается послѣдняго, характерно одно замѣчаніе г-жи Паевской. «Не слѣдуетъ думать, — говоритъ она, — чтобы въ Америкѣ женщинѣ не приходилось бороться съ большими трудностями при достиженіи даже такихъ простыхъ вещей, какъ право заниматься медициной и практическимъ приложеніемъ добытыхъ знаній. Еще не далѣе какъ лѣтъ десять тому назадъ рѣдкая студентка не испытала того, чтобы какой нибудь прохожій не пустилъ въ нее гнилымъ яйцомъ, картофелиной или

просто комомъ грязи. И теперь многіе врачи-мужчины не хотятъ консультировать съ женщинами, а врачебныя мужскія общества не принимаютъ ихъ въ число своихъ членовъ; мало того, рѣдкіе медицинскіе журналы соглашаются печатать сообщенія и статьи женщинъ по медицинскимъ предметамъ, и редакторы злятся, если кому нибудь изъ женщинъ-врачей удается пробраться на страницы ихъ изданій, благодаря мужскому псевдониму» и т. д.

А. Л—нъ.

Холмскій народный календарь на 1893 годъ. Изданіе Холмскаго Св. Богородицкаго братства. Годъ девятый. Петроградъ. 1892.

Холмское Свято-Богородицкое братство, имѣющее своею цѣлью содѣйствіе духовно-нравственному просвѣщенію населенія, особенно возсоединившагося изъ уніи, уже девятый годъ издаетъ «Народный календарь». Календарь на слѣдующій 1893 годъ состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая содержитъ обычныя календарныя свѣдѣнія, какъ-то: хронологію, мѣсяцесловъ, пасхалію, метеорологическія и астрономическія наблюденія (о солнечныхъ затменіяхъ) и т. п. Во второй части (стр. 39—145) помѣщено шестнадцать статей нравоучительнаго, догматическаго, обрядоваго и церковно-историческаго содержанія, написанныхъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Недавнее прошлое и настоящее Западнаго края представлено въ статьѣ объ обновленіи ризы на холмской чудотворной иконѣ Божіей Матери въ 1891 году (протоіерея Н. Страшкевича) и въ біографіяхъ Леонтія, митрополита московскаго (М. И. Городецкаго), Флавіана, архіепископа холмско-варшавскаго (его же), и Гедеона, епископа люблинскаго; есть одна статья чисто историческаго характера: «Начало книгопечатанія на Руси», свящ. А. Медвѣдева. Наконецъ, третья часть (стр. 146 — 176) даетъ нѣсколько практическихъ свѣдѣній: о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, объ уходѣ за больными и пр. По нашему мнѣнію, особенно удачна мысль составителей календаря познакомить читателей съ положеніемъ о крестьянскомъ банкѣ. Просто и толково написанная статья разъясняетъ какъ назначеніе банка, такъ и условія, при которыхъ можетъ быть получена изъ него ссуда.

Что касается внѣшности, то въ этомъ отношеніи календарь отличается обычными достоинствами изданій Холмскаго братства, представляя собою изящную книжку въ 176 страницъ in-8°, украшенную десятью (кромѣ изображеній двухъ храмовъ, помѣщенныхъ на оберткѣ) хорошо исполненными гравюрами.

Л.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Очеркъ литературной дѣятельности европейскихъ національностей отъ іюля 1891 по іюль 1892 года. — Русскій критикъ, оцѣнивающій нашу литературу съ англійской точки зрѣнія. — Польская беллетристика. — Развитіе литературы въ Чехіи: романы и повѣсти. — Отзывы французскаго еврея объ умственной и творческой дѣятельности во Франціи: историческіе труды, серьезные этюды и біографіи, обилие разсказовъ и очерковъ.

ВЪ ПЕРВОМЪ НУМЕРѢ за второе полугодіе критическаго англійскаго журнала «Athenaeum» явился по обыкновенію, подъ заголовкомъ Continental litterature, очеркъ дѣятельности тринадцати европейскихъ литературъ за вторую половину прошлаго 1891 года и первую нынѣшняго 1892 года. Статьи, какъ всегда, составлены писателями той національности, умственная дѣятельность которой подвергается оцѣнкѣ. Мы приведемъ главные выводы этихъ критиковъ, представляющихъ картину умственной и творческой дѣятельности цивилизованныхъ націй за послѣдній годъ, расположивъ эти отзывы не въ алфавитномъ порядкѣ, какъ въ англійскомъ журналѣ, а по тремъ расамъ, населяющимъ Европу, начиная съ славянской.

Статью о Россіи написалъ г. Павелъ Милюковъ, уже года 3—4 знакомящій въ «Атенеумѣ» англичанъ съ русской литературой. Онъ начинаетъ съ того, что снимаетъ на этотъ разъ съ русскаго общества упрекъ въ безплодности (vacuity), которымъ онъ наградилъ насъ въ 1891 году. Общій тонъ соціальной розни теперь, видите ли, измѣнился, хотя не случилось ничего важнаго, «опредѣляющаго въ рѣзкихъ крикахъ новыя утраты» (г. Милюковъ, желая казаться истымъ англичаниномъ, выражается чрезвычайно темно и вычурно), но и ничего, что могло бы возбуждать горячія надежды въ будущемъ. Но онъ видитъ, всетаки, конецъ переходнаго періода въ програмѣ людей вось-

мидесятыхъ годовъ, сравнительно «съ народной програмой послѣдней декады». Все это и туманно, и невѣрно, и напыщенно: послѣдняя декада только что началась и, толкуя объ ней, г. Милюковъ вязнетъ въ такой путаницѣ фразъ, которую мы не беремся ни приводить, ни распутывать. Приплетаетъ онъ тутъ для чего-то къ литературѣ и бывшій голодъ и увѣряетъ, что только это бѣдствіе заставило интересоваться народомъ «кружки и углы, въ которые, при нормальныхъ условіяхъ, никогда не проникла бы симпатія». Эту симпатію критикъ видитъ во множествѣ книгъ, изданныхъ въ пользу голодающихъ. Даже Л. Н. Толстого это національное бѣдствіе отвлекло отъ его «очаровательнаго» ученія о непротивленіи злу и о необходимости страданія. Онъ сталъ энергически бороться съ голодовкой и принесъ огромную помощь нуждающемуся крестьянству. Но статьи графа о голодѣ появились только въ переводѣ и въ извлеченіи въ англійскихъ журналахъ и заставили враговъ писателя обвинить его въ соціализмѣ и въ возбужденіи къ неповиновенію. (Мы уже говорили въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» о нелѣпости этихъ обвиненій). Въ то же время, въ статьяхъ о вегетаріанизмѣ, писатель проводитъ свои любимыя идеи о самоисправленіи и усовершенствованіи. Говоря далѣе объ ученіи г. Владиміра Соловьева, что осуществленіе христіанскаго идеала на землѣ составляетъ спеціальную миссію православія, но дѣйствующаго въ согласіи съ католицизмомъ, критикъ находитъ, что г. Соловьевъ сдѣлалъ теперь выводы изъ своего ученія и, превратясь въ либерала изъ славянофила, утверждаетъ, что развитіе Европы въ послѣднія три столѣтія было непрерывной секуляризаціею мысли и чувства. Чрезвычайно подробно критикъ разъясняетъ, что псевдо-философъ заявилъ на публичной лекціи: «то, что считали до сихъ поръ христіанскою точкой зрѣнія, было только компромисомъ между христіанствомъ и язычествомъ, смѣсью, свойственною среднимъ вѣкамъ, изъ которыхъ вышли догматическій формализмъ, этическій индивидуализмъ и односторонній спиритуализмъ древняго христіанства». Ничего общаго съ настоящей наукой не имѣютъ эти звонкія фразы, съ такимъ благоговѣніемъ нанизываемыя г. Милюковымъ въ свою критику. Онъ сознается, однако, что подобные мнимофилософскіе выводы возбудили сильную опозицію въ печати и обществѣ. Изъ философскихъ книгъ онъ отзывается съ похвалой о трудѣ стараго гегеліанца Б. Чичерина «Позитивная философія и единство наукъ», о дисертаціи Лопатина «Положительныя задачи философіи», о сочиненіяхъ Казанскаго объ ученіи Аристотеля, Гилярова о софистахъ, Николаева объ экономическомъ матеріализмѣ. Ограничить важное значеніе матеріализма, какъ философской и исторической теоріи, г. Николаевъ старается примѣненіемъ къ нему ученія динамической соціологіи Лейсестера Варда, къ числу ревностныхъ учениковъ котораго принадлежитъ авторъ. Въ беллетристикѣ г. Милюковъ начинаетъ съ восхваленій г. Потапенко, особенно его «Генеральской дочери», хотя сознается, что «извѣстность его не увеличивается съ числомъ его новыхъ произведеній, которыя онъ создаетъ съ изумительною плодовитостью». Къ слабымъ вещамъ его критикъ причисляетъ разсказы: «Не герой» и «Любовь», въ которыхъ характеры лицъ «блѣдны и безжизненны». Мысль послѣдняго разсказа — психологическая невозможность возрожденія негодяя любовью—критикъ также находитъ ошибочною. По его мнѣнію, романъ Боборыкина изъ купеческой жизни «Василій Теркинъ» слабъ потому, что авторъ мало знаетъ эту жизнь, что еще болѣе ошибочно. Въ этомъ ро-

манѣ нравственное возрожденіе человѣка совершается съ помощью пробудившейся въ немъ совѣсти. Процесъ возрожденія изображенъ и въ повѣсти г. Чехова «Дуэль», но причины возрожденія, основанныя на томъ, что героя всѣ презираютъ,—очень слабы. Авторъ выказалъ много наблюдательности въ своемъ разсказѣ, конецъ котораго совершенно неестественный. Расхваливаются также гг. Короленко, Гаринъ, Мачтетъ и, рядомъ съ ними, стоящая неизмѣримо выше ихъ, Н. Д. Хвощинская, къ новому изданію сочиненій которой сестра ея написала «симпатическій очеркъ несчастнаго (?) автора, бросающій яркій свѣтъ на его меланхолическую (?) домашнюю жизнь». Вышли также стихотворенія А. М. Жемчужникова, 70-ти-лѣтняго поэта, сохранившаго въ своихъ звучныхъ стихахъ теплоту чувства и вѣру въ будущее. Если онъ и впадаетъ иногда въ грустный тонъ, то сожалѣя о нынѣшней молодежи, которая скоро старится, и о томъ, что старикамъ не дожить до блестящей будущности. Говоря о новыхъ изданіяхъ Лермонтова, г. Милюковъ находитъ, что болѣе всего заслуживаетъ вниманія «удивительное критическое изданіе профессора Висковатова», когда именно въ этомъ изданіи удивительно отсутствіе всякой серьезной критики. Лучшей біографіею Лермонтова г. Милюковъ признаетъ также трудъ г. Висковатова, также самый слабый въ біографическомъ отношеніи и полный произвольными выводами и предположеніями. Для исторіи литературы очень важны изданія: «Анненковъ и его друзья», съ письмами Гоголя, Бѣлинскаго, Герцена, Бакунина и «Очерки Гоголевскаго періода литературы» Н. Чернышевскаго. Литературное движеніе обрисовано также въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина. Жаль только, что этотъ даровитый, добросовѣстный ученый пишетъ тяжелымъ, неудобочитаемымъ языкомъ. Замѣчательны также этюды В. Ф. Миллера о русскихъ былинахъ, г. Батюшкова о памятникѣ древней литературы «Споръ души съ тѣломъ», Н. Покровскаго объ исторіи иконографіи, четвертый томъ «Русскихъ древностей» И. Толстого и Кондакова. Изъ историческихъ сочиненій вышли: «Исторія Кіевской земли»—Грушевскаго, «Исторія земли кривичей и дреговичей»—Запольскаго. Барбашевъ, въ очеркахъ русско-литовской исторіи XV вѣка, очертилъ послѣднія 20 лѣтъ царствованія Витовта (1410—1430). Г. Середонинъ критически изслѣдовалъ извѣстное сочиненіе о Россіи Флетчера, А. Голубцовъ—эпизодъ сватовства датскаго царевича Вальдемара за дочерью Михаила Ѳедоровича Ирену, С. Бѣлокуровъ написалъ біографію Арсенія Суханова, Н. Каптеревъ—сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ въ 1660—1707 годахъ, А. Масловскій—исторію военнаго искуства въ Россіи отъ 1683 по 1762 годъ, также и матеріалы для исторіи Сѣверной войны Петра Великаго. При этомъ г. Милюковъ считаетъ нужнымъ сообщить, что онъ самъ написалъ книгу о реформахъ Петра. О достоинствахъ этого труда авторъ, однако, скромно умалчиваетъ. Проф. Брюкнеръ издалъ небольшую біографію Потемкина, проф. Корсаковъ — сборникъ о дѣятеляхъ XVIII вѣка, г. Шумигорскій—біографію императрицы Маріи Ѳедоровны, П. Безобразовъ — о сношеніяхъ Россіи съ Франціей до Наполеона, Джаншіевъ — изслѣдованіе реформъ Александра II. Въ послѣднихъ томахъ сборника историческаго общества продолжается печатаніе дипломатическихъ документовъ 1730—39 гг., изданы также журналы комитета министровъ 1802—12 гг. Изъ книгъ по иностранной исторіи замѣчательны: этюды Каренина объ итальянскихъ гуманистахъ вѣка Возрожденія, Виноградова объ англійскихъ вилланахъ, Шварца

о новооткрытомъ трудѣ Аристотеля и Шефферса объ аѳинскомъ гражданствѣ. Никакихъ общихъ выводовъ критикъ не представляетъ.

— Авторъ обзора польской литературы, Адамъ Бельциковскій, начинаетъ свой очеркъ съ упоминанія о празднованіи 25-ти-лѣтняго юбилея дѣятельности Элизы Оржешко. Содержаніе послѣдней повѣсти даровитой писательницы «Bene Nati» взято изъ жизни литовской деревни и основано на внутренней борьбѣ въ сердцѣ дѣвушки изъ обѣднѣвшаго дворянскаго рода, полюбившей сына крестьянина образованнаго и гордаго. Авторъ поставилъ себѣ задачею осужденіе кастовыхъ предразсудковъ, такъ какъ борьба оканчивается трагическою смертью дѣвушки. Въ разсказѣ Захаріасевича «Мое счастіе» передается исторія дочери раззорившагося аристократа, съ обычнымъ мастерствомъ автора въ изображеніи характеровъ. Хоинскій написалъ психологическую повѣсть: «Поиски за золотымъ руномъ»; здѣсь тоже изслѣдуется борьба, которою страдаетъ современное общество. Говалевичъ въ разсказѣ «Ночная бабочка» передаетъ трагическую судьбу молодой, нервной, безразсудной женской натуры—съ психической и пессимистской точки зрѣнія. Такимъ же пессимизмомъ проникнуты разсказы Эстехи, къ сожалѣнію, мало обдѣланные, какъ «Паутина» и «За океаномъ». Герои послѣдняго произведенія—два брата, отправившіеся искать счастія въ Канаду. Такой же герой въ повѣсти Рояна «Тымко», молодой инженеръ, пріобрѣтя своею энергіею состояніе, употребляетъ его на развитіе бѣдняковъ. Совершенно противоположную судьбу искателя фортуны и приключеній передаетъ Цвирко въ разсказѣ «Когда счастье ускользнуло». Герой, потерявъ жену и ребенка въ Закавказьѣ, гдѣ онъ надѣялся устроиться, возвращается на родину больной и разбитый и разсказываетъ съ патетическою простотою свою исторію. Герой повѣсти Носсича «Пророкъ Янъ», политическій и соціальный мечтатель, дѣйствовавшій въ Галиціи десять лѣтъ назадъ. Въ очеркахъ Рогоша «Калейдоскопъ» печальное нравственное и національное положеніе Галиціи обрисовано мастерски. Подобныя же непривлекательныя картины другихъ частей бывшаго королевства изображаетъ Сыгетынскій въ романѣ «Выбитый изъ сѣдла». Большимъ успѣхомъ пользуются молодые новеллисты: Марене, Миріель, Соттинъ, Конаръ, Лосъ. Писатель историческихъ романовъ Креховецкій издалъ романъ изъ современной жизни «Младшій». Но польскіе читатели не забываютъ и своихъ старыхъ талантливыхъ беллетристовъ, продолжавшихъ писать и въ прошломъ году, какъ Прусъ, Остой, Говалевичъ, патріотъ Павликовскій (Марекъ Польничъ), лирикъ Лентовскій, реалистъ Нигода, Россовскій, отличающійся тонкостью чувства, Ваневская, изображающая нервичныхъ женщинъ, стремящихся къ дѣятельности и не находящихъ ей пищи, Рутковскій, Недзвецкій, подражатель французскихъ реалистовъ. Чернеда, мастерски изображавшій нравы бѣдныхъ классовъ, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. По смерти даровитаго поэта Богдана Залѣсскаго вышли двѣ поэмы его, написанныя еще 50 лѣтъ назадъ, но почему-то не являвшіяся въ печати; одна изъ нихъ «Збаражская битва»—вполнѣ художественное произведеніе. Изъ другихъ поэтовъ пользовались почетной извѣстностью: Тетмайеръ, Стыкъ, Россовскій, Фредро. Изъ драматическихъ произведеній драма Любавскаго «Игрушка» имѣла большой успѣхъ. Это исторія бѣдной дѣвушки, воспитанной богатою дамою для свѣтской жизни, но глубоко падающей вслѣдствіе вліянія наслѣдственности. Галицкій комитетъ Wydział krajowy увѣнчалъ пьесы: «Отечество» Орши и «Колыбель націи» Бельси-

ковскаго. Содержаніе послѣдней — исторія миѳической королевы Ванды, убивающей себя, чтобы не выдти за чужеземца, нѣмецкаго принца. Сценическій успѣхъ имѣлъ также «Демонъ любви», Мотти. Ограничиваясь одною беллетристикой, авторъ очерка только перечисляетъ нѣсколько книгъ серьезнаго содержанія: первый томъ критическихъ сочиненій Спасовича, біографію гуманиста Андрея Нагуецкаго, составленную Моравскимъ, исторію болгарскаго языка Калины, пять томовъ исторіи гнѣзненскихъ архіепископовъ Корытковскаго, Хелмицкаго «Изъ Бразиліи»—очеркъ вопроса о современной польской эмиграціи въ эту страну, мемуары Олизара; очерки XVIII столѣтія Валишевскаго и нѣсколько изслѣдованій Бартошевича, Финкеля, Понела и Соколовскаго, относящихся къ конституціи 3-го мая.

— Чешская литература принимала большое участіе въ двухъ событіяхъ послѣдняго времени въ Прагѣ: выставкѣ, учрежденной въ память столѣтней годовщины первой выставки, открытой въ этомъ городѣ въ 1791 году, и въ основаніи чешской академіи искуствъ, наукъ и литературы. Неутомимый беллетристъ Врхлицкій издалъ любопытный «Бревіарій современнаго человѣка». Въ первой части его онъ изслѣдуетъ вопросы, волнующіе наше время: о судьбѣ, смерти, вѣчности, всѣ эти «проклятые вопросы», тревожащіе человѣчество. Во второй части авторъ возстаетъ противъ пустоты и мелочности человѣческихъ стремленій, идей, обычаевъ, обрядовъ, противъ войны и всего, что уничтожаетъ красоты идеала, справедливости, любви. Въ третьей—онъ осуществляетъ эти идеалы, представляя своихъ братьевъединовѣрцевъ соединенными, сильными, обновленными. Въ послѣдней части онъ прославляетъ геніевъ, открывающихъ человѣчеству новые пути къ вѣчнымъ идеаламъ. Въ такомъ же родѣ и другое его сочиненіе «Фрески и наброски», гдѣ сцены древняго міра, средневѣковыя преданія, легендарные миѳы и современные разсказы являются поперемѣнно, какъ на гобеленахъ. Третья книга его, какъ и двѣ первыя, «Сонеты отшельника» также въ стихахъ; предметъ ея—размышленія о поэзіи и созданіяхъ великихъ художниковъ. Врхлицкій написалъ также, по образцу древней трагедіи, трилогію «Гипподамія»; первая часть ея—«Обѣтъ Пелопса», вторая—«Танталъ», третья—«Смерть Гипподаміи». Комедія его «Піетро Аретино» рисуетъ всѣ хорошія и дурныя стороны вѣка Льва X. Прозаическій сборникъ мелкихъ разсказовъ его не замѣчателенъ. Святоплукъ Чехъ писалъ очень мало въ прошломъ году. Его «Путешествіе Мотлея по Чехіи»—подражаніе пиквикскому клубу. Предметъ его—поѣздка современнаго чешскаго буржуа съ друзьями, причемъ осмѣиваются недостатки современнаго общества. Такимъ же направленіемъ проникнута его «Экскурсія Броусека въ пятнадцатое столѣтіе», гдѣ мастерски выставленъ контрастъ между гусситами, храбро защищающими старую Прагу противъ австрійскаго императора Сигизмунда, и нынѣшними чехами. Его «Воспоминанія о востокѣ» — превосходные очерки поѣздки по Кавказу и Черному морю. Лучшій изъ чешскихъ поэтовъ, Янъ Неруда, умеръ прошлымъ лѣтомъ, и Германнъ издалъ первый томъ собранія его сочиненій—«Мелкіе разсказы» (Drobne kleny). Юлій Зейеръ напечаталъ повѣсти изъ современной жизни: «Янъ-Марія Плойгаръ» и «Лѣтописи любви», проникнутыя глубокой меланхоліей). Зейеръ издалъ также длинный романъ въ стихахъ «Четыре сына Эймона» и восточную сказку изъ арабской жизни «Арамитъ». Сладекъ выпустилъ въ свѣтъ томъ своихъ стихотвореній. Лучшія изъ нихъ взяты изъ народныхъ легендъ. Какъ описательный поэтъ замѣча-

теленъ Кластерскій въ своемъ сборникѣ: «По полямъ и лѣсамъ». Его «Пѣсни труда» дышатъ сочувствіемъ къ рабочему классу. «Зимніе и лѣтніе сонеты» Мохара написаны въ духѣ пессимизма. Каминскій, въ серіи разсказовъ «Z prikopu», рисуетъ картины современной жизни въ Прагѣ, въ меланхолическомъ тонѣ. Ярославъ Кватель въ своей «Тихой любви» выказалъ много чувства. Ярошъ, въ поэмѣ «Слава», полной истиннаго патріотизма, чуждаго всякой сентиментальности, описываетъ дѣятельность чешскихъ писателей первой трети нынѣшняго столѣтія, когда чешская литература только начинала возрождаться. Таборскій, въ изслѣдованіи старинной комедіи, отдѣлкою стиха напоминаетъ Лермонтова. Романы и повѣсти настоящаго времени разработываютъ соціальные вопросы и чешскую исторію, но не безъ тенденціозныхъ выводовъ, какъ въ повѣстяхъ Симачека «Отецъ» и «Благополучіе». Каминскій издалъ колекцію разсказовъ «Всѣ сословія великаго народа», Ярошъ—«Публицисты и мыслители». Замѣчательны историческія повѣсти Винтера, XV и XVI вѣка. Издано много книгъ для развитія народа, особенно въ Моравіи и Силезіи, и основанъ для него новый журналъ «Ceski liud». Козмянъ написалъ нѣсколько народныхъ очерковъ и сказокъ изъ моравской жизни, Слама — изъ силезской. Драма не процвѣтаетъ въ Чехіи. Лучшія пьесы — «Войнарка» Ирасека, «Міръ мелкихъ людей» Симачека, Стольбы «Кривые пути», Струренцкаго «Выродившаяся кровь» и «Войтехъ Закъ». Чехи сбираются устроить этнографическую выставку въ 1893 или 1894 году. О серьезныхъ и научныхъ сочиненіяхъ авторъ очерка Тилле не упоминаетъ вовсе.

— Почти на двадцати одномъ столбцѣ еврей Рейнахъ говоритъ о литературѣ Франціи и больше всего расхваливаетъ произведенія своихъ единовѣрцевъ. Онъ начинаетъ съ того, что нѣтъ возможности не только прочесть, но и пересчитать всѣ книги, выходящія въ теченіе года во Франціи, а потому называетъ только сочиненія, имѣвшія большой успѣхъ въ публикѣ, начиная съ историческихъ. Мезьеръ въ «Жизни Мирабо» составилъ не обширную, но лучшую, вполнѣ безпристрастную біографію этого дѣятеля. Гораздо строже отнесся къ оратору академикъ Руссъ, либеральный роялистъ. Графъ д'Эриссонъ продолжаетъ свои этюды современной исторіи въ стилѣ Дюма—отца, съ такими же фантастическими парадоксами, умѣстными у романиста, но не у историка. Такъ онъ старается, во что бы то ни стало, оправдать маршала Базена въ книгѣ «Отвѣтственность за страшный годъ». Опроверженіемъ этихъ софизмовъ служатъ «Воспоминанія генерала Жарраса», штабнаго офицера рейнской арміи, изданныя его вдовою. Генералъ очень мягко отзывается о своемъ начальникѣ, во многомъ извиняетъ его, но, всетаки, подтверждаетъ приговоръ суда и общественнаго мнѣнія. Вышли любопытныя «Донесенія начальника полиціи д'Аржансона» государственному секретарю Поншартрену о преступленіяхъ и скандалахъ отъ 1697 по 1765 годъ. Донесенія написаны литературнымъ языкомъ, такъ какъ представлялись въ подлинникѣ Людовику XIV, интересовавшемуся особенно скандалами. Сен-Мартенъ подтверждаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ непорочность отношеній Петрарки къ Лаурѣ, у которой было 12 законныхъ дѣтей. Вариньи издалъ исторію американской журналистики. Первая газета явилась въ новомъ свѣтѣ гораздо позже, чѣмъ въ старомъ, гдѣ въ 1619 году вышли «Frankfurter Oberpostamts Zeitung», а въ Парижѣ «Gazette de France» въ 1631 г. Въ Бостонѣ Веніаминъ Гаррисъ началъ издавать только въ

1690 году «Публичныя Приключенія» (Public Occurences), обѣщая въ первомъ нумерѣ газеты, что будетъ самъ провѣрять всѣ извѣстія, сообщенныя въ его листкѣ и тотчасъ же опровергать невѣрныя свѣдѣнія. Леконтъ, авторъ прекрасной біографіи актера Леметра, написалъ также біографію Виргиніи Дежазе отъ ея блестящихъ дебютовъ до печальнаго конца. Лемерсье-де-Невиль издалъ «Анекдотическую исторію современныхъ маріонетокъ», въ которой подробно разбираетъ происхожденіе неаполитанскихъ пульчинелло и пупацци, французскихъ гиньолей елисейскихъ полей, англійскихъ фантошей, Понча, вѣнскаго Касперле и даже турецкаго Карагеза; только объ нашемъ Петрушкѣ нѣтъ ни слова. Говорится также и о литературныхъ маріонеткахъ, для которыхъ писали пьесы: Денойсъ, Буше, Ришпенъ, Морисъ Зандъ, поэты Ролланъ и Дюбуа. Успѣхъ «Термидора» Сарду вызвалъ появленіе множества книгъ, относящихся къ революціонной эпохѣ, и хотя Франсуа Бурнанъ въ своемъ сочиненіи «Теноръ въ Парижѣ» называетъ эту эпоху грязною и кровавою и говоритъ, что Франція управлялась въ то время шайкою мошенниковъ, даже такіе мелкіе дѣятели, какъ капитанъ Куанье, сержантъ Фрикасъ, артиллеристъ Брикаръ, разсказываютъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, о подвигахъ геройства и самоотверженія, относящихся къ той эпохѣ. Огромный успѣхъ имѣли «Мемуары генерала Марбо» о кампаніяхъ Наполеона. Испанская кампанія поразительно вѣрно изображена въ «Мемуарахъ конскрипта 1808 года». Изданы воспоминанія яраго бонапартиста, генерала Рикара, подъ названіемъ «Вокругъ Бонапарта». Но и этотъ генералъ, преклоняющійся передъ всѣми дурными дѣлами Наполеона, не въ силахъ скрыть своего отвращенія отъ вестфальскаго короля Жерома, «неспособнаго ни къ чему доброму», и отъ его сына, принца Наполеона. Но гдѣ лакейство передъ властью доходитъ до крайней степени— это въ новоизданныхъ воспоминаніяхъ г-жи Госсе о Людовикѣ XV и маркизѣ Помпадуръ. Исполняя должность камер-юнгферы, эта дама безъ малѣйшихъ признаковъ сатиры и ироніи, съ самымъ наивнымъ простодушіемъ разсказываетъ возмутительные скандалы при дворѣ стараго развратника, находя совершенно естественнымъ всѣ мерзости «Оленьяго парка» и всѣ подвиги его «игуменьи» г-жи Бертранъ, завлекавшей туда молодыхъ дѣвушекъ хорошихъ фамилій, которыя, сдѣлавшись жертвами сластолюбія, нерѣдко переходили изъ королевскаго лупанара въ домъ умалишенныхъ. Новый журналъ «Revue encyclopedique напечаталъ любопытную біографію Виктора Гюго, написанную Дюма-отцомъ въ 1833 году. Хотя онъ касается только молодости поэта, но въ немъ есть много подробностей, совершенно иначе разсказанныхъ въ книгѣ, написанной въ 1863 году «однимъ изъ свидѣтелей жизни В. Гюго». Великій поэтъ не всегда говорилъ о себѣ правду, что доказалъ Бире въ своемъ памфлетѣ, но еще меньше можно вѣрить старику Дюма. Одинъ онъ говоритъ, что въ 1822 году Гюго дрался на дуэли съ офицеромъ Вашерономъ, о чемъ нѣтъ ни слова ни въ одной біографіи поэта. Кто же тутъ говоритъ неправду, Гюго или Дюма? Графъ д'Оссонвиль издалъ доставшіяся ему письма и замѣтки поэтессы Акерманъ, этой Сафо атеизма, замѣчательныя философскими выводами. Поль Бурже хочетъ, во что бы то ни стало, быть психологомъ и издалъ мнимо-философскіе этюды старинныхъ писателей, но философія его въ біографіи Луи Николардо также плоха, какъ и его послѣдніе романы, и отъ этого писателя литературѣ ждать больше нечего, какъ и отъ Пьера Лоти, хотя его и выбрали академикомъ,

предпочтя его, а потомъ сухого ученаго Лависса талантливому Эмилю Золя, романъ котораго «Разгромъ» увлекаетъ всю читающую публику и дѣйствительно вещь капитальная. Другой даровитый писатель Гюи де-Мопасанъ окончательно погибъ для литературы, и сумасшествіе его признано неизлечимымъ. Обо всемъ этомъ Рейнахъ не говоритъ почти ничего, за то распространяется о сочиненіяхъ психопата Пеладана и другихъ декадентовъ и, приводя цитату его: «любовь не болѣе, какъ форма самаго сладкаго страданія», сожалѣетъ, что вмѣсто своего туманнаго и претенціознаго мистицизма онъ не собираетъ побольше такихъ «граціозныхъ» мыслей. Похваливъ, по заслугамъ, поэму Гюго «Богъ», изданную въ числѣ его посмертныхъ, неоконченныхъ произведеній, критикъ много говоритъ о совершенно пустыхъ романахъ и повѣстяхъ Доде, Лоти, Терье, Фабра, Сильвестра, Мармье, Кларети, Рода, Лаведана, между которыми выдѣляется только оригинальный романъ Рони «Вамирехъ» изъ эпохи троглодитовъ. Статья, вообще малосодержительная, оканчивается перечисленіемъ еще менѣе интересныхъ нувелистовъ и переводчиковъ. Литературные очерки другихъ странъ мы разсмотримъ въ слѣдующей книжкѣ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Бой русскихъ съ турками въ г. Бѣлгородѣ.

Въ 1811 году, передъ Отечественной войной, Россія вела войну съ Турціей. Русскія войска подъ предводительствомъ Кутузова одерживали побѣду за побѣдой и массами брали въ плѣнъ турецкихъ солдатъ и офицеровъ. Плѣнныхъ, какъ это бываетъ обыкновенно, отправляли во внутренніе города и области Россіи. Большія партіи турокъ проходили и чрезъ Курскую губернію. Одна изъ такихъ партій, состоявшая изъ 320 унтеръ-офицеровъ и 900 рядовыхъ, всего численностью въ 1220 человѣкъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1811 года, на пути слѣдованія изъ Харькова въ Воронежъ, прибыла въ уѣздный городъ Курской губерніи, Бѣлгородъ, и остановилась здѣсь на три дня. Не смотря на то, что плѣнниковъ былъ цѣлый таборъ (турецкій полкъ), ихъ конвоировало всего 12 солдатъ и 1 унтеръ-офицеръ, подъ командой капитана Рѣзанова.

Пришли турки въ Бѣлгородъ 4-го іюля вечеромъ и, за неимѣніемъ другихъ помѣщеній, были расквартированы по домамъ обывателей, въ городѣ и слободѣ Жилой. Такъ какъ черезъ Бѣлгородъ раньше прослѣдовало нѣсколько партій турокъ, то жители уже не такъ боялись пришельцевъ, какъ раньше. Притомъ же плѣнные съ охотой располагались на ночлегъ въ усадьбахъ, гдѣ нибудь въ саду или сараѣ, не заходя въ хату, чего особенно страшились бѣлгородцы, такъ какъ думали, что пребываніе «басурманъ» въ хатѣ непремѣнно опоганитъ ее. Не смотря на наплывъ иноплеменниковъ, ночь прошла безъ всякихъ приключеній.

На утро множество крестьянскаго люда изъ Бѣлгородскаго уѣзда съѣхалось на главную городскую площадь. День былъ базарный, и начался торгъ. Вскорѣ базарная площадь запестрѣла отъ массы красныхъ фесокъ и чалмъ.

Плѣнные большими толпами явились на базаръ; ихъ окружали группы крестьянъ, дивившихся туркамъ и въ особенности черномазымъ «арапамъ». Восточные люди добродушно улыбались и «лопотали» посвоему.

Отъ нечего дѣлать часть турокъ затѣяли игру «въ ремешокъ». Образовался кругъ, который стѣснилъ торгующихъ на базарѣ. На игроковъ стали кричать, а болѣе горячіе продавцы и выпроваживать незванныхъ гостей... Тѣ не уступали.

— Ребята! — раздались крики: — гони проклятыхъ бусурманъ; ишь, гдѣ нашли они мѣсто играть... По шеямъ ихъ! Рви съ нихъ красныя ермолки!

На базарѣ поднялась суета. А тутъ, какъ на грѣхъ, нѣкоторые изъ турокъ стали продѣлывать передъ женщинами непристойные жесты и тѣлодвиженія. Мужчины вступились за нихъ, и дѣйствительно фески съ плѣнныхъ полетѣли.

Вспыхнула борьба между русскими и турками не вдали, на берегахъ голубаго Дуная, а въ центрѣ Россіи, въ мирномъ уѣздномъ городкѣ. Черезъ нѣсколько времени послѣ начала, бой уже кипѣлъ исправнѣйшимъ образомъ. Крестьяне грудью стали противъ вражескаго табора. Очевидецъ говоритъ, что турокъ было больше, чѣмъ русскихъ, но русскіе не отступили передъ врагами, и, какъ всегда на полѣ брани, разили ихъ. Крѣпостными сооруженіями и баррикадами для обѣихъ враждующихъ сторонъ были телѣги, бочки, корзины, скамейки и т. п. Турками въ ходъ были пущены ножи, русскіе сражались чѣмъ попало, и противъ ножей имъ приходилось дѣйствовать кулаками.

Нѣкоторое время бѣлгородскій базаръ представлялъ изъ себя поголовное побоище. Крики, брань, стоны раненныхъ, вопли женщинъ и дѣтей огласили весь городъ. Полицейскіе бросились за городничимъ, который поспѣшилъ на площадь. Окинувъ взоромъ театръ военныхъ дѣйствій, городничій сообразилъ, что безъ посторонней помощи нельзя удалить турокъ съ площади. Тогда онъ поскорѣе отправился въ казармы, гдѣ находилось два отряда рекрутовъ, слѣдовавшихъ изъ Курска въ Николаевъ, въ резервъ дѣйствовавшей противъ Турціи арміи, подъ командой поручика Заговорскаго. Рекруты, по требованію городничаго, явились на площадь, бросились на плѣнныхъ и не безъ труда прекратили побоище. И рекрутамъ досталось отъ турокъ на орѣхи, а о крестьянахъ, которые, выѣхавъ на базаръ, и думать не думали и гадать не гадали о томъ, что имъ придется биться съ непріятелемъ, и говорить нечего. Одни изъ нихъ пали въ бою, другіе были ранены.

Семь человѣкъ турокъ городничій посадилъ подъ арестъ, остальные разошлись по своимъ квартирамъ.

На мѣстѣ происшествія капитана Рѣзанова и его конвоя не было. Городничій послалъ къ капитану сказать о происшедшемъ и просилъ его пріѣхать въ свою квартиру.

— Ихъ благородіе,—объявилъ посланному городничаго одинъ изъ конвоировъ,—господинъ капитанъ не имѣютъ времени пожаловать къ городничему. Такъ и скажи имъ...

Выслушавъ отвѣтъ капитана, городничій самъ отправился къ нему.

— Я прошу васъ,—сказалъ онъ:—чтобы было сдѣлано строгое подтвержденіе, черезъ посредство толмача, плѣннымъ туркамъ, чтобы они безотлучно находились на своихъ квартирахъ и не ходили по улицамъ Бѣлгорода толпами.

Капитанъ Рѣзановъ очень сухо принялъ городничаго и отвѣтилъ:

— Я не мому удержать турокъ. Въ Харьковѣ они точно также подняли суматоху, и тамъ губернаторъ съ полицеймейстеромъ и войсками едва могъ усмирить расходившихся плѣнныхъ.

Городничій выслушалъ рѣчь капитана и отправился восвояси. Дѣйствительно съ 13 человѣками конвойныхъ мудрено было импонировать табору въ 1.200 человѣкъ.

13-го іюля бѣлгородскій городничій получилъ отъ Рѣзанова письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что во время побоища у турокъ пропало на базарѣ: сто три голландскихъ червонца, два червонца турецкихъ, десять рублей серебромъ, 260 ефимковъ, 14 шалей, стоящихъ 637 р., 11 кисетовъ и т. п. Городничій публиковалъ о пропажѣ денегъ и вещей, разыскивалъ ихъ въ городѣ и не нашелъ. 14-го іюля, пробывши въ Бѣлгородѣ 10 дней вмѣсто 3-хъ, плѣнные, въ сопровожденіи того же жалкаго конвоя вышли изъ Бѣлгорода на Воронежскій трактъ. При этомъ городничій капитану Рѣзанову передалъ и семерыхъ арестованныхъ турокъ. Слѣдствіе о побоищѣ не было произведено, и дѣло кончилось ничѣмъ. Но долго оно было памятно бѣлгородцамъ... Немногіе старожилы и теперь еще разсказываютъ о немъ, но уже съ прибавленіемъ фантастическаго элемента.

А. Т.

СМѢСЬ.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ Общества Краснаго Креста. Въ маѣ нынѣшняго года минуло 25 лѣтъ со времени утвержденія Александромъ II устава русскаго Общества Краснаго Креста. Въ «Русскомъ Архивѣ» помѣщена любопытная справка г-жи Алмазовой, основанная на офиціальныхъ бумагахъ и касающаяся зарожденія и учрежденія этого Общества, носившаго въ первые годы своего существованія названіе «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ». Какъ ни проста мысль объ учрежденіи у насъ общества Краснаго Креста—тѣмъ болѣе, что такое общество уже существовало на Западѣ—ей пришлось испытать разныя перипетіи, прежде чѣмъ осуществиться на практикѣ. Починъ учрежденія Общества принадлежитъ двумъ женщинамъ, г-жѣ М. С. Сабининой, одной изъ фрейлинъ покойной императрицы, и баронессѣ Фредериксъ, къ которымъ присоединились лейбъ-медики Карель и Нарановичъ. Какъ всегда, на первыхъ порахъ учредители бродили вокругъ и около, стараясь разобраться въ дѣятельности будущаго общества и въ кругѣ лицъ, изъ котораго оно должно и могло состоять. Императрица, горячо принявшая къ сердцу успѣхъ дѣла, сама руководила, называла тѣхъ лицъ, кого желательно бы пріобрѣсти; иногда получалось отъ нея по нѣскольку записокъ въ день съ вопросами, что сдѣлано, или съ совѣтомъ, что нужно сдѣлать. Вотъ образчикъ одной изъ такихъ записокъ (на французскомъ языкѣ): «Мнѣ кажется, что Аврора Карамзина была бы прекраснымъ пріобрѣтеніемъ для вашего комитета. Русское имя, богата и очень благотворительна. Я уже говорила ей объ Обществѣ мимоходомъ». Ея величество очень настаивала на томъ, чтобъ привлечь какъ можно болѣе духовенства, и по ея совѣту предложили быть членами И. В. Рождественскому и духовнику В. Б. Бажанову. Странно сказать, но дѣло было такъ ново, что точно боялись примкнуть къ нему; иначе какъ объяснить отказъ, который получили учредительницы отъ многихъ изъ нихъ, напримѣръ, отъ графини Толстой, отъ Рождественскаго, отъ Янышева? Всѣ они, какъ бы сговорившись, давали одинъ отвѣтъ: «начинайте, учреждайте, а потомъ и мы запишемся». И. А. Я—въ даже съ соболѣзнованіемъ покачалъ головой и сказалъ: «ахъ, какъ вы еще молоды!» Графъ Б—скій въ очень любезномъ письмѣ выразилъ сожалѣніе, что домашнія обстоятельства не позволяютъ ему принести свою долю труда и пользы прекрасному дѣлу

и пр., но, должно быть, отнесся къ дѣлу тоже недовѣрчиво, потому что не сдѣлалъ и не предложилъ никакого денежнаго пожертвованія, не смотря на свои богатства, а это было бы не лишнимъ для начинающаго общества. Затѣмъ много толковали объ уставѣ, объ его языкѣ, вслѣдствіе чего даже такія лица, какъ Тотлебенъ и Треповъ, пробовали сочинять статуты Общества и воззванія,—чуть-чуть не выдѣлили Москву изъ общаго дѣла вслѣдствіе соображенія Тотлебена, что Москва не любитъ Петербурга и «не довѣряетъ ему», и т. д. Митрополитъ Филаретъ отказывался писать воззваніе къ странѣ, потому что не допускалъ, чтобы въ комитетахъ «дамы засѣдали вмѣстѣ съ мужчинами», что̀ очень огорчило и обезпокоило учредительницъ. Но такъ какъ митрополитъ Филаретъ былъ сила, которому противодѣйствовать было опасно, то пришлось сдѣлать ему уступку. Явилось понятное недовѣріе между членами общества, когда узнали рѣшеніе преосвященнаго; стали подозрѣвать, не подъ чужимъ ли вліяніемъ родилось это рѣшеніе... Въ концѣ концовъ желаніе императрицы, чтобы дѣло было окончено къ 17-му апрѣлю, дню рожденія покойнаго государя, прекратило всякія недоразумѣнія и смуту: Общество устроилось и выборы главнаго управленія состоялись. Избраны: генералъ-адъютантъ Зеленый предсѣдателемъ; генералъ-лейтенантъ Баумгартенъ и въ званіи камергера д. с. с. Башмаковъ товарищами предсѣдателя; членами лейб-медикъ Ф. Я. Карель, духовникъ царской фамиліи Бажановъ, ген. Посьетъ, Мориц̀ъ, Никольскій, лейб-хир. Нарановичъ, ген. Волковъ, Сергѣй П. Боткинъ, ген. Россетъ, С. С. Воронинъ, С. С. Рорбекъ, Петлинъ, Зубаревъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, Ротъ, вице-адмиралъ Воеводскій, Риттеръ, Голубевъ, баронъ Остенъ-Сакенъ, ген. баронъ Фредериксъ, графъ Олсуфьевъ.

Двадцатипятилѣтіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства. 11 іюля исполнилась четверть вѣка со дня обнародованія учрежденія Туркестанскаго генералъ-губернаторста, Туркестанскаго военнаго округа и сформированія семирѣченскаго казачьяго войска. Еще за два года передъ тѣмъ, послѣ завоеванія Ташкента съ 1865 по 1866 г., при бывшемъ тогда губернаторѣ-завоевателѣ Туркестанской области Черняевѣ, образована была комисія, которая и выработала проектъ о военномъ управленіи вновь покореннымъ краемъ и объ образованіи семирѣченскаго войска. Въ 1867 г. учреждены Туркестанское генералъ-губернаторство и управленіе военнымъ округомъ, и первымъ генералъ-губернаторомъ края и командующимъ въ немъ войсками назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Кауфманъ, прибывшій въ Ташкентъ съ громаднымъ штатомъ служащихъ. Въ составъ новаго Туркестанскаго генералъ-губернаторства тогда входили только двѣ области: Сыр-Дарьинская и Семирѣченская, въ настоящее же время въ составъ его входитъ все бывшее Коканское ханство, изъ котораго образована Ферганская область, половина Бухарскаго ханства, бывшій Зарявшанскій округъ, а нынѣ Самаркандская область и, наконецъ, часть Хивинскаго ханства, составляющая особый Амударьинскій отдѣлъ. Въ настоящее время управленіе краемъ ввѣрено съ 28-го октября 1889 года генералу-барону Вревскому (онъ же и командующій войсками туркестанскаго военнаго округа); предмѣстниками барона Вревскаго, по управленію краемъ и командованію въ немъ войсками, были генералы М. Г. Черняевъ и Розенбахъ. Въ 1890 г. предполагалось поставить монументъ въ память завоеванія Ташкента, рисунокъ монумента былъ воспроизведенъ даже въ илюстрированныхъ журналахъ, но памятникъ этому знаменитому дѣянію и до сихъ поръ даже не заложенъ.

Пятидесятилѣтній юбилей В. А. Дашкова. 28-го іюля, исполнилось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности директора Московскаго Румянцевскаго музея, Василія Андреевича Дашкова. Юбиляръ посвятилъ свою полувѣковую дѣятельность разнымъ московскимъ административнымъ, научнымъ, воспитательнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ. Съ 1860 г. по 1867 г. онъ

былъ помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ это время перенесенъ изъ Петербурга въ Москву Румянцевскій музей, и В. А. былъ назначенъ директоромъ этого музея. Съ 1868 г. В. А. Дашковъ состоитъ почетнымъ опекуномъ учрежденія императрицы Маріи. Въ настоящее время онъ предсѣдательствуетъ въ московскомъ присутствіи опекунскаго совѣта заботится въ качествѣ попечителя о пяти московскихъ женскихъ гимназіяхъ и занимаетъ должность вице-президента московскаго художественнаго общества. Во время директорства В. А. при Румянцевскомъ музеѣ открылся публичный музей, который принято называть Дашковскимъ, такъ какъ онъ своимъ открытіемъ и существованіемъ обязанъ главнымъ образомъ В. А. Дашкову.

Памятникъ женщинамъ въ Севастополѣ. Комитетъ севастопольскаго военнаго музея, желая сохранить въ памяти современниковъ и потомства воспоминаніе объ участіи женщинъ въ геройской защитѣ Севастополя и сооруженіи ими, въ 1854 году, на мѣстѣ, въ настоящее время занимаемомъ Меньковской школой, батареи, воздвигнутой собственными силами,—рѣшилъ поставить здѣсь памятникъ съ соотвѣтственною надписью. Памятникъ этотъ, теперь законченный постройкою, поставленъ во дворѣ Меньковской школы, на небольшой площадкѣ, обращенной къ Историческому бульвару. Высѣченъ онъ изъ гранита и имѣетъ пирамидальную форму. На лицевой сторонѣ колонны имѣется надпись золотыми буквами: «Мѣсто Дѣвичьей батареи», а ниже, на той же сторонѣ цоколя — «Здѣсь, въ 1854 году, была выстроена батарея женщинами».

Археологическія находки въ Рязани. Членами рязанской ученой архивной комисіи продолжаются раскопки Борковскаго могильника. Первая серія работъ производилась втеченіе 8 дней, причемъ обнаружено 33 погребенія. Найдено болѣе 500 различнаго рода предметовъ, главнымъ образомъ, бронзовыхъ украшеній. Изъ орудій попадались: желѣзные наконечники копій и дротиковъ, ножи и желѣзные боевые топоры, напоминающіе форму кельтовъ. Въ послѣднее время открыто еще 30 погребеній. Изъ найденныхъ вещей особенно любопытны двѣ серебряныя крестообразныя фибулы; подобнаго рода фибулы были находимы близъ Рима. Затѣмъ, въ Борковскомъ могильникѣ найдена весьма любопытная самострѣлообразная фибула, относимая къ I—III в. Нѣкоторыя погребенія оказались весьма богатыми по качеству вещей, найденныхъ вмѣстѣ съ костями. Въ особенности одна могила отличалась множествомъ украшеній, которыя состоялии зъ двухъ шейныхъ гривенъ, двухъ височныхъ колецъ, двухъ также височныхъ привѣсокъ, 4 браслетовъ, 4 витыхъ колецъ, множества различной формы привѣсокъ отъ ожерелья и цѣлаго ряда привѣсокъ, составлявшихъ украшеніе одежды. Большинство вещей изъ бронзы, но попадались и серебряныя. Изъ случайныхъ находокъ особенно любопытно украшеніе въ видѣ конской головки, напоминающей фигуру кровельнаго конька на крестьянскихъ избахъ. Вообще, раскопки обѣщаютъ дать много важныхъ въ научномъ отношеніи открытій. Предположено часть могильника оставить пока нетронутою.

Открытіе подземелья въ Москвѣ. Въ Москвѣ, между жителями Дорогомиловской слободы распространились слухи о томъ, что за ея заставой, на землѣ мѣщанина Ѳомина, рабочіе, добывавшіе въ горѣ грунтъ для выдѣлки краски, которая идетъ на шпаклевку домовъ, нашли обширное подземелье. Слухъ этотъ подтвердился, и множество народа ежедневно ходитъ и разглядываетъ мѣсто, чрезъ которое открылся входъ въ упомянутыя катакомбы. Мѣсто это отстоитъ отъ Москвы рѣки не болѣе какъ въ 50 саженяхъ и находится неподалеку отъ завода Бельве и такъ называемаго «Мороваго кладбища», на которомъ хоронили москвичей когда-то во время чумы.

Многіе смѣльчаки съ фонарями, а иные, имѣя въ рукахъ свѣчки, спу-

скались въ это подземелье; они разсказываютъ, что оно тянется на далекое пространство прямыми и боковыми коридорами съ высѣченными каменными колонами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ коридорахъ стоитъ не выше колѣнъ холодная ключевая вода; иные увѣряютъ, что въ потолкахъ коридоровъ они видѣли мѣдныя трубочки, другіе говорятъ, что въ одномъ изъ коридоровъ стоитъ деревянный сундукъ, но они боялись полюбопытствовать, что въ немъ находится. Одни изъ обозрѣвателей долго тамъ оставаться не могли, а другіе проводили тамъ время до двухъ часовъ, и сколько ни шли впередъ, а до конца того или другого коридора добраться не могли. Старики дорогомиловцы разсказываютъ, что они слыхали отъ своихъ предковъ, будто съ упомянутаго мѣста былъ въ старину подземный ходъ къ Новодѣвичьему монастырю, но относиться къ ихъ разсказамъ съ довѣріемъ нельзя. На этомъ берегу каменоломня находится съ незапамятныхъ временъ. Можетъ быть, подземелье это когда нибудь служило для добыванія камня. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы археологамъ обратить вниманіе на эти катакомбы и разъяснить, что это—шахты-ли для добыванія какихъ либо матеріаловъ, или же дѣйствительно подземный ходъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, старожиламъ довелось быть свидѣтелемъ тому, что въ той же мѣстности, находящейся въ вѣдѣніи уѣздной полиціи, были открыты какія-то пещеры, на которыя въ то время ни полиція, ни археологи не обратили вниманія.

Могила въ Митавѣ. На митавскомъ римско-католическомъ кладбищѣ похороненъ извѣстный аббатъ Эджевортъ де-Фирмонъ, одинъ изъ любимцевъ Людовика XVIII. Тѣло аббата покоится въ небольшой изъ краснаго кирпича часовнѣ, находящейся посреди кладбища. Послѣдній представитель старшей линіи Бурбоновъ, графъ Шамборъ, называвшійся монархистами Генрихомъ V, давалъ неоднократно пособія на поддержку часовни, въ которой покоится преданный слуга французскаго королевскаго дома. Внутренность часовни очень проста и даже убога. Посреди стоитъ небольшой катафалкъ; спереди устроенъ родъ алтаря для совершенія службы; на стѣнахъ два-три образа. На лѣвой стѣнѣ, посреди, вставлена мраморная доска, и на ней латинская эпитафія, которая, какъ видно изъ ея послѣднихъ словъ: «Ludovicus XVIII benemerenti scripsit», составлена самимъ Людовикомъ XVIII. По разсказамъ современниковъ, Людовикъ прекрасно зналъ древніе языки и даже на столько хорошо, что въ молодости приводилъ въ смущеніе Жанъ-Жака Руссо, указывая ему на неправильности въ его переводахъ Горація и другихъ классиковъ.

Какъ мы хранимъ наши памятники. Намъ уже нѣсколько разъ приходилось говорить о томъ, съ какимъ вандализмомъ относятся у насъ къ историческимъ и археологическимъ останкамъ даже офиціальныя лица. Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ фактовъ въ этомъ родѣ, сообщенныхъ предсѣдателемъ каменецъ-подольскаго историко-статистическаго комитета, епископомъ Дмитріемъ, на котораго возложена, между прочимъ, обязанность заботиться о церковно-историческихъ древностяхъ ввѣренной ему епархіи.

«Въ католическихъ церквахъ церковные архивы находятся въ лучшемъ порядкѣ: различные старинные предметы — образа, утварь и т. п., въ этихъ святилищахъ выставляются на самыхъ видныхъ мѣстахъ. Что же касается всего русскаго, то и болѣе цѣнные документы, и болѣе оригинальные памятники, старины обыкновенно приходится разыскивать подъ слоями вѣковой пыли и всякаго мусора, то подъ спудами церквей, то на чердакахъ консисторій, то на колокольняхъ и въ другихъ мѣстахъ, куда менѣе всего заглядываетъ глазъ. Иногда случается, что особенно ревностные и усердствующіе священнослужители, случайно отыскивая весьма цѣнные акты или другіе памятники, напоминающіе при этомъ о тяжелыхъ, пережитыхъ церковью, временахъ,—предаютъ такіе предметы уничтоженію».

Къ числу такихъ не въ мѣру «ревностныхъ» и «усердствующихъ» священнослужителей принадлежитъ, между прочимъ, игуменъ одного монастыря Волынской губерніи, сдѣлавшагося изъ уніатскихъ православнымъ. Вотъ какой подвигъ совершилъ этотъ почтенный пастырь для увѣковѣченія своей дѣятельности въ должности настоятеля: онъ приказалъ затопить въ рѣкѣ весь богатѣйшій монастырскій архивъ, мотивируя свое распоряженіе тѣмъ, что архивъ этотъ относился ко временамъ уніатства. Подобные факты — не единственные, на которые можно было бы указывать, какъ на исключеніе: они повторяются довольно часто и наводятъ на грустныя размышленія. Вотъ еще одинъ изъ нихъ. Въ одной изъ церквей Воронежской губерніи (по свидѣтельству того же пр. еписк. Димитрія) хранилось евангеліе временъ царя Алексѣя Михаиловича, но мѣстному священнику такая древность показалась почему-то излишнею; вслѣдствіе этого при похоронахъ своего товарища по паствѣ онъ положилъ его съ нимъ въ гробъ, «чтобы не класть новаго евангелія».

Русская могила на Сен-Готардѣ. І. Иліодоръ Попруженко напечаталъ въ «Новомъ Времени» слѣдующее письмо: «Я только что возвратился съ вершины Сен-Готарда и пишу подъ свѣжимъ и скорбнымъ впечатлѣніемъ видѣнной мною тамъ могилы славныхъ сподвижниковъ великаго Суворова. Представьте себѣ ветхое, некрасивое строенье изъ дикаго необтесаннаго плитняка, длиною въ $1^1/_2$ саж., шириною въ 1 саж. и въ вышину аршина $2^1/_2$, крытое тѣмъ же плитнякомъ и съ отверстіемъ вмѣсто двери. Я и мои русскіе спутники съ изумленіемъ услыхали, что это—часовня съ костями русскихъ воиновъ. Но это просто-напросто какой-то сарай для загона козъ, а не могильный памятникъ, тѣмъ болѣе, что на немъ нѣтъ и креста. Оказывается, что часовенка была построена очень давно швейцарскимъ правительствомъ, по распоряженію котораго въ нее и были сложены кости русскихъ воиновъ, погибшихъ при переходѣ черезъ Сен-Готардъ, собранныя впослѣдствіи по этому невообразимо трудному пути русской арміи. Въ настоящее время отъ массы костей осталась самая ничтожная часть, находящаяся въ разсѣлинѣ скалы, на которой построена эта часовня. Любопытствующіе туристы, въ особенности англичане, переворачивая своими палками груду костяковъ, почти всю ее растаскали по Европѣ. Внутри часовни темно, грязно, по стѣнамъ копоть; видно, что въ непогоду тамъ зажигаютъ огонь и варятъ пищу. Изъ разсѣлины фундамента торчатъ въ безпорядкѣ кости и виденъ разный соръ. Между прочимъ, фундаментъ разрушенъ съ одной изъ наружныхъ сторонъ (задней) и кости виднѣются издали. Невыразимо грустно было глядѣть на эту историческую могилу русскихъ героевъ, этихъ богатырей, создавшихъ одну изъ лучшихъ страницъ нашей исторіи. Такое запустѣніе и забвеніе бѣдной могилы мы объяснили себѣ лишь тѣмъ, что въ эту дикую, пустынную мѣстность, лежащую выше облака ходячаго и рядомъ со снѣгами, рѣдко кто изъ русскихъ заглядываетъ, что, впрочемъ, подтверждается и книгами съ именами посѣтителей, найденными нами на Сен-Готардѣ въ единственно жиломъ мѣстѣ, въ Hôtel du mont Rosa. Иначе бы о жалкомъ положеніи усыпальницы нашихъ славныхъ соотчичей узнали бы въ Россіи и, конечно, въ результатѣ явилась бы новая, прекрасная часовня, осѣненная крестомъ и вполнѣ достойная русскаго имени. «Новому Времени» не разъ принадлежала иниціатива въ дѣлахъ, затрогивавшихъ русское патріотическое чувство. Смѣю надѣяться, что редакція не откажетъ въ напечатаніи этого письма и вмѣстѣ съ нимъ откроетъ у себя сборъ пожертвованій на погребеніе нерастасканныхъ пока еще костей и для постановки приличнаго памятника на этой могилѣ. Пусть иностранцы знаютъ, что русскіе люди умѣютъ не только умирать, но также и достойно чтить память своихъ героевъ! Отъ себя и двухъ моихъ спутниковъ прилагаю при семъ посильную лепту».

Письмо прислано со станціи Айроло, у подножія Сен-Готарда. «Новое

Время» объявило, что оно принимаетъ пожертвованія на этотъ предметъ въ своей конторѣ.

† 20-го іюля, въ 8½ час. вечера скоропостижно, отъ паралича сердца **Ефимъ Ѳедоровичъ Заринъ**. Онъ родился въ Пензенской губерніи, въ 1829 г., воспитывался въ духовной семинаріи, а потомъ — въ академіи. На литературное поприще онъ выступилъ въ пятидесятыхъ годахъ съ «Манфредомъ» Байрона, напечатаннымъ въ «Библіотекѣ для Чтенія». Около того же времени онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сначала работалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», а затѣмъ перешелъ въ редакцію журнала «Отечественныя Записки», на страницахъ котораго и вступилъ въ полемику съ лагеремъ Чернышевскаго и Писарева. Его имя не было извѣстно публикѣ, такъ какъ онъ постоянно скрывался подъ псевдонимомъ «Incognito». Когда Краевскій передалъ свой журналъ Некрасову,—Зарину пришлось прекратить въ немъ свое сотрудничество. Нѣкоторое время онъ работалъ въ газетѣ «Русскій Міръ», сотрудничалъ въ другихъ изданіяхъ и печаталъ переводы въ журналѣ «Изящная Литература». Въ послѣдніе годы онъ поступилъ на государственную службу по министерству путей сообщенія и, переутомленный работою, взялъ 10-го числа отпускъ на два мѣсяца. Судьба судила иное... Смерть его была мгновенна: онъ не успѣлъ даже сказать своимъ близкимъ послѣдняго «прости»... Покойный оставилъ напечатанными трагедіи Байрона: «Сарданапалъ», «Манфредъ», «Двое Фоскари», «Марино Фальеро», и въ портфелѣ—«Каинъ» и «Земля и Небо».

† 29-го іюля докторъ медицины **Эмануилъ Алексѣевичъ Ханъ**, 66-ти лѣтъ. Уроженецъ Остзейскаго края, онъ началъ свою литературную и издательскую дѣятельность въ 1854 г. Еще студентомъ V курса медико-хирургической академіи, онъ издалъ въ русскомъ переводѣ классическую въ то время фармакологію Эстерлейна, имѣвшую громадный успѣхъ среди студентовъ и врачей. Не меньшимъ успѣхомъ пользовалась основанная Э. Ханомъ (1858) «Библіотека медицинскихъ наукъ», сотрудниками которой состояли выдающіеся профессора и ученые: Здекауеръ, Бессеръ, Сорокинъ, Бородинъ, Хлѣбниковъ, Вреденъ, Ольхинъ и др. Удовлетворяя насущной потребности тогдашняго времени, при крайнемъ недостаткѣ оригинальныхъ медицинскихъ сочиненій, а также хорошихъ переводныхъ, «Библіотека медицинскихъ наукъ» оказала не малую услугу русскимъ врачамъ и учащимся, просуществовавъ около десяти лѣтъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ Эмануилъ Алексѣевичъ издавалъ журналъ «Популярная Медицина», затѣмъ «Всемірный Трудъ», въ которомъ участвовали выдающіеся наши писатели (Островскій, Ахшарумовъ, Мордовцевъ, Писемскій, Крестовскій и др.). Въ послѣдніе годы имъ изданы, кромѣ того, романы Вальтеръ-Скотта въ русскомъ переводѣ, «Жизнь животныхъ» — Брема и масса мелкихъ брошюръ, отчасти оригинальныхъ, отчасти компилятивныхъ и переводныхъ. Неутомимо занимаясь втеченіе почти 40 лѣтъ на поприщѣ литературы и издательства, покойный на старости лѣтъ терпѣлъ нужду: явились истощеніе силъ и изнурительная болѣзнь, которая и свела его въ могилу. Эта болѣзнь въ соединеніи съ лишеніями всякаго рода, заставила его даже покуситься—положить конецъ такой тяжелой жизни. А между тѣмъ, труды его, какъ редактора, ученаго и популяризатора полезныхъ знаній, заслуживали вниманіе общества. Кромѣ спеціально-медицинскихъ сочиненій и добросовѣстно составляемаго и редактируемаго журнала, онъ издалъ въ шестидесятыхъ годахъ много популярно-научныхъ книгъ, какъ самоучитель новѣйшихъ языковъ, «Книга природы» (четыре части, 1865 г.), «О племенахъ земнаго шара», «Дары природы», «Хищныя животныя» и др.

† Въ селѣ Александровскомъ, подъ Петербургомъ **Аркадій Дмитріевичъ Сатинъ**, защитникъ Севастополя и писатель, отставной капитанъ 1-го ранга. Потомокъ стариннаго дворянскаго рода, онъ родился въ Москвѣ, въ 1834 г.,

воспитывался въ Дерптѣ, потомъ во Франціи и изъ Петербургскаго морского корпуса вышелъ въ мичманы въ черноморскій флотъ, участвовалъ въ Синопскомъ сраженіи, былъ три раза раненъ, по окончаніи войны вышелъ въ отставку, но въ послѣднюю турецкую войну опять поступилъ на службу. Снова оставилъ ее въ 1878 году. Еще въ 1872 г. онъ напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» рядъ замѣчательныхъ очерковъ подъ заглавіемъ «Изъ записокъ черноморскаго офицера и отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ». Живя въ Саратовѣ, онъ писалъ по сельско хозяйственнымъ вопросамъ.

† Въ Екатеринодарѣ 12-го іюля **Михаилъ Ивановичъ Бабиковъ**, драматическій актеръ и писатель 46-ти лѣтъ. Онъ воспитывался въ академіи художествъ и былъ недурнымъ живописцомъ, особенно декораторомъ. Драматическое поприще началъ въ Казани, затѣмъ перешелъ въ Москву, гдѣ скоро занялъ роль Садовскаго, былъ лучшимъ Любимомъ Торцовымъ и Расплюевымъ. Въ журналахъ онъ помѣщалъ стихи, повѣсти и разсказы подъ псевдонимомъ Горемыкина, несомнѣнно талантливые.

† **Константинъ Августовичъ Тарновскій**, въ Москвѣ 29-го іюля. Онъ въ сентябрѣ прошлаго года праздновалъ пятидесятилѣтіе своей дѣятельности на литературно-театральномъ поприщѣ. Родился онъ въ 1826 г. въ Ковенской губерніи; образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1846 г. Съ юныхъ лѣтъ К. А. чувствовалъ влеченіе къ дѣятельности драматурга. Переводъ одноактной комедіи «Le muet de St.-Malo», названной Тарновскимъ «Нѣмой по неволѣ», сдѣланъ имъ въ то время, когда онъ учился въ гимназіи, въ 1841 году. Еще студентомъ, К. А. закончилъ свое первое самостоятельное произведеніе—комедію «Испытаніе». По окончаніи курса въ университетѣ, Тарновскій служилъ сперва въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и министерствѣ двора, сначала въ качествѣ секретаря въ московской дирекціи театровъ, а съ 1856 г. въ качествѣ инспектора репертуара. Выйдя въ отставку, К. А. посвятилъ себя всецѣло театру. Ему принадлежитъ болѣе сотни оригинальныхъ и переводныхъ драмъ, комедій и водевилей. Кромѣ драмъ, имъ переведено нѣсколько феерій: «Призракъ», «Нана-Саибъ», «Лѣсной бродяга» и др., также написано нѣсколько статей, посвященныхъ главнымъ образомъ театральному дѣлу и напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. По иниціативѣ Тарновскаго, Н. Г. Рубинштейнъ основалъ въ Москвѣ «Артистическій кружокъ». Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ устройствѣ московской консерваторіи и въ организаціи вспомогательной студенческой кассы при Московскомъ университетѣ, въ пользу которой устроилъ въ 1865 г. на свой рискъ три концерта, давшіе хорошій сборъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу отчета г. Павленкова о книжномъ дѣлѣ въ Россіи.

Въ отчетѣ, о книжномъ дѣлѣ въ Россіи за истекшій годъ, напечатанномъ въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», г. Павленковъ подчеркиваетъ тенденціи польской и нѣмецкой мѣстной печати слѣдующими словами:

«О чемъ говорится и трактуется въ этихъ тысячахъ сочиненій съ ихъ милліонами экземпляровъ? Мы можемъ отвѣтить на этотъ естественный

вопросъ, но отвѣтъ не будетъ льстивъ для русскаго чувства. Во-первыхъ, инородцы и братья славяне-поляки забыли Лермонтова, не вспомнили, что въ минувшемъ году истекло 50 лѣтъ со дня его кончины, и что потому произведенія его могъ издавать всякій, кто пожелалъ бы. Во-вторыхъ, не смотря на богатство литературъ польской и нѣмецкой, на множество переводныхъ въ ней сочиненій, особенно въ первой, вы не отыщете ни въ той, ни въ другой ни одного перевода съ русскаго языка ни по научной, ни по беллетристической и ни по какой другой части».

Г. Павленковъ заблуждается относительно польской печати, и это заблужденіе объясняется его обобщеніями, вытекающими изъ итоговъ оффиціальныхъ сообщеній, а не изъ тѣхъ заключеній, къ которымъ приходитъ наблюдатель условій мѣстной печати. Сдѣлаю два-три возраженія, такъ какъ мнѣ нѣсколько знакомо издательское дѣло въ Варшавѣ, потому что я занимаюсь собираніемъ данныхъ объ имѣющихся переводахъ нашихъ писателей въ польской печати.

Начну съ Лермонтова. Перевода сочиненій Лермонтова нѣтъ въ истекшемъ году, надо полагать, потому, что имѣется вышедшій въ 1890 году переводъ почти полнаго собранія сочиненій Лермонтова, сдѣланный Манковскимъ съ предисловіемъ Спасовича, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Wibór pism, przełożiony przez Mańkowskiego, a poprzedzony wstępem krytycznym W. D. Spasowicza. Прибавлю, что переводъ Манковскаго, за немногими исключеніями, отличается вѣрностью и изяществомъ передачи подлинника. Не привожу списка переводовъ Лермонтова на польскій языкъ въ предыдущіе годы, перечень которыхъ, хотя и не полный, имѣется въ сентябрьской книжкѣ за 1891 г. «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ г. Драганова «Пушкинъ и Лермонтовъ во всемірной литературѣ». Въ день 50-тилѣтія памяти Лермонтова польская печать отозвалась рядомъ откликовъ, изъ которыхъ въ «Kraj'ѣ» былъ помѣщенъ довольно пространный фельетонъ.

Въ отношеніи беллетристики въ истекшемъ 1891 году было два изданія, не считая переводовъ сочиненій русскихъ писателей въ періодической печати. Вотъ эти изданія: разсказъ гр. Толстого «Смерть Ивана Ильича», печатавшійся въ «Tygodnik'ѣ Illustrowany'мъ» и имъ выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ. Другое изданіе: переводъ стихотвореній гр. Ал. К. Толстого (Album z poezyi... przełożył Ant. Doliwa; Petersburg, 1891). Эти два изданія могу дополнить сообщеніемъ предположеннаго третьяго, не допущеннаго мѣстною цензурою: повѣсти гр. Толстого «Крейцерова соната», неразрѣшеннаго вслѣдствіе отсутствія «Крейцеровой сонаты» въ отдѣльномъ авторскомъ изданіи.

Еще возраженіе на обвиненіе польской печати въ замалчиваніи крупныхъ явленій, охватывающихъ интересы русскаго общества:

«Что касается періодической печати въ ея отношеніяхъ къ Россіи, то достаточно вспомнить, что печать эта даже о такомъ важномъ событіи, какъ посѣщеніе Кронштадта французской эскадрой, не обмолвилась ни единымъ словомъ отъ себя».

О посѣщеніи французскою эскадрой мнѣ самому доводилось читать въ польскихъ изданіяхъ отчеты въ видѣ перепечатокъ изъ русскихъ изданій и заключеній «отъ себя», и если польская печать, вообще, говоритъ о дѣлахъ нашей внутренней политики путемъ извлеченій изъ русскихъ изданій, то причина тому, что «отъ себя» дополнять эти извлеченія варшавская печать

не всегда можетъ по мѣстнымъ условіямъ печати. Относительное исключеніе представляетъ «Kraj», издающійся въ Петербургѣ.

Переводовъ по русской научной литературѣ въ истекшемъ году не было ни одного. Но причину этого отсутствія въ истекшемъ году и вообще ограниченной цифры переводовъ русскихъ научныхъ сочиненій слѣдуетъ искать въ прямой ограниченности спроса на переводныя русскія научныя сочиненія. Изъ имѣющихъ общественный интересъ научныхъ сочиненій переведены въ послѣдніе годы: два труда Иванюкова по политической экономіи («Główne zasady teoryi polityki ekonomicznej od Ad. Smitha do teraźniejszych czasów» и «Ekonomia polityczna jako nauka o procesie rozwoju zjawisk spotecznych») и популярная брошюрка покойнаго Клейбера о солнечномъ затменіи (Co znaczy zacmienia słońca przepowiedziane na dzień 7 sierpnia 1887 r., cena 5 cop.). Переведена также вторымъ изданіемъ полезная брошюрка покойнаго проф. А. М. Бутлерова: «Объ уходѣ за пчелами» («Jak hodować pszczoły»).

А. Лугановскій.

ВЪ ПОИСКАХЪ ПРАВОСУДІЯ

(ИЗЪ НѢМЕЦКАГО БЫТА XVI ВѢКА)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

КЛЕЙСТА

(MICHAEL KOHLHAAS)

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1892

КОЛО середины XVI столѣтія, у береговъ Гавеля, жилъ нѣкій лошадиный барышникъ, по имени Михаэль Кольгаасъ, сынъ школьнаго учителя, одинъ изъ правдивѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ чудовищнѣйшихъ людей своего времени. Этотъ необычайный человѣкъ до тридцатилѣтняго возроста могъ бы служить образцомъ добраго гражданина. Въ одной деревнѣ, до сихъ поръ носящей его имя, была у него усадьба, на которой онъ мирно жилъ своимъ промысломъ. Дѣтей своихъ, которыми подарила его молодая жена, воспитывалъ онъ въ страхѣ Божіемъ, пріучая ихъ къ трудолюбію и честности. Среди сосѣдей его не было ни единаго человѣка, который не отдавалъ бы ему чести за его благотворительность и справедливость. Словомъ сказать, міръ благословилъ бы память о немъ, если бы онъ не пересолилъ въ одной добродѣтели. Чувство справедливости сдѣлало изъ него вора и убійцу.

Однажды онъ отправился за границу съ партіей молодыхъ, сытыхъ, лоснившихся лошадокъ и по дорогѣ принялся высчитывать, какъ употребить барышъ, который надѣялся нажить на нихъ при продажѣ, причемъ, какъ добрый хозяинъ, часть этого барыша предназначалъ пустить въ новый ростъ, а на остальную потѣшить себя въ настоящемъ. Вдругъ, подъѣхавъ къ Эльбѣ, около одного великолѣпнаго рыцарскаго замка, на Саксонской территоріи, замѣтилъ онъ шлагбаумъ, котораго на этомъ мѣстѣ прежде никогда не видывалъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Кольгаасъ мгновенно пріостановилъ лошадей, крикнувъ сборщика шоссейныхъ пошлинъ, который дѣйствительно вскорѣ послѣ того высунулъ изъ окна угрюмое свое лице. Лошадиный барышникъ попросилъ пропустить его. «Что тутъ у васъ за новости?»—спросилъ онъ, когда, долгое

время спустя, сборщикъ налоговъ показался изъ дому.—«Привилегія, дарованнная землевладѣльцу,— отпирая шлагбаумъ, отвѣчалъ тотъ:—юнкеру [1]) Венцелю фонъ-Тронка».

— Вотъ оно что. Такъ юнкера зовутъ Венцелемъ? —замѣтилъ Кольгаасъ, оглядывая замокъ, блестящими зубцами своими смотрѣвшій въ поле.—Развѣ старый владѣлецъ умеръ?

— Умеръ отъ удара,—отвѣчалъ сборщикъ пошлинъ, поднимая шлагбаумъ.

— Гмъ! жаль!—продолжалъ Кольгаасъ.—Достойный былъ старикъ, находившій отраду въ сношеніяхъ съ людьми, поддерживавшій торговлю по мѣрѣ силъ, проложившій нѣкогда шоссе, только изъ-за того, что одна кобыла сломила у меня ногу въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога поворачиваетъ въ деревню. Ну, сколько же я долженъ?— спросилъ онъ, съ недовольствомъ вытаскивая потребованные сборщикомъ гроши изъ-подъ развѣвавшагося отъ вѣтра плаща.

— Да, старина, — прибавилъ онъ еще, когда тотъ, проклиная скверную погоду, бормоталъ ему: «скорѣй, скорѣй»,—если бы дерево осталось стоять на мѣстѣ въ лѣсу, было бы лучше для меня и для васъ.

Съ этими словами онъ вручилъ ему деньги и хотѣлъ продолжать свой путь. Но едва успѣлъ онъ подъѣхать подъ шлагбаумъ, какъ позади него изъ башни послышался другой голосъ: «Стой, ей ты, скребница!» и вслѣдъ затѣмъ барышникъ увидѣлъ, какъ кастелянъ, захлопнувъ окно, бросился бѣгомъ къ нему. «Ну, еще какія новости?»—спрашивалъ себя Кольгаасъ, пріостановивъ лошадей. Кастелянъ, застегивая куртку на объемистомъ животѣ, подошелъ къ нему и, повернувшись спиной къ вѣтру, потребовалъ пропускной билетъ. Кольгаасъ переспросилъ: «Пропускной билетъ?» Нѣсколько смутившись, онъ отвѣчалъ, что, на сколько ему извѣстно, никакого пропускнаго билета у него нѣтъ, прося, впрочемъ, объяснить ему, что это за штука, а то, быть можетъ, какъ нибудь случайно у него и окажется таковой.

Оглядѣвъ его сбоку, кастелянъ возразилъ, что безъ пропускнаго билета отъ курфюрста торговцы лошадьми за границу не пропускаются.

Кольгаасъ завѣрялъ, что семнадцать разъ въ жизни переѣзжалъ границу безъ такого билета, что всѣ постановленія курфюрста, касающіяся его промысла, ему въ точности извѣстны, что это навѣрное, должно быть, простое недоразумѣніе, которое онъ проситъ обдумать, и, въ виду далекаго пути, предстоявшаго ему въ тотъ день, не задерживать его долѣе понапрасну. Но кастелянъ отвѣчалъ, что въ осьмнадцатый разъ ему не удастся такъ проскольз-

[1]) Въ Германіи юнкеръ означаетъ дворянина, не имѣющаго никакого другаго титула.

нуть, что для того-то и сдѣлано недавно новое распоряженіе, и что онъ долженъ или сейчасъ же добыть себѣ пропускной билетъ, или же убираться туда, откуда пришелъ. Лошадиный барышникъ, нѣсколько уже озадаченный такими незаконными стѣсненіями, послѣ нѣкотораго раздумья, сошелъ съ лошади, отдалъ ее работнику и сказалъ, что самъ поговоритъ о томъ съ юнкеромъ фонъ-Тронка. И онъ отправился въ замокъ. Кастелянъ послѣдовалъ за нимъ, бормоча о скряжническомъ загребаніи денегъ и необходимости кровопусканія для подобныхъ господъ. Такимъ образомъ, измѣряя одинъ другаго взглядами, оба вошли въ зало. Такъ случилось, что юнкеръ въ это время сидѣлъ за кубкомъ съ нѣсколькими веселыми пріятелями, причемъ, по поводу какой-то шутки, они залились раскатистымъ смѣхомъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Кольгаасъ подошелъ къ Венцелю для принесенія своей жалобы.

Юнкеръ обратился къ нему съ вопросомъ, чего онъ желаетъ. Увидѣвъ чужаго человѣка, рыцари притихли. Но едва тотъ успѣлъ заикнуться о своей просьбѣ насчетъ лошадей, какъ вся компанія съ восклицаніями: «Лошади? гдѣ онѣ?»—бросились къ окну посмотрѣть на лошадей. По предложенію Венцеля, при видѣ отличныхъ коней, они кинулись внизъ на дворъ. Дождь пересталъ. Кастелянъ, управляющій и рабочіе столпились вокругъ нихъ и всѣ стали разглядывать животныхъ. Одинъ хвалилъ рыжечалаго коня съ бѣлымъ пятномъ на лбу, другому нравилась бурая лошадка, третій поглаживалъ пѣгашку съ черножелтыми пятнами, и всѣ сходились въ томъ, что кони напоминали собою оленей и что въ этой мѣстности лучшихъ не бывало. Кольгаасъ отвѣчалъ, что кони не лучше рыцарей, которые будутъ на нихъ ѣздить, и предложилъ имъ купить лошадей. Юнкеръ, которому рыжечалый жеребецъ пришелся особенно по вкусу, освѣдомился у Кольгааса насчетъ его цѣны. Управляющій настоятельно просилъ рыцаря купить пару вороныхъ, которыхъ, за недостаткомъ лошадей, онъ могъ бы употреблять для полеводства. «Скребница» объявилъ свою цѣну, рыцари нашли ее слишкомъ высокой, причемъ юнкеръ сострилъ, что барышнику придется ѣхать къ рыцарямъ Круглаго Стола, чтобы добиться короля Артура, если онъ такъ дорого цѣнитъ своихъ лошадей. Замѣтивъ перешептываніе кастеляна съ управляющимъ, причемъ они бросали выразительные взгляды на вороныхъ коней, —изъ какого-то темнаго предчувствія, Кольгаасъ рѣшился на все, чтобы сбыть имъ лошадей. Онъ обратился къ юнкеру со словами: «Сударь, этихъ вороныхъ коней шесть мѣсяцевъ тому назадъ я пріобрѣлъ за двадцать пять гульденовъ золотомъ; давайте мнѣ тридцать, и тогда берите ихъ себѣ». Двое рыцарей, стоявшихъ рядомъ съ Венцелемъ, довольно ясно высказались, что эти лошади, конечно, стоили этихъ денегъ. Но юнкеръ отвѣчалъ, что готовъ затратиться на рыжечалаго коня, а никакъ не на вороныхъ,

и сталъ собираться уходить, причемъ Кольгаасъ выразилъ надежду, что, быть можетъ, они сторгуются въ слѣдующій разъ, когда онъ снова будетъ проѣзжать мимо со своими лошадьми. Затѣмъ, откланявшись хозяину замка, онъ взялся за поводъ своихъ лошадей, собираясь уѣзжать. Въ это мгновеніе изъ толпы выступилъ кастелянъ и громко напомнилъ ему, чтобы безъ пропускнаго билета онъ ѣздить не смѣлъ. Кольгаасъ обернулся и спросилъ юнкера, дѣйствительно ли существуетъ такое постановленіе, разстроивающее весь его промыселъ. Венцель съ смущеннымъ видомъ, уходя, отвѣтилъ: «Да, Кольгаасъ, съ пропускнымъ билетомъ надо будетъ устроиться. Переговори съ кастеляномъ и отправляйся своей дорогой».

Кольгаасъ сталъ увѣрять его, что и въ помыслахъ не имѣетъ обходить постановленія, могущія касаться вывода лошадей, обѣщалъ, при проѣздѣ черезъ Дрезденъ, выправить билетъ въ магистратѣ и просилъ пропустить его только на этотъ разъ, въ виду полнаго его невѣдѣнія насчетъ этого требованія.

— Ну!—сказалъ юнкеръ, побуждаемый снова забушевавшей погодой, пронизывавшей его тощіе члены,—пропустите этого лизоблюда. Идемъ,—обратился онъ къ рыцарямъ, повернулся и хотѣлъ войти въ замокъ, но тутъ кастелянъ, обратясь къ рыцарю фонъ-Тронка, замѣтилъ, что Кольгаасъ долженъ, по крайней мѣрѣ, оставить что нибудь въ залогъ, въ обезпеченіе доставки пропускнаго билета. Юнкеръ снова остановился въ воротахъ замка. Кольгаасъ спросилъ, сколько же ему оставить, деньгами или вещами, въ залогъ за проводъ лошадей. Управляющій, бормоча себѣ подъ носъ, замѣтилъ, что онъ могъ бы оставить самыхъ вороныхъ коней. «Конечно, — замѣтилъ кастелянъ, — это самое цѣлесообразное. Какъ только онъ выправитъ билетъ, то можетъ во всякое время явиться за ними».

Изумленный такимъ нахальнымъ требованіемъ, Кольгаасъ напомнилъ юнкеру, прикрывавшему камзоломъ животъ, что вѣдь вороныхъ своихъ онъ намѣревался продавать. Но въ это мгновеніе порывъ вѣтра вогналъ подъ ворота цѣлую массу дождя съ градомъ, и, чтобы поскорѣе покончить съ этимъ дѣломъ, фонъ-Тронка крикнулъ: «Если онъ не желаетъ разставаться съ лошадьми, въ такомъ случаѣ вышвырнуть его обратно за шлагбаумъ».

Тогда барышникъ, хорошо сознавая, что ему придется уступить насилію, такъ какъ болѣе ему ничего не оставалось, рѣшился исполнить ихъ требованіе: выпрягъ вороныхъ и свелъ ихъ въ конюшню, указанную ему кастеляномъ. Онъ оставилъ при нихъ своего рабочаго, снабдивъ его деньгами, умолялъ его беречь лошадей до его возвращенія и затѣмъ, — въ полусомнѣніи, не появилось ли въ Саксоніи въ самомъ дѣлѣ такого распоряженія, въ виду разроставшагося промысла коннозаводства,—съ остальной партіей

лошадей двинулся по направленію къ Лейпцигу, куда спѣшилъ на ярмарку.

По прибытіи въ Дрезденъ, гдѣ въ одномъ изъ подгородныхъ предмѣстій у него былъ собственный домъ съ нѣсколькими конюшнями, такъ какъ съ этого именно пункта распространялъ онъ свою торговлю на болѣе мелкихъ мѣстныхъ рынкахъ,—онъ немедленно отправился въ магистратъ. Здѣсь отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ ему совѣтниковъ онъ узналъ то, что̀ и самому ему съ самаго начала приходило въ голову, а именно, что исторія его съ пропускнымъ билетомъ есть простая басня. Испросивъ отъ угрюмыхъ совѣтниковъ письменное удостовѣреніе въ неосновательности требованія пропускнаго билета, Кольгаасъ посмѣивался надъ выходкой тощаго юнкера, хотя не могъ еще вполнѣ уяснить себѣ цѣли его въ данномъ случаѣ. Нѣсколько недѣль спустя, къ великому своему удовольствію, продавъ партію приведенныхъ имъ лошадей, онъ отправился обратно въ Тронкенбургъ, безъ всякой горечи на душѣ, кромѣ мысли о всеобщей нуждѣ на свѣтѣ. Кастелянъ, которому онъ показалъ удостовѣреніе, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, на вопросъ «скребницы», можетъ ли онъ теперь обратно получить лошадей, отвѣчалъ, что проситъ его только спуститься внизъ и взять ихъ. Но Кольгаасъ, проходя черезъ дворъ, успѣлъ уже узнать о непріятномъ инцидентѣ съ его работникомъ, который, нѣсколько дней спустя послѣ поселенія своего въ Тронкенбургѣ, за «непристойное» поведеніе былъ избитъ и изгнанъ изъ замка. Онъ освѣдомился у мальчика, сообщившаго ему это извѣстіе, что же такое натворилъ его работникъ и кто же ходилъ за лошадьми въ это время. Но тотъ отвѣтилъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно, и затѣмъ отворилъ конюшню передъ Кольгаасомъ, у котораго отъ недобрыхъ предчувствій заныло сердце. Каково же было его изумленіе, когда, вмѣсто двухъ гладкихъ, сытыхъ вороныхъ коней, онъ увидѣлъ пару тощихъ, изнуренныхъ клячъ. Кости торчали у нихъ, какъ колья, на которые можно было вѣшать вещи; грива и шерсть, безъ присмотра и ухода, свалялись: то была истинная картина заброшенности въ животномъ царствѣ! Лошади, слегка потоптавшись, заржали при появленіи Кольгааса, который пришелъ въ крайнее негодованіе и спросилъ, что же приключилось съ его конями. Стоявшій около него мальчикъ отвѣтилъ, что съ лошадьми ничего особеннаго не было, что и кормъ они получали, какъ слѣдуетъ, только вотъ, въ виду подоспѣвшей какъ разъ жатвы, за недостаткомъ рабочаго скота, ими слегка пользовались для полевыхъ работъ. Кольгаасъ разразился проклятіями на такое гнусное, предумышленное насиліе, но, сознавая полную свою безпомощность и затаивъ въ душѣ свою злобу, сталъ уже готовиться,—такъ какъ болѣе ему ничего не оставалось,—убраться изъ этого разбойничьяго гнѣзда со своими лошадьми, какъ вдругъ появился кастелянъ,

привлеченный крупнымъ ихъ разговоромъ, и поинтересовался узнать, въ чемъ дѣло.

— Въ чемъ дѣло?—отвѣчалъ Кольгаасъ.—А кто далъ юнкеру фонъ-Тронка и его людямъ право оставленныхъ у него моихъ лошадей употреблять на полевыя работы?

Онъ прибавилъ насчетъ безчеловѣчности такого обхожденія, попробовалъ подбодрить обезсилѣвшихъ лошадей ударомъ хлыста, но онѣ не тронулись съ мѣста.

Посмотрѣвъ на него въ упоръ нѣсколько мгновеній, кастелянъ продолжалъ:

— Скажите, какой грубіянъ! Вмѣсто того, чтобы благодарить Бога, что клячи его еще не подохли!... Небось, не спроситъ, кому же было за ними ухаживать, когда работникъ его сбѣжалъ! Развѣ не дешево отдѣлывались лошади за кормъ, отработывая его на полѣ?

Въ заключеніе онъ посовѣтывалъ барышнику лучше прекратить препирательства, иначе де онъ кликнетъ собакъ, при помощи которыхъ сумѣетъ водворить спокойствіе во дворѣ.

Сердце заколотилось у Кольгааса о фуфайку. Ему хотѣлось столкнуть этого толстопузаго въ грязь и пристукнуть ногой мѣдную его рожу. Однако, присущее ему чувство справедливости, походившее на золотые вѣсы, еще колебалось. Въ собственномъ сознаніи его не было еще увѣренности, тяготѣетъ ли вина на его противникѣ. Затѣмъ, подавивъ въ себѣ раздраженіе, онъ подошелъ къ лошадямъ и, раздумывая про себя насчетъ данныхъ обстоятельствъ, сталъ расправлять имъ гривы и упавшимъ голосомъ спросилъ, за какой проступокъ удаленъ былъ изъ замка его работникъ.

— За то, что этотъ негодяй вздумалъ ослушиваться,—отвѣчалъ кастелянъ. — За то, что онъ заортачился противъ одной необходимой перемѣны въ конюшнѣ и потребовалъ, чтобы лошади двухъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ въ Тронкенбургъ, изъ-за его лошадей, ночевали подъ открытымъ небомъ!

Кольгаасъ готовъ былъ пожертвовать лошадьми, чтобы имѣть работника подъ рукой и возможность сравнить показаніе его съ показаніемъ этого толстомордаго кастеляна. Онъ продолжалъ еще стоять, разглаживая лошадямъ чолки и размышляя, какъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ ему поступить, какъ вдругъ картина внезапно измѣнилась, и юнкеръ Венцель фонъ-Тронка, съ толпой рыцарей, прислужниковъ и стаей собакъ, влетѣлъ во дворъ замка, возвращаясь съ заячьей травли. На вопросъ его, что̀ случилось, кастелянъ сталъ держать рѣчь. При видѣ чужаго человѣка, собаки залились убійственнымъ лаемъ, рыцари приказывали имъ молчать, а кастелянъ тѣмъ временемъ представилъ юнкеру дѣло въ злонамѣренно искаженномъ видѣ: какой де скандалъ подымаетъ этотъ «скребница» изъ-за того, что его вороные взяты были немного

поработать. Онъ добавилъ съ язвительнымъ смѣхомъ, что барышникъ отказывается теперь признать этихъ лошадей за своихъ.

— Это не мои лошади, сударь! Это не тѣ лошади, которыя стоили тридцать гульденовъ золотомъ! Я желаю получить обратно моихъ добрыхъ и здоровыхъ коней!

Лице юнкера покрылось внезапной блѣдностью. Онъ сошелъ съ лошади и сказалъ:

— Если этотъ дуракъ не желаетъ брать обратно лошадей, то пусть оставляетъ ихъ. Идемъ, Гюнтеръ! Гансъ! Идемъ!—крикнулъ онъ, обмахивая пыль со своихъ брюкъ.—Подайте вина!—прибавилъ онъ еще, проходя съ рыцарями въ дверяхъ, и затѣмъ вошелъ въ домъ.

Кольгаасъ объявилъ, что скорѣе готовъ призвать живодера и выбросить лошадей на живодёрню, нежели въ такомъ видѣ, какъ онѣ есть, вести ихъ въ свою конюшню въ Кольгаасенбрюкъ. Оставивъ вороныхъ безъ всякаго вниманія на томъ же мѣстѣ, гдѣ онѣ стояли, и увѣряя, что сумѣетъ найти свои права, онъ вскочилъ на своего каряго и ускакалъ оттуда.

Онъ несся уже по дорогѣ въ Дрезденъ во весь опоръ, когда при воспоминаніи о работникѣ и принесенной на него жалобѣ въ замкѣ вдругъ придержалъ лошадь и поѣхалъ шагомъ. Но едва лошадь его успѣла сдѣлать тысячу шаговъ, какъ онъ снова повернулъ ее по направленію къ Кольгаасенбрюку, рѣшившись произвести допросъ своему работнику, по собственному разумѣнію и чувству справедливости. Ибо подъ давленіемъ этого справедливаго чувства, знакомаго съ несовершеннымъ устройствомъ міра, не смотря на всѣ вынесенныя оскорбленія, барышникъ склонялся уже примириться съ утратой лошадей, какъ естественнымъ послѣдствіемъ, въ томъ случаѣ, если,—какъ утверждалъ кастелянъ, — работникъ его дѣйствительно погрѣшилъ въ чемъ бы то ни было. Но противъ этого обвиненія возставало въ немъ какое-то особое упорное предчувствіе, и это чувство укоренялось въ немъ все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ и всюду на остановкахъ слышалъ о неправдѣ, творимой ежедневно въ Тронкенбургѣ, въ отношеніи ко всѣмъ путникамъ. Чувство это подсказывало ему, что если все это дѣло, какъ по всему было видно, являлось простой злоумышленностью, то онъ обязывается передъ міромъ всѣми силами добиться удовлетворенія за понесенную обиду себѣ и обезпеченія на будущее время для своихъ согражданъ.

Едва успѣлъ онъ, по пріѣздѣ въ Кольгаасенбрюкъ, обнять Лизбетту, вѣрную жену свою, и поцѣловать дѣтей, прыгавшихъ около его ногъ, какъ немедленно спросилъ о старостѣ Герзе, нѣтъ ли о немъ какихъ либо извѣстій.

— Да, дорогой Михаэль, этотъ Герзе, — отвѣчала Лизбетта, — представь себѣ, этотъ злосчастный человѣкъ недѣли двѣ тому на-

задъ явился сюда избитый до полусмерти... нѣтъ, до такой степени избитый, что онъ не могъ даже свободно вздохнуть. Мы положили его въ постель, и у него сдѣлалось сильное кровохарканье. Затѣмъ, въ отвѣтъ на наши многократные вопросы, мы услышали исторію, которую никто не можетъ понять. Онъ разсказываетъ, какъ ты оставилъ его въ Тронкенбургѣ съ лошадьми, которыхъ не пропускали, какъ его заставили уйти изъ Тронкенбурга постыднымъ нанесеніемъ побоевъ и какъ ему не было никакой возможности взять съ собой лошадей.

— Да?—сказалъ Кольгаасъ, снимая плащъ.—Что же онъ оправился уже?

— Кровохарканье почти прошло, — отвѣчала Лизбетта.—Я хотѣла немедленно послать работника въ Тронкенбургъ, который ходилъ бы тамъ за лошадьми до твоего пріѣзда. Герзе всегда казался такимъ правдивымъ и такимъ безпримѣрно преданнымъ по отношенію къ намъ, что мнѣ и въ голову не пришло усомниться въ его показаніи, подтверждавшемся притомъ столькими фактами, и заподозрѣть, что лошади пропали у него какимъ либо инымъ способомъ. Но онъ сталъ умолять меня никого не посылать туда, а прямо отказаться отъ лошадей, если ради нихъ я не хочу пожертвовать человѣкомъ.

— Развѣ онъ еще въ постелѣ?—спросилъ Кольгаасъ, развязывая свой галстухъ.

— Нѣсколько дней бродитъ онъ уже по двору,—отвѣчала она.—Да вотъ ты самъ увидишь,—продолжала она, — что все это справедливо, и что этотъ случай является однимъ изъ умышленныхъ насилій, какія съ недавняго времени допускаются въ Тронкенбургѣ по отношенію къ чужестранцамъ.

— Все это я долженъ еще разслѣдовать,—возразилъ Кольгаасъ.—Позови-ка мнѣ его сюда, Лизбетта, если онъ не лежитъ.

Съ этими словами онъ усѣлся въ кресло, а жена, очень довольная хладнокровіемъ мужа, вышла и призвала работника.

— Что такое натворилъ ты въ Тронкенбургѣ? — спросилъ Кольгаасъ, когда Лизбетта вошла съ нимъ въ комнату.—Я не особенно-то доволенъ тобой.

При этихъ словахъ хозяина, по блѣдному лицу работника пятнами разлился румянецъ. Помолчавъ нѣсколько секундъ, онъ отвѣчалъ:

— Вы правы, хозяинъ, такъ какъ сѣрная нитка, которую я, по соизволенію Божію, носилъ при себѣ, чтобы поджечь это разбойничье гнѣздо, была брошена мною въ Эльбу, когда я услышалъ тамъ плачъ ребенка. Я подумалъ: пускай испепелитъ его Божья гроза, я не хочу брать такого грѣха на себя!

Смущенный Кольгаасъ продолжалъ:

— Чѣмъ же навлекъ ты на себя изгнаніе изъ Тронкенбурга?

Утирая выступившую испарину со лба, Герзе отвѣчалъ:

— Изъ-за одной скверной штуки, хозяинъ. Но случившагося уже не вернуть. Я не хотѣлъ допустить, чтобы загубили лошадей полевой работой, и сказалъ, что онѣ еще молоды и еще не объѣзжены.

Стараясь скрыть свое волненіе, Кольгаасъ возразилъ, что въ данномъ случаѣ онъ сказалъ не вполнѣ правду, такъ какъ еще въ началѣ прошлой весны онѣ были подъ упряжью.—Ты могъ бы въ замкѣ, гдѣ до нѣкоторой степени былъ гостемъ, разокъ, а то и нѣсколько разъ проявить свою любезность, тѣмъ болѣе въ такое время, когда, вслѣдствіе усиленной ѣзды по жатвѣ, оказалась такая нужда въ лошадяхъ.

— Такъ я и сдѣлалъ, хозяинъ,—сказалъ Герзе.—Замѣтивъ ихъ недовольныя лица, я подумалъ, что лошадямъ это будетъ ни по чемъ, и на третій день до обѣда запрягъ ихъ и привезъ три фуры хлѣба.

Кольгаасъ, у котораго сердце готово было выпрыгнуть изъ груди, опустилъ глаза долу, присовокупивъ:

— Мнѣ о томъ ничего не сказали, Герзе.

Герзе увѣрялъ его, что это была истина.

— Моя нелюбезность заключалась въ томъ, — заговорилъ онъ снова: — что я не соглашался становить лошадей подъ ярмо вторично послѣ обѣда, когда онѣ только-что успѣвали поѣсть. Да еще, когда кастелянъ и управляющій предложили мнѣ давать воронымъ даровой кормъ, а деньги, которыя вы мнѣ оставили на кормъ для нихъ, положить себѣ въ карманъ, то я отвѣтилъ, что пускай этого они и не воображаютъ, а затѣмъ повернулся и ушелъ.

— Однако не изъ-за этой же нелюбезности прогнанъ ты изъ Тронкенбурга?

— Боже сохрани!— воскликнулъ работникъ,—за безчеловѣчное преступленіе! Вечеромъ того дня въ конюшню были поставлены лошади двухъ пріѣхавшихъ въ Тронкенбургъ рыцарей, а мои лошади были привязаны къ двери конюшни. Я взялъ лошадей изъ рукъ кастеляна, который самъ же и водворилъ ихъ тамъ, и спросилъ его, гдѣ же теперь имъ прикажутъ оставаться. Онъ указалъ мнѣ на свиной хлѣвъ, пристроенный къ стѣнѣ замка изъ рѣшетинъ и досокъ.

— Ты полагаешь,—перебилъ его Кольгаасъ,—что это было такое скверное помѣщеніе для лошадей, которое скорѣе походило на свинарникъ, нежели на конюшню.

— То былъ свиной хлѣвъ, хозяинъ, дѣйствительно настоящій свинарникъ, куда вбѣгали и откуда выбѣгали свиньи, и гдѣ я не могъ встать во весь ростъ.

— Быть можетъ, негдѣ было иначе пристроить вороныхъ, — возразилъ Кольгаасъ: — рыцарскіе кони имѣли до извѣстной степени преимущество.

— Мѣста было мало, — отвѣчалъ упавшимъ голосомъ работникъ. — Въ замкѣ жило въ то время семь рыцарей. Если бы то были вы, то вы приказали бы немного потѣснить лошадей. Я предложилъ пойдти посмотрѣть, нельзя ли будетъ нанять конюшни въ деревнѣ. Но кастелянъ возразилъ, что не можетъ выпустить лошадей съ своихъ глазъ, и запретилъ мнѣ выводить ихъ изъ дому.

— Гмъ! — произнесъ Кольгаасъ. — Что же ты предпринялъ далѣе?

— По словамъ управляющаго, гости должны были переночевать всего одну ночь и на другое же утро уѣхать, и потому я поставилъ-таки лошадей въ свинарникъ. Но прошелъ слѣдующій день, а гости все еще были тутъ; на третій день поутру выяснилось, что рыцари пробудутъ въ замкѣ еще нѣсколько недѣль.

— Пожалуй, въ свинарникѣ-то и не было уже такъ плохо, Герзе, какъ тебѣ это показалось съ перваго раза,—замѣтилъ Кольгаасъ.

— Это правда,—отвѣчалъ тотъ.—Я его немножечко повымелъ, и оно вышло не совсѣмъ скверно. Я далъ работницѣ на чай, чтобы она куда нибудь сунула свиней въ другое мѣсто. А на слѣдующій день я устроилъ и то, чтобы лошади могли стоять во весь ростъ, снимая сверху доски съ обрѣшетинъ съ наступленіемъ утренней зари и накладывая ихъ снова по вечерамъ. Онѣ выглядывали изъподъ крыши, словно гуси, озираясь на Кольгаасенбрюкъ, или вообще на болѣе привѣтливыя мѣста.

— Ну, дальше,—сказалъ Кольгаасъ,—за что же, чортъ побери, выгнали тебя вонъ?

— Скажу вамъ, хозяинъ, — отвѣчалъ ему работникъ, — потому что хотѣли отъ меня отдѣлаться, потому что, пока я былъ тамъ, они не могли доканать лошадей. Повсюду, на дворѣ и въ людской корчили они мнѣ непріятныя рожи. А такъ какъ я себѣ разсуждалъ: вытягивайте свои морды, чтобы вамъ ихъ совсѣмъ перекосило,—то они взяли, да ни съ того, ни съ сего и вышвырнули меня со двора долой.

— А поводъ къ тому!—воскликнулъ Кольгаасъ:—вѣдь они навѣрное имѣли же какой либо поводъ къ тому.

— О, безъ сомнѣнія, — отвѣчалъ Герзе, — и самый справедливѣйшій. Вечеромъ, на второй день пребыванія въ свинарникѣ, въ виду того, что лошади тамъ загрязнились, я хотѣлъ свести ихъ выкупать. И вотъ, въ тотъ самый моментъ, когда я былъ въ воротахъ замка и хотѣлъ уже выѣхать, вдругъ слышу, какъ кастелянъ и управляющій съ работниками, собаками и дубинами вылетаютъ изъ людской, какъ помѣшанные, съ крикомъ: «держите его мошенника, держите его висѣльника!». Привратникъ пересѣкъ мнѣ дорогу. Я обратился къ нему и къ неистовавшей толпѣ съ вопросомъ, въ чемъ дѣло.

— Въ чемъ дѣло?— отвѣчалъ кастелянъ, подхватывая обѣихъ моихъ вороныхъ за повода. — Куда ты собрался съ лошадьми? — кричалъ онъ мнѣ, хватая меня за грудь.

— Куда я собрался?—говорю я.—Громы небесные! Да купать ихъ хочу вести. Что же вы думаете, что я...

— Купать!—восклицаетъ кастелянъ.—Я те поучу, мошенникъ, плавать по столбовой дорогѣ въ Кольгаасенбрюкъ!

Съ этими словами, съ злостью сбрасываетъ онъ меня съ лошади, при помощи управляющаго, схватившаго меня за ногу, и я во весь ростъ растягиваюсь въ грязи.

— Живодеры! дьяволы!—восклицаю я,—въ конюшнѣ остались у меня подпруги и потники, да и узелъ собственныхъ моихъ вещей!

Но пока управляющій уводилъ лошадей, онъ съ прислужниками набросился на меня съ ногами, кнутами и дубинами, такъ что я полумертвый свалился по ту сторону воротъ. А такъ какъ я произнесъ слова: «ахъ, грабители! куда они уводятъ отъ меня лошадей?» и затѣмъ сталъ приподниматься, то кастелянъ крикнулъ: «Вонъ со двора замка! Куси, Кейзеръ! куси, Егерь! куси, Шпицъ!». Цѣлая свора собакъ, болѣе двѣнадцати штукъ, кинулась на меня. Тутъ я вырвалъ съ изгороди обрѣшетину что ли, или что-то другое, — самъ не знаю,— только трехъ собакъ укокошилъ наповалъ около себя. Терзаемый мучительными ранами, я вынужденъ былъ отступить. Вдругъ слышится рожокъ, собакъ забираютъ во дворъ, ворота затворяются на запоръ, и я безъ сознанія падаю на улицу.

— Ты ужъ и вправду не задумалъ ли дать тягу, Герзе? — съ дѣланнымъ лукавствомъ процѣдилъ поблѣднѣвшій Кольгаасъ.

Вспыхнувъ какъ зарево, Герзе опустилъ глаза.

— Признайся мнѣ,—продолжалъ барышникъ:—тебѣ не понравилось въ свинарникѣ. Ты подумалъ, что въ Кольгаасенбрюковской конюшнѣ, молъ, лучше.

— Разрази меня небо!—воскликнулъ Герзе:—да вѣдь подпруги и попоны, да и узелъ съ моими вещами я оставилъ въ свинарникѣ. Развѣ я тогда оставилъ бы тамъ три гульдена, которые я засунулъ за ясли, въ красномъ шелковомъ шейномъ платкѣ? Чортъ побери! Если и вы такъ говорите, то у меня снова является желаніе зажечь ту сѣрную нитку, которую я тогда выбросилъ.

— Ну, ну,—замѣтилъ Кольгаасъ,—успокойся. Я вѣдь сказалъ это не серьезно. Всему, что ты говорилъ, смотри, я вѣрю отъ слова до слова. Мнѣ жаль, что отъ моей службы такъ тебѣ не поздоровилось. Ступай, Герзе, ступай, ложись, да вели подать себѣ бутылку вина и не печалься, будетъ тебѣ воздана справедливость!

Съ этими словами онъ всталъ, составилъ опись вещамъ, оставленнымъ старостой въ свинарникѣ, назначилъ ихъ цѣну, спросилъ его также, во что тотъ ставитъ расходы по лѣченію, и затѣмъ отпустилъ его, еще разъ пожавъ ему крѣпко руку.

Затѣмъ онъ разсказалъ Лизбеттѣ, своей женѣ, обо всемъ случившемся и о внутренней связи всей исторіи, объявилъ ей, что рѣшилъ добиться суда, причемъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что она всей душой сочувствуетъ его намѣренію. Она разсуждала такъ, что черезъ этотъ замокъ можетъ проѣзжать другой какой путешественникъ, менѣе настойчивый, чѣмъ ея мужъ; что пресѣченіе подобныхъ безпорядковъ было бы дѣломъ Божьимъ, и что она уже возместитъ какъ нибудь тѣ расходы, какіе потребуются ему на веденіе процесса. Кольгаасъ назвалъ ее доброй женкой, наслаждался этотъ и слѣдующій день въ сообществѣ ея и дѣтей и, какъ только справился съ дѣлами, двинулся въ Дрезденъ для принесенія жалобы своей въ судъ.

Здѣсь съ помощью одного знакомаго ему юриста онъ составилъ жалобу, гдѣ по предварительномъ подробномъ описаніи умышленнаго злодѣянія, содѣяннаго юнкеромъ Венцелемъ фонъ-Тронка, какъ по отношенію къ нему, такъ и по отношенію къ его работнику,—онъ ходатайствовалъ о карѣ его, по закону, о возстановленіи лошадей въ прежнемъ видѣ и о возмещеніи убытковъ, понесенныхъ вслѣдствіе того какъ имъ, такъ и его работникомъ. Искъ дѣйствительно былъ вполнѣ ясный. Фактъ противозаконнаго задержанія лошадей бросалъ на все остальное рѣшительный свѣтъ. Даже въ томъ случаѣ, если бы можно было допустить, что лошади заболѣли совершенно случайно, то и тогда требованіе барышника вернуть ему ихъ здоровыми было бы, всетаки, вполнѣ справедливо.

Оглядѣвшись въ столицѣ, Кольгаасъ нашелъ тамъ не мало друзей, посулившихъ ему горячую поддержку въ его дѣлѣ. Обширная торговля его лошадьми доставила ему многія знакомства, а честность, съ какою онъ велъ это дѣло,—расположеніе вліятельнѣйшихъ людей въ странѣ. Онъ не разъ пріятно обѣдалъ у одного адвоката, весьма почтеннаго человѣка, внесъ ему извѣстную сумму денегъ на веденіе процесса и, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, вполнѣ успокоенный имъ насчетъ исхода его тяжбы, вернулся къ женѣ своей Лизбеттѣ, въ Кольгаасенбрюкъ. Однако, прошли мѣсяцы, не далеко было и до года, а онъ все еще не имѣлъ изъ Саксоніи никакого объясненія, не говоря уже о рѣшеніи,—по поводу жалобы, имъ самимъ поданной въ судъ. Послѣ многократныхъ новыхъ представленій суду, онъ спросилъ своего адвоката въ интимномъ письмѣ, что̀ причиной такой чрезмѣрной затяжки, и узналъ, что въ жалобѣ его ему совершенно отказано, по высшему распоряженію Дрезденской судебной палаты. Въ отвѣтъ на удивленное письмо барышника, спрашивавшаго, чему же можно приписать такой исходъ дѣла, тотъ сообщилъ ему, что юнкеръ Венцель фонъ-Тронка состоитъ въ родствѣ съ двумя дворянами, Гинцомъ и Кунцомъ, изъ коихъ одинъ состоитъ при особѣ господина мундшенка, а другой даже камерарій. Адвокатъ посовѣто-

валъ ему, безъ дальнѣйшихъ судебныхъ проволочекъ, постараться обратно вернуть своихъ лошадей изъ Тронкенбурга, далъ ему понять, что юнкеръ, проживающій въ данное время въ столицѣ, повидимому, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы люди его выдали этихъ лошадей барышнику, и въ заключеніе просилъ послѣдняго въ томъ случаѣ, если онъ не намѣренъ на томъ успокоиться, — отъ дальнѣйшихъ порученій по этому дѣлу его избавить.

Кольгаасъ былъ въ то время въ Бранденбургѣ, гдѣ бургомистръ Генрихъ фонъ-Гейзау, въ округѣ котораго находился также и Кольгаасенбрюкъ, занятъ былъ какъ разъ устройствомъ благотворительныхъ учрежденій для больныхъ и бѣдныхъ на суммы, доставшіяся городу случайно. Въ особенности хлопоталъ онъ объ устройствѣ для пользованія больныхъ одного минеральнаго источника, бывшаго въ одной мѣстной деревнѣ, и отъ котораго ожидали бо̀льшей цѣлебности, чѣмъ то оправдалось впослѣдствіи. Во время пребыванія своего при дворѣ по различнымъ дѣламъ, ему приходилось встрѣчаться съ Кольгаасомъ. Благодаря этому знакомству, онъ далъ разрѣшеніе старостѣ Герзе, страдавшему болью въ груди, съ того самаго пагубнаго дня въ Тронкенбургѣ, испробовать дѣйствіе цѣлебнаго источника, снабженнаго срубомъ и крышей. Такъ случилось, что бургомистръ, имѣя въ виду сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, находился около углубленія, въ которое Кольгаасъ уложилъ Герзе, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда посланный отъ жены доставилъ барышнику письмо съ печальнымъ извѣстіемъ отъ адвоката его изъ Дрездена. Разговаривая съ докторомъ, бургомистръ замѣтилъ, что Кольгаасъ прослезился, вскрывъ полученное имъ письмо. Фонъ-Гейзау подошелъ къ нему и дружески, сердечно спросилъ, какое горе его постигло. Барышникъ, молча, подалъ ему письмо. Тогда почтенный бургомистръ, знавшій объ отвратительной несправедливости, какую продѣлали съ нимъ въ Тронкенбургѣ, и вслѣдствіе которой Герзе, быть можетъ, на всю жизнь долженъ былъ болѣть, потрепавъ Кольгааса по плечу, сказалъ, чтобы тотъ не отчаивался, что онъ похлопочетъ объ удовлетвореніи его претензіи. Когда, согласно его приказанію, барышникъ явился къ нему вечеромъ въ замокъ, онъ велѣлъ ему подать прошеніе на имя курфюрста Бранденбургскаго, съ краткимъ изложеніемъ случившагося, приложивъ притомъ письмо адвоката и ходатайствуя въ этомъ прошеніи о государственной защитѣ противъ насилія, учиненнаго надъ нимъ въ Саксонской землѣ. Онъ обѣщалъ передать эту просьбу вмѣстѣ съ другимъ приготовленнымъ уже пакетомъ непосредственно въ руки курфюрста, который, во имя его, при первой возможности, передастъ это прошеніе курфюрсту Саксонскому. Этого, конечно, вполнѣ будетъ достаточно, чтобы, вопреки всѣмъ кознямъ юнкера и его присныхъ, найдти правосудіе въ дрезденскомъ судѣ.

Горячо обрадованный Кольгаасъ, сердечно поблагодарилъ бургомистра за новое доказательство его благосклонности къ нему, прибавивъ, что ему жаль только одного, что вмѣсто всякихъ попытокъ въ Дрезденѣ онъ не началъ дѣла прямо въ Берлинѣ. Затѣмъ, составивъ прошеніе въ канцеляріи городскаго суда, по всей формѣ, и вручивъ его бургомистру, онъ вернулся въ Кольгаасенбрюкъ болѣе спокойный за исходъ своей тяжбы, чѣмъ когда либо. Но черезъ нѣсколько же недѣль ему пришлось узнать отъ одного помѣщика, облеченнаго судебной властью, бывшаго въ канцеляріи бургомистра въ Потсдамѣ, что курфюрстъ передалъ прошеніе его своему канцлеру, графу Каллыгеймъ, а тотъ, вмѣсто того чтобы войдти непосредственно къ дрезденскому двору съ представленіемъ о разслѣдованіи и наказаніи насилія, какъ это бы казалось вполнѣ цѣлесообразнымъ, вошелъ съ представленіемъ о предварительномъ ближайшемъ опросѣ юнкера фонъ-Тронка. Вышеупомянутый помѣщикъ, остановившись въ экипажѣ около дома Кольгааса, очевидно, вслѣдствіе возложеннаго на него порученія сообщить барышнику это извѣстіе, не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта на смущенный вопросъ Кольгааса, почему именно поступлено было такъ, а не иначе. Онъ прибавилъ только, что бургомистръ велѣлъ сказать барышнику, чтобы онъ запасся терпѣніемъ. Помѣщикъ, видимо, спѣшилъ продолжать свой путь, и лишь въ концѣ ихъ краткой бесѣды, изъ нѣкоторыхъ вскользь брошенныхъ словъ, Кольгаасъ понялъ, что графъ Каллыгеймъ съ семействомъ юнкера находился въ свойствѣ.

Не находя болѣе отрады ни въ торговлѣ лошадьми, ни въ своемъ домѣ, ни во дворѣ, полуохладѣвъ къ самой женѣ и дѣтямъ, весь слѣдующій мѣсяцъ Кольгаасъ провелъ въ грустномъ предчувствіи будущаго. И не даромъ онъ ждалъ, — по истеченіи этого времени изъ Бранденбурга возвратился Герзе, нѣсколько оправившійся послѣ купанья, съ письмомъ бургомистра, приложеннымъ при большой бумагѣ и гласившимъ, что, сожалѣя о невозможности чѣмъ либо помочь въ его дѣлѣ, онъ посылаетъ ему направленную къ нему резолюцію государственной канцеляріи и совѣтуетъ взять обратно лошадей, оставленныхъ имъ въ Тронкенбургѣ, а на дѣлѣ вообще поставить крестъ.

Въ резолюціи говорилось, что де, по свѣдѣніямъ дрезденскаго суда, Кольгаасъ пустой сутяга; что юнкеръ фонъ-Тронка, у котораго онъ оставилъ лошадей, ихъ у себя не удерживаетъ; что стоитъ ему только послать за ними въ замокъ, или, по крайней мѣрѣ, дать знать юнкеру, куда онъ долженъ ихъ ему доставить, и что государственная канцелярія, во всякомъ случаѣ, проситъ избавить ее отъ подобныхъ хлопотъ и дрязгъ.

Кольгаасъ пришелъ въ ярость, получивъ это письмо. Дѣло было не въ лошадяхъ—онъ огорчился бы не менѣе, если бы оно

касалось двухъ собакъ. При малѣйшемъ шумѣ на дворѣ, онъ оглядывался на проѣзжія ворота съ такимъ непріятнымъ чувствомъ, какого никогда не знавала его грудь, въ ожиданіи, не появятся ли люди «юнкера» и, чего добраго, съ извиненіемъ возвратятъ ему голодныхъ и измученныхъ лошадей. То былъ единственный случай, въ которомъ душа его не была готова ни къ чему такому, что вполнѣ бы соотвѣтствовало ея чувству. Вскорѣ, однако, онъ узналъ черезъ одного знакомаго, проѣзжавшаго мимо, что лошади его въ Тронкенбургѣ, попрежнему, наравнѣ съ остальными лошадьми юнкера, работаютъ въ полѣ. И посреди горя, какое возбуждалось въ немъ картиной міра, представлявшагося въ такой ужасной неисправности, у барышника всплыло внутреннее удовлетвореніе, при сознаніи порядочности своей собственной души въ данномъ дѣлѣ. Онъ пригласилъ къ себѣ мѣстнаго старшину, своего сосѣда, который давно носился съ мыслью увеличить свои владѣнія прикупкой поземельныхъ участковъ, прилегавшихъ къ ихъ границамъ. Когда тотъ сѣлъ, Кольгаасъ освѣдомился у него, сколько бы онъ далъ за его бранденбургскія и саксонскія владѣнія, за домъ и дворъ, за все, гуртомъ, движимое и недвижимое. Жена его Лизбетта поблѣднѣла при этихъ словахъ. Она обернулась, подняла на руки младшаго своего ребенка, игравшаго позади нея на полу, и устремила взоры, въ которыхъ отражался смертельный ужасъ на ряду съ красными щечками мальчика, игравшаго ея ожерельемъ,— на барышника и бумагу, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Сосѣдъ, посмотрѣвъ на него съ изумленіемъ, поинтересовался узнать, что именно такъ внезапно навело его на эту мысль, на что Кольгаасъ возможно веселѣе отвѣчалъ, что мысль продать свою усадьбу на берегахъ Гавеля не такъ нова, что оба они уже давненько толковали на эту тему, что домъ его въ дрезденскомъ предмѣстьѣ, въ сравненіи съ этимъ, представляетъ простое приложеніе, которое не идетъ въ счетъ, что, словомъ сказать, если сосѣдъ согласенъ на его предложеніе взять оба поземельныхъ участка, въ такомъ случаѣ онъ готовъ заключить съ нимъ контрактъ. Съ нѣсколько натянутой шутливостью, онъ прибавилъ, что вѣдь Кольгаасенбрюкъ не включаетъ въ себѣ цѣлаго міра; что могутъ быть такія задачи, въ сравненіи съ которыми занятіе домоводствомъ, въ качествѣ порядочнаго отца семейства, является дѣломъ второстепенной важности и малозначащимъ, и что душа де направлена на высокія дѣла, о которыхъ, быть можетъ, сосѣдъ услышитъ въ недалекомъ будущемъ. Удовлетворенный этимъ объясненіемъ, старшина шутливо обратился къ женѣ Кольгааса, осыпавшей своего ребенка порывистыми поцѣлуями, и высказалъ надежду, что вѣрно отъ него не потребуютъ всѣхъ денегъ немедленно. Затѣмъ, положивъ на столъ шляпу и палку, которую держалъ между колѣнъ, онъ взялъ бумагу изъ рукъ барышника съ тѣмъ, чтобы прочесть

ее. Подойдя къ нему, Кольгаасъ объяснилъ, что то была купчая крѣпость, составленная имъ случайно, срочная на четыре недѣли, указалъ, что купчая эта сдѣлана по всѣмъ правиламъ, что не достаетъ въ ней только подписей, да не внесены суммы какъ самой запродажной цѣны, такъ и неустойки, которую онъ беретъ на себя въ томъ случаѣ, если бы втеченіе четырехъ недѣль вздумалъ отказаться отъ этой сдѣлки. Затѣмъ, еще разъ весело пригласилъ сосѣда предложить свою цѣну, увѣряя притомъ, что не будетъ дорожиться и осложнять дѣло большими хлопотами. Жена ходила по комнатѣ взадъ и впередъ. Грудь ея вздымалась такъ сильно, что платокъ, за который мальчикъ продолжалъ теребить ее, грозилъ совершенно свалиться съ ея плеча. Старшина замѣтилъ, что о цѣнности дрезденской собственности, во всякомъ случаѣ, онъ судить не можетъ. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе, Кольгаасъ, подвигая къ нему документы, полученные имъ при ея покупкѣ, отвѣтилъ, что онъ предлагаетъ ее ему за сто гульденовъ золотомъ, хотя изъ писемъ этихъ ясно было видно, что самому ему она стоила почти вдвое. Перечтя еще разъ купчую и, съ своей стороны, находя въ ней право отступленія до странности обусловленнымъ, почти готовый согласиться, старшина замѣтилъ, что вѣдь такимъ образомъ барышникъ лишаетъ себя возможности пользоваться своими заводскими лошадьми, которыя стояли въ его конюшняхъ. Но Кольгаасъ возразилъ, что продавать лошадей онъ и не намѣренъ и что, кромѣ того, желаетъ удержать за собою нѣкоторое оружіе, находившееся въ арсеналѣ. Послѣ продолжительнаго колебанія, покупатель повторилъ наконецъ ту цѣну, которую какъ-то незадолго передъ тѣмъ, полушутя, полусерьезно,—пустякъ въ сравненіи съ дѣйствительной стоимостью усадьбы, — предлагалъ Кольгаасу во время прогулки. Кольгаасъ пододвинулъ къ нему перо и чернила для подписи. Не довѣряя собственнымъ чувствамъ, сосѣдъ еще разъ переспросилъ его, серьезно ли его намѣреніе. Барышникъ нѣсколько обиженно отвѣтилъ, какъ же то онъ и думать можетъ, что онъ станетъ шутить съ нимъ въ такомъ дѣлѣ. Послѣ этого, хотя все еще съ озабоченнымъ лицомъ, сосѣдъ взялъ перо и подписалъ купчую, вычеркнувъ въ ней, однако, пунктъ, въ которомъ говорилось о неустойкѣ въ случаѣ, если бы продавецъ раздумалъ заключить торгъ; затѣмъ, обязался представить сто гульденовъ золотомъ по ипотекѣ дрезденскаго участка и предоставилъ Кольгаасу полную свободу отказаться отъ продажи втеченіе двухъ мѣсяцевъ. Тронутый такимъ поступкомъ, барышникъ отъ всей души потрясъ ему руку и, договорившись насчетъ главнаго условія, а именно, чтобы четвертая часть покупной цѣны уплачена была немедленно наличными, а остальное втеченіе трехъ мѣсяцевъ внесено въ гамбургскій банкъ, потребовалъ вина спрыснуть столь удачно уладившуюся сдѣлку. Работнику Штернбальду, черезъ служанку,

принесшую стаканы, приказалъ онъ осѣдлать рыжака, объявивъ, что ему необходимо по дѣламъ ѣхать въ городъ, и тутъ же намекнувъ, что вскорѣ послѣ своего возвращенія откровеннѣе выскажется насчетъ того, что въ данный моментъ вынужденъ еще хранить про себя. Затѣмъ, наполняя стаканы, освѣдомился насчетъ турки и поляка, враждовавшихъ тогда какъ разъ другъ съ другомъ, вовлекъ старшину въ политику, еще разъ выпилъ съ нимъ за успѣхъ ихъ сдѣлки и отпустилъ его домой.

Едва старшина успѣлъ выйдти изъ комнаты, какъ Лизбетта упала передъ нимъ на колѣни.

— Если ты сколько нибудь любишь меня и дѣтей, которыхъ я тебѣ родила, — воскликнула она: — если мы, не знаю, по какой причинѣ, не изгнаны изъ твоего сердца, въ такомъ случаѣ скажи мнѣ, что значатъ эти ужасныя распоряженія?

— Пока ничего, дорогая жена моя, — отвѣчалъ Кольгаасъ: — что могло бы тебя тревожить. Я получилъ резолюцію, въ которой жалоба моя на юнкера Венцеля фонъ-Тронка признается лишь пустой сплетней. Тутъ очевидно кроется какое нибудь недоразумѣніе: вотъ почему я и рѣшился еще разъ лично подать мою жалобу самому курфюрсту.

— Зачѣмъ же ты хочешь продавать твой домъ?—воскликнула она, съ разстроеннымъ лицомъ поднимаясь съ колѣнъ.

Нѣжно прижавъ ее къ своей груди, барышникъ произнесъ:

— Потому, дорогая Лизбетта, что я не могу оставаться въ странѣ, гдѣ не оберегаются мои права. Ужъ лучше быть собакой, нежели человѣкомъ, если меня будутъ попирать ногами! Я увѣренъ, что въ данномъ случаѣ жена моя, навѣрное, раздѣляетъ мое мнѣніе.

— Почемъ ты знаешь, что тебя не станутъ защищать въ твоихъ правахъ?—возразила она.—Если ты скромно, какъ это тебѣ и подобаетъ, явишься съ своей просьбой къ курфюрсту, почемъ ты знаешь, что она будетъ брошена подъ столъ или же встрѣчена отказомъ выслушать тебя?

— Ну, ладно,—отвѣчалъ Кольгаасъ,—если въ данномъ случаѣ опасеніе мое окажется неосновательнымъ, то вѣдь и домъ мой еще не проданъ. Самъ курфюрстъ, какъ мнѣ извѣстно, справедливъ. И если только мнѣ удастся, черезъ посредство его приближенныхъ, добиться личной у него аудіенціи, то я не сомнѣваюсь, что буду удовлетворенъ въ своемъ правѣ, и недѣли не пройдетъ, какъ вернусь веселый къ тебѣ и прежнимъ своимъ дѣламъ. И тогда уже,—прибавилъ онъ, цѣлуя ее,—не уйду отъ тебя никуда всю жизнь! Но, во всякомъ случаѣ, благоразумнѣе быть готовымъ на все,—продолжалъ онъ,—и потому мнѣ хотѣлось бы, чтобы на нѣкоторое время, если это возможно, ты съ дѣтьми поѣхала къ своей тетушкѣ въ Шверинъ, которую, кстати, ты давно собиралась навѣстить.

— Какъ?—воскликнула жена,— мнѣ поѣхать въ Шверинъ? за границу въ Шверинъ къ моей тетушкѣ?

Отъ ужаса у нея прерывался голосъ.

— Конечно, — отвѣчалъ Кольгаасъ, — и, если возможно, немедленно, чтобы ничто не препятствовало мнѣ на пути замысловъ моихъ насчетъ моего дѣла!

— О, я понимаю тебя!— вскричала она. — Теперь тебѣ ничего не нужно, кромѣ оружія и лошадей. До всего остальнаго тебѣ нѣтъ никакого дѣла.

Съ этими словами она отвернулась отъ него, бросилась на стулъ и заплакала.

— Дорогая Лизбетта,—заговорилъ смущенный Кольгаасъ,—что ты дѣлаешь? Господь благословилъ меня женой, дѣтьми и средствами. Неужто сегодня впервые мнѣ придется пожелать, чтобы это было иначе?..

Онъ снова ласково подсѣлъ къ ней, а она, зардѣвшись, обвила руками его шею.

— Ну, скажи же,—обратился онъ къ ней, откидывая локоны со лба,—что мнѣ дѣлать? Бросить мое дѣло? Или ѣхать въ Тронкенбургъ и просить юнкера возвратить мнѣ лошадей, затѣмъ вскочить на нихъ и привести ихъ къ тебѣ?

Лизбетта не рѣшилась сказать: да, да, да! и только со слезами покачивала головой. Крѣпко прижавшись къ нему, она осыпала грудь его горячими поцѣлуями.

— Итакъ, — воскликнулъ Кольгаасъ,— если ты сознаешь, что для продолженія моего промысла я долженъ быть удовлетворенъ въ своемъ правѣ, въ такомъ случаѣ не лишай же меня свободы, необходимой для того, чтобы добиться этого права.

Съ этими словами онъ поднялся съ своего мѣста и приказалъ работнику, доложившему ему, что рыжакъ стоитъ уже осѣданъ, чтобы на другой день были заложены карія лошади, которыя отвезутъ жену его въ Шверинъ.

Лизбетта заявила, что ей пришла въ голову одна мысль. Она встала, вытерла слезы и спросила его въ то время, какъ онъ усѣлся за бюро, не согласится ли онъ передать ей просьбу и, вмѣсто себя, ее пустить въ Берлинъ, для врученія этой просьбы курфюрсту.

Тронутый этимъ предложеніемъ, по многимъ основаніямъ, Кольгаасъ привлекъ ее къ себѣ на колѣни, съ словами:

— Ну, милая моя женка, это врядъ ли возможно! Курфюрстъ окруженъ массой людей. Человѣкъ, подходящій къ нему близко, подвергается многимъ непріятностямъ.

Лизбетта отвѣчала, что женщинѣ въ тысячу разъ легче, нежели мужчинѣ, добиться аудіенціи у него.

— Давай мнѣ просьбу,—повторила она,—и если ты ничего бо-

лѣе не желаешь, какъ только быть увѣреннымъ, что она находится въ его рукахъ, то я ужъ ручаюсь, что онъ получитъ ее.

Имѣвши неоднократныя доказательства ея мужества и разумности, Кольгаасъ спросилъ, какъ же она думаетъ съ этимъ устроиться.

Сконфуженно опустивъ глазки, она отвѣчала, что кастелянъ курфюрстскаго двора, въ бытность свою на службѣ въ Шверинѣ, нѣкогда сватался за нее, и что хотя въ настоящее время онъ женатъ и отецъ многочисленнаго семейства, но что она, всетаки, не совсѣмъ еще забыта,—словомъ, просила его предоставить ей извлечь пользу изъ того или другаго обстоятельства, описывать которыя заняло бы слишкомъ много времени.

Кольгаасъ душевно расцѣловалъ ее, сказалъ, что принимаетъ ея предложеніе, растолковалъ ей, что все дѣло въ томъ, чтобы остановиться у жены кастеляна, тогда она увидитъ курфюрста въ самомъ дворцѣ, отдалъ ей просьбу, велѣлъ запрячь карихъ и, хорошо усадивъ ее, отпустилъ съ вѣрнымъ слугою своимъ Штернбальдомъ.

Но эта поѣздка — изъ всѣхъ безуспѣшныхъ его шаговъ по его дѣлу—была самая злосчастная, ибо нѣсколько дней спустя Штернбальдъ снова уже въѣзжалъ во дворъ, шагомъ пустивъ лошадей съ экипажемъ, въ которомъ барыня его лежала навзничь, опасно контуженная въ грудь.

Подойдя къ экипажу, побѣлѣвшій Кольгаасъ не могъ добиться ничего толковаго насчетъ причины этого несчастія. По словамъ работника, кастеляна не было дома, вслѣдствіе чего пришлось остановиться въ гостинницѣ, по близости отъ дворца. На другое утро Лизбетта ушла изъ гостинницы, приказавъ работнику остаться при лошадяхъ, и вотъ въ какомъ положеніи вернулась только вечеромъ. Повидимому, она слишкомъ смѣло стала добиваться аудіенціи у курфюрста и, безъ всякой вины со стороны послѣдняго, просто изъ грубаго усердія окружавшей его стражи, ей нанесенъ былъ ударъ рукояткой копья. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили люди, принесшіе ее подъ вечеръ въ гостинницу въ безсознательномъ состояніи. Сама же она мало могла говорить вслѣдствіе сильнаго кровоизліянія изо рта. Штернбальдъ прибавилъ, что его намѣреніе было немедленно сѣсть на коня и донести ему о случившемся несчастіи, но что барыня, не смотря на всѣ резоны призваннаго хирурга, настояла на томъ, чтобы безъ всякихъ предварительныхъ извѣщеній ее отвезли къ ея мужу въ Кольгаасенбрюкъ.

Кольгаасъ снесъ совершенно разбитую дорогой жену свою въ постель, гдѣ, среди мучительныхъ усилій при каждой попыткѣ вздохнуть, она прожила еще нѣсколько дней. Тщетно добивались вернуть ей сознаніе, чтобы получить нѣкоторое разъясненіе насчетъ случившагося. Она лежала съ остановившимися и уже помутившимися глазами и ничего не отвѣчала. Только незадолго до смерти

вернулось къ ней сознаніе, когда лютеранскій пасторъ (по примѣру своего мужа, она перешла въ то время въ это возникавшее тогда вѣроисповѣданіе), стоя около ея постели, громкимъ и чувствительно торжественнымъ голосомъ читалъ ей главу изъ Библіи. Она вдругъ взглянула на него съ мрачнымъ выраженіемъ, взяла у него изъ рукъ Библію, словно нечего было ей слушать оттуда, и начала усиленно перелистывать, какъ будто ища чего-то. Затѣмъ пальцемъ указала стоявшему у ея постели Кольгаасу на стихъ: «Прощайте врагамъ вашимъ, благотворите ненавидящимъ васъ». При этомъ она пожала ему руку съ необыкновенно выразительнымъ взглядомъ и скончалась.

Кольгаасъ думалъ: «Пускай же Господь никогда не проститъ меня такъ, какъ я прощаю юнкеру!».

Затѣмъ поцѣловалъ покойницу, причемъ по лицу его заструились обильныя слезы, закрылъ ей глаза и вышелъ изъ комнаты. Взявъ сто гульденовъ золотомъ, уже заготовленные для него старшиной за дрезденскія конюшни, онъ заказалъ похороны, которыя, казалось, устроены были скорѣе для какой нибудь княгини, нежели для жены его: дубовый гробъ, крѣпко обитый металломъ, шелковыя подушки съ золотыми и серебряными кистями и могила въ восемь аршинъ глубины, устланная булыжникомъ и известкой. Онъ самъ стоялъ у могилы съ младшимъ сыномъ на рукахъ и смотрѣлъ на работу. Въ день похоронъ покойница, бѣлая, какъ снѣгъ, была выставлена въ зало, по его распоряженію, обтянутое чернымъ сукномъ.

Едва успѣлъ пасторъ окончить трогательное слово покойницѣ, какъ Кольгаасу вручили резолюцію курфюрста на просьбу, поданную его женой. Въ этой резолюціи говорилось, чтобы онъ взялъ лошадей изъ Тронкенбурга и, подъ страхомъ тюремнаго заключенія, прекратилъ это дѣло. Кольгаасъ сунулъ въ карманъ бумагу и велѣлъ ставить гробъ на дроги. Какъ только накидали могильный холмъ, поставили на немъ крестъ и отпущены были похоронные гости, онъ еще разъ поклонился ея опустѣвшему ложу и затѣмъ немедленно принялся за дѣло возмездія. Онъ сѣлъ и изготовилъ приговоръ, въ которомъ, собственной своей волей, обязывалъ юнкера Венцеля фонъ-Тронка втеченіе трехъ дней по предъявленіи привести въ Кольгаасенбрюкъ вороныхъ, которыхъ тотъ у него отобралъ и загубилъ полевой работой, и самолично откормить ихъ въ его конюшняхъ. Это рѣшеніе онъ послалъ ему съ коннымъ гонцемъ, наказавъ послѣднему немедленно по передачѣ бумаги скакать обратно къ нему въ Кольгаасенбрюкъ. Три дня прошли, а лошади возвращены не были. Тогда, призвавъ Герзе, онъ открылъ ему о своемъ ультиматумѣ, посланномъ имъ молодому рыцарю и обязывавшемъ послѣдняго откормить вороныхъ. Затѣмъ двусмысленно спросилъ Герзе, готовъ ли онъ отправиться съ нимъ

въ Тронкенбургъ за юнкеромъ и поучить его кнутомъ, въ случаѣ если онъ замѣшкается исполненіемъ поставленнаго ему требованія. Смекнувъ слова хозяина, Герзе такъ и зарычалъ: «Хозяинъ, да хоть сегодня же!». Подбросивъ вверхъ свою шапку, работникъ увѣрялъ, что «закажетъ сплести себѣ ремень съ десятью узлами, чтобы выучить юнкера чистить скребницей лошадей».

Послѣ этого отвѣта Кольгаасъ продалъ домъ, отослалъ дѣтей за границу, при наступленіи ночи призвалъ также и остальныхъ семерыхъ своихъ работниковъ, преданныхъ ему, какъ собаки, вооружилъ ихъ, посадилъ на коней и двинулся съ ними въ Тронкенбургъ.

Съ этой-то малочисленной кучкой и ворвался онъ въ замокъ при наступленіи третьей ночи, сбивъ съ ногъ таможеннаго сторожа и караульнаго у воротъ, бесѣдовавшихъ другъ съ другомъ подъ воротами.

Среди внезапнаго треска подожженныхъ ими строеній, въ районѣ замка, Герзе кинулся по винтовой лѣстницѣ на башню и съ ударами и пинками набросился на кастеляна и управляющаго, сидѣвшихъ полураздѣтыми за карточной игрой. Тѣмъ временемъ Кольгаасъ устремился въ замокъ къ юнкеру. И вотъ ангелъ суда ниспустился съ неба. Какъ разъ въ этотъ моментъ, среди гомерическаго хохота, юнкеръ читалъ вслухъ компаніи собравшихся у него пріятелей приговоръ, присланный ему Кольгаасомъ. Не успѣлъ онъ хорошенько разслушать голосъ послѣдняго, раздавшійся во дворѣ, какъ, покрывшись мертвенной блѣдностью, поспѣшно крикнулъ: «Ну, братцы, спасайтесь!» и самъ исчезъ. Схвативъ за грудь попавшагося ему на встрѣчу юнкера Ганса фонъ-Тронка, Кольгаасъ швырнулъ его въ уголъ зала съ такой силой, что у несчастнаго мозги разлетѣлись о камни. Пока работники его одолѣвали остальныхъ рыцарей, взявшихся за оружіе, барышникъ допытывался: гдѣ же находится юнкеръ Венцель фонъ-Тронка? Оторопѣвшая компанія ничего не могла ему отвѣтить, и онъ въ ярости пинками выломалъ двери въ двухъ комнатахъ, которыя вели въ боковые флигели замка. Исколесивъ все обширное зданіе по всѣмъ направленіямъ и не найдя тамъ никого, онъ съ проклятіями спустился во дворъ и велѣлъ оберегать выходы. Между тѣмъ отъ пожара строеній занялся замокъ съ боковыми своими постройками, вознося къ небу большіе клубы дыма. Штернбальдъ вмѣстѣ съ тремя усердными работниками тащили все, что только оказывалось не укрѣпленнымъ желѣзными заклепками или гвоздями, и сваливали въ кучу около лошадей, подготовляя себѣ славную добычу. Въ это время изъ открытаго окна башни, при громкомъ радостномъ возгласѣ Герзе, вылетѣли тѣла кастеляна и управляющаго вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми.

Спускаясь съ лѣстницы замка, Кольгаасъ встрѣтилъ старую, страдавшую ломотой ключницу, которая вела у юнкера хозяйство.

Старуха бросилась барышнику въ ноги. Пріостановившись на ступенькѣ лѣстницы, онъ спросилъ у нея о мѣстѣ укрывательства юнкера Венцеля фонъ-Тронка. Слабымъ дрожащимъ голосомъ высказала она ему свое предположеніе, нѣтъ ли его въ капеллѣ. Кольгаасъ крикнулъ двухъ работниковъ съ факелами и, за неимѣніемъ ключей, распорядился открыть входъ въ церковь ломами и топорами. Перевернувъ вверхъ дномъ весь алтарь и скамьи, барышникъ, къ величайшему своему огорченію, юнкера тамъ не нашелъ.

Выходя изъ капеллы, онъ наткнулся на одного молодаго прислужника изъ Тронкенбургской дворни, который бѣжалъ мимо, спѣша вывести боеваго коня своего господина изъ отдаленной каменной конюшни, которой угрожало пламя пожара. Какъ разъ въ этотъ моментъ Кольгаасу бросились въ глаза обѣ его лошади, стоявшія въ небольшомъ сараѣ, съ соломенной крышей, и онъ спросилъ Тронкенбургскаго прислужника, отчего онъ не спасаетъ вороныхъ. Сунувъ ключъ въ дверь конюшни, тотъ отвѣчалъ, что сарай де ужъ объятъ пламенемъ. Тогда Кольгаасъ, съ силою рванувъ ключъ изъ двери конюшни, перекинулъ его по ту сторону стѣны, затѣмъ, подгоняя слугу юнкера, словно градъ, сыпавшимися на него плоскими ударами рапиры, загналъ его въ горѣвшій сарай и среди страшнаго хохота окружающихъ заставилъ спасать вороныхъ. Прислужникъ побѣлѣлъ отъ страха. Сарай рухнулъ, всего нѣсколько мгновеній спустя послѣ того, какъ онъ вышелъ оттуда, ведя подъ уздцы лошадей Кольгааса, но послѣдняго уже не было. Молодой слуга отправился на площадь, куда собралась и остальная прислуга, и обратился къ барышнику съ вопросомъ, куда же ему теперь дѣвать лошадей. Но тотъ упорно повертывалъ къ нему спину. Наконецъ, съ мрачнымъ видомъ занесъ онъ ногу, рискуя, оступившись, поплатиться жизнью, и вскочилъ на своего каряго, такъ-таки и не отвѣтивъ прислужнику ни слова. Затѣмъ, помѣстившись подъ воротами замка, Кольгаасъ, молча, сталъ дожидаться разсвѣта, между тѣмъ какъ работники его продолжали начатое ими дѣло. Къ утру весь замокъ до самыхъ стѣнъ сгорѣлъ, причемъ, кромѣ Кольгааса и его работниковъ, тамъ никого не оставалось. Онъ сошелъ съ лошади и при яркомъ свѣтѣ солнца еще разъ обыскалъ всѣ уголки площади, освѣщенные лучами дневнаго свѣтила. Тяжко было ему убѣдиться, что нападеніе его на замокъ оказалось неудачнымъ. Удрученный душевной скорбью и горемъ, рѣшилъ онъ послѣ того отправить Герзе съ нѣсколькими работниками на развѣдки насчетъ направленія, избраннаго юнкеромъ при его бѣгствѣ.

Въ особенности безпокоилъ его одинъ женскій монастырь, по имени Эрлабруннъ, на берегу Мульды, настоятельница котораго, Антонія фонъ-Тронка, слыла за благочестивую, святую женщину.

стр.

XIII. Заграничныя историческія новости 741

XIV. Изъ прошлаго 749

Бой русскихъ съ турками въ г. Бѣлгородѣ. **А. Т.**

XV. Смѣсь 752

1) Двадцатипятилѣтіе общества Краснаго Креста. — 2) Двадцатипятилѣтіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства. — 3) Пятидесятилѣтній юбилей В. А. Дашкова.— 4) Памятникъ женщинамъ въ Севастополѣ. — 5) Археологическія находки въ Рязани.—6) Открытіе подземелья въ Москвѣ.—7) Могила въ Митавѣ.— 8) Какъ мы хранимъ наши памятники.—9) Русская могила на Сенъ-Готардѣ.— 10) Некрологи: Е. Ѳ. Заринъ; Э. А. Ханъ; А. Д. Сатинъ; М. И. Бабиковъ; К. А. Тарновскій.

XVI. Замѣтки и поправки 758

По поводу отчета г. Павленкова о книжномъ дѣлѣ въ Россіи. **А. Лугановскаго.**

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **А. А. Алексѣева.**—2) Въ поискахъ правосудія. (Изъ нѣмецкаго быта XVI вѣка). Историческая повѣсть **Клейста** (Michael Kohlhaas). Переводъ съ нѣмецкаго. I. — 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13